

Одинокая держава

Почему Россия не стала Западом *и* почему России трудно с Западом

Московский Центр Карнеги

Лилия Шевцова

Одинокая держава

Почему Россия не стала Западом *и* почему России трудно с Западом

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ
CARNEGIE ENDOWMENT

FOR INTERNATIONAL PEACE

Москва
РОССПЭН
2010

УДК 94(470+571)
ББК 63.3(2)6-6
ШЗ7

*Рецензент доктор философских наук,
профессор И. М. Клямкин*

The Lonely Power. Why Russia Has Not Become the West and Why the West Is Difficult for Russia

Электронная версия: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books>

Книга подготовлена в рамках программы, осуществляемой некоммерческой неправительственной исследовательской организацией — Московским Центром Карнеги при поддержке благотворительного фонда Carnegie Corporation of New York.

В книге отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Шевцова Л.

ШЗ7 Одинокая держава: Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом / Шевцова Л.; Моск. Центр Карнеги. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. — 272 с.

ISBN 978-5-8243-1274-4

Книга представляет собой полемические заметки о поведении России на международной арене, целях российской внешней политики, отношениях России и Запада и отношении России к новым независимым государствам. Автор рассматривает международную активность российской власти с точки зрения того, насколько она соответствует потребностям трансформации России.

УДК 94(470+571)
ББК 63.3(2)6-6

ISBN 978-5-8243-1274-4

© Carnegie Endowment for International Peace, 2010
© Российская политическая энциклопедия, 2010

Об авторе

Лилия Федоровна Шевцова — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Фонда Карнеги за Международный Мир, председатель программы «Российская внутренняя политика и политические институты». С 1997 г. профессор Московского государственного института международных отношений, с 2004 г. ведущий исследователь Королевского института международных отношений (Чатэм Хаус), Лондон.

Содержание

Обращение к читателю	11
Введение	15
1. Распад СССР: не ожидали и не были готовы	17
2. Запад смотрит на Ельцина с опаской	20
3. Помогать или выжидать?	23
4. Клинтон разворачивает Запад	27
5. Помочь другу Борису любой ценой	30
6. Диктат Вашингтона или диктат Москвы?	33
7. Моменты истины для России	36
8. Как началось разочарование в России, и за что американские республиканцы атаковали американских демократов	38
9. Доноры не устояли перед искушением	41
10. Итоги 90-х гг.: кто виноват?	43
11. Приход Путина и его западный проект	48
12. Надежды, которые опять не сбылись	52
13. Быть с Западом и против Запада	55
14. Как российская элита использует Запад в своих целях	61
15. Как Россию унизили	70
16. А теперь подискутируем	73
17. Америка — как точка отсчета и как повод для самоутверждения	84
18. Кто сорвал модернизацию?	89
19. О том, как совместить несовместимое, и о том, кто такие «мы»	93
20. Испытание НАТО и Косово	97
21. Но все же угрожает ли НАТО России?	100
22. Какие еще гадости приготовил России Запад	104
23. Для чего Москва использовала Балканы	109
24. Поторгуемся!	113
25. Украина — как вежа	116
26. А выход где?	122

27.	Будем считать боеголовки	128
28.	Что разделяет Россию и Запад сегодня?	134
29.	Чего лучше было бы не делать	140
30.	Западные «охранители»	143
31.	Как серьезный Запад смотрит на Россию	148
32.	Реалисты против интернационалистов-идеалистов	155
33.	Может ли Россия стать самостоятельной цивилизацией и что такое вмешательство во внутренние дела	163
34.	Почему «там» не хотят раздражать Кремль?	166
35.	О том, как «старая» Европа отказалась от своей миссии и как «новая» Европа пытается ее возродить	169
36.	Переосмысление началось	178
37.	Киссинджер versus Бжезинский	184
38.	Что значит для Запада помощь окружающему миру	189
39.	Альтруизм и прагматизм	193
40.	На что идут американские деньги	199
41.	Кому помогает Европа?	204
42.	Западные неправительственные доноры	207
43.	Правящий тандем Медведев–Путин и его испытание внешней политикой	213
44.	Кремль начинает восстанавливать мосты с Западом	220
45.	Фактор Обамы и идея «перезагрузки»	229
46.	Что такое смотреть на Россию «правильно»	237
47.	Проблема власти — как сохранить власть	247
48.	Можно ли обновить Россию, оставив все, как есть	257
49.	Чего хочет либеральная Россия?	261
	Summary	267
	О Фонде Карнеги	268

Contents

Preface	11
Introduction	15
1. Disintegration of the USSR: No one saw it coming and no one was prepared . .	17
2. The West takes a wary view of Yeltsin	20
3. To help, or to wait?	23
4. Clinton turns the West around	27
5. Help our friend Boris, whatever the cost	30
6. Washington's diktat or Moscow's diktat?	33
7. Russia's moments of truth	36
8. Where the disappointment in Russia began, and why the American Republicans attacked the American Democrats	38
9. Donors failed to resist the temptation	41
10. The results of the 1990s: who is to blame?	43
11. Putin's arrival in power and his Western project	48
12. Hopes that did not come true, again	52
13. To be with and against the West	55
14. How the Russian elite uses the West for its own purposes	61
15. How Russia was humiliated	70
16. And now, let's discuss	73
17. America as a departure point and pretext for self-affirmation	84
18. Who derailed the modernization project?	89
19. How to combine the incompatible, and who are "we"	93
20. NATO's test and Kosovo	97
21. Is NATO really a threat to Russia?	100
22. What other nasty surprises does the West have in store for Russia?	104
23. For what purposes has Moscow used the Balkans?	109
24. Time to bargain!	113
25. Ukraine as a milestone	116

26.	Where is the way out?	122
27.	Let's count warheads	128
28.	What divides Russia and the West today?	134
29.	What should not have been done?	140
30.	Western "guardians"	143
31.	How the serious West views Russia	148
32.	Realists versus internationalists-idealists	155
33.	Can Russia become an independent civilization, and what constitutes intrusion into domestic affairs	163
34.	Why does the West not want to irritate the Kremlin?	166
35.	How "old" Europe has abandoned its mission, while "new" Europe tries to revive it	169
36.	Rethinking has begun	178
37.	Kissinger vs. Brzezinski	184
38.	What helping the rest of the world means to the West	189
39.	Altruism and pragmatism	193
40.	How America's money is spent	199
41.	Whom does Europe help?	204
42.	Western non-governmental donors	207
43.	The ruling Medvedev-Putin tandem and its foreign policy test	213
44.	The Kremlin begins rebuilding bridges to the West	220
45.	The Obama factor and the idea of the "reset"	229
46.	What is to get Russia "right"	237
47.	The power question: how to hold onto power	247
48.	Can Russia be renovated	257
49.	What does liberal Russia want?	261
	Summary	267
	About the Carnegie Endowment	268

Перед вами полемические заметки. Толчком к их написанию стали накапливающиеся вопросы о поведении России на международной арене, о целях российской внешней политики, об отношениях России и Запада и отношении России к новым независимым государствам. На эти темы пишут много и охотно, но в основном с точки зрения баланса сил, интересов безопасности и размена фигурами на мировой шахматной доске. Однако если вдуматься, то оказывается, что логика и инструментарий из сферы международных отношений и геополитики многого не объясняет. Так, эта логика не дает ответа на вопрос: почему Россия на мировой сцене так часто действует вопреки здравому смыслу? Примеры? Сколько угодно. Вот только некоторые. За последние два года российская правящая команда не предприняла ничего, чтобы предотвратить нарастание кризиса в отношениях с Западом. Москва, напротив, делала все, чтобы углубить этот кризис, решившись на открытое политическое противостояние с США и откровенно игнорируя Европу. К концу путинского президентства в отношениях России и западных государств накопилось, пожалуй, больше недоверия, чем на завершающем этапе существования Советского Союза. Чего Москва добилась, демонстрируя Западу свои мускулы, — уважения со стороны западных столиц, расширения своего влияния на окружающий мир, решения проблем своей трансформации? Нет, нет и нет. Попытки объяснить эту ситуацию через демонстрацию комплексов: Россию-де унизили, а затем она решила «встать с колен», вызвав недовольство ведущих западных игроков, — не только не объясняют действия Москвы, но заставляют задуматься о ментальности и психологическом состоянии российской политической элиты.

Вот еще несколько вопросов, нуждающихся в осмыслении. Зачем Москва провоцировала «газовые войны» с Украиной, которые привели к тому, что Европа начала искать альтернативные источники энергоресурсов? Какие российские проблемы помогла решить война с Грузией и признание Москвой независимости Южной Осетии и Абхазии? Зачем делать из НАТО врага, если и в самом Кремле понимают, что НАТО ничем не угрожает безопасности России? Почему подавляющая часть российской элиты продолжает смотреть на Запад как на противника,

даже не пытаясь превратить Запад в фактор своей модернизации? Наконец, насколько вероятна «перезагрузка» отношений с Америкой и Западом в целом, если антизападничество остается ключевым фактором консолидации российского общества? И можно ли перейти к сотрудничеству с Западом, не выяснив причин недавнего кризиса в отношениях с ним? Этот ряд вопросов можно продолжать. Если попытаться ответить на них, обратившись к внутренним источникам внешней политики и рассматривая ее как фактор воспроизводства российской системы, многое становится яснее.

Я приглашаю читателя подумать, в какой степени поведение российской политической элиты на международной сцене облегчает либо осложняет российские реформы и решение насущных для России проблем. Предлагаю читателю рассматривать каждый внешнеполитический шаг российской власти исходя из того, соответствует ли он потребностям модернизации страны либо же, напротив, задачам сохранения статус-кво, который в наших условиях означает стагнацию. В этом случае станет ясно, чьи интересы обслуживает российская внешняя политика — национально-государственные интересы России либо интересы ее правящего слоя.

Я много цитирую в этой книге: и российских, и зарубежных авторов, и экспертов, и политиков. Мне хотелось бы показать содержание и направленность нынешней дискуссии о России и ее роли в мире. Я много спорю, в том числе и со своими коллегами и порой даже с друзьями. Но спорю не ради спора. Мне важно понять проблему, а дружеская и конструктивная полемика приближает к пониманию гораздо быстрее, чем вежливое согласие или показное единомыслие.

Эти заметки ни в коей мере не претендуют на то, что они «закроют тему». Совсем напротив, это приглашение начать дискуссию о вопросах, которые нуждаются в обсуждении.

Я благодарна своим друзьям и коллегам, беседы с которыми были для меня исключительно важны в ходе написания этих заметок. Хочу выразить особую признательность моему другу и соавтору работ о российском политическом режиме Игорю Клямкину, мысли и книги которого оказали влияние на мое восприятие обсуждаемых проблем. Выражаю искреннюю благодарность Роуз Геттемюллер, Джеймсу Коллинзу, Анджеле Стент, Строубу Тэлботту, Арнольду Горелику, Дэвиду Крамеру, Евгению Ясину, Дмитрию Тренину, Николаю Петрову, Андрею Илларионову, Андрею Пионтковскому, Андрею КОРТУНОВУ, Андрею Загорскому, Андрею Рябову, Томасу Карозерсу, Рональду Асмусу, Саре Мендельсон, Стивену Сестановичу, Стивену Пайферу, Андерсу Ослунду, Эндрю Качинсу, Александру Смолару, Терезе Делпеш, Эндрю Вуду, Родерику Лайну, Роберту Нурику, Юджину Румеру, Блэру Рублу, Леону Арону, Майклу Мандельбауму, Марку Медишу, Роберту Легволду, Гейл Лапидус, Генриху Фогелю, Вольфгангу Эйхведе, Джеймсу Шерру, Джеймсу Голдгайеру, Мари Мендрас. Все они помогли мне в моей работе своими размышлениями, книгами и статьями.

Выражаю признательность моей коллеге Наталии Бубновой, без инициативы и энергичной поддержки которой мои заметки никогда бы не приняли форму книги.

Я благодарна Веронике Лавриковой, которая взяла на себя труд по подготовке рукописи к публикации. Выражаю признательность издательству «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН) за сотрудничество.

Благодарю художника Андрея Шелютто, который нашел графическую форму для образа Одинокой Державы.

В истории новой России было несколько вех, каждая из которых начинала новый этап ее развития. 1991 г. стал не только годом рождения посткоммунистической России, но и годом упущенного шанса создать в России демократическое государство. 1993 г. был годом принятия ельцинской конституции, которая создала каркас новой персоналистской власти. 1996 г. запомнится победой Ельцина на контролируемых выборах, послуживших зародышем имитационной демократии. 2003 г. ознаменовал поворот к бюрократическому капитализму, символом которого был разгром «ЮКОСа». 2004 г. и «оранжевая революция» в Украине ускорили возврат России к державнической матрице. Наконец, 2008 г. стал годом открытого противостояния России и Запада*. Завершился важный исторический цикл в жизни России, который начала перестройка Михаила Горбачева и в ходе которого Россия пыталась интегрироваться в сообщество либеральных демократий.

Все демократические трансформации после Второй мировой войны были успешны только тогда, когда они становились результатом созревания их внутренних предпосылок. Но в то же время ни одна трансформация не состоялась без влияния западной цивилизации. В одних случаях Запад оказывал опосредованное влияние на дегерметизацию авторитарных и тоталитарных обществ самим фактом своего существования. Но даже тогда вовлечение переходных обществ в западную орбиту и их экономические связи с развитыми демократиями стали ключевым фактором консолидации их новых систем, как это произошло в Латинской Америке, Южной Корее и на Тайване. Иногда западное сообщество оказывало непосредственное давление на диктатуры, как это происходило в Португалии, Греции, Южно-Африканской Республике и целом ряде стран Азии и Латинской Америки. Наиболее успешными были те трансформации, когда Запад становился непосредственным фактором вну-

* В данном контексте я рассматриваю Запад как цивилизацию, т. е. сообщество государств, которые упорядочивают себя на основе либерально-демократических принципов. Отношения России и Запада меня интересуют прежде всего с точки зрения норм и принципов и того, как западная либеральная цивилизация может облегчить российскую трансформацию.

тренней жизни выходящих из тоталитаризма и авторитаризма государств. Это произошло в поверженных Германии и Японии, затем в странах Южной Европы, а впоследствии в бывших коммунистических государствах Центральной и Юго-Восточной Европы и странах Балтии. Включение переходных европейских обществ в НАТО и ЕС стало гарантией их либеральных и демократических преобразований. В этом случае Запад принял на себя роль как внешнего, так и внутреннего фактора их реформирования.

Для России Запад в 90-е гг. XX в. был не только ориентиром движения, но и участником процесса трансформации. Сегодня Запад в восприятии самых разных политических и общественных сил в России вызывает скептическое отношение либо даже отторжение. Такая реакция со стороны традиционалистских кругов понятна. Но критическое отношение к западному политическому сообществу и его роли в российских реформах со стороны российских правозащитников и либералов (а также их подозрительное отношение к Западу и его намерениям в целом) заставляет задуматься. Впрочем, и Запад больше не проявляет к России теплых чувств и лишь пытается уйти от того, чтобы назвать вещи своими именами, опасаясь, что это вызовет очередную волну похолодания в отношениях с Россией. Вежливые улыбки в западных столицах при появлении российских лидеров, призывы к «перезагрузке» отношений с Москвой никого не могут обмануть: Россия и Запад сегодня отстоят друг от друга дальше, чем когда-либо с момента горбачевской перестройки.

В этой связи возникает ряд вопросов: какую роль сыграл Запад в российской трансформации? Как внутренняя эволюция России влияет на ее отношения с Западом? Что думают о России и Западе российские и западные наблюдатели? Какова может быть либеральная интерпретация отношений России и Запада? Давайте поразмышляем, как цивилизационный фактор, т. е. способ упорядочивания власти и общества, нормы и принципы влияют на отношения России и Запада и как эти отношения облегчают либо осложняют российские реформы.

Распад СССР: не ожидали и не были готовы

Обвал Советского Союза и мировой системы социализма оказался для Запада, который долгие десятилетия пытался ослабить своего противника, полной неожиданностью. По иронии судьбы ведущие западные лидеры: Буш-старший, Миттеран, Коль и Мэйджор — в последние годы существования СССР начали лихорадочно размышлять о том, как предотвратить его распад. Все они, и особенно американская администрация, опасались, что Михаил Горбачев потеряет контроль над ядерной сверхдержавой. Госсекретарь Джеймс Бейкер открыто призывал США сделать все, чтобы «укрепить центр», т. е. власть Горбачева. Единственным человеком в тогдашней администрации Буша-старшего, который приветствовал распад СССР, был министр обороны Дик Чейни. В августе 1991 г. Джордж Буш выступил в Киеве с наделавшей много шума речью, в которой он заявил украинцам, уже поддержавшим независимость Украины, что свобода — это не то же самое, что независимость, и американцы не поддержат тех, кто ищет независимости для того, чтобы поменять тиранию на «местный деспотизм». Советник по национальной безопасности Буша-старшего Brent Scowcroft так объяснял поведение Америки в конце 80-х — начале 90-х гг.: «Мы пытались избежать жесткой реакции Советского Союза (на возможную оттепель в Восточной Европе. — Л. Ш.) и одновременно внутреннего обвала в самом СССР, в ходе которого традиционалисты могли сбросить Горбачева из-за того, что он не был достаточно авторитарным. Такова была суть нашей политики в отношении Советского Союза в те годы»¹.

Опасения по поводу распада СССР и мировой системы социализма были понятны: Запад приспособился к сосуществованию с противником в рамках взаимного сдерживания. Уход со сцены СССР нес непредсказуемость, и западные лидеры не были к ней готовы. Тем более что речь шла о надвигающемся распаде ядерной державы. Вплоть до конца существования СССР Запад продолжал делать ставку на Михаила Горбачева, не желая идти на переговоры с Борисом Ельциным. Последнему в западных столицах не доверяли, и он там не вызывал симпатий.

1 Brzezinski Z. and Scowcroft B. *America and the World, Conversations on the Future of American Foreign Policy*. Basic Books, New York, 2008. P. 158.

В то же время западные лидеры не были готовы помочь Горбачеву, когда началась дезинтеграция Советского Союза. Только Германия предоставила СССР помощь в качестве платы за вывод войск и согласие Москвы на объединение западных и восточных немецких земель. Остальные западные страны протягивать руку Горбачеву не собирались. Начавшийся в СССР кризис они пытались использовать для того, чтобы заполнить вакуум силы, возникший в результате распада мировой системы коммунизма. Создавалось впечатление, что западных лидеров вполне устраивал ослабленный, потерявший агрессивность Советский Союз — в его трансформацию они не верили.

Хотя на Западе не могли не понимать, что долго в позиции стояния на одной ноге над обрывом СССР не удержится — и что тогда? Запад с беспокойством наблюдал, как рушилась враждебная империя, но не знал, что предпринять, и не хотел над этим задумываться. Горбачев в отчаянии слал свои SOS в западные столицы с просьбой о кредитах. Западные лидеры лишь выслушивали его и говорили: «Дайте обоснование, расскажите нам, что вы намерены предпринимать и на что тратить деньги»².

Когда в 1990 г. Григорий Явлинский приехал в США искать помощи для СССР, предложив идею «Большой сделки», то вместо поддержки встретил там вежливую сдержанность и попытки уйти от обсуждения темы. «Вы не можете компенсировать деньгами отсутствие у вас основ новой системы, — говорили скептики из американской администрации. — Мы не намерены помогать вам оживить то, что загнивает». Получался замкнутый круг: Запад боялся и не хотел падения СССР, но и не был готов вложиться ни в его сохранение, ни в его реформирование.

В июле 1991 г., когда экономическое положение СССР стало критическим, Горбачев отправился в Лондон на встречу «Семерки». Это был первый случай, когда советский лидер был приглашен на саммит мировых грандов. Как впоследствии вспоминал пресс-секретарь Горбачева Андрей Грачев, с ним «обошлись как с просителем, любезно, но безразлично». Горбачев «не тронул сердца прагматических членов “Семерки”»³. Сам Михаил Горбачев, когда я его спросила о том саммите «Семь плюс один», ответил: «Я не просил безвозмездной помощи. О плане Маршалла и речи не было. Мы говорили о кредитах на вполне определенных условиях. И некоторые из западных лидеров были готовы пойти на такой экстренный пакет помощи. Так, Миттеран выступил горячо и эмоционально в нашу поддержку. Но потом взял слово Буш и заявил, что перестройка — это некредитоспособное предприятие и нет необходимости говорить на эту тему»^{*}.

2 Дмитрий Саймс признает: «США относились к Горбачеву с уважением, но не делали ему уступок за счет американских интересов. Вашингтон быстро отверг его отчаянные просьбы массивированной экономической помощи, потому что для США не было резона помогать в спасении Советской империи». См.: Simes D. Losing Russia // Foreign Affairs, November — December, 2007, <http://www.foreignaffaires.org>

3 Грачев А. Горбачев. М.: Вагриус, 2001. С. 360.

* Здесь и далее цитаты без сносок взяты из моих личных бесед.

Вот так закончилась тогда миссия Горбачева. Запад перестал верить в перестройку и не имел четкой позиции относительно того, как относиться к начавшемуся развалу СССР. Буш-старший со своими коллегами по клубу западных демократий выжидали.

Правда, усилившийся страх перед последствиями начавшегося обвала СССР все же заставил западных лидеров открыть кошельки. После колебаний и споров, под давлением Германии и Франции, «Семерка» решила выделить СССР займы в размере 11 млрд долл. Но эта помощь начала приходить в Москву в конце 1991 — начале 1992 г. и досталась уже ельцинской команде.

Многие на Западе восприняли уход Горбачева и СССР с сожалением, а на новых людей из российской команды, заполнивших кремлевские кабинеты, глядели скорее настороженно. Неожиданно лишившись противника, Запад не был готов помогать и новой России. Вот что писал Збигнев Бжезинский, анализируя состояние умов в западных столицах в момент, когда началось падение коммунизма: «Когда началась трансформация (России. — Л. Ш.) не было никакой модели, не было концепции, которая бы помогла ответить на этот вызов. В экономической теории имелись некоторые представления о якобы неизбежной трансформации капитализма в социализм. Но не было теории, которая бы говорила о том, как осуществить трансформацию централизованных систем в плюралистические демократии рыночного типа... Запад, застигнутый врасплох дезинтеграцией коммунизма, не был готов к участию в решении сложнейшей задачи трансформации систем советского типа»⁴. А вот еще одно мнение, принадлежащее американскому наблюдателю Элиоту Коэну: «В конце “холодной войны” США неожиданно оказались в ситуации, когда у них были огромная мощь и влияние, но, в отличие от 1947—1948 гг., у них не было идеи, как их можно было использовать»⁵. Только когда стало очевидно, что распад СССР неизбежен, западные лидеры, как будто вдруг очнувшись, начали пытаться предотвратить его катастрофические последствия, думая прежде всего о контроле над ядерным оружием. Как поступать в отношении России дальше, западное сообщество не знало. Так что те, кто обвиняет Запад в попытках ускорить развал СССР в конце 80-х — начале 90-х гг., не имеют понятия о том, что происходило в реальности. На самом деле Запад боялся развала СССР больше, чем советская элита, которая разваливала Союз.

4 Russia in the National Interest, ed. by Gvozdev N. New Brunswick; London, 2004. P. 31

5 Fukuyama F. America at the Crossroads. Democracy, Power and the Neoconservative Legacy. New Haven, Yale University press, 2007. P. 162.

Запад смотрит на Ельцина с опаской

Новая Россия с первых дней своего существования ожидала от Запада объятий и помощи. В 1991—1992 гг. одним из популярных мотивов в дискуссиях среди российского политического и интеллектуального сообщества была идея плана Маршалла для России⁶. Однако мало кто из сторонников этой идеи видел противоречие между решением России сохранить преемственность с СССР и место великой державы в Совете безопасности, с одной стороны, и стремлением получить от Запада помощь, которая ставила Россию в ряд разрушенных стран послевоенной Европы, с другой. Российская элита отчаянно пыталась остановить приближающийся экономический крах, не задумываясь ни о политических нюансах, ни, тем более, о новом для себя международном формате. По крайней мере, в одном среди российского политического класса не было сомнений: Запад должен заплатить России за отказ от конфронтации. «Россия, прекратив противостояние с Западом, сэкономила ему немало средств, — говорили российские политики. — Почему бы Западу не потратить некоторую их часть на поддержку России?»

Идея плана Маршалла для России, однако, не нашла отзвука в Вашингтоне — США не стали рассматривать вопрос о программе возрождения для посткоммунистической России. Правда, даже если бы Америка и решилась на такую помощь, гарантий того, что она могла бы помочь российским реформам, не было. Аналогичный план содействия Латинской Америке, принятый по инициативе Джона Кеннеди в 1961 г. («Союз во имя прогресса»), так и не стал стимулом к модернизации этого континента. Не менее важно было другое: если в 40-е гг. у США был интерес к подъему Европы, а также послевоенных Германии и Японии, то в 90-е гг. у Вашингтона аналогичного стремления по отношению к СССР либо к России не ощущалось. В свою очередь, российские сторонники плана Маршалла не учитывали того, что основным условием его принятия было ограничение суверенитета госу-

⁶ План Маршалла (European Recovery Program — «Программа восстановления Европы») — программа помощи Европе после Второй мировой войны, была выдвинута США в 1947 г. В осуществлении плана участвовали 17 европейских стран (включая Западную Германию). Общая сумма помощи, которая была предоставлена США Европе, составила 100 млрд долл. (по теперешним ценам — больше 700 млрд).

дарств — получателей помощи. Россия к сценарию, который бы означал внешнее управление страной со стороны Запада, готова не была.

Между тем западное сообщество раскололось. Одни западные политики остались на позиции баланса сил, считая, что поведение страны на мировой сцене не зависит от политического режима, а потому и не нужно тратить ресурсы на поддержку российских реформ. Другие, напротив, полагали, что пришла пора помочь России, ибо с рыночной и демократической страной будет легче иметь дело. Но и те, кто стремился содействовать российским реформам, не знали, как это сделать. В 1991 г. и в начале 1992 г., т. е. в решающий момент для посткоммунистической России, Запад был готов помочь ей только в обеспечении контроля за ядерным потенциалом и смягчении болезненности распада СССР за счет гуманитарной помощи. Свою основную задачу западные лидеры видели в обеспечении нового мирового порядка, который начал возникать после падения СССР. Об интеграции России в этот порядок никто в тот момент не размышлял. Будущая роль России в мировой системе и ее возможная интеграция «в Запад» были большим вопросом. Сама Россия поспешила занять в Совбезе место СССР. Но никто не знал, какие формы приобретет эта преемственность. В России не было никого, кто был бы готов размышлять о характере преемственности некоммунистической России и коммунистической сверхдержавы.

Застигнутые врасплох лавиной событий, западные лидеры понятия не имели, о чем говорить с Ельциным. Вот что в своих мемуарах писал премьер Великобритании Джон Мейджор: «Некоторые из наших европейских партнеров, так долго опасавшиеся России, были малочувствительны к ее судьбе. Когда Борис Ельцин обедал с лидерами “Семерки” либо Европейского Союза, главы других государств его нередко выспрашивали, как он решает экономические проблемы. Между тем эти лидеры никогда бы в своих странах не приняли те решения, которые они предлагали Ельцину. Я ощущал, что все это было проявлением и плохой политики, и неэтичного поведения»⁷. Для того, чтобы реально помочь России, необходимо было единение Запада на основе признания того, что трансформация России и бывшего советского пространства является его новой миссией. Тем временем распад СССР и уход в небытие политического противника стал и толчком к дезинтеграции западного сообщества, которое перестало рассматривать Россию в качестве приоритета и переключилось на другие проблемы. Егор Гайдар, вспоминая реакцию западных политических кругов на Россию, признавал: «Первоначальное отношение к российским экономическим реформам в западной политико-финансовой элите было весьма настороженным и прохладным»⁸. Шведский экономист Андерс Ослунд был еще более категоричен: «Ведущие силы Запада не оказали России

7 Major J. The Autobiography, HarperCollins/Publishers, London, 1999. P. 501-502.

8 Гайдар рассказывал, что многое для того, чтобы растопить лед недоверия к новой правящей команде, пришедшей на смену Горбачеву, сделали тогда два посла — посол Великобритании в России Родерик Брейтвейт и посол США в России Роберт Страус. См.: Гайдар Е. Дни поражений и побед. М.: Вагриус, 1999. С. 168.

необходимой финансовой помощи, когда... Россия приступила к экономической стабилизации»⁹.

Запад настороженно смотрел и на новую российскую элиту, и на планы российских реформаторов. Многие зависело от того, какую линию в отношении России изберет США — единственная страна, которая могла сплотить Запад вокруг новой глобальной миссии. Буш-старший остался верен политике «реализма», т. е. политике опоры на интересы и баланс сил, демонстрируя полное отсутствие интереса к внутренним процессам в России. Правда, Вашингтон все же открыл несколько каналов помощи России и новым независимым государствам. Но сама помощь была ограниченной и скорее могла рассматриваться как проявление политической корректности: нужно было проявить участие и как-то помочь бывшему противнику. Американские исследователи Джеймс Голдгайер и Дерек Шоллет писали, пытаясь объяснить позицию Вашингтона: «Буш и его советники понимали, что у США должна была быть заинтересованность в успешной трансформации России, но у них не было идей относительно того, как ей содействовать»¹⁰. Буш-старший ушел с политической сцены, оставив о себе память как о лидере, который не только не знал, как помочь России в момент исторического перелома, но и не решил, стоит ли ей помогать.

9 Ослунд А. Россия: Рождение рыночной экономики, М.: Изд-во Республика, 1996. С. 381.
10 Shollet D., Goldgeier J. America between the Wars, Public Affaires, New York, 2008. P. 118.

Помогать или выжидать?

В начале 1992 г. на мировой сцене появились несколько политиков, которые призвали Запад обратить внимание на Россию. Первым был Гельмут Коль, который, видимо, полагал, что после того, как Москва согласилась на объединение Германии, западный мир должен был прийти России на помощь в трудный для нее период. Впоследствии ельцинские советники вспоминали, что он был первым из западных лидеров того поколения, которые еще общались с Горбачевым и были с Горбачевым на «ты», кто перешел на «ты» с Ельциным. Коль был первым, кто не только начал обращаться к Ельцину по имени, но и стал для друга Бориса проводником в элитный клуб мировых держав¹¹.

Вторым политиком, который в 1991 г. начал лоббировать интересы России, стал британский премьер Джон Мейджор. Именно он самым активным образом поддержал вступление России в Международный валютный фонд и начал уговаривать своих западных коллег из «семерки» предоставить России финансовую помощь. Как сам Мейджор и его соратники признавали впоследствии, Лондону было особенно сложно уговаривать японцев, которые, естественно, подняли вопрос о принадлежности Курильских островов, и американцев, которые продолжали выжидать, не желая раскошелиться.

Но и в США возник активный лоббист помощи России — им совсем неожиданно оказался Ричард Никсон. Республиканец и консерватор стал призывать Америку поддержать новую Россию. Никсон предупредил Вашингтон, что, если реформы в России провалятся, историки будут спрашивать именно у США: «Кто потерял Россию?» В марте 1992 г. Никсон направил Бушу-старшему меморандум, в котором он писал: «Ельцин является самым прозападным лидером в истории России... Какими бы ни были его недостатки, альтернатива новому деспотизму будет гораздо хуже»¹². Это было интересно — Никсон не верил в демократизм Ельцина, но он верил в его прозападную ориентацию. Вскоре на сцену вышел и еще один лоббист России — кандидат в президенты Билл Клинтон, который вы-

11 Эпоха Ельцина. М.: Вагриус, 2001. С. 467.

12 Talbott S. The Russia Hand. Random House, New York, 2002. P. 31.

двинул идею помощи России в качестве одного из лозунгов своей избирательной кампании.

Именно последнее расшевелило Буша-старшего, который 1 апреля 1992 г. поспешил объявить о подготовке для России пакета помощи объемом 24 млрд долл.¹³ Буш-старший не мог позволить Клинтону стать спасителем России. Заявление о выделении помощи России было сделано перед тем, как в Москве Съезд народных депутатов должен был начать очередную атаку на Гайдара. Впрочем, деньги пошли в Россию тогда, когда Гайдар уже покинул правительство, — западные доноры разворачивались медленно.

Андерс Ослунд подсчитал, что США в результате завершения «холодной войны» сэкономили 1,3 трлн долл., в частности за счет сокращения военных расходов и глобального присутствия. В свою очередь, американский политолог Тим Колтон отмечал, что распад СССР позволил США сократить численность своей армии на 30%. Тем не менее с 1993 по 1999 г. американская помощь России не превысила 2,5 долл. на человека. Это составило 1% американского оборонного бюджета в 1996 г., что равнялось одной четвертой стоимости авианосца класса «Нимиц»¹⁴. Словом, раскошелиться на Россию Вашингтон не спешил.

Бывший посол Великобритании в России Родерик Брейтвейт в своей книге «Через Москву-реку» с сожалением писал: «Если бы западные лидеры были решительны, они могли бы воспользоваться искренней симпатией, которую тогда вызывала Россия, и сформировать для нее действительно основательную стабилизационную программу. Эта программа... помогла бы России легче преодолеть те трудности, через которые пришлось пройти рядовым россиянам в последующие годы. Можно услышать аргумент, что в начале 1992 г. эти деньги ушли бы в коррупционные карманы. Но ведь механизмы коррупции возникли позже. А вот западная помощь помогла бы России пройти через самый трудный период»¹⁵. Теперь, спустя годы, так, как Брейтвейт, считает немало представителей западного мира, когда они начинают размышлять, почему все вышло не так, как хотелось...

Поведение западного политического сообщества свидетельствовало о том, что появление новой России было для него сюрпризом, к которому оно не знало, как отнестись. Интеллектуальная и политическая мысль Запада, долгие годы ориентированная на сдерживание СССР, оказалась не готовой к исчезновению политического противника. Западное экспертное сообщество, занимавшееся советологией, не размышляло о постсоветских сценариях и не думало о том, как подготовить западных политиков к идее появления новой России. Тем более оно

13 Большая часть помощи должна была прийти из Европы и Японии. США собирались выделить 5 млрд долл., а МВФ и Мировой банк — 4,5 млрд долл. Основную часть американской помощи составляли связанные кредиты, которые выделялись под обеспечение американского экспорта. Правда, американцы послали в Россию 65 транспортных самолетов, которые доставили помощь на 189 млн долл.

14 Timothy J. Colton, *Yeltsin. A Life*, Basic Books, New York, 2008. P. 129.

15 Braithwaite R. *Across the Moscow River*, Princeton: Yale University Press, 2002. P. 315.

не размышляло о возможных путях ее интеграции в западное пространство. Джим Голдгайер с грустью говорил об «интеллектуальной усталости Запада после “холодной войны”». И действительно, в момент завершения исторической эпохи на Западе налицо были все признаки отсутствия каких-либо интеллектуальных прорывов, по крайней мере в отношении бывшего советского пространства.

Конечно, растерянность Запада была во многом связана и с растерянностью в самой России, с тем, что российский политический класс и российские интеллектуалы сами не понимали, в каком направлении двигаться. Джеймс Коллинз, бывший посол США в России (90-е гг.), вспоминает: «К нам приходили многие люди из российских властных структур и просили: “Посоветуйте нам, что делать”. А что мы могли предложить?» Была и еще причина, которая сдерживала усилия Запада по оказанию содействия России. Вот что говорил по этому поводу ведущий эксперт по вопросам демократизации Томас Карозерс: «После Второй мировой войны Германия и Япония без вопросов были включены в американский мир. Но было непонятно, кому и зачем была нужна сильная Россия». Вот оно что: неверие в то, что новая Россия будет не только антикоммунистической, но и западной по своему взгляду на себя и на мир, во многом объясняло медлительность Запада в критический для России период. Запад не спешил укреплять возможного потенциального соперника и пытался использовать время для переформатирования мирового порядка после обвала СССР. А коль скоро западные элиты не были готовы к смелым решениям, у них оставался один вариант — не раскачивать лодку.

Позиция западного сообщества в 1991—1992 гг. в отношении России была связана и с политикой администрации Буша-старшего. Вашингтон при его президентстве старался обеспечить свои текущие интересы безопасности, мало задумываясь о том, как создать условия для интеграции России в сообщество либеральных демократий.

На первых порах западные правительства сделали акцент на оказание помощи Кремлю в контроле за процессом распада СССР, прежде всего в ядерной сфере. Следующей по значимости задачей для западного сообщества стало оказание гуманитарной помощи российскому населению. Таковы были основные приоритеты в политике западных правительств по отношению к России в начале 90-х гг. Они, как видим, имели компенсирующее значение: в условиях слабости российского государства Запад пытался помочь России сохранить стабильность и предотвратить опасный уже для всего мира коллапс. Одновременно западные лидеры пытались оказать содействие новым независимым государствам в обеспечении их государственности. Этот акцент был понятен: Запад опасался реставрации Российской империи и поставил цель — помочь бывшим советским республикам как можно быстрее обрести атрибуты реальной государственности. На этом Запад остановился, заняв выжидательную позицию: посмотрим, что из этого всего выйдет...

Чего хотела в эти годы российская элита? На первых порах Ельцин стремился к включению России «в Запад». В феврале 1992 г. на саммите с Бушем в Кемп-

Дэвиде Ельцин просил Буша сделать заявление о том, что Россия и США являются союзниками. Буш отказался, заявив, что пока предпочитает использовать в отношениях с Москвой «переходный язык». Ельцин был разочарован, но не отступил и при каждой возможности пытался добиться от Запада и прежде всего от США партнерских отношений. Падение коммунизма и дезориентация (как окажется вскоре — временная) державников и националистов впервые в российской истории создавали возможность для движения России в сторону Запада и включения ее в западные структуры. Но как конкретно интегрировать Россию «в Запад», никто не знал ни в России, ни на Западе.

Для Ельцина и российской элиты западное сообщество было единственной силой, которая могла остановить приближающийся экономический обвал. Сам Ельцин при каждом удобном случае просил у западных лидеров помощи. Правда, признаваться в этом не любил. Позднее Ельцин писал в своих мемуарах: «...Я считаю, что ставить Россию в положение страны, которой оказывают помощь, пытаются за нее решить ее проблемы, ни в коем случае нельзя»¹⁶. На самом деле он обращался к Западу с просьбами о помощи неоднократно и упорно. Но он не попросил Запад об одном — о прощении советских долгов. Советский долг был огромным бременем для едва дышавшей российской экономики: к концу 1993 г. Россия была должна Западу около 119,3 млрд долл., что составляло 43% ее тогдашнего ВВП, и большая часть долга приходилась на Германию (из этой суммы Россия была должна Америке только 2,8 млрд долл.). Впрочем, и западные лидеры в самый драматический момент для новой России — в 1991—1992 гг. — не подумали о том, чтобы облегчить для России долговое бремя. Напротив, когда стало ясно, что СССР обречен, в Москву примчались представители «Семерки» с одной целью: потребовать, чтобы Россия и бывшие советские республики гарантировали им выплату советских долгов. Короче: бизнес — и никакой филантропии.

Клинтон разворачивает Запад

И вот неожиданно в начале 1993 г. в отношении «коллективного» Запада к российским реформам произошел сдвиг. Перелом был связан с приходом в Белый дом Билла Клинтона. «Мир не может позволить себе, чтобы Югославия повторилась в стране, которая растянулась на одиннадцать временных зон и обладает огромным арсеналом ядерного оружия», — заявил Билл Клинтон в мае 1993 г.¹⁷ Клинтон стал первым президентом США, который начал размышлять, как предотвратить превращение России в «больного человека Европы». Он был готов инвестировать в строительство посткоммунистической России и сделал реформы в России одной из основных целей своей внешней политики. Несомненно, Клинтон увязывал демократические перемены в России с благоприятным полем для осуществления интересов США. Это был лидер, который пытался соединить два традиционных для американской политики подхода — идеализм и реализм, стремление к продвижению ценностных стандартов и опору на прагматизм и интересы. Перед своей встречей с Ельциным в Ванкувере в апреле 1993 г. Клинтон сказал: «История России будет написана самими русскими... Но мы должны сделать все, что можем (чтобы помочь. — Л. Ш.), и мы должны действовать немедленно. Не потому, что мы хотим быть филантропами... А потому, что это хорошая инвестиция...»¹⁸ Ближайший соратник Клинтона, который во многом способствовал зарождению интереса американского президента к России, Струоб Тэлботт так определил основную цель администрации Клинтона в отношении России в своем меморандуме «Стратегический союз с российскими реформами»: «Россия находится в процессе превращения в современное государство, которое найдет свою новую роль в мире, новую идентичность и будет успешно интегрироваться в мировую экономику... В интересах США не только помочь России предотвратить худшее, но и помочь укрепиться новым тенденциям...»¹⁹ Это был кардинально новый подход к России. Америка перестала колебаться и

17 Washington Post. May 2, 1993.

18 Цит. по: Goldgeier J. and McFaul M. Power and Purpose. U.S. Policy toward Russia after the Cold War. Washington: Brookings Institution Press, 2003. P. 90.

19 Talbott S. Op. cit. P. 52.

выжидать и дала сигнал остальному Западу, что нужно спешить, причем очень спешить, с помощью России.

Клинтон, в отличие от Буша-старшего, понимал, что для того, чтобы обезопасить Запад и США от непредсказуемой России, нужно помочь этой стране не просто сохранить статус-кво, к чему стремился Буш-старший, а реформировать себя. Клинтон по-иному подходил и к обеспечению американских интересов. Он считал, что в интересах Америки сильная, а не слабая Россия. Но все дело в том, что, когда Клинтон пришел в Белый дом, гайдаровские реформы завершились и новым главой российского кабинета стал Виктор Черномырдин, который не собирался продолжать реформаторские эксперименты. Россия в 1993 г. вступала в новый этап своего развития, суть которого была не в трансформации, а в создании системы персоналистского типа. Запад постоянно запаздывал со своей реформаторской поддержкой.

Основным направлением государственной помощи Западу России стала поддержка ее рыночной реформы. По инициативе администрации Клинтона Запад предложил Ельцину и его правительству механизм оказания помощи по линии МВФ. Кроме поддержки реформ, МВФ должен был помочь России в выплатах иностранных долгов, закупках продовольствия и решении социальных проблем. Условия предоставления помощи России были намного более щадящими, чем те, которые МВФ обычно устанавливал для стран, с которыми работал. Со своей стороны, российское правительство обязывалось обуздать инфляцию, создать условия для инвестиций, привлекать иностранный капитал, собирать налоги и осуществлять макроэкономическую стабилизацию. Кроме МВФ, помощь России начали предоставлять Европейский Союз, Мировой банк, Европейский банк реконструкции и развития и многочисленные неправительственные организации.

Сегодня среди российского политического класса возобладало мнение, что безвольный Ельцин и его команда в 90-х гг. пошли на поводу у Запада и слепо выполняли его указания. И действительно, Ельцин согласился, в частности, на вывод войск из Балтии. Он был вынужден смириться с расширением НАТО и ЕС за счет бывших советских сателлитов. Он принял западные предложения по разрешению югославского кризиса.

Если речь идет о внутренней трансформации, у западных лидеров была возможность реально повлиять на российский вектор развития только в 1991—1992 гг., когда Россия выбирала свой путь развития. Но в этот период Запад предпочитал в российские дела не вмешиваться. Впрочем, у западного сообщества и не было идей относительно модели российской трансформации. А когда западное сообщество начало активно помогать России в 1993 г., тогда «поезд ушел», ибо Россия уже выбрала свой путь. В конечном итоге Запад поддержал модель трансформации, которую избрал российский политический класс, вернее, которая оформилась в результате борьбы внутри этого политического класса. Эта модель основывалась на приоритете экономической реформы: вначале рынок, а потом демократия.

А теперь другой вопрос: была ли модель рыночной реформы навязана России извне? Как российские, так и многие западные наблюдатели утверждают, что Запад заставил Москву принять так называемый «Вашингтонский консенсус», который ориентировал страну на макроэкономическую стабилизацию как основное условие формирования рынка (либерализацию, стабилизацию, приватизацию). При российском правительстве действительно работали западные эксперты, которые поддерживали эти идеи. Запад через посредство МВФ делал акцент на макроэкономических критериях в качестве основного условия своей помощи России. Так что западное сообщество, несомненно, оказывало влияние на характер российской экономической реформы. Но это влияние не было решающим и часто не было даже существенным. Российское правительство могло принимать западные советы, а могло их и отвергать либо игнорировать. Очень часто Ельцин и его соратники поступали так, как считали нужным. Сам Гайдар утверждал, что западные советники были причастны лишь к обсуждению второстепенных вопросов²⁰. Но самое главное — вплоть до середины 1993 г. у официального Запада не было институционального механизма влияния на российские реформы. А когда под влиянием Клинтона такой механизм был сформирован, контуры российского капитализма были уже очерчены.

Поддержка экономической реформы в России осуществлялась МВФ в рамках согласованных с Кремлем и одобренных им программ. Однако, как говорил бывший министр финансов Борис Федоров, из целой дюжины согласованных с МВФ пунктов Россия выполнила от силы несколько, отбросив остальные²¹. «Мы следовали рекомендациям МВФ тогда, когда считали нужным, потому что эти рекомендации не всегда были адекватны. Впрочем, мы не всегда были готовы их выполнять и когда они были адекватны», — признавался мне впоследствии Борис Федоров. Финский исследователь Пекка Сутела, анализируя роль МВФ в осуществлении российских реформ, подтверждал, что ни одна из программ, под которые Москва получала деньги от МВФ, так и не была полностью осуществлена. И тем не менее, МВФ все равно выдавал России кредиты. Россия вскоре стала самым крупным заемщиком фонда²². Так что мнение о том, что экономическая модель была навязана России извне, грешит явным преувеличением. Хотя правда и то, что тогда, когда западные финансовые институты предлагали России советы, они не всегда были приемлемыми для России просто потому, что западные советники с трудом понимали посткоммунистическую реальность. Были моменты, когда они ее не понимали совсем. Так что у российского правительства были поводы игнорировать западные рекомендации.

20 Голдман М. Приватизация России. М., 2005. С. 98.

21 Как отмечал Ослунд, у российских реформаторов не было «политической силы», чтобы выполнить все обязательства перед МВФ. Кроме того, некоторые требования МВФ, по его мнению, были неадекватными, не учитывавшими ситуацию в стране. См.: Ослунд А. Указ. соч. С. 265.

22 Sutela P. The Russian Market Economy, Helsinki: Kikumora publications, 2003. P. 77.

Помочь другу Борису любой ценой

Западные правительственные доноры могли быть недовольны российским правительством и тем, что оно не следовало их советам и не выполняло своих обязательств. Они могли брюзжать и даже громко протестовать. Это не имело значения. Все понимали, что существовало политическое решение Вашингтона — основной силы влияния в международных финансовых институтах — о поддержке Ельцина. Клинтон, который лоббировал помощь России, не мог дать Ельцина и российских реформаторов в обиду, ибо российские реформы стали его программой, приоритетом его президентства. И он не мог потерпеть поражение. А потому Клинтон давил на международные кредитные организации с требованиями помогать Ельцину, невзирая ни на что. Не было даже и речи о серьезном диктате со стороны международных организаций в отношении Кремля с тем, чтобы заставить его выполнять условия договоренностей с МВФ либо с Мировым банком. Любая такая попытка немедленно приводила к тому, что Ельцин дулся и звонил своему другу Биллу. А если не дозванивался, то звонил другу Гельмуту, который находил друга Билла. А друг Билл немедленно набирал номер телефона МВФ либо Мирового банка. Если и это не помогало и появлялись проблемы с очередными кредитными траншами, то в Вашингтон выезжал Анатолий Чубайс, который всегда имел в своем распоряжении доводы для того, чтобы поторопить западных господ, которые замешкались с помощью российским реформаторам и оставили их на съедение коммунистам. Отношение западных лидеров и прежде всего американской администрации к российским реформам определяла ситуация политической целесообразности. Понимание политической целесообразности формировалось в Кремле.

Вместо диктата Запада возникла ситуация диктата ельцинской команды, которая прессинговала западные столицы и в первую очередь Вашингтон, требуя помощи и шантажируя угрозой нестабильности в России. В ответ Запад открывал чековую книжку: стабильность в России была для него важнее принципов и ценностей. Гарантом этой стабильности в глазах Запада был Ельцин, которого еще недавно так опасались, но который стал для западных лидеров единственным спасителем России от коммунизма.

Наблюдая за российскими реформами, даже недавние сторонники Ельцина на Западе начали выражать обеспокоенность. Один из них, Джеффри Сакс, который помогал Гайдару осуществлять либерализацию, открыто призвал Запад прекратить предоставление кредитов России. «В последние три года, — доказывал он, — под зонтиком МВФ Россия получала от Запада кредиты, которые лишь поддерживали коррумпированное и неэффективное правительство». Сакс во многом был прав. Но его уже никто не слушал.

Никакая критика не могла остановить Клинтона — он продолжал делать все для того, чтобы поддержать Ельцина. Под давлением Белого дома МВФ в начале 1996 г., когда в России началась президентская кампания, принял решение о выделении России кредитов на сумму 10,2 млрд долл., которые, кстати, уже были включены в российский бюджет. По инициативе Клинтона, которого активно поддерживал Коль, в Москве в начале 1996 г. прошел саммит «Восьмерки» по вопросам безопасности. Он был внеочередным, и западные лидеры специально провели его в Москве, чтобы поддержать Ельцина в его предвыборной кампании. Российский президент позднее вспоминал: «Этот беспрецедентный приезд в Москву лидеров “Восьмерки” был для меня неоценимой моральной поддержкой. Они сделали свой выбор гораздо раньше многих видных представителей политической элиты России»²³. Действительно, Запад на президентских выборах в 1996 г. поддерживал Ельцина более энергично, чем российский политический класс, да и, добавим, само общество.

Я помню, как в середине 90-х западные политики, прежде всего в ведущих западных столицах — Вашингтоне, Берлине, Лондоне и Париже, — нетерпеливо выслушивали критические замечания в адрес Ельцина и пытались «закрыть тему». Чаще всего они вообще не хотели слушать никаких неприятных вещей о ельцинской России и своем друге Борисе. Ельцина не всегда понимали. Он смущал западное политическое сообщество. Его поведение нередко шокировало. Но лишь Ельцин был символом российского антикоммунизма. Характер новой власти, которая возникла в России, западных лидеров мало волновал либо не волновал вообще. Для них важнее всего было предотвратить реванш коммунистов, которые рассматривались как основная антизападная и антиимперская сила. Сам этот подход к России дает представление о понимании российских процессов как в политических, так и в экспертных кругах в западных столицах.

Еще одним каналом содействия российским реформам был Европейский Союз, который в 1994 г. заключил с Россией Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (оно было заморожено по причине чеченской войны и вступило в силу в декабре 1997 г.). Это Соглашение «устанавливало институциональную платформу для двусторонних отношений, определяло общие цели и ориентировало на активность и диалог в целом ряде сфер». В статье 55 Соглашения было записано: «Россия будет стремиться гарантировать, чтобы ее законодательство посте-

пенно стало совместимо с законодательством ЕС». На основе этого соглашения была разработана программа технической помощи России (ТАСИС), в рамках которой России вплоть до 2007 г. оказывалась помощь в формировании рынка и укреплении демократии. Никаких признаков того, что Москва действительно поставила цель адаптировать свое законодательство и свою практику к нормам Европейского Союза, не ощущалось. Это, однако, не влияло на предоставление России европейской помощи. Ни само Соглашение, ни программа ТАСИС не содержали обязывающих условий получения Россией этой помощи. Брюссель даже не уточнял, как он будет влиять на развитие правовых норм в России. В Соглашении ЕС и России отмечалось только «стремление к сотрудничеству в вопросах, касающихся принципов демократии и гражданских прав». Средства шли на обеспечение этого «стремления». Вот что писали российские правозащитники о содержании этого Соглашения: «Эти тексты напыщенны и вместе с тем жалко беспомощны, ибо лишены конкретности. Там нет ни точно сформулированных обязательств, ни механизмов контроля»²⁴. Все так — в случае с Россией Брюссель никак не мог решиться на формулирование настоящих механизмов влияния. Европа не знала, на каком языке говорить с Москвой, и все время опасалась сделать неправильный шаг и рассердить Москву. «Со временем Россия начнет адаптироваться к нашим правилам, — утешали себя евробюрократы. — Нам нужно быть терпеливыми». Как же мало они понимали Россию...

Некоторые западные эксперты полагали, что Брюссель должен был предложить России членство в ЕС и сам этот факт мог стать средством, которое бы стимулировало российские реформы. Цель вовлечения России в ЕС была поставлена в 2001 г. Романо Проди, предложившим идею «общего экономического пространства». Многие в Брюсселе надеялись, что Россия в рамках этого пространства начнет, наконец, усвоение принципов ЕС, как она и обещала. Но, как говорил Пекка Сутела, Россия постоянно требовала «невозможного». Она стремилась стать членом западного клуба, отказываясь следовать его правилам. А за каждый компромисс с Западом, даже когда он шел на пользу самой России, Москва требовала от Запада компенсацию. Это было трудное дело — иметь дело с недавней сверхдержавой.

Диктат Вашингтона или диктат Москвы?

В 1993–1994 гг. в Россию ежегодно из стран «Семерки» по каналам правительственной помощи приходило по 1,5 млрд долл. В 1995 г. (год парламентских выборов) Россия только у МВФ позаимствовала 10 млрд долл. В 1996 г., накануне президентских выборов, кроме кредита МВФ, Кремль получил от Германии и Франции дополнительные 2,4 млрд долл., часть которых пошла, как говорили наблюдатели, на финансирование ельцинской избирательной кампании. К 1996 г. Россия набрала у других доноров около 30 млрд долл. Это были невиданные суммы для того времени. Объясняя такую щедрость, Мишель Камдессю, директор-распорядитель МВФ, любил говорить: «Мы имеем страну, которая нуждается в помощи, и наш моральный долг — помочь этой стране».

Кредиты Запада превратились в политический инструмент поддержки режима Ельцина. Они предоставлялись Москве практически без условий и по первому звонку из Кремля. Так, еще в 1993 г. американцы выдали Ельцину, по его настоятельной просьбе, на проведение референдума 500 млн долл. Западные лидеры поддерживали Ельцина, несмотря на чеченскую войну, растущую коррупцию и разложение ельцинского режима. Клинтон, приехав в Москву в апреле 1996 г., на пресс-конференции уговаривал журналистов не критиковать друга Бориса за чеченскую войну, потому что, дескать, и Авраам Линкольн тоже, оказывается, вел войну и заплатил своей жизнью, чтобы «ни один штат не имел права покинуть наш союз». Это было уже чересчур — Клинтон шокировал даже свою команду тем, как далеко он зашел в поддержке своего российского друга.

И после выборов западные коллеги Ельцина не оставили его без помощи. В следующий раз Запад и «друг Билл» оказали поддержку Ельцину в мае 1998 г., в разгар начавшегося финансового кризиса. Руководители и МВФ, и Мирового банка уже не скрывали своего раздражения тем, что Россия не выполняет условий получения помощи и не спешит с реформами. Но Вашингтон, опасавшийся, что Россия рухнет, настаивал на продолжении финансовых вливаний. В июле 1998 г. под давлением Клинтона МВФ, Мировой банк и Япония объявили, что выдадут России стабилизационный кредит в 22 млрд долл. Кредит был обусловлен требованиями в адрес Москвы начать, наконец, реформы и подготовить антикризис-

ную программу. А пока МВФ выделял России 4,8 млрд, которые должны были помочь России удержаться на плаву. Кредиты ушли в Москву. Там они растворились в воздухе. Усилия Запада не помогли. Российская экономика рухнула. Ельцину пришлось менять правительство. Когда премьером стал Евгений Примаков, в западных столицах наступил траур — там терпеть не могли Примакова.

В международных кредитных организациях — МВФ, Мировом банке и Европейском банке реконструкции и развития — вспоминают об опыте своего партнерства с Россией в 90-е гг. без теплоты. С российской стороны также не ощущается особой благодарности в отношении доноров. Обвинения в адрес МВФ, который как на Западе, так и в Москве стали считать главным виновником неудач российских реформ, стали общим местом. В этом контексте не могу не упомянуть одного из наиболее известных и энергичных критиков как политики МВФ в отношении России, так и российских реформаторов. Это Джозеф Стиглиц, лауреат Нобелевской премии, в 90-е гг. вице-президент Мирового банка. Он выдвинул ряд претензий в отношении МВФ, причем вполне обоснованных. Так, он не упускал случая напомнить, что МВФ был против того, чтобы Россия девальвировала рубль в 1998 г., когда это было просто необходимо. Вместо этого МВФ предоставлял Москве миллиарды долларов, чтобы поддержать обменный курс рубля. Руководители МВФ опасались, говорил Стиглиц, что любые изменения обменного курса рубля приведут к новому витку инфляции, ибо полагали, что у России не было резервных мощностей. Они не замечали либо старались не замечать, что в России были избыточные производственные мощности, которые не работали потому, что цена рубля до 1998 г. была завышенной. Руководство МВФ, за которым стояло министерство финансов США, о чем Стиглиц упоминал неоднократно, игнорировало выводы Мирового банка. Аналитики Мирового банка доказывали, что новые займы МВФ не приведут к экономическому росту России, а лишь увеличат внешний долг страны. Как показали дальнейшие события, Стиглиц со своей командой из Мирового банка оказался прав и по поводу девальвации рубля в 1998 г., и по поводу увеличения внешнего долга России.

Стиглиц сделал уничтожающий вывод о результатах деятельности МВФ в России: «За годы осуществления программы МВФ рыночная экономика с высокими процентными ставками, незаконной приватизацией, плохим корпоративным управлением и либерализацией рынка капитала лишь создавала побудительные мотивы для вывода активов за границу. Экономического роста России удалось добиться только благодаря переменам в экономике, которые Россия осуществила впоследствии самостоятельно»²⁵. Правда, справедливости ради стоит заметить, что без финансовой помощи МВФ, которая составляла значительную долю российского бюджета, Россия не смогла бы выжить в трудные годы. Но в этом и состоит парадокс: помощь западных доноров, облегчая выживание России, одновременно ликвидировала стимулы для реформирования ее экономики.

С не меньшей резкостью Стиглиц прошелся и по российским реформаторам. Именно они, по его мнению, не понимая необходимости создания институтов, не только

25 Вопросы экономики. 1999. № 7. С. 39-47.

не смогли разделить власть и собственность, но, напротив, привели к их новому слиянию. «Не такое уж великое дело провести приватизацию, — издевался над российскими “приватизаторами” Стиглиц. — Ее всегда можно осуществить... хотя бы раздав имущество своим друзьям. Другое дело — создание частной рыночной экономики. Однако для этого требуются институциональные рамки — набор надежно действующих законов и правил»²⁶. Стиглиц убедительно доказывал, что в России приватизация «в нерегулируемой среде» вместо того, чтобы «обуздать политическое вторжение в рыночные процессы, создала инструмент, посредством которого группы особых интересов и политические силы смогли сохранить власть». А доктрина «Вашингтонского консенсуса», по мнению Стиглица, помогла укрепить это новое соединение власти и собственности.

Политику МВФ в отношении России критиковали не только западные экономисты. Ее критиковали и российские либералы. Среди этих критиков был член российского кабинета Борис Федоров, который выступал против массивного накачивания России деньгами. Он считал, что деньги коррумпируют и государство, и управленцев и ведут к сохранению статус-кво. Федоров был прав. Но кто в Кремле по доброй воле вдруг отказался бы от потока долларов, тем более если он не сопровождался обязательствами? В 90-е гг. деньги МВФ и других международных институтов сыграли в России ту же роль, которую сыграли при путинском правлении нефтедоллары, уничтожившие стимулы к реформированию экономики уже на нынешнем этапе. Правда, остается вопрос: кто несет большую ответственность за неэффективность западной помощи — те, кто просил помощи и потом ее разбазаривал, или те, кто эту помощь предоставлял без жестких условий?

Справедливости ради стоит отметить, что международные финансовые организации, в том числе и МВФ, не были приспособлены к той миссии, которую на них возложили западные правительства. Они могли помочь России в решении технических проблем макроэкономической стабилизации и в финансировании отдельных проектов правительства. Но России была нужна помощь иного типа, которая бы включала систему действенных стимулов для создания новых институтов. Получалось, что западные финансовые организации помогали России в формировании механизмов, которые не могли успешно работать вне определенной институциональной среды. Но ее-то как раз в России и не было. Запад фактически помогал встраивать макроэкономические механизмы в чуждое им окружение, что могло их только деформировать. Уже до того, как в Россию пошла западная помощь, Россия начала воссоздавать систему персоналистской власти и возвращаться к слиянию власти и собственности. В этих условиях механизмы, которые международные финансовые институты помогали России формировать, не могли работать так, как они работали в западной экономике. Как свидетельствовал Стиглиц, они начали содействовать антилиберальным целям. Так что Запад, иногда поневоле, а иногда и осознанно, включился в процесс поддержки системы, которая извращала рыночные принципы. Но ведь систему создавал не Запад и не МВФ — ее создавала российская элита.

Моменты истины для России

В посткоммунистической истории России было три момента, когда Запад мог, по крайней мере, сдержать ее возврат в прошлое: 1991, 1993 и 1995–1996 гг. В эти периоды правящая команда в России не только прислушивалась к мнению западных столиц, но и искала на Западе поддержки для своих решений. Более того, Россия зависела от западной финансовой помощи. Так что у Запада были некоторые, пусть ограниченные, возможности влияния на Ельцина и его команду.

В 1991 г. западное сообщество могло, пожалуй, даже повлиять на выбор российской модели развития. Это был период, когда старая система в России находилась в процессе развала, а контуры новой системы еще не были определены. Именно тогда российская элита смотрела на западное сообщество как на основной фактор развития. В этих условиях западные лидеры могли настоятельно посоветовать Ельцину форсировать разработку новой конституции, которая бы ликвидировала остатки советского государства в виде Верховного Совета и Съезда народных депутатов, являвшегося основным центром власти в России. Новая конституция помогла бы избежать изнуряющей борьбы за монополию на власть между Ельциным и Верховным Советом. Западные лидеры могли бы также помочь Ельцину избежать иллюзий в отношении приватизации, которую Кремль рассматривал как волшебное средство, призванное решить проблему рынка, и начать формировать экономические институты и гарантировать верховенство закона. Но, увы, в этот момент Запад даже не решил, стоит ли вообще поддерживать новую Россию, не говоря уже о понимании того, что в ней происходит.

В дальнейшем у Запада уже не было больших шансов повлиять на российский вектор. Но все же западное сообщество могло помочь российской элите избежать некоторых непоправимых ошибок. В 1993 г. западные лидеры могли бы попытаться удержать Ельцина от силового разрешения конфликта с парламентом, который в итоге привел к формированию в России новой персоналистской власти. Они могли бы посоветовать ему разрешить конфликт через одновременные перевыборы и президента, и парламента. В тот момент Ельцин и его команда на выборах получили бы гарантированную победу, а Россия — демократические институты. Но западные лидеры предпочли поддержать ельцинский поход против

Верховного Совета и монополизацию власти его командой. Блэр Рубл, директор американского Института Кеннана, говорил в наших беседах: «Думаю, что поворотным пунктом в отношении Запада к России была осень 1993 г. и конфронтация между Ельциным и парламентом. Для многих на Западе Ельцин спас Россию от возврата в коммунизм. Для многих в России это был момент, когда насилие отложило приход демократии. Эти разные интерпретации стали началом растущего разрыва в западном и российском понимании траектории России».

В 1995—1996 гг. вместо открытой поддержки ельцинского режима, продемонстрировавшего коррумпированность и непопулярность в обществе, Запад мог поддержать не своих протеже в Кремле, а принцип свободных и честных выборов. Вместо этого западные лидеры сделали все возможное, чтобы помочь Ельцину удержаться у власти. Манипуляция волеизъявлением во время этих выборов со стороны ельцинской команды начала процесс дискредитации демократии в глазах российского общественного мнения. «Но ведь свободные выборы привели бы к победе коммунистов!» — воскликнут защитники контролируемых выборов. Ответу: скорее всего, да. Но правительство Евгения Примакова, которое опиралось на левое большинство в парламенте, в 1998—1999 гг. не только не привело Россию к катастрофе, но и начало выводить страну из кризиса, в котором она оказалась при либерально-технократическом правительстве.

Мы не знаем, к чему бы привело давление Запада на Кремль с целью убедить его следовать принципам и отказаться от манипуляций с выборами. Но мы знаем, чем закончился в России отказ Кремля от принципов при попустительстве и даже поддержке западных лидеров. Попытки использовать выборы в 1995—1996 гг. для самосохранения изжившего себя режима привели в России к формированию имитационных механизмов, ставших основой авторитарной системы власти, которая вскоре запустила мотор антизападной консолидации.

Разумеется, это российская элита, включая и тех, кто себя считал демократами и либералами, несет полную ответственность за траекторию России. Но и западное сообщество несет свою долю ответственности, по крайней мере за непонимание процессов, происходивших в России, и за (надеюсь, неосознанное) содействие в становлении в России отнюдь не демократической системы. Российская элита в 90-е гг. сумела сформировать, причем довольно быстро, весьма успешный механизм выживания за счет заимствования западных норм и адаптации их к своим потребностям. Приходится констатировать, что западное сообщество в лице своих лидеров облегчило этот процесс и легитимировало его результат.

Как началось разочарование в России, и за что американские республиканцы атаковали американских демократов

1999 г. стал переломным в отношениях между Россией и Западом. Западные правительства наконец осознали, что система, которая возникла в России, не только не демократична, но и не гарантирует благожелательного отношения России к Западу. Возник вопрос: стоит ли продолжать помощь России в ситуации, когда российские реформы застопорились? А если да, то как сделать западную помощь более эффективной?

Труднее всего пришлось ЕС, который превратился в малоподвижную и потерявшую динамизм организацию. Хотя к этому моменту в Брюсселе разочарование и в России, и в Ельцине ощущалось весьма сильно, ЕС по инерции продолжил линию на партнерство с Россией. Сворачивать программы сотрудничества для ЕС было, пожалуй, сложнее, чем начинать. Так что Брюссель и дальше помогал реформам, которые уже завершились, причем без видимого успеха. В глазах евробюрократов участие в имитации было ценой за сохранение позитивных отношений с Россией либо их видимости. И Брюссель был готов платить эту цену.

Правда, отдельные западные доноры все же решились пересмотреть и содержание, и инструменты своей помощи России. Так, Американское агентство по содействию международному развитию (USAID), которое осуществляло помощь России от имени правительства США, переориентировало свои усилия. Программы помощи российскому правительству, которые поддерживали демилитаризацию и решение проблем безопасности, были продолжены. Это было святое, и на это никто в Вашингтоне не посягал. Но основной поток политической помощи по линии правительства США теперь адресовался не государству, а обществу.

МВФ все еще работал в России. Но из американского Белого дома начали поступать сигналы о том, что нельзя больше давать Москве деньги без обоснования и без условий. Западные лидеры вдруг заинтересовались, куда конкретно идут западные деньги. Повеяли новые ветры. Было ясно, что в Вашингтоне и в европейских столицах начали переоценку своей безоговорочной поддержки ельцинского режима. В 1999 г. МВФ приостановил выделение кредитов России. За ним последовали и другие международные финансовые институты и американские банки. Так, Экспортно-Импортный банк, который занимался предоставле-

нием кредитов российским компаниям, приостановил выделение 500 млн долл. российской ТНК.

Нужно признать, что переоценка отношения к России стала не только следствием неожиданного озарения западных лидеров, которые вдруг поняли, что происходит в России. Дело в том, что в США началась предвыборная кампания. Демократы в Белом доме оказались под огнем со стороны республиканцев. Политика Клинтона в отношении России стала одной из козырных карт соперников демократической партии. «Как случилось, — твердили республиканцы, — что Клинтон так долго и усердно помогал Ельцину делать реформы, а в итоге Россия вообще перестала их делать?» Атака на демократов развернулась под лозунгом «Кто потерял Россию?». Меткая журналистская находка стала одним из основных лозунгов громкой и скандальной республиканской кампании против демократической партии. Группа республиканцев под председательством конгрессмена Кристофера Кокса, созданная решением Конгресса США, опубликовала доклад под многозначительным названием «Российский путь к коррупции. Как администрация Клинтона экспортировала в Россию формы правления вместо свободного волеизъявления и как она обманула ожидания российского народа». В подготовке доклада участвовали шесть комитетов Конгресса США. В процессе подготовки доклада члены рабочей группы проявили удивительную энергию и встретились не только с ответственными за осуществление политики в отношении России в Белом доме, но и с многочисленными представителями российской стороны, начиная с премьера Михаила Касьянова и кончая лидерами основных российских партий. Доклад был опубликован, и его вердикт был для демократов уничтожающим. Приведу только некоторые выдержки из доклада Палаты представителей Конгресса США: «Победа Запада в “холодной войне” создала для США после завершения “холодной войны” огромные возможности... О таких отношениях с Россией, которые унаследовал президент Клинтон, могли только мечтать все американские президенты от Трумэна до Рейгана». Но вместо того чтобы обеспечить превращение России в нормальную демократию, США в своей политике по отношению к России, писали авторы доклада, сделали акцент на «поддержку централизованной власти, вместо того чтобы... строить систему свободной конкуренции; личную дружбу с несколькими российскими официальными лицами даже после того, как они стали коррумпированными... опору на исполнительную власть, игнорирование российского парламента, региональных элит и неправительственных организаций; пренебрежительное отношение к обществу». Администрация Клинтона, продолжали авторы доклада, поддержала в России «попытки построить демократию недемократическими средствами» и проявила «нежелание корректировать свою политику даже тогда, когда в России стало очевидным нарастание коррупции и провал прежнего курса»²⁷.

27 Russia's Road to corruption. United States House of Representatives, 106th Congress, September, 2002. P. 9.

Авторы доклада обвиняли администрацию Клинтона в том, что она помогла финансировать российское правительство вместо помощи свободному предпринимательству. Клинтона громили за то, что его команда якобы облегчала «микроменеджмент» российской власти, вместо того чтобы создавать конкуренцию. «Хуже всего то, что, направляя в Россию деньги для того, чтобы закрыть дыры в российском бюджете, администрация Клинтона создавала условия для кражи и обмана», — возмущались конгрессмены-республиканцы. Вместо того чтобы помочь реструктуризации, деньги «помогали сохранению “советской системы”», — утверждали они. Особенно резкой критике американские демократы подверглись за свое отношение к «друзьям» Запада в Москве: «Ставка на российских партнеров, которую сделала администрация Клинтона, стала причиной того, что она игнорировала доказательства провалов и коррумпированного поведения российских официальных лиц, включая Черномырдина и Чубайса, которые стали персонафицировать российскую политику»²⁸.

В данном случае комиссия не могла простить вице-президенту Альберту Гору его пренебрежительного отношения к докладу ЦРУ, подготовленному в 1995 г., который содержал досье на премьера Черномырдина, сопредседателя комиссии Гор-Черномырдин. В докладе ЦРУ утверждалось, что Черномырдин якобы накопил миллиарды долларов, причем сделал это нечестным способом. Когда же доклад положили на стол Гору, он отказался его читать и написал на первой странице: «Bullshit», т. е., если перевести предельно мягко, «Ерунда». Это была известная и широко обсуждавшаяся в то время в Вашингтоне история. В докладе Кокса говорилось, что аналогичным способом администрация Клинтона отказывалась реагировать и на доклады ЦРУ относительно других российских чиновников, в том числе и известных либерал-демократов.

Скажу прямо: роль администрации Клинтона в процессе реформирования России и в формировании российской системы власти в докладе Конгресса была сильно преувеличена. Хотя признаю, что определенные претензии к этой администрации можно считать справедливыми. Но занимательно то, что республиканцы, обвинив демократов в том, что те «потеряли Россию», сами, как только пришли в Белый дом, продолжили тот же курс опоры на личные отношения с Кремлем, с одной лишь разницей: в отличие от демократов, им было совершенно безразлично, что происходило внутри России, и проблема демократии их не волновала даже на риторическом уровне.

Доноры не устояли перед искушением

Пока суд да дело, судьбой западной помощи в России заинтересовались западные правоохранительные органы. В августе 2000 г. швейцарский суд начал широкое расследование по поводу возможного использования российской стороной тамошних банков для отмывания траншей МВФ, которые пришли в Россию в 1998 г. Возникли подозрения, что и часть других кредитов МВФ и Мирового банка, которые направлялись в Россию в 90-х гг., осела на счетах иностранных банков. Западные политические круги вдруг заволновались по поводу того, что не менее 15 млрд долл. уходило ежегодно из России на Запад в то время, когда Россия просила, а иногда и умоляла о помощи западные столицы и международные финансовые институты. Правда, это волнение было странно запоздалым.

Вскоре стали появляться свидетельства того, что и некоторые представители западных доноров не могли удержаться от соблазнов, которые предлагала российская реальность. Самым громким стал скандал вокруг проекта Института Гарварда по международному развитию (ИГМР). Правительство США выбрало ИГМР в качестве оператора по оказанию помощи экономической реформе и приватизации в России. Оператор получил контроль за немалыми средствами: он непосредственно получил в свое распоряжение 57,7 млн долл. на российскую экономическую реформу и 20 млн долл. на реформу законодательства. Косвенным образом гарвардский оператор координировал реализацию пакета помощи России по линии американского правительства объемом в 300 млн долларов. Это был очень важный канал выделения средств для поддержки экономической реформы в России в первой половине 90-х гг. Менеджеры проекта одновременно работали в качестве советников российского правительства. И вот они, а конкретно руководители гарвардского проекта Андрей Шлейфер и Джонатан Хей, предстали перед американским правосудием и, что важнее, были признаны виновными в том, что вместо того, чтобы способствовать развитию рынка и утверждению верховенства закона в России, они «использовали свое положение и существенное влияние на российских официальных лиц в этот решающий для России момент в российской истории для того, чтобы осуществлять собственные финансовые интересы и интересы своих супруг». Университет Гарварда, от имени которого эти господа вы-

ступали, и они сами согласились выплатить правительству США компенсацию за нанесенный правительству ущерб, в том числе и возмещение за фальшивые счета, которые Гарвард выставлял правительству США, в размере 31 млн долл.²⁹

Что конкретно делали Шлейфер и Хей? Они вместе со своими супругами и другими родственниками использовали инсайдерскую информацию о приватизации и других экономических актах правительства РФ и занимались в России скупкой и продажей акций и инвестированием. Словом, они одновременно и советовали, и обогащались. Они делали то, что делали их российские коллеги. Американский прокурор Питер Кейзер, участвовавший в данном судебном процессе, который тянулся годами, заявил после вынесения вердикта в августе 2005 г.: «Мы не можем быть снисходительны к использованию федеральных грантов для личного обогащения»³⁰. Но американское правосудие так и не дождалось сотрудничества в этом расследовании российских правоохранительных органов. Никаких официальных комментариев российской стороны по этому поводу также не последовало. Да и зачем было Москве ворошить старое и вытаскивать скелеты из шкафов? Ведь понятно, что два пойманных за руку американца были не единственными, кто в России использовал лихие 90-е гг. для наполнения собственного кармана. Официальному Вашингтону было нужно очистить свой имидж, подпорченный российской приватизацией, и он это сделал (кстати, без помощи российского правосудия). Но российскую власть ее имидж не волновал, и она не собиралась заниматься темными сторонами своей приватизации.

К концу 90-х гг. даже самым большим оптимистам стало очевидно, что реформы в России закончились, по крайней мере на какое-то время. Наслоение нерешенных проблем, растущая усталость общества и его разочарование в переменах стали толчком к усилению скептицизма и в обществе, и среди элиты в отношении заимствованных на Западе правил игры. Люди начали винить либеральные реформы, а не тех, кто извратил их сущность. В свою очередь, либералы принялись искать на Западе ответственных за свои неудачи. У них, впрочем, были основания быть довольными Западом, который в лице своих лидеров последовательно поддерживал ельцинский режим, не являвшийся примером демократического правления.

С успехом приспособив либерализм и партнерство с Западом к своим потребностям, в ситуации, когда и то, и другое начало вызывать в обществе разочарование, российская элита почувствовала, что пора возвращаться к привычным формам жизни, неотъемлемым элементом которой была подозрительность по отношению к окружающему миру и прежде всего к Западу.

К концу правления Ельцина и Россия, и Запад из последних сил пытались делать вид, что еще находятся в состоянии партнерства, и им все труднее было сохранять эту видимость.

29 USAID press release, Harvard Defendants pay over \$31 million to settle False Claims Act Allegations, http://www.usaid.gov/press/releases/2005pro50803_1.html

30 USAID press release, August 3, 2005, <http://www.usaid.gov>

Итоги 90-х гг.: кто виноват?

Итак, Запад не смог стать для России трансформационным фактором. Мне могут возразить: с какой стати Запад должен был вмешиваться во внутренние дела России? Дело в том, что Запад все же в какой-то степени влиял на ход российского развития. Запад влиял на Россию не только самим фактом своего существования, но и своим отношением к России. Увы, нужно признать, что не всегда это влияние было конструктивным. В 1990-е гг. западное сообщество позволило российской элите превратить свои банки и бизнес-структуры в машину для отмыwania грязных российских денег. Причем и политические, и деловые круги Запада прекрасно понимали, что происходит. Некоторые представители западной политической и бизнес-элиты не сумели избежать искушения и стали частью российской коррупционной реальности, которая не ограничивалась лишь российской территорией. Пример руководителей Гарвардского проекта демонстрирует, как соблазнительны были возможности, которые открывала неупорядоченная Россия для предприимчивых представителей западного мира. Признаю, что злоупотребления со стороны отдельных западных доноров и операторов не были бы возможны без участия либо даже без инициативы российской стороны, которая занималась контактами с западными донорами и западным бизнесом.

Но самое главное в другом — Запад поддержал систему, которая, как вскоре окажется, основывалась на антизападных стандартах. Роль Запада в российской трансформации в 90-е гг. критически оценивается рядом западных участников событий того времени. Так, Струоб Тэлботт признавал: «Я думаю, что мы должны быть самокритичны. По вопросам экономической реформы... можно было предоставить больше содействия России со стороны окружающего мира. И мы, и российские реформаторы должны были больше внимания уделять структурным аспектам реформы и стремиться гарантировать реальное верховенство закона». Збигнев Бжезинский недавно констатировал, возвращаясь к тому периоду: «Мы могли, наверное, сделать больше для того, чтобы создать общие институты, в рамках которых русские могли бы чувствовать, что они являются частью основного европейского проекта, что было исключительно важно»³¹. В свою очередь, американский

31 Brzezinski Z. and Scowcroft B. Op. cit. P. 9.

исследователь Роберт Нурик считает, что основной ошибкой со стороны Запада был акцент на экономическую реформу и игнорирование необходимости создания независимых политических институтов, а также поддержка Ельцина, когда тот исчерпал свой потенциал. Вот какую оценку роли США в российских процессах дали бывшие представители американских администраций Арнольд Горелик и Томас Грэм: «Тесная идентификация (администрации США. — Л. Ш.) со все более слабеющим Ельциным; активная поддержка радикальных реформаторов в условиях, когда их популярность среди населения упала; упорные попытки доказать, что реформы успешны, в то время как большинство россиян считали, что страна катится в пропасть... — все это заставляло российское общество сомневаться в мудрости, степени понимания ситуации и позитивном отношении США к России»³².

Думаю, что во второй половине 1990-х гг. истинная сущность системы, которая начала оформляться в России, стала для западных политических и экономических кругов очевидной. Но почему тогда западные лидеры продолжали упорно поддерживать Ельцина и его правление?

Во-первых, сыграл свою роль продолжавшийся страх западных политических кругов перед угрозой возвращения к власти в России коммунистов. Многим в западных правительствах казалось, что только Ельцин мог не допустить коммунистов в Кремль. Страх перед коммунизмом у западных лидеров был сильнее опасений появления в России нового авторитаризма. Запад пошел на поводу у ельцинских технократов, которые умело пугали Запад коммунистической угрозой, постоянно поддерживая дилемму: либо Ельцин, либо коммунизм. Такая дилемма оказалась успешной в управлении как Россией, так и отношением Запада к России.

Во-вторых, Запад так много вложил в Ельцина, что западным политикам не хотелось искать иную кандидатуру. В понимании западных наблюдателей, на российской сцене не было альтернатив Ельцину. В-третьих, Ельцин, несмотря на непредсказуемость, был все же предсказуем. Он шел с Западом на договоренности по внешней политике и почти всегда их выполнял. Несмотря на его колебания и все большее стремление возвратиться к знакомым стереотипам, его внешняя политика все еще содержала довольно сильный прозападный крен. Поддержка Ельцина рассматривалась в западных столицах как отличное вложение капитала, которое должно было обеспечить партнерские отношения Запада и России. Словом, западные политические круги были готовы мириться с новым российским авторитаризмом, коль скоро Россия продолжала политику партнерства с Западом в международных делах. Тогда не было понимания того, что российская система рано или поздно начнет себя консолидировать через антизападные эмоции.

Опасаясь нарушить хрупкий мир в России, западные лидеры шли наперекор своим принципам. Они сделали ставку на личности, а не на стандарты и не-

32 Horelick A. and Graham T. US – Russian Relations at the Turn of the Century, Carnegie Endowment for International Peace, Washington, 2000. P.19.

зависимые институты. Они поддержали модель рынка, которая оказалась олигархической. Между тем ущербность самой модели российской трансформации с акцентом на рынок и приватизацию была уже тогда ясна, в том числе и западным наблюдателям. Так, британский философ Ральф Дарендорф писал в 1994 г.: «Когда экономические ценности начинают господствовать над политическими, возникает риск утраты свободы. Новый экономизм капиталистов так же нелиберален, как и прежний экономизм марксистов»³³. Испанец Хуан Линц, помогавший демократической трансформации Испании, и американец Алфред Штепан, анализируя российскую модель реформы, говорили: «По нашему мнению, тот факт, что Ельцин решил проводить экономическую реформу до того, как было оформлено демократическое государство, ослабил само государство, подорвал демократию и в конечном счете деформировал экономику»³⁴. Запад, получив возможность беспрецедентно свободной деятельности в России и прямого доступа к российским центрам принятия решений, поддержал модель, которая изначально была ущербной потому, что рыночная реформа не могла быть успешной без создания новых политических институтов.

Многое зависело от того, как западная аналитическая мысль воспринимала российскую действительность. В своем большинстве западные аналитики в 90-е гг. смотрели на Россию с оптимизмом, делая акцент на успехе ее демократизации и рыночных реформ. Скептицизм американского исследователя России Питера Реддавея был скорее исключением. Позитив о российских реформах, видимо, воспринимался в экспертных кругах на Западе как подтверждение мировой победы либеральной цивилизации. Не хотелось верить, что эта цивилизация потерпит поражение в России. Нередко ощущалось и стремление ускорить российские перемены самим фактом оптимистического отношения к ним. Неприглядные тенденции, которые начали вырисовываться в ельцинской России, воспринимались скорее как частности, не менявшие общего фона Russia's Success Story. Большинство на Западе верило, что капитализм приведет Россию к демократии. Но даже те на Западе, кто уже понял сущность новой реальности, предпочитали помалкивать. Почему? По разным причинам: не хотелось идти против общей волны — это считалось некорректным; не хотелось выглядеть русофобом и хотелось верить в российскую перспективу. Возможно, были и более земные причины для неоправданного оптимизма. Но в мои задачи не входит их выяснение.

Давайте допустим, что Запад сумел бы предоставить России план Маршалла и попытался бы оказывать давление на Кремль, убеждая его в необходимости конституциональной реформы, создания независимых институтов, акцента на верховенство закона и демократическую ротацию власти. Смогло бы это изменить траекторию России? Трудно сказать. Но поле для возможной трансформации России могло оказаться более широким, и ее возврат в прошлое, возможно, был бы не

³³ Дарендорф Р. После 1989. Размышления о революции в Европе. М.: Ad Marginem, 1998. С. 109.

³⁴ Ельцин Б. Указ. соч. С. 54.

столь стремительным. Хотя думаю, что реальной гарантией успеха российской трансформации могла быть только интеграция России в европейское пространство. ЕС, обремененный Восточной Германией и бывшими коммунистическими странами Восточной Европы и Балтии, пойти на это уже не мог. Что же касается членства России в НАТО, то Запад упустил возможность поэкспериментировать с этим сценарием.

Запад предложил России ряд переходных форматов, которые могли быть использованы Россией для адаптации к западным стандартам (площадки сотрудничества России и НАТО, Соглашение с ЕС о партнерстве и сотрудничестве, членство в Совете Европы и членство в «Восьмерке»). Но все это были пассивные инструменты вовлечения России «в Запад», которые не содержали механизма обусловленности, т. е. постепенного интегрирования России в западные институты по мере усвоения ею либерально-демократических норм. Запад не смог выработать в отношении России систему стимулов («sticks and carrots»), которые бы означали реакцию на отступление российской элиты от этих норм и стимулировали движение России в сторону западной цивилизации.

Между тем именно принцип обусловленности был мощным инструментом подталкивания к реформам бывших коммунистических стран, которые поставили цель присоединиться к Европе. Не сумев применить в отношении России механизм обусловленности, Запад поневоле приучил Кремль к политике шантажа и имитации. Хотя уместен и вопрос: а вообще можно ли было применить в отношении России механизм обусловленности, который Запад применял, скажем, в отношении Болгарии и Венгрии? Теоретически да, но при одном условии: если бы российская элита и общество отказались от идеи великодержавности. Запад никак не мог давить на Великую Россию. Таким образом, уже сам тот факт, что ельцинская команда с самого начала взяла курс на преемственность с СССР на мировой сцене, а следовательно, на сохранение державной роли, ограничил возможность влияния западного сообщества на российское развитие.

Впрочем, мировой опыт помощи в становлении демократических институтов и рыночных правил игры говорит о том, что было бы наивно надеяться, что Запад мог стать в России решающим фактором трансформации. Эта помощь, как говорит практика, может быть успешна, когда общество добивается национального консенсуса по поводу движения к либеральной демократии. В таком случае содействие Запада может неизмеримо ускорить это движение и сделать его менее болезненным. Попытки прессинга со стороны Запада с целью продвинуть демократические преобразования в переходных обществах, где такой консенсус отсутствовал, редко приводили к положительным результатам³⁵. Джеймс Коллинз вообще считает, что действия западных государств по продвижению демократии в России не дали и не могли дать положительных результатов. Более

35 Оценивая итоги западной помощи в развитии демократии, Томас Карозерс пришел к выводу, что большинство усилий такого рода «не имели трансформационного либо решающего эффекта». См.: Carothers T. *Confronting the Weakest Link*. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2006. P. 161.

успешными, по его мнению, были проекты, которые помогли западной и российской сторонам научиться диалогу друг с другом³⁶.

Так что, видимо, и не стоило надеяться, что Запад в России мог стать ключевым фактором перемен. Но приходится признать, что западное сообщество, вместо того чтобы стать фактором перемен, стало фактором, который легитимировал формирование в России олигархической модели капитализма и персоналистской системы власти. Со стороны отдельных сил на Западе этот процесс был неосознанным, и они, возможно, не очень хорошо понимали траекторию России. Для других — это была вполне осознанная поддержка на тот момент стабильности прозападного режима ценой отказа от принципов. Для реализации своей внешнеполитической повестки дня Западу была нужна стабильная, контролируемая властью Россия, которая бы дружелюбно относилась к Западу. На первых порах многим казалось, что Россия двинулась именно в этом направлении. Дальнейшие события показали, что поддержка системы персоналистской власти стала поощрением ее эволюции в противоположном от Запада направлении.

36 К таким проектам, по мнению Джеймса Коллинза, относится сотрудничество России и Америки в программе космических исследований.

Приход Путина и его западный проект

Приход к власти Владимира Путина означал наступление нового этапа в развитии системы, которую начал выстраивать Ельцин. Путин стал стабилизатором этой системы, укрепив ее стержень — персоналистскую власть — и усилив бюрократический контроль за собственностью. На первых порах Путин (видимо, так же, как и Ельцин) надеялся на партнерство России с Западом и, возможно, даже размышлял о большей интеграции России в западные структуры, рассматривая ее как фактор модернизации России. Вначале новый президент шел ощупью, осматриваясь и размышляя. Будучи новичком в политике, он был открыт для влияния и — что было несомненно — искал контакты с Западом.

В марте 2000 г., еще будучи премьером, в своем интервью Дэвиду Фросту, известному британскому журналисту, Путин, отвечая на вопрос, как он относится к возможности вступления России в НАТО, ответил: «Почему бы и нет?! А вы пригласите...» Этот ответ можно было воспринять как шутку. Но в ней был серьезный вопрос Западу, попытка прощупать позиции в западных столицах. Это была и протянутая Западу рука — этот жест говорил: «Мы готовы разговаривать на эту тему». Осенью 2000 г. Путин поехал в Берлин, где выступил перед бундестагом с прозападной речью, сорвав долгие овации. Путин призвал Германию начать новую страницу в отношениях России и Европы. Это был новый и воодушевляющий стиль лидера, который, казалось, готов на новый прорыв в отношениях с Западом. Тогда же Путин позвонил генсеку НАТО лорду Робертсону и, как рассказывали его коллеги, сказал: «Приезжайте. Нам есть о чем поговорить». Он предложил оживить отношения России с НАТО. Взволнованный Робертсон примчался в Москву, а его советники решили, что наступила новая эпоха в международных отношениях.

Все это, казалось, говорило не просто о стремлении нового российского лидера покончить со взаимным отчуждением, которое начало преобладать в отношениях между Россией и Западом в конце эпохи Ельцина. Путин явно размышлял о более близких отношениях с Западом. Правда, тогда оставалось неясно: какова могла быть цель этих тесных отношений? Какой смысл новый российский лидер вкладывал в эти отношения? Вскоре Путин развернул поразительную активность,

сделавшись собственным министром иностранных дел, отстраивая свои отношения с мировыми центрами влияния. Его приоритетом стали отношения с Западом. Именно так можно было трактовать его внешнеполитическую активность на протяжении 2000–2001 гг.

В июне 2001 г. Путин встретился с Бушем, и они сумели наладить личные отношения. Именно во время этой встречи в Любляне Буш сказал свое известное: «Я заглянул в глаза этому человеку и увидел, что ему можно доверять и с ним можно иметь дело. У нас была хорошая беседа. Я увидел его душу (!)». А в сентябре 2001 г. после нападения Аль-Каиды на Америку начался новый этап в отношениях Москвы и Вашингтона. Путин решился пойти на прямое сотрудничество с США в антитеррористической кампании, кстати, вопреки позиции своей команды. Отношения России и Америки в тот момент стали отношениями военных союзников.

Что же двигало тогда новым российским лидером, который пошел на беспрецедентное сотрудничество с Америкой? В тот момент это не было очевидно. Лишь постепенно мотивы сближения Путина с Вашингтоном станут более прозрачны и понятны. Путиным явно двигало стремление доказать, что он был прав, утверждая, что его чеченская война, за которую его так били на Западе, была спровоцирована международным терроризмом. А ведь Путин начал говорить о «дуге нестабильности», спровоцированной международным терроризмом, до того как Буш начал свой крестовый поход против Бен Ладена и Аль-Каиды. И Путин теперь напоминал об этом неоднократно и с явным удовольствием. После американской трагедии 11 сентября Путин мог с полным основанием сказать Западу: «Вот видите! А вы мне не верили, когда я вас предупреждал о международном терроризме!» Он, видимо, надеялся, что теперь на Западе его поняли. Но он явно ожидал не только понимания, но и взаимности, ответных жестов. Таким ответным жестом могло быть полномасштабное партнерство России и США. Кремль, однако, понимал партнерство с Америкой, а в ее лице и со всем Западом, не как возможность перейти на позиции Запада и принять его принципы, а как условие принятия Западом правоты Кремля. В той формуле партнерства, которую вычерчивал Путин, не было цивилизационного измерения. Было другое — отрицание ценностей западной цивилизации, что он доказал своими действиями внутри России, строя свою властную «вертикаль» и зачищая политическое поле. С готовностью идя на сотрудничество с США, Путин не собирался отказываться от похода против независимых СМИ и от стремления к централизации власти внутри России. Он был уверен, что новая формула партнерства, которую он начал формировать с единственной мировой сверхдержавой, будет строиться на геополитических принципах и чистом реализме.

А что же западные лидеры? Они сделали свой вывод из предыдущего этапа. Видно, Буш-младший, Шредер, Ширак и Блэр размышляли так: коль скоро трансформация России провалилась и Россия не стала либеральной демократией, то не нужно больше тратить сил на проповеди. Западные лидеры увидели причину провала российских реформ не в их ошибочной модели и не в провальном их исполнении,

а в том, что Россия вообще к реформам была не готова. «Россию нельзя изменить по подобию Запада и не нужно пытаться», — таково было общее мнение в большинстве западных столиц в момент прихода Путина в Кремль. Западные центры принятия решений выбрали самый простой путь в отношении путинской России — они сделали ставку на нового лидера и решили о демократии и реформах с ним больше не говорить. Если даже и была возможность повлиять на нового хозяина Кремля, то его западные коллеги этим не воспользовались. Более того, путинский приход вызвал на Западе явное чувство облегчения: новый президент по сравнению с эмоциональным и неуравновешенным Ельциным производил впечатление предсказуемого и взвешенного человека. Запад, как говорил Эндрю Вуд, бывший посол Великобритании в России, «согласился с мифом путинской эры, согласно которому новый президент принес России стабильность и благополучие после хаоса ельцинской эры». Вуд добавляет, что «западный бизнес немало способствовал утверждению веры в то, что Россия будет развиваться как ответственный партнер, который будет интегрирован в международное сообщество»³⁷. Действительно, западный бизнес был важным фактором, который повлиял и на отношения Запада и России, и на взгляды западных политиков на российскую эволюцию на новом этапе. Интересы и настроения западного бизнеса были, впрочем, понятны — ему не нужны были причитания о ценностях и свободах. Ему нужна была возможность зарабатывать деньги. Владимир Путин, стабилизировав ситуацию, создал для западного бизнеса идеальные по сравнению с ельцинским периодом условия. Короче, и среди политического класса, и среди западного бизнеса на Западе возобладало стремление сотрудничать с Кремлем, не обращая внимания на путинское закручивание гаек.

Западные лидеры, разделив внешнюю и внутреннюю политику, интересы и ценности, принялись искать с Россией общие точки. В отношениях Запада и России восторжествовала *Realpolitik*, хотя и без прежней враждебности. Наиболее рельефно новый курс Запада по отношению к России нашел выражение в политике Буша-младшего, который продолжил в этом политику Буша-старшего. Он не интересовался внутривнутриполитическими проблемами России и не видел никакой обусловленности между формой власти и отношением России к Западу. Видимо, плодотворное сотрудничество Америки с Саудовской Аравией и Пакистаном убедило его, что авторитарные режимы могут быть лояльными союзниками Америки. В России в последние годы возобладало мнение, в том числе и наверху, что Буш-младший пытался продвигать в России свободы. Буш и его госсекретарь Кондолиза Райс действительно говорили о «трансформационной дипломатии», целью которой должно было стать «строительство и укрепление демократических государств». Но они перешли к этой риторике только после 2005 г. и употребляли ее применительно к Ближнему Востоку. В отношении России администрация Буша-младшего сделала ставку на хорошие отношения с новым лидером.

37 Wood A. Reflections on Russia and the West. <http://www.chathamhouse.org.uk/publications>, November 24, 2008.

2000–2002 гг. были пиком прозападного вектора Путина, который нашел отражение в его активном сотрудничестве с НАТО и в партнерстве с Вашингтоном в антитеррористической войне, что проявилось, в частности, в согласии Москвы на создание американских баз в Средней Азии и в непосредственном содействии США в военных действиях в Афганистане. В 2002 г. Буш и Путин подписали совместную декларацию, в которой Южный Кавказ и Средняя Азия рассматривались как сфера общих интересов безопасности России и США (!). Эта Декларация стоит того, чтобы ее процитировать. Вот что говорили в ней Путин и Буш: «В Центральной Азии и на Южном Кавказе мы признаем общий интерес в содействии стабильности, суверенитету и территориальной целостности всех государств этого региона. Россия и США отвергают показавшую свою несостоятельность модель соперничества “великих держав”, которое может только усилить конфликтный потенциал в этих регионах». Не могу не процитировать и другой пассаж из этой декларации: «Россия и НАТО все в большей степени выступают как союзники в борьбе с терроризмом, региональной нестабильностью и другими современными угрозами». Как мы видим, на том этапе российская элита и российский лидер, что еще важнее, допускали присутствие Запада в лице Америки в традиционных сферах российского влияния. И сам Путин подписывал документы, которые сегодня он сам бы назвал унижительными «односторонними уступками», а возможно, и предательством национальных интересов.

Интерес Кремля к партнерству с Западом не помешал российскому лидеру продолжать сворачивать плюрализм и состязательность внутри России. Внешне могло показаться, что Россия превращалась в страну с откровенно авторитарным режимом, но с прозападной ориентацией. Запад, и в первую очередь США, принял негласные условия сделки, стараясь не вмешиваться во внутренние дела России, спокойно взирая на ограничение российской демократии, ликвидацию независимых СМИ и вторую чеченскую войну. При обоюдном согласии сторон была найдена формула отношений, которая устраивала всех и которая, надеялись многие, окажется жизнеспособной. Западные политики, еще недавно критиковавшие Клинтона и Коля за чрезмерную дружбу с Ельциным и персонификацию отношений с Кремлем, поддержали ту же традицию персонификации отношений с Путиным, считая, что она гарантирует решение волнующих Запад проблем — прежде всего проблем безопасности — и благоприятные условия для западного бизнеса. В свою очередь, и сам Путин, видимо, полагал, что наконец-то найдена приемлемая для Кремля формула партнерства с Западом и прежде всего с США. Теплотой отношений с Вашингтоном Путин особенно гордился. В ноябре 2001 г. он говорил: «Если кто-то думает, что Россия вновь может стать врагом США, тот ничего не понимает, что произошло в мире и что произошло с Россией»³⁸.

Надежды, которые опять не сбылись

Российские аналитики начали писать о «взаимной интеграции» России и Запада, что должно было означать взаимную адаптацию Запада и России. В этой связи вспоминались давние мечты советских либералов о взаимной конвергенции Запада и СССР. Правда, непонятно, какие принципы западное сообщество могло позаимствовать у России — принцип персонифицированной власти? Либо принцип слияния власти и собственности?

Надежд на конструктивное партнерство России и Запада в те годы было немало, и я тоже отдала им дань. Вот что мы с американским экспертом в области международных отношений Анджелой Стент писали в те времена: «Возникает новое трансатлантическое партнерство, которое казалось немислимым до падения коммунизма»³⁹ Американский аналитик Роберт Легволд полагал, что Россия была готова к асимметрическому партнерству, делая вывод: «Российские лидеры сделали решающий стратегический выбор... Путин был вынужден смириться с ролью младшего партнера США...»⁴⁰ У многих на Западе возникла надежда, что партнерство России и Запада благоприятно повлияет на внутреннюю эволюцию России.

Даже Бжезинский в те годы верил, что Россию можно начинать постепенно «втягивать» в орбиту либеральной цивилизации. В своей книге «Выбор» Бжезинский писал, что ни Россия не готова стать членом ЕС, ни ЕС не готов предложить России членство. Но это не мешает России и ЕС вести работу по «частичному приспособлению» России к Европе⁴¹. Расширение торговли, различные обмены, взаимные инвестиции, движение рабочей силы — «все это должно постепенно интегрировать Россию в европейскую систему». Бжезинский призывал к созданию особого статуса для Калининграда, окруженного членами ЕС и НАТО, который бы способствовал включению Калининграда «в Европу». Что касается НАТО, то Бжезинский

39 Stent A. and Shevtsova L. America, Russia and Europe: A Realignment? Survival. Vol. 44. № 4. Winter 2002–2003. P. 122.

40 Legvold R. U.S. — Russian Relations Ten Months after September 11, in: U.S. — Russia Relations: A New Framework, 27th Conference, August 15-21, 2002, Aspen Institute, Congressional Program. Vol. 17. № 5. P. 12.

41 Brzezinski Z. The Choice: Global Domination or Global Leadership, New York: Basic Books, 2004. P. 102-103.

надеялся, что возвышение Китая может подтолкнуть процесс создания «трансъевразийской системы безопасности» при участии России. В перспективе эта система могла бы, по его мнению, включить и Китай. В принципе это была идея, которую впоследствии выскажет новый российский лидер Дмитрий Медведев.

Бжезинский мечтал и о «транснациональных усилиях» развития Сибири, которая могла бы стать сферой сближения России и Европы. Вряд ли, однако, «приспособление России к Европе» могло вызвать интерес в путинской России. Приближалась иная эпоха. Но не все чувствовали ее дыхание.

А пока западные лидеры открыто и не стесняясь пели дифирамбы Путину. В совместном заявлении на саммите «Восьмерки» в Канаскисе в июле 2002 г. они говорили: «Россия продемонстрировала свою способность играть весомую и значимую роль в решении глобальных проблем, с которыми мы столкнулись. Эта роль отражает удивительную экономическую и демократическую трансформацию (!), которая произошла в России в последние годы в первую очередь под руководством президента Путина»⁴². Под давлением Вашингтона лидеры мирового клуба пересмотрели свое предыдущее решение о том, что Россия не должна быть председателем «Восьмерки» до тех пор, пока не будет соответствовать политическим и экономическим критериям членства в этой организации и пока не вступит в ВТО. Западные лидеры, видимо, полагали, что в ответ на их ухаживания и похвалы Кремль станет удобным партнером в международных делах. Никто больше не думал ни о кремлевской атаке на СМИ, ни об уничтожении в России независимого телевидения, ни о попытках выстроить авторитарную «вертикаль». Западные лидеры, наведывавшиеся в Москву, предпочитали не встречаться с представителями оппозиции и гражданского общества — те могли помешать им выстраивать свою «горизонталь» отношений с Кремлем. Это была политика задабривания путинской команды с целью осуществления западных интересов. При Ельцине авансы Запада отражали надежду Запада на то, что Россия не только будет его лояльным внешнеполитическим партнером, но и будет дотягиваться до более высокой демократической планки. При Путине авансы Запада скрывали стремление его лидеров получить сотрудничество Кремля по вопросам, которые волновали западных лидеров. Но Москва и не думала отвечать взаимностью. Путин, видимо, считал, что Россия заслужила и повышение статуса, и все комплименты в его адрес, и не собирался идти на дальнейшие уступки Западу. Скорее всего, Кремль и не мог идти на уступки, которые бы подрывали опоры персоналистской системы.

Правда, когда наступила очередь «ЮКОСа» и был арестован Ходорковский, на Западе раздались осторожные вопросы. Тогдашний госсекретарь США Колин Пауэлл перед своим визитом в Москву в январе 2004 г. напечатал в «Известиях» статью, в которой выразил озабоченность Вашингтона тем, какой оборот начала принимать ситуация в России. Правда, Пауэлл пытался быть сверхкорректным.

⁴² Цит. по: Lyne R., Talbot S., Watanabe K., Engaging with Russia: The Next Phase, The Trilateral Commission, Washington; Paris; Tokyo, 2006. P. 86.

«Некоторые события в российской внутренней и внешней политике... вызывают у нас беспокойство», — писал Пауэлл⁴³. Но дальше мягких упреков дело не пошло. Для западных лидеров конструктивные отношения с Путиным были важнее того, что Путин делал в России. Путину решили прощать все, собственно, как и Ельцину. Российский президент нашел взаимопонимание не только с Бушем, но и с Шираком и Шредером. С последним у Путина возникла личная дружба. В свою очередь, отношение Шредера к России и ее лидеру продемонстрировало не только его личные привязанности и политические взгляды, но и позицию немецкой социал-демократии, которая заключалась в следующем: «Россию быстро изменить нельзя, и то, что есть в России, — это уже прогресс. Германии нужно дружить с Кремлем, и все будет в порядке». В своих мемуарах Шредер впоследствии так характеризовал своего друга Путина и путинскую Россию: «В период своего президентства Путин начал строительство жизнеспособных государственных институтов. Именно Путин сформировал в стране солидную основу для жизнедеятельности граждан, предприятий и инвесторов... Было бы ошибкой предъявлять России нереалистические требования относительно политической реформы и демократического развития...»⁴⁴

«Love story» между Путиным и Западом — за исключением Берлина — закончилась удивительно быстро. К концу первого президентства Путина обе стороны в очередной раз оказались недовольны друг другом. Кремль был недоволен, ибо Россия не получила от Запада режима наибольшего благоприятствования и роли партнера с особым статусом. Российская правящая команда обнаружила, что, несмотря на теплые жесты, западные лидеры не собирались принимать Путина как равного себе и как своего. Запад был недоволен тем, что Россия оказалась строптивым партнером, который начал диктовать свои правила. Но ухаживания на высшем уровне могли продолжаться и дольше, если бы не западное общество — его все больше начали обескураживать процессы, идущие внутри России. А западные лидеры, равнодушные к проблемам российской демократии, тем не менее были вынуждены считаться с западным общественным мнением и его опасениями. Они не могли полностью игнорировать свой электоральный ресурс.

43 Известия. 26 января 2004.

44 Независимая газета. 15 декабря 2006.

Быть с Западом и против Запада

Начиная с 2004 г. Москва принялась экспериментировать с новой внешнеполитической моделью выживания политической власти. Ее внутривластьное обоснование предложил заместитель руководителя путинской администрации Владислав Сурков, выдвинувший идею «суверенной демократии». Суть ее была в следующем: «В России — демократия. Но мы имеем право понимать ее так, как хотим, и никто не может учить нас жить». Это теоретическое новшество было обоснованием отпора Западу и претензией на собственную трактовку либерально-демократических принципов. Отныне подмена этих принципов заявлениями об «особенности» их осуществления в России станет одним из важнейших средств борьбы с самими принципами.

Во внешней политике российский политический класс возвращался к державничеству, т.е. естественной и привычной для России форме существования персоналистской власти. Партнерство с Западом не дало российской элите всех дивидендов, о которых она мечтала. По мере того как продолжался рост нефтяных цен, политическая элита начала чувствовать себя все более уверенно. К ядерному фактору можно было теперь добавить сырьевую составляющую. Это давало возможность ощутить и собственный вес, и самодостаточность. Но логика российского державничества, к которой вернулся политический класс, требовала большего. Опоры на силу и энергетические ресурсы, которые начали восприниматься как силовой фактор, для него было недостаточно. Самосохранение власти требовало обратиться к остальным элементам традиционной матрицы: милитаризму, использованию формулы «осажденной крепости» для консолидации общества и имперскости, которая подразумевает наличие сфер влияния. Опять повторялась старая российская история, когда для обоснования централизации власти элита была вынуждена постоянно бороться с реальными либо мнимыми врагами. А безопасность государства в рамках этой матрицы всегда предполагала существование защитных барьеров из сателлитов.

Возврат к старой матрице выживания требовал своего идеологического обрамления. Во внутренней политике таким обоснованием стала «суверенная демократия» Владислава Суркова. Концептуализацией внешней политики занял-

ся министр иностранных дел Сергей Лавров. Замечу, что мне придется довольно часто цитировать Лаврова в этой книге по двум причинам: и потому, что он как министр иностранных дел предлагает нам официальную трактовку российских действий на международной арене, и потому, что он пока единственный представитель высшего эшелона российской власти, который решился увязать российскую внешнюю политику с цивилизационным контекстом. Именно высказывания Сергея Лаврова помогают нам понять своеобразие мышления российского политического класса и выбранную им траекторию движения для России, вернее, имитацию этого движения. Вот основные тезисы внешнеполитической стратегии России в интерпретации Лаврова: существующая система глобальных отношений себя изжила; Россия предлагает создать новое мировое правительство — «тройку» из основных центров силы — России, США и ЕС, которая «сможет направлять мировую лодку»; Россия призывает перейти к «сетевой дипломатии» и отказаться от изживших себя прежних альянсов (имеется в виду прежде всего НАТО). Наконец, обратим внимание на следующее: «Россия не может принять чью-либо сторону в конфликте цивилизаций. Россия готова играть роль моста». Сам набор выдвинутых Кремлем определений: «посредник», «мост», «сверхдержава», «сетевая дипломатия» и «геополитический треугольник» — говорит о характере настроений в среде российской элиты. Любопытно, что авторы новой доктрины рассуждали почти как американские неоконсерваторы и сам Буш-младший во время своего первого президентства. Те тоже заявляли, что старые институты и договоренности себя изжили и они открывают новую страницу в истории, причем в одностороннем порядке. Возможно, что кремлевская команда просто не захотела отставать от своих коллег в Вашингтонском Белом доме. Короче, Москва стала действовать по рецептам Буша-младшего.

В феврале 2007 г. Путин, выступая в Мюнхене, завершил оформление российской внешнеполитической доктрины, заявив, что «мир подошел к решающему моменту, когда мы должны думать серьезно обо всей структуре глобальной безопасности». Путин больше не стеснялся в выражениях. Особенно досталось бывшему партнеру — Америке. «Сегодня мы наблюдаем почти ничем не сдерживаемое, гипертрофированное применение силы в международных делах — военной силы, — силы, ввергающей мир в пучину следующих один за одним конфликтов... Система права одного государства... Соединенных Штатов перешагнула свои национальные границы во всех сферах», — бросал Путин в лицо шокированной западной аудитории, сидевшей перед ним⁴⁵.

Эта речь стала ультиматумом, который говорил о готовности Кремля пойти на ухудшение отношений с западным миром, если Америка — главный адресат Кремля — не примет кремлевский «пакет», т. е. предложения по пересмотру правил игры, восторжествовавших после 1991 г. Путинская риторика уже не оставляла сомнений в том, что Россия стала, как справедливо отмечали Леон Арон и

45 <http://www.kremlin.ru>, 10 февраля 2007 г.

Дмитрий Тренин, «государством-ревизионистом»⁴⁶. «Мюнхен и все, что за ним последовало, — это было принуждение к партнерству на условиях Кремля, — писал Тренин. — В сжатом виде эти условия сводятся к следующему. Принимайте нас такими, как есть, не вмешивайтесь в наши внутренние дела; признайте нас равными себе... Мы уступим, только если уступите вы»⁴⁷.

Было бы, однако, неверно делать вывод, что Кремль решил двигаться в одной плоскости. Это противоречило логике системы-гибрида, которая включает набор противоположных тенденций. Российская правящая команда стремилась застолбить для себя возможность маневрировать в различных направлениях. С одной стороны, она пыталась обосновать роль России в некоем пространстве между Западом и остальным миром, которая давала бы России возможность действовать по своему разумению. С другой — Москва хотела обеспечить для себя место в мировом правящем триумvirате вместе с США и ЕС. Сие концептуальное новшество означало стремление возродить ялтинский порядок с его разделом мира и одновременно гарантировать партнерство с Западом. Это были почти несовместимые вещи — возвращение к балансу сил, но при гарантиях того, что Запад будет себя сдерживать в отношении России, и признание за Россией права сохранять руки развязанными.

Причем любопытно, что в обосновании обновленного старого миропорядка в российской политической среде не было единодушия. Большинство российских политиков и экспертов подкрепляли свой ревизионизм геополитическими причинами: возросшей мощью России, слабостью Запада, ослаблением гегемонизма США, потребностью компенсировать былые унижения либо правом России иметь свои сферы влияния. Более искреннюю позицию занял министр иностранных дел Сергей Лавров, который обратился к ценностным категориям. В июне 2008 г. Лавров предложил миру весьма любопытное концептуальное объяснение новой внешнеполитической доктрины Кремля. Знаменательно то, что он выступил в ранге министра иностранных дел нового правительства, которое было сформировано новым президентом Дмитрием Медведевым. Следовательно, эти идеи не могли не быть одобрены новым лидером. Так, Сергей Лавров утверждал: «Уже нет сомнений в том, что с окончанием “холодной войны” завершился... этап мирового развития — 400–500 лет, в течение которых в мире доминировала европейская цивилизация». Странное утверждение: казалось, что конец «холодной войны» означал конец антизападной и антиевропейской альтернативы, который был ознаменован падением СССР. Поверим министру, что на самом деле распад СССР означал не победу западной цивилизации, а ее собственное «завершение» (!). До сих пор мир думал по-другому — значит, мир ошибался.

Ну, и что теперь нас ожидает? Оказывается, мир стоит перед дилеммой: либо «через принятие западных ценностей... становиться Большим Западом»,

⁴⁶ Aron L. The Georgia Watershed, Russian Outlook, November, 2008, <http://www.aei.com>

⁴⁷ Тренин Т. Принуждение к партнерству, Брифинг, Московский Центр Карнеги. Т. 10, № 1. январь 2008 г.

либо «другой подход, и его продвигаем мы». Вот в чем этот «другой подход» заключается: «конкуренция становится подлинно глобальной, приобретая цивилизационное измерение, т. е. предметом конкуренции становятся в том числе ценностные ориентиры и модели развития»⁴⁸. Официальный представитель российской правящей команды заявлял, что Россия собирается предложить миру иную, не западную систему ориентиров и стандартов и даже иную модель развития. Вряд ли Сергей Лавров взялся импровизировать на свой страх и риск. Очевидно, он отразил соответствующую эволюцию мышления внутри кремлевской команды.

Еще недавно представители российской элиты говорили о том, что они принимают либеральные принципы, но осуществляют их в соответствии с российской спецификой. Теперь представители правящей элиты начали претендовать на обладание иной системой ценностей. Правда, непонятно было, какую именно систему ценностей была готова предложить мировому сообществу Россия — ту, которая развалила СССР в 1991 г.? Впрочем, и сам министр иностранных дел Лавров, видимо, запутался в цивилизационных измерениях. Ведь не далее как в 2007 г. тот же Сергей Лавров, объясняя причины «холодной войны», говорил: «Биполярная конфронтация была конфликтом внутри одной цивилизации, ибо оппонирующие силы были продуктом, пусть и разных, течений европейской либеральной мысли (!)»⁴⁹. Следовательно, СССР и Запад принадлежали к одной цивилизации и Советский Союз также был продуктом европейской либеральной мысли. Это, конечно, сильно сказано. Министру пришлось бы туго, если бы ему пришлось доказывать свою правоту в этом вопросе. Но в России открытая полемика с властью закончилась. Так что можно не беспокоиться о поиске доказательств. Меня в данном случае в замешательство повергает другое: если Запад и СССР принадлежали к одной европейской цивилизации, как уверял нас Лавров в 2007 г., то почему вдруг годом позже Запад и Россия начали конкурировать в «цивилизационном измерении»? Правда, в этом вопросе Лавров проявил гибкость, достойную высококлассного дипломата, утверждая, причем в одном и том же выступлении (в июне 2008 г.), что хотя «мы» предлагаем миру «другой подход» (кстати, кто такие «мы?»), тем не менее «Россия мыслит себя как часть европейской цивилизации, имеющей общие христианские корни». Этим он меня окончательно добил: как это можно быть одновременно частью европейской цивилизации и предлагать ей «другие ориентиры и модели развития»?

Оставим на совести мидовских спичрайтеров эти сногшибательные зигзаги мысли. Важно то, что именно Сергей Лавров соединил внешнюю и внутреннюю политику, чего не хотели и не хотят делать многие в России, пытаясь создать иллюзию, что расхождения России и Запада не имеют отношения к нормам и принципам. Российский министр сказал: «Нет! Имеют». И я с ним в этом вопросе соглашусь.

48 <http://www.mid.ru>. 20 июня 2008 г.

49 Известия. 30 апреля 2007.

Запомним выводы руководителя российского МИД. Ибо вскоре Лавров еще раз изменит свою позицию о месте России в цивилизационном контексте. Метания российского министра иностранных дел свидетельствуют о том, что российская элита продолжает пребывать в состоянии мучительного поиска, пытаясь каким-то образом найти приемлемое, если не убедительное, объяснение и российской системы, и ее поведения на международной сцене. Ведь нужно скрыть реальные мотивы действий российского государства и доказать, что Россия ничем не отличается от Запада, что и Запад такой же, как Россия. И в то же время нужно упомянуть для успокоения собственных традиционалистов, что Россия все же чем-то от Запада отличается и даже может с ним соперничать — не уточняя, в чем именно. Можно лишь посочувствовать тем, кто вынужден объяснять и легитимировать состояние российской системы и пытаться представить ее стагнацию как движение, ее судорожные броски в разные стороны — как стратегию, устремления правящего класса — как национально-государственные интересы, а отсутствие у него принципов — как новый вид идеологии прагматизма. Сочувствую, очень сочувствую... Тем более когда талантливые люди вынуждены тратить свою энергию и свою жизнь на то, чтобы убедить мир в том, во что они вряд ли верят сами.

Как бы то ни было, отныне внешнеполитическая доктрина Кремля стала определенной. Кремль дал понять, что он ожидает от Запада следующего: невмешательства во внутренние дела России; признания ее права на сферы ее влияния на постсоветском пространстве; включения России в состав коллективного управления миром; заключения с Россией соглашения об энергетической безопасности, которое бы гарантировало России долгосрочные контракты на поставки энергетического сырья и благоприятные условия для российского бизнеса на западных рынках. В ответ Москва была готова к учету интересов западного бизнеса на территории России. Но если Запад окажется не готов принять ее предложения, Москва дала понять, что будет действовать на свой страх и риск.

Это была модель выживания политического класса, который стремится пользоваться благами западного мира, при этом отвергая его стандарты. Такая модель работает по принципу: ситуативный прагматизм — все, принцип — ничто. Я ее определила следующим образом: «Быть с Западом и против Запада одновременно». Москва может до исступления защищать целостность Сербии, но одновременно подрывать целостность Грузии и угрожать расколом Украине. Россия заседает в совете Россия — НАТО, участвует в совместных с НАТО маневрах и даже миротворческих акциях на Балканах и одновременно считает НАТО своим основным врагом. Причем, стремясь удержать статус-кво внутри страны, который гарантирует власть нынешней правящей корпорации, Кремль пытается пересмотреть статус-кво, установившийся на мировой сцене после падения СССР. Быть догматиком и ревизионистом одновременно — таким стало кредо путинской эпохи.

Запад в очередной раз пошел навстречу Кремлю, приняв ряд элементов доктрины Путина. Западные лидеры и не пытались вмешиваться во внутренние дела России. Они старались смотреть сквозь пальцы на стремление Москвы восстано-

вить контроль за «ближним зарубежьем». И если бы не общественное мнение, то западные столицы (по крайней мере в Европе) постарались бы вообще забыть о новых независимых государствах.

А теперь о том, что происходило с помощью Запада российским реформам. Россия, получившая подпитку в виде нефтедолларов, в период правления Путина уже не нуждалась в западном содействии. И тем не менее Запад продолжал направлять в Россию финансовые средства, причем немалые. Так, помощь России и новым независимым государствам по линии правительства США увеличилась с 20% от объема всей американской помощи в 2000 г. до 36% в 2007 г. Давайте посмотрим, какие средства правительство США выделяло России в период второго президентства Путина, когда Кремль уже начал смотреть на Америку как на враждебную силу. На поддержку экономического развития России правительство США потратило с 2004 по 2007 гг. около 4 млрд долл.; на поддержку «совершенствования (!) государственного управления» России было предоставлено 264 млн долл.; на гуманитарную помощь — 35 млн долл.; на «инвестиции в людей» (вид гуманитарной помощи) — 100 млн долл.; на обеспечение проблем российской безопасности — около 3 млрд 556 млн долл.⁵⁰ Учтем, что большая часть этой помощи предоставлялась на программы, одобренные российской властью. Содействие в развитии демократии было самой незначительной статьёй в общем объеме американской официальной помощи России. Основные средства шли на содействие в осуществлении программ по укреплению российской безопасности и разоруженческие проекты.

Анализируя итоги деятельности США по оказанию политической помощи в период президентства Буша-младшего, американский наблюдатель Томас Карозерс писал: «Представление о том, что политика Буша представляет борьбу за демократию, является иллюзией, которая порождена случаем с Ираком... Буш использовал громкую демократическую риторику, но его политика была политикой реалиста. Вот основные элементы этой политики: стратегические отношения с Россией и Китаем, война с терроризмом, стремление иметь хорошие отношения с поставщиками энергии. Все это типичные элементы реализма, в котором демократия играет маргинальную роль»⁵¹. Реалистами были и представители нового поколения лидеров ведущих западных стран: Ширак, Блэр, Шредер и Берлускони. Когда лидеры малых стран на саммитах ЕС и России вдруг начинали робко поднимать вопрос об ограничениях демократии в России, они получали грозный окрик от Ширака либо увещевания от Шредера и Берлускони.

Однако стремление западных лидеров не рассердить Кремль и даже помочь, которую Запад продолжал направлять в Россию, не остановили ухудшения их отношений. В 2008 г. Россия и Запад оказались в ситуации политического противостояния. Путинский период в отношениях России и Запада завершился еще хуже, чем ельцинский период.

50 US Government Funds Budgeted for Assistance to Russia, <http://www.usaid.gov/pubs>

51 Carothers T. US Democracy Promotion during and after Bush, Carnegie Endowment for international Peace, Washington, 2007. P. 11.

Как российская элита использует Запад в своих целях

Наращение проблем в отношениях России с Западом вовсе не помешало российской элите активно и с особой изобретательностью использовать Запад в продвижении своих корпоративных и индивидуальных интересов на том же самом Западе. Этот факт говорит о поразительной способности российского правящего класса выживать при любых обстоятельствах и его умении использовать ситуацию по максимуму. Начав жаловаться на высокомерие Запада и ныть о своем унижении, российская элита нашла психологически верный подход к западным политическим силам и западному обществу, заставляя их постоянно оправдываться, объясняться, извиняться и даже обещать исправиться. А тем временем российский политический класс нашел способы — и их множество — не только осуществлять свою экспансию на экономическом и политическом поле западного сообщества, но и использовать последнее для поддержки чуждой этому сообществу системы. Для этого нужна немалая сообразительность и политическое искусство особого рода.

Набор средств влияния российского правящего класса на Запад достаточно широк: кооптирование представителей Запада в свои «сетевые структуры»; игра на противоречиях между западными странами; тактика устрашения; имитация и использование западных «двойных стандартов» для обоснования российских «двойных стандартов».

Кооптирование заключается в привлечении видных западных политиков на службу российской власти либо ее бизнесу. Немалую роль в формировании и доведении до совершенства этой политики сыграл пример бывшего германского канцлера Шредера, который согласился стать председателем правления компании «Nord Stream», короче, аппаратчиком Газпрома, а затем принял на себя и еще одну «обязанность» — роль независимого (!) директора компании ТНК—БП. Российские акционеры последней произвели настоящий переворот в ее менеджменте, выдавив британских менеджеров, что вряд ли могло произойти без поддержки Кремля, которому безразлично, что происходит с ведущими нефтяными компаниями. В новых условиях компании понадобился такой «независимый» директор,

как Шредер. Бывший германский канцлер активно отработывает полученное доверие на всех фронтах, включая и политический. Он ездит по миру, доказывая, что Россия — демократическая страна и нельзя критиковать российскую власть за недостаток демократического рвения: она делает для России все, что может. Он доказывает, что «Россия — европейская страна, и в России заложены для нас огромные возможности». Он атакует Америку за попытки дать членство в НАТО Грузии и Украине. В тяжелые для Кремля моменты он всегда готов подставить плечо своему другу Путину. После аннексии Россией Абхазии и Южной Осетии Шредер взывал к Европе: «Европа должна принять Россию, как любую другую страну, которая защищает свои интересы безопасности... Россия является ответственной, стабильной и такой близкой Европе страной»⁵². Словом, Шредер отлично справляется со своей новой ролью западного ходатая по кремлевским делам.

Пример Шредера показал Кремлю, что все на Западе имеет свою цену и нужно только не стесняться ее предлагать. Это был самый громкий пример кооптации западного политика российской властью, вызвавший в немецком обществе живое обсуждение и почти единодушное осуждение. Но, видно, потеря репутации перестала волновать бывшего германского канцлера. Некоторые другие западные политики, в частности бывший итальянский премьер Романо Проди и бывший министр торговли США Дональд Эванс (кстати, близкий друг президента Буша), которым Москва сделала не менее интересные предложения стать ее лоббистами, после некоторых размышлений отказались. Они сделали выбор в пользу репутации. Хотя, видимо, Эванс, которому Кремль и лично Путин предложили стать председателем правления Роснефти, колебался. Ибо он не отверг предложение сразу. Скорее всего, решил посоветоваться с Белым домом, и, судя по всему, Буш сказал ему что-то вроде следующего: «Дон, у тебя что, денег мало? Да ты из ума выжил!» Может быть, Буш сказал и что-то другое, но такое, что заставило Эванса отказаться от соблазнительного предложения. Правда, немало других западных политиков соглашались служить российскими лоббистами, не афишируя этого факта своей биографии. В их рядах есть и бывшие премьеры, и даже бывшие генсеки НАТО.

Валдайский клуб — еще один пример кооптирования Кремлем на сей раз представителей западного экспертного сообщества и журналистов. Николай Петров справедливо задавал вопрос, который он адресовал и участникам Валдайского форума: «Насколько с моральной точки зрения оправданно для западных аналитиков участвовать в Валдае — в проекте, который используется Кремлем как инструмент откровенной пропаганды? Я не единственный, у кого Валдайский клуб вызывает именно такие чувства. Я надеюсь, что многие участники валдайских встреч откажутся от кремлевского приглашения в следующем сентябре»⁵³. Поживем — увидим, насколько этот призыв будет услышан «валдайцами».

52 International Herald Tribune, September 17, 2009.

53 Petrov N. Valdai Voodoo // The Moscow Times, September 16, 2008.

Редко кто из самих западных участников Валдая осмеливался выходить на публику и критически либо с иронией отзываться о мероприятии, в котором он участвовал. Правда, кое-кто все же осмеливался. Так, это сделал Эндрю Качинс, директор российской программы американского Центра стратегических и международных исследований, в интервью российскому «Коммерсанту». «Моя голова идет кругом после недели, проведенной в России в качестве гостя Валдайского клуба — одного из наиболее эффективных кремлевских PR-проектов, — говорил Качинс. — ...Я вышел с впечатлением, что кремлевский босс — кто-то вроде Волшебника Изумрудного города, перед которым благоговеют и которого боятся, но который на самом деле отчаянно импровизирует, дергая за разные рычаги со смутной надеждой, что его усилия дадут эффект»⁵⁴. Но, как уже было сказано, не у всех «валдайцев» хватало куража так отзываться о кремлевском проекте: раз ляпнешь, а потом тебя больше не пригласят. А ведь для многих западных участников приглашение в Кремль и общение с российскими лидерами, очевидно, стало событием их жизни, которого они с волнением и трепетом ожидают в начале каждого года, гадая: «Пригласят — не пригласят?»

До 2008 г. валдайские встречи еще как-то можно было, пусть и с натяжками, считать клубом встреч, который предлагал западному аналитическому сообществу пищу для понимания российской власти и России. Можно было понять западных экспертов и журналистов, для которых увидеть живьем объекты своего исследования было не только интересно, но и важно с профессиональной точки зрения. Хотя неужели одной встречи было недостаточно, чтобы увидеть интригу мероприятия и его задачи?

Валдай-2008 имел совершенно очевидную цель, которую даже самые наивные либо идеалистически настроенные западные эксперты не могли не чувствовать. Осенью этого года российская власть отчаянно нуждалась в том, чтобы прорвать международную изоляцию, которая возникла после кавказской войны и признания Кремлем независимости Южной Осетии и Абхазии, ставшего способом российской аннексии грузинских территорий. Кремль срочно искал способ не просто подретушировать свой имидж. На этот раз Кремлю был необходим со стороны Запада любой сигнал, который бы мог быть интерпретирован как поддержка российских действий в Грузии. «Валдай» и стал инструментом решения этой задачи — притом весьма эффективным. Западные эксперты и журналисты не разочаровали российскую власть. Они приехали. Они внимали. Они даже встречались с лидерами непризнанных республик и президентом Чечни Рамзаном Кадыровым, которого и российские политики стараются обходить стороной. «Валдайцы» помогли Москве решить проблему легитимации кавказской войны и аннексии грузинских территорий. Именно так можно интерпретировать значение валдайских встреч осенью 2008 г.

Особенно благодарные либо наиболее простодушные, а может быть, и самые непонятливые из западных экспертов активно знакомят с кремлевскими

54 Коммерсант. 20 сентября. 2006.

аргументами аудиторию в своих странах. Мне не раз приходилось присутствовать на выступлениях «валдайцев», которые, принимая торжественную позу и меняя тембр голоса с осознанием собственной важности, при этом взирая с сочувствием на нас, непосвященных и не приближенных к кремлевскому трону, говорили притихшему залу: «Как мне недавно сказал Путин...», либо: «Мне Путин обещал, что не останется в Кремле...», либо: «Вы не понимаете, что в действительности думают Медведев и Кремль. Сейчас я вам объясню...» И Кремль начинал говорить их устами. Отдадим должное организаторам валдайского проекта, запустившим такую эффективную пропагандистскую машину.

Можно понять тех западных экспертов, кто на встречах с российскими лидерами хотел задать им вопрос, чтобы выяснить то, что они не могли понять без встречи с российскими лидерами либо членами их команды. Но непонятно, почему солидные и уважаемые в своих странах люди вдруг начинали выгибать спину и подобострастничать до такой степени, что не могли не вызвать насмешек тех, с кем они общались. Возможно, появившиеся у Путина в какой-то момент пренебрежительность и даже презрение к Западу явились отчасти и следствием его общения с «валдайцами». Посмотрите и сами решите, какую реакцию могли вызвать следующие обращения западных гостей к Путину и Медведеву. Тьерри де Монбриаль, директор престижного французского Института международных отношений, на встрече с Путиным в 2007 г.: «Господин Президент! Вы будете первым лидером в российской истории, который является очень сильным, но при этом умеет делить власть с другими и отказывается изменить Конституцию. Конечно, это является свидетельством того, что Вы демократ (!). Но кто бы ни стал следующим Президентом, в какой-то степени ему придется сосуществовать с Вами, так как Вы сказали, что Вы не хотите уходить на покой, на пенсию». Надеюсь, что это пример французской вежливости, и только. Но ведь насколько унижительный для экспертного сообщества! Де Монбриаль, однако, не одинок в выражении изысканных чувств российским лидерам. Вот как с ним конкурирует Александр Рар (Германия) на встрече с Медведевым (2008 г.): «Спасибо, Дмитрий Анатольевич. Вчера Владимир Путин нам сказал, что Запад упустил громадный шанс, не протягивая руку такому либерально и современно настроенному политику, как Вы. Я думаю, что наше Валдайское заседание сегодня — это начало такого диалога. Вы действительно либерал»⁵⁵. Я думаю, что российские лидеры слишком умны для того, чтобы получить удовольствие от такой откровенной лести.

Для того чтобы описать, как происходит процедура создания позитивного имиджа российской власти при помощи западных экспертов, мне придется прибегнуть к помощи самих участников валдайских встреч и процитировать их впечатления от общения с Кремлем. Так, известный журналист Джонатан Стил из британского «Гардиан», кстати, искренне сочувствующий России, признал, что выступления Путина и Медведева на встрече с участниками Валдайского клуба

55 <http://www.premier.gov.ru>

в 2008 г. в корне изменили его отношение к признанию Москвой Абхазии и Южной Осетии. «Сначала я думал, что это (признание независимости. — Л. Ш.) было ошибкой, — говорит Стил. — Но затем, услышав аргументацию вашего премьера и президента о причинах такого шага, я думаю, что сейчас одобрю эти шаги»⁵⁶. Британский эксперт Джон Лафленд был еще больше очарован российскими лидерами после Валдая. Вот что он писал о Владимире Путине: «Как бы ни ругали Путина на Западе — он все равно великий лидер. Его карьера — словно старый спагетти-вестерн: в городок на Диком Западе приезжает незнакомец, вычищает его от бандитов, а в конце, сделав дело, взбирается на коня — и снова исчезает на закате солнца. Тому, кто видит это, кажется невероятным, чтобы при Путине отношения Запада с Россией могли ухудшиться»⁵⁷. Ну разве кремлевские пропагандисты напишут так здорово!

Послушаем еще пару почти восторженных отзывов западных участников Валдайского клуба о российских лидерах. Вот что говорит итальянский журналист и европейский парламентарий Джульетто Кьеза: «Медведев подчеркнул, что сегодня Россия — не та, что в 90-е гг. прошлого века и даже в начале XXI века. Президент был выразителен и выглядел очень уверенно. Он не преминул даже подчеркнуть, что все трудные решения во время кавказского кризиса он принимал самостоятельно». А теперь процитируем американского политолога Ариэля Коэна, обычно чрезвычайно критически настроенного по отношению к Кремлю: «Я практически не знаю подобного случая в мировой практике, чтобы главы государств и правительств, люди, настолько ответственные и занятые, проводили так много времени и так детально объясняли политику своей страны. Конечно, для нас как для экспертов, которые более или менее влияют на развитие мирового общественного мнения, это исключительно важно». Все зависит от того, насколько те, «кто влияет на общественное мнение», понимают, для чего их пригласили и в какой степени они готовы заниматься распространением кремлевского продукта. «Главная же польза для России — в том, что этот форум вносит вклад в прозрачность и открытость страны», — уверяет журналистов британский эксперт Алена Леденева, таким образом подтверждая, что российские лидеры успешно справляются с ролью имиджмейкеров⁵⁸.

Вроде бы достаточно, но не могу не процитировать постоянного участника Валдайского клуба, британского колумниста из газеты «Индепендент» Мари Дежевски. На страницах своей газеты она постоянно преподносит британской аудитории свое видение России. Я приведу впечатления Дежевски от посещения Рамзана Кадырова и Грозного в сентябре 2008 г., а также комментарий одного из британских читателей по поводу ее наблюдений. Этот комментарий вселил в меня надежду на то, что западную аудиторию не проведешь и просто так лапшу на уши ей не повесишь.

56 <http://www.valday2008.rian.ru/news>

57 Daily Mail, September 23, 2007

58 <http://www.izvestia.ru>, 2007

Итак, Мари Дежевски, рассказав о посещении «валдайцами» зоопарка Кадырова со львами, переходит к описанию успехов чеченского президента: «...Мы должны отдать Кадырову должное. Грозный... стал феноменальным достижением, которое зародило надежду. Стали возвращаться беженцы. Грозный стал местом с приемлемым уровнем жизни...» А тем временем, переживает Дежевски, в Багдаде все гораздо хуже, и само упоминание Багдада с его проблемами («даже электричество отключают») в рассказе о Кадырове подсказывает читателю, кто более успешный менеджер — Кадыров или американцы.

А вот что отвечает Дежевски британский читатель: «Я не могу поверить, что вы превращаетесь в PR-агента Кадырова. Его интерес ко львам, Боже мой! Конечно, если он сам проявляет интерес к пожиранию людей, почему бы ему не заинтересоваться львами. Знаете ли вы, что происходит с людьми, которые не угодят Кадырову? Что же касается возрождения Грозного, то США могли бы добиться такого же результата в Багдаде, если бы они использовали кадыровские методы...»⁵⁹

Но выше были цветочки. Послушаем товарищей, которые, пожалуй, наиболее глубоко прониклись идеями, которыми с ними делились российские лидеры. По словам немецкого политолога Александра Рара, большинство членов международного дискуссионного клуба «Валдай» разделяют и понимают позицию России относительно событий на Кавказе. Отвечая на вопрос журналистов после встречи с Медведевым о том, стала ли позиция России по событиям на Кавказе яснее, Рар сказал: «Для меня она всегда была ясной. Я думаю, что 80% членов Валдайского клуба ее теперь разделяют и понимают после эмоциональных выступлений Владимира Путина, Дмитрия Медведева, Сергея Лаврова... И после нашего достаточно откровенного разговора с президентами новых признанных [Россией] республик Абхазии и Южной Осетии аргументов здесь достаточно». Это признание, не опровергнутое другими участниками, говорит о том, что либо российская власть может быть весьма убедительной, либо западные эксперты очень внушаемы. А может быть, мы имеем все это в одном флаконе.

Наконец, совершенно умиленное по искренности заявление: участники клуба «Валдай», по словам британского политолога Ричарда Саквы, вынуждены «быть осторожными». И затем он поясняет почему: поскольку «некоторые люди, которые не проявляют добрую волю в отношении России», обвиняют их («валдайцев». — *Л. Ш.*) в участии в пропагандистской кампании. «Я бы ни на минуту не задержался здесь, если бы это было так, если бы это было промывание мозгов, — убеждал публику Саква. — Мы почувствовали эволюцию, уверенность этой страны в себе, ее консолидацию»⁶⁰. Западный эксперт сам нашел название для той процедуры, в которой он участвовал.

Но это все мелкие и легкие кремлевские победы. Москва продемонстрировала, что способна и на более серьезные политические проекты. Одним из них, и

59 Independent, Open House, September 11, 2009.

60 См.: Интерфакс, 12 сентября 2008 и РИА Новости, 14 сентября 2008.

весьма успешным, является игра Кремля на различиях между интересами ЕС и его отдельных членов и использование зависимости европейских стран от российских энергоресурсов. Установив особые отношения с Берлином, Парижем и Римом, Кремль успешно торпедирует формирование не только единой энергетической политики ЕС, но и общей стратегии Европы в отношении России. Вовлечение отдельных европейских стран (Венгрии, Болгарии, Греции, Сербии) в осуществление российской энергетической политики в качестве «троянских коней» является еще одним проявлением политики по раскалыванию Запада. И можно было бы только порадоваться успехам российской дипломатии на этом поле, если бы не вопрос: ради чего осуществляются эти усилия? Ради развития России либо ради процветания ее правящей верхушки? И не платим ли мы, я имею в виду Россию, слишком высокую цену за попытки расколоть Европу, вместо того чтобы направить свою энергию на достижение иной цели — присоединения России к Европе?

Не менее успешной является российская политика выборочного устрашения, которую Москва использовала неоднократно, в частности отключая газ Украине и Беларуси, прекратив поставки нефти Литве по трубопроводу «Дружба», приостановив поставки энергоресурсов Чехии, наконец, вводя санкции против Молдовы и неоднократно против Грузии. Споры нет — Москва была права, переводя отношения со своими соседями и потребителями российских энергоресурсов на рыночную основу. Но характер перехода к рыночным ценам и само определение «рыночной цены», которое зависит от лояльности потребителей к Москве, свидетельствует о превращении энергоресурса в политический инструмент, что не может не деформировать рыночные принципы. «Все страны, имеющие энергоресурсы, используют их как политическое оружие», — возразят мне. Ответу: ни одна страна, которая это делает, не принадлежит к развитым государствам, а тем более не выдвигает претензий на членство в клубе либеральных демократий.

В последние годы Кремль даже рискнул начать политику устрашения крупных западных игроков, выбрав в качестве объекта Великобританию. Преследования посла Великобритании в Москве Энтони Brentона кремлевским движением «Наши», что немислимо без соответствующего указания власти, закрытие в России Британского Совета, действия по ограничению деятельности в России британских компаний «Шелл» и БП, наконец, «дело Литвиненко» и отказ Москвы выдать Великобритании подозреваемого по делу об убийстве британского гражданина — все это говорило о растущей самоуверенности хозяев Кремля. Дело дошло до того, что, как писала пресса Великобритании, российский министр иностранных дел Сергей Лавров позволил себе в весьма грубой форме поучать министра иностранных дел Великобритании Дэвида Милибанда, приведя в шок рафинированную английскую аудиторию. Неспособность Лондона найти адекватный ответ Москве, несомненно, подкрепила ее уверенность в самодостаточности. Наконец, война России с Грузией, которую Москва открыто назвала «американским проектом», должна была показать готовность России бросить вызов и единственной сверхдержаве. Впрочем, стоит отметить и естественное следствие этой самодо-

статочности — неизбежную консолидацию Запада против России. Пока этого не произошло. Но уж слишком энергично к этому подталкивает нерасторопный Запад российский политический класс.

Российская элита может похвастаться еще одним достижением — умением имитировать западные институты. В России существуют все институты, которые составляют основу западной демократии. Но они функционируют как прикрытие персоналистской власти. Российские лидеры активно используют либеральную риторику, и в российском правительстве до сих пор есть люди, которые известны как либералы. И все это вместе осложняет не только развитие реальной демократии в России, но и либеральную критику российской системы. Более того, существование бутафорских парламента, многопартийности, организаций, которые используют либеральные лозунги, в глазах общественного мнения дискредитирует либеральную демократию, порождая среди части населения тяготение к чистой модели авторитаризма. «Зачем нам содержать всех этих сервильных депутатов! — говорят иные граждане. — Пусть уж лучше правит кто-то один».

Не менее успешную роль в обосновании российской псевдodemократии играет использование Кремлем «двойных стандартов» Запада и слабых мест в западной демократии. Кремлевские пропагандисты постоянно твердят: «У нас еще много слабостей. Но посмотрите на Запад — там тоже коррупция. Там тоже криминал. Там есть ограничения прав человека». Особенно достается США, которые во времена Буша подмочили свою репутацию. «Почему Америка критикует Лукашенко? Чем Саудовская Аравия или Пакистан лучше Беларуси?» И действительно, чем они лучше? «Почему Запад не критикует Китай и Казахстан так, как он критикует Россию?» — вопрошают кремлевские пропагандисты. Запад редко отвечает на эти обвинения. Между тем на последние обвинения Запад мог бы ответить. Дело в том, что западные страны имеют все основания более критично относиться к России, чем они относятся к Китаю или Казахстану. Ведь Китай и Казахстан не являются членами Совета Европы и «Восьмерки» и не подписывали документы, которые подписывала Россия и в которых она обязывалась учитывать демократические ценности и уважать принцип верховенства закона. Поэтому Запад имеет право оценивать внутренние процессы в России с точки зрения более высоких критериев.

Российская элита с успехом использует западный бизнес, который оказался заложником российской системы. Определенная часть западного бизнеса вынуждена принять правила игры, которые диктует Кремль. Те, кто не хочет и не умеет учитывать своеобразие этих правил, не имеют в России шансов преуспеть. Правда, бывает, проигрывают и те, кто в целях выживания становится апологетом Кремля. Пример тому — история, произошедшая с президентом «Hermitage Capital» Билом Браудером, который активно оправдывал политику Кремля, в частности его действия в отношении Ходорковского, но которому тем не менее было отказано во въезде в Россию, ибо российской власти, видимо, не понравилась его чрезмерная активность. Этот случай говорит о том, что лояль-

ность не гарантия того, что западный предприниматель может успешно делать бизнес в России.

Стремление западного бизнеса сохранить свои позиции в России привело к тому, что его многочисленные представители стали лоббистами российского режима, которые стремятся в своих странах предотвратить любую критику России, опасаясь ухудшения отношений Запада и России. Пожалуй, наибольшую поддержку официальной Москве традиционно демонстрирует немецкий бизнес, что не может не влиять и на позицию германского правительства в отношении России.

Некоторые представители западного бизнеса стали частью олигархически-бюрократической системы, непосредственно участвуя в российских теневых отношениях. Так, суд Германии был вынужден начать расследование по делу немецкой компании «Сименс» по факту взяток, которые компания давала официальным лицам в России. А ведь «Сименс» просто-напросто согласился играть по российским правилам, чего не поняло немецкое правосудие. Такие случаи показывают, что западный бизнес, по крайней мере в лице своих отдельных представителей, поневоле стал играть роль стабилизатора системы, в рамках которой он нашел свое место.

Можно было бы только радоваться успешной тактике и гибкости, а также воображению российского политического класса и российского бизнеса, которые нашли способы использовать Запад. Но ведь эти успехи не облегчают восприятие Россией стандартов западного сообщества. Они не ведут к процветанию российского общества. Они лишь облегчают выживание элиты, которая сумела гарантировать для себя место на Западе, но которая закрывает Запад для российского общества. Причем эта элита дискредитирует Россию в западном сообществе, которое в ее лице вынуждено лицеизреть отнюдь не самые идеальные черты российской жизни и начинает приходить к выводу, что эта элита и есть вся Россия.

Как Россию унизили

То, как российские эксперты и политики оценивают отношения России и Запада и причины резкого похолодания в этих отношениях, произошедшего в 2005—2008 гг., говорит нам не только о внешней политике и ее восприятии среди российского правящего класса. По этим высказываниям мы можем получить представление и о ментальности политического класса России в целом, и о его готовности выйти из прошлого, и о его способности по-новому взглянуть на настоящее и будущее. Вот общий пафос того, что российская сторона думает о Западе: вину за состояние отношений России и Запада несет исключительно западное сообщество. В чем конкретно виноват Запад? В экспансии в сферу легитимных интересов России и использовании слабостей России в 90-е гг., в принуждении России к односторонним уступкам, в идеологизации своего отношения к России (Запад пытается учить нас демократии), а также в нежелании пересмотреть правила игры, возникшие после падения СССР. Эти претензии в адрес Запада объединяют представителей самых разных политических и идеологических течений, что позволяет говорить о том, что в России возник своеобразный элитный консенсус в подходе к Западу. Сознательно либо неосознанно политические и общественные силы, спорящие друг с другом по иным проблемам, сблизилась в своем стремлении указать на Запад как на основного виновника и того, что отношения России и Запада не сложились, и того, «почему все не так» в самой России. Причем этот консенсус сохранился и тогда, когда в начале 2009 г. Москва и Запад начали искать точки соприкосновения. Для такого единодушия есть как политические, так и психологические причины. Отчасти оно является следствием желания остаться в рамках государственного патриотизма и лояльности к власти либо неготовности вычленив свою собственную, а тем более иную позицию и противостоять господствующему мнению. Играет свою роль и отсутствие в России новой идеи национального согласия, и в этих условиях появляется тяготение к тому, чтобы объединиться по принципу «Против кого дружим?». Есть в российском политическом и экспертном сообществе и те, кто пытается возложить на Запад ответственность за свою неспособность предложить обществу конструктивную альтернативу традиционной модели развития: Запад-де помешал. В любом случае, взгляд на Запад как на коллективный образ «ответственного за все плохое»,

что происходит со страной в целом и личностью в отдельности, оказывается удобен для очень многих.

Запад в лице своих лидеров действительно несет свою долю ответственности и за дискредитацию либеральной демократии, и за ухудшение отношений с Россией. Но эта ответственность заключается вовсе не в том, в чем большинство российских аналитиков и подавляющая часть политиков обвиняет западное сообщество. Проблема не в том, что Запад наступал России на пятки, упрямо и настырно вмешивался в российские дела, требовал от России уступок, пытался диктовать ей свои правила и вообще загонял Россию в угол, всячески ее унижал и злорадствовал по поводу трудностей, которые она испытывала. Проблема в том, что западная цивилизация не сумела, не смогла, не захотела быть более принципиальной и в отношении самой себя, и в отношении России и ее правящего класса и оказалась неготовой предложить России стимулы, которые бы облегчили ее движение в сторону Запада. Сам же факт возложения на Запад всей вины и за провал российских реформ, и за ухудшение отношений с Россией имеет вполне определенную смысловую нагрузку, о которой будет еще сказано ниже.

Я не собираюсь откликаться на откровенно пропагандистскую и дешевую риторику. Мне бы хотелось обсудить аргументы экспертов или политиков, которые обычно рассматриваются как умеренные и даже как западники (либо сами себя так позиционируют). Послушаем, что они говорят. Вот как Алексей Арбатов формулирует самую распространенную в России точку зрения на основную причину ухудшения отношений Россия—Запад: «Это курс Москвы на изменение правил игры в отношениях России и Запада, сложившихся в 90-е гг. прошлого века, и нежелание Запада, прежде всего США, согласиться с этим». Речь идет об отказе Москвы от «парадигмы отношений... когда Россия вольно или невольно просто шла в фарватере США, когда с ее интересами не считались и ее мнением сплошь и рядом пренебрегали»⁶¹. Послушаем, как Сергей Караганов характеризует «главное содержание новой эпохи»: «Это контратака старого Запада, пытающегося сохранить или восстановить утрачиваемые позиции, остановить начавшийся передел мира». Что послужило поводом для «контратаки» Запада? Караганов поясняет: «Москва... взялась пересматривать правила игры, сложившиеся в отношениях с Западом в годы нашего хаоса и полураспада». Правда, сам Караганов сомневается в обоснованности российского реванша: «После унижений 1990-х годов такое высокомерие (Москвы. — Л. Ш.) было понятным, но контрпродуктивным»⁶².

В свою очередь, Константин Косачев считает, что продолжение прежней модели отношений с Западом для России означало бы «внешний контроль над российскими ресурсами» и «фактическую десоверенизацию» России⁶³. Что касается

61 Арбатов А. Москва — Мюнхен: новые контуры российской внутренней и внешней политики. Московский Центр Карнеги. 2007. № 3. С. 13.

62 Караганов С. Новая эпоха противостояния. <http://www.polit.ru>. 23 октября 2008.

63 Косачев К. Россия и Запад, наши разногласия // Россия в глобальном мире. № 4. июль—август 2007. <http://www.globalaffaires.ru>

стремления Запада захватить российские ресурсы, то это предмет постоянной озабоченности премьера Путина, который любит обвинять Запад в попытках «навязать нам нечестную конкуренцию и обеспечить доступ к нашим ресурсам»⁶⁴.

Наконец, вот далеко не полный список событий, которые в последние годы стали для Москвы основными раздражителями: расширение НАТО и в первую очередь стремление Запада включить в НАТО Украину и Грузию, провозглашение независимости Косово, размещение американской ПРО в Европе.

Больше всего претензий российская элита, естественно, высказывает в адрес США. Собственно, все российские претензии направлены Америке как лидеру западного мира, а остальные западные страны попадают «под обстрел» скорее по инерции, как идущие в фарватере Америки. Обратимся к бывшему министру иностранных дел Игорю Иванову, который дает следующий ответ на вопрос «Кто виноват?»: «В США зазвучали рассуждения о победителях и проигравших в “холодной войне”, которые изначально были запрограммированы на свертывание партнерства США с Россией... Америка... строила свой однополярный мир. Но это строительство или не учитывало интересы России, или было направлено против них»⁶⁵. Вот именно этот «однополярный мир» Америки, в котором не нашлось удобного места для России, пожалуй, и является общим знаменателем всех российских претензий, адресованных США. Российская экспертная и политическая общественность обвиняет американцев в том, что они занялись строительством мировой «вертикали» с собою во главе, которая не предполагает демократических международных отношений. Американская «вертикаль» мирового устройства постоянно вызывает громкое возмущение российского политического класса, который вполне удовлетворяет «вертикаль власти» внутри их страны и который демократизация мировой сцены волнует больше, чем демократизация собственного политического режима.

64 Выступление Владимира Путина 8 февраля 2008, <http://www.premier.gov.ru>
65 Коммерсант. 13 декабря 2008.

А теперь подискутируем

Приведенные выше аргументы российской стороны не потеряли своего значения и тогда, когда в начале 2009 г. появились некоторые признаки потепления, по крайней мере в отношениях России и США. Предлагаю читателю самому поразмышлять о том, насколько российские политики и эксперты, привыкшие годами обвинять Запад и прежде всего Америку во всех смертных грехах, будут готовы двинуться в противоположном направлении и начать дружить с американцами и европейцами. Конечно, если Кремль даст соответствующую установку, они будут вынуждены сменить рефрен, приглушить барабанный бой и наклеить вежливые улыбки. Но ведь политический класс, который привык самоутверждаться за счет превращения Запада в мишень, не может в одночасье отказаться от привычного поведения, главное, от своих комплексов. Тем более если они являются основой их самоутверждения. У меня лично нет сомнений в том, что российская элита рано или поздно, возможно, с еще большим пылом, вернется к своему излюбленному времяпрепровождению, т. е. к обвинениям и претензиям в адрес Запада. Так что имеет смысл обсудить, насколько все эти обвинения и претензии обоснованны. Заодно подумаем, насколько искренни заявления правящей команды, неожиданно заговорившей о необходимости сотрудничества с Западом.

Не буду идеализировать западных лидеров и западные элиты. Сами западные наблюдатели признают, что Запад в лице лидеров ведущих держав по отношению к России порой вел себя высокомерно, лишь углубляя российские комплексы. Но действительно ли Запад в 90-е гг. загнал Россию в угол? Вот как на эти обвинения отвечает бывший посол Великобритании в России, советник британского премьера Джона Мейджора Родерик Лайн: «Конечно, в отношении западных стран к Москве в начале 1990-х просматривается изрядная доля наивности, желаемое принималось за действительное. Во многом Запад вел себя бестактно и покровительственно, хотя делал это непреднамеренно. Но нельзя забывать, что уже в начале 1990-х Россию приняли в ряд демократических “клубов”, ей было предложено самое широкое участие во всевозможных международных организациях. Москва стала членом МВФ и Совета Европы. В Соглашении о партнерстве и сотрудничестве между Европейским Союзом и Россией было заявлено о “strate-

гическом партнерстве, основанном на общих интересах и ценностях”. Президент Борис Ельцин приглашался на саммиты “Большой семерки”, которая таким образом впоследствии превратилась в “Большую восьмерку”⁶⁶. Неужели эти действия, о которых напоминает Лайн, говорят о пренебрежении Запада в отношении России либо о стремлении ее ослабить? Процитирую и американского эксперта Рональда Асмуса, работавшего в администрации Клинтона, который недоумевает, почему российская элита все время жалуется: «Ведь с тех пор, как новые члены присоединились к НАТО десять лет тому назад, НАТО не провело ни одного военного учения, которое бы было направлено против России!»⁶⁷

Но это западные наблюдатели считают, что Запад Россию ничем не обидел, а, напротив, открыл двери в западную гостиную и пригласил присоединиться, а вот Россия приглашением не воспользовалась. Что по этому поводу скажут независимые российские исследователи? Обращусь к мнению эксперта-международника Андрея Кортунова. Вот его размышления по этому поводу: «Лидеры “Семерки” действительно открыли двери для вхождения России в западные структуры. Это приглашение было сделано еще при Ельцине и подтверждено при Путине. Пусть с оговорками, но оно было сделано. Но ведь реальный процесс вхождения в западные структуры требует постоянных и настойчивых усилий на всех уровнях. Мы могли бы гораздо эффективнее использовать те возможности, которые нам предоставили — и в рамках “Восьмерки”, и в отношениях с Евросоюзом и с НАТО, и в Совете Европы, и в ОБСЕ, и т. д. А мы не смогли этим воспользоваться — не хватило политической воли, упорства, последовательности. Не хватило элементарных знаний о том, как работают политические структуры в условиях демократии. Мы хотели решать вопросы на уровне саммитов и общих деклараций — не получилось. Хотели найти альтернативных союзников — тоже как-то не вышло. Так кого же теперь винить в том, что Россия оказалась в одиночестве?»

Обратим внимание на одну любопытную деталь в аргументации российских защитников «обиженной России». Обычно, говоря об экспансионизме Запада, вынуждавшего Россию идти на уступки, они обращаются к ельцинскому прошлому. Сегодня нет табу на его критику, причем нередко уничтожающую. Поэтому можно и поупражняться. Ельцина критикуют за «мягкость» в отношении Америки и постоянные унижительные отступления перед Западом. Между тем справедливости ради стоит отметить, что Путин в период его первого президентства был не менее «мягок» в отношении Вашингтона. Так, именно при нем НАТО оккупировало Косово. При нем США в одностороннем порядке вышли из Договора ПРО. При нем же американцы начали тренировать и вооружать грузинскую армию. При нем произошло самое большое расширение НАТО, когда в альянс вступили бывшие советские республики. При нем и при его согласии США создавали свои базы в

66 Лайн Р. От мегафона к микрофону // Россия в глобальном мире. № 6. ноябрь – декабрь 2008.
<http://www.globalaffaires.ru>

67 Asmus Ronald D. Dealing With Revisionist Russia // New York Times. December 13. 2008.

Средней Азии. Но в те годы эти действия США не повлияли на дружеские отношения Путина и Буша. Путин не критиковал тогда Америку за ее экспансионизм и даже фактически ему потакал. Если следовать логике российских защитников Отечества, то тогдашний президент Путин проводил политику уступок, которая противоречила национальным интересам. Почему они молчали тогда и молчат по этому поводу сейчас, а клеймят исключительно ельцинский период?

Хорошо, пойду навстречу защитникам «униженной» России и даже соглашусь, что основанием мягкости Путина в отношении Америки и Запада в период его первого президентства могло быть его ожидание, что Запад пойдет ему навстречу и гарантирует такой пакт с Россией, который бы отвечал интересам Кремля. Запад же не оправдал этих ожиданий. Но если такое объяснение верно, тогда прежнего президента России можно обвинить в ошибочной оценке реальности и в том, что на ее основе он проводил неверную политику. Почему же тогда его никто за это не упрекает? Неужели уважаемые критики ельцинского периода ждут, когда закончится путинский период и можно будет сказать о нем все, что они действительно о нем думают? В таком случае, они вряд ли могут нас убедить в искренности своего беспокойства о судьбах и достоинстве России.

Еще раз дам своим оппонентам фору и соглашусь, что Запад добивался (и добивается) от России «односторонних уступок», стремясь ее ослабить и занять ее сферы влияния. Но зачем Западу слабая и наверняка ущербная, обозленная Россия, бряцающая ядерным оружием? Наконец, почему приближение западной цивилизации к России является угрозой, а не благом и гарантией безопасности для российского общества? Ведь бывшие коммунистические государства, которые вошли в западную сферу влияния (стали членами ЕС и НАТО), демонстрируют большую стабильность и гарантии развития, чем государства, оставшиеся вне этой сферы. Правда, в 2008—2009 гг. глобальный финансовый кризис ударил и по этим странам. Но есть все шансы, что совместно, помогая друг другу, они выйдут из кризиса без социальных и политических революций. Напротив, те страны, которые остались в ничейной зоне либо в российской сфере влияния, менее развиты, более неустойчивы, и непонятно, как они справятся с накатывающим валом экономических проблем. Любопытно и то, что, даже находясь в российской сфере влияния и фактически являясь клиентами Москвы, пользуясь российской помощью, российские союзники не ощущают никакой привязанности либо благодарности в отношении России и постоянно смотрят на сторону. Чтобы убедиться в этом, стоит только понаблюдать за поведением белорусского президента Александра Лукашенко. Наконец, благодаря вступлению в общеевропейские институты бывшие коммунистические государства преодолели прежние взаимные подозрения и историческую враждебность, как это сделали Франция и Германия, Германия и Польша, Румыния и Венгрия.

Короче, поставим следующий вопрос: неужели не в интересах России иметь вокруг себя стабильные и успешные государства? А если да, то в таком случае почему шаги, которые позволяют этим государствам стать стабильными и успешными, Москва считает угрожающими ее безопасности? Ведь это признание почти по

Фрейду, которое говорит, что именно Запад, а не Россия, заинтересован в благополучии окружающего Россию мира — а вот Россия в этом не заинтересована.

Те же шаги, которые российские эксперты с возмущением называют «односторонними уступками» России Западу, на практике означали отказ от имперских притязаний, на обеспечение которых в 90-е гг. у России просто не было ресурсов. Неужели нужно было безрассудно бороться за сохранение советской империи, которую Россия не могла удержать? Но даже если Россия пошла, как считают эксперты, на неоправданные уступки, то ведь это сделала правящая команда при Ельцине и Путине. Почему в таком случае не спросить с этих людей, значительная часть которых все еще пребывает у власти, за их действия?

Между тем Запад, и в том числе США, довольно часто шли на уступки Кремлю. Так, западные лидеры не напоминали Путину о второй чеченской войне и жестокостях, с нею связанных. Они забыли о правах и свободах в России. Американский исследователь, бывший член команды Клинтона Стивен Сестанович напоминает, что именно администрация Буша признала за Россией статус страны с рыночной экономикой, поддерживала ее вступление в ВТО, предложила Путину стать председателем «Восьмерки» и согласилась провести ее саммит в Питере, повысила статус России в совете Россия—НАТО, инициировала многомиллиардный пакет помощи России, которая является новой версией программы Нанна—Лугара⁶⁸. Я же, в свою очередь, спрошу: а что Америка получила от России взамен, кроме кратковременного сотрудничества в период войны в Афганистане, которое Москва вскоре начала сворачивать, а теперь о нем сожалеет?

Еще одна российская претензия в адрес Запада состоит в том, что Запад отказывается изменить правила игры, возникшие в мировой политике в 90-е гг., после распада СССР. Между тем часть требований Москвы Запад пусть и нехотя, но выполнил. Запад отнесся осторожно к просьбам Украины и Грузии вступить в НАТО и не пошел на предоставление им ПДЧ (плана действий по подготовке членства в НАТО). Европейские страны активно заключают с Россией двусторонние договоренности по вопросам энергетической безопасности, которые учитывают интересы Газпрома. Но неужели можно ожидать, что западное сообщество решится на удовлетворение всех российских предложений, в частности пойдет на роспуск НАТО, откажется от попыток ОБСЕ проводить демократический мониторинг и предоставит Газпрому гарантии быть навечно единственным поставщиком энергоресурсов в Европе? Любая попытка западных лидеров пойти на такой пакт с Кремлем была бы их политическим самоубийством. Кто же на Западе может в здравом уме пойти на возрождение советской империи! Неужели российские эксперты не понимают, что требуют от Запада невозможного?

А теперь о требовании Москвы, прозвучавшем уже из уст президента Дмитрия Медведева в 2008 г., чтобы мир признал ее «сферы привилегированных

⁶⁸ Программа Нанна—Лугара была одобрена в США в 1992 г., и ее целью была помощь России в ликвидации оружия массового поражения на территории бывшего СССР.

интересов». Неужели кто-то в Москве искренне верит, что даже самые верные — Армения и Беларусь — вдруг добровольно согласятся стать российскими спутниками?! Думаю, что даже наиболее энергичные представители кремлевской команды, желающие взять под опеку новые независимые государства, прекрасно понимают, какие сложные чувства и, главное, какую реакцию в новых независимых государствах вызовет российская забота. Значит, расчет на то, что придется ломать союзников через колено? Но эта тактика может сегодня не сработать даже с самыми лояльными. Вряд ли даже Лукашенко согласится надеть на себя кафтан кремлевского приказчика. А может, идея «сферы привилегированных интересов» означает готовность Кремля взять своих спутников на полное содержание? Еще недавно российский бюджет мог бы выдержать и прокормить несколько государств-союзников. Но теперь у России будут проблемы даже с прокормом Абхазии и Южной Осетии.

«Ну что выцепляетесь к лозунгам, которые оказались несвоевременными, — возразит мне уставший от моих придилок умеренный прагматик. — Кремль больше не настаивает на своих сферах влияния». А Абхазия и Южная Осетия, где планируется строительство российских военных баз? — возражу я. Кроме того, официально российские лидеры не отказались от того, что они провозгласили в 2008 г. Следовательно, установки сохраняются в силе. И дела не меняет тот факт, что представители правящей команды начали искать более гибкие трактовки понятия «привилегированные интересы».

Допустим, президент Медведев начал раскаиваться в выдвижении идей, которые теперь осложняют его диалог с Западом. Но о чем говорит то, что российская власть сама создает проблемы, которые будут затруднять ее жизнь? И почему российские эксперты вместо того, чтобы предупредить Кремль о том, куда он вляпывается, предпочитают либо помалкивать, либо рукоплескать?

Хотя трудно допустить, что российские «ревизионисты», т. е. сторонники изменения правил игры и возврата к периоду до 1991 г., сознательно, подчеркиваю, сознательно требуют того, что невозможно, не понимая, что это невозможно. Не исключено, что кое-кто из них не видит разницы между тем, что реально, а что абсурдно. Но я не собираюсь реагировать на тех, у кого проблемы с адекватностью. Я разговариваю с теми, у кого таких проблем нет. Если «ревизионисты» осознанно выдвигают нереалистические требования, следовательно, они не могут не понимать, что результатом этого упражнения будет создание впечатления неуступчивости Запада и его плохого отношения к России. Зачем это нужно? По-видимому, для того, чтобы иметь постоянные основания для обиды и новых призывов к реваншу.

«России не дали возможности отстаивать свои национальные интересы», — утверждают российские эксперты. Но какие двери Запад закрыл, чтобы помешать им отстаивать? Еще более важен вопрос: в чем состояли (и состоят сегодня) национальные интересы посткоммунистической России? В том, чтобы сохранить влияние на Балтию? Не пустить Польшу в НАТО? Воспрепятствовать западному

влиянию на Россию? В таком случае, в понимании экспертов национальный интерес России заключается в том, чтобы сохранить все как было до распада СССР. Но почему, позвольте спросить, наши защитники достоинства России пытаются сохранять рецидивы больного имперского сознания нации и ищут пищу для новых комплексов? Почему национальным интересом России должно быть возвращение в прошлое, а не движение в будущее? Ведь, по существу, Россию призывают вернуться в состояние, которое привело к распаду Советского Союза. А где гарантия, что возврат в это состояние не приведет к новому распаду России?

Задумаемся и о том, кому конкретно выгоден тезис об унижении России, о неуважении к ней со стороны Запада. Ответ не требует сложных размышлений — этот тезис необходим в первую очередь российской власти. Для чего? Для того чтобы отвлекать внимание населения от внутренних проблем, от антинациональной сущности класса рантье, который правит Россией, от факта превращения страны в сырьевое государство. Сознательное муссирование темы унижения позволяет подпитывать подозрительность и даже враждебность российского общества по отношению к окружающему миру. И никакие разрядки в отношениях с Западом не заставят российский политический класс отказаться от пропаганды, которая укрепляет в обществе ощущение недружеского окружения. Ибо отказ от этой пропаганды означает и другой способ правления Россией. Что-то не видно, что нынешние правители готовы к такому вызову. Кстати, для некоторых политиков и экспертов постоянные напоминания об обидах и унижениях со стороны западных держав стали хорошо оплачиваемой профессией. Неужели они теперь откажутся от того, что умеют делать, не умея делать ничего другого!

Кстати, Кремль заинтересован в том, чтобы постоянно напоминать об унижении России и западному сообществу. Нужно признать, что эта песня о российском унижении действует на впечатлительные западные круги, которые начинают испытывать угрызения совести. Эти угрызения совести находят выход в попытках относиться помягче и понисходительнее к российской власти.

Российские политики, а вместе с ними и эксперты, упорно напоминая, что Запад обижает Россию либо угрожает России, предпочитают помалкивать о реальных угрозах, с которыми столкнулась Россия: о демографической катастрофе, социальных разрывах, националистической волне, беспокойном Северном Кавказе, нестабильных южных границах. Неужели российские аналитики, которых волнует тема унижения России со стороны Запада либо западных угроз, не понимают, что они затрудняют понимание реальных вызовов, которые стоят перед Россией? Разве это не антинациональная позиция?

Некоторые эксперты считают своей миссией не дать нам забыть о величии и глобальной миссии России. «Россия остается самостоятельным центром силы, сохраняющим суверенитет во внутренних и международных делах», — убеждает нас Вячеслав Никонов⁶⁹. Да, действительно, благодаря ядерному статусу и энер-

69 Никонов В. Доктрина Медведева // Известия. 6 февраля 2008.

гетическим ресурсам Россия является центром силы. Но задумаемся, насколько полноценным является этот центр силы. Почему, позвольте поинтересоваться, государства, которые вращаются на орбите этого центра и входят в его союзы, не проявляют к нему должного уважения? Почему ни один российский союзник так и не признал Абхазию и Южную Осетию, тем самым оставив Кремль в одиночестве? Не повредит поразмышлять о том, как совместить понятие «центра силы» с тем фактом, что Россия по характеру своей включенности в глобальные процессы является «бензиновым государством», т. е. тем, что называется обычно «retrostate». Непонятно, как «центр силы» позволяет себе быть сырьевым приложением других «центров силы». Еще больше вопросов в этом контексте возникает, если мы взглянем на весьма нетривиальную ситуацию, которая возникла в период последней «газовой войны» России и Украины. Ведь Москве пришлось упрашивать Брюссель и европейцев прийти и рассудить конфликтующие стороны. О чем это свидетельствует? О том, что Россия отказалась от роли «самостоятельного центра силы» либо пересмотрела прежнее понимание унижения? Не забыть бы проконсультироваться по этому вопросу с Вячеславом Никоновым...

Не могу не обратить внимание на постоянные противоречия в позиции уважаемых российских коллег, которые сталкиваются с немалыми проблемами, когда хотят совместить тезис об «унижении России» с тезисом о ее державном величии. Создается впечатление, что они сами не могут решить, где кончается «унижение» нашего Отечества, а где начинается его величие и могут ли эти два состояния сосуществовать. Обычно периодом «унижения» для российских ревизионистов являются 90-е гг. А путинский период — это период «вставания с колен» и превращения в глобальную державу. Но тогда непонятно, почему именно в период «обретения силы» они затянули свою песню о прошлом унижении — охота раздирать раны... Непонятно, в какой степени они рассматривают в качестве унижения Косово, ПРО и поддержку Западом Украины и Грузии. А если и это унижение, то как его совместить с одновременным превращением России в «центр силы»? В общем, получается какая-то сумятица... Хорошо бы, чтобы нам наконец объяснили, в каком состоянии мы находимся. Иначе не только у российских экспертов, но и в российской коллективной ментальности может закрепиться комплекс «раздвоенного сознания», который, как известно, лечится с трудом.

Наконец, как сочетается утверждение о России как державе и «центре силы» с тем состоянием, в котором Россия оказалась в результате глобального финансового кризиса? Впрочем, это уже отдельная тема. Замечу здесь только, что те, кто еще вчера нас убеждал в том, что Россия — чуть ли не единственное в мире суверенное государство, сегодня пытаются нам доказывать, что истоки российского экономического кризиса в Америке. Значит, оказывается, что Россия не столь уж и суверенное государство, если ее начало так корежить из-за того, что происходит в Америке, и если выход России из кризиса зависит от того, как и когда с кризисом справится Америка. А что говорит о суверенитете России тот факт, что ее выход из кризиса не в меньшей степени зависит от становления Китая в

качестве глобальной державы? Понимание этой, видимо, неизбежности должно заставить наших «стратегов», а по совместительству и пропагандистов, глубоко задуматься над тем, как теперь находить взаимосвязь между «унижением» и «величием» России. Посмотрим, как они с этим интеллектуальным вызовом справятся.

Не забудем еще об одном тезисе — об «угрозе десоверенизации» России, в частности об угрозе «внешнего контроля» за российскими ресурсами, о которых нам напоминают ведущие российские международники. В жизни мы видим противоположный процесс — вытеснение как западных, так и российских частных инвесторов из сферы эксплуатации сырьевых ресурсов и экспансию в эти сферы государства. Но экспансия государства в экономике не помешала России превратиться в сырьевой придаток развитых государств. Вот этого направления десоверенизации России российские эксперты, да и политики тоже, почему-то не замечают. Возникает подозрение, что чем больше Россия превращается в сырьевое государство, стабильность которого зиждется на экспорте энергоресурсов, тем громче российские защитники «достоинства России» поднимают вопрос о попытках Запада «десоверенизировать» нашу страну. Трудно избежать впечатления, что здесь есть вполне осознанная причинно-следственная связь.

Напомню, кстати, что это не западные страны решают, должна ли Россия им продавать сырую нефть либо продукты ее переработки. Это российское правительство все не удосужится построить высокоразвитую экономику и продавать на Запад высокотехнологичные продукты. Словом, мы наблюдаем то, что в народе называется «с больной головы на здоровую».

Нет у коллег времени обратить внимание и на другой процесс десоверенизации — ограничение суверенитета народа в пользу правящей бюрократии. Впрочем, если бы этой десоверенизации не было, разве была бы у кого-нибудь нужда говорить об угрозе той другой, внешней «десоверенизации», которая так волнует российских экспертов?

В июне 2008 г. президент Дмитрий Медведев подписал Концепцию внешней политики России, в которой говорится: «Реакция на перспективу утраты историческим Западом своей монополии на глобализационные процессы находит свое выражение, в частности, в инерции политико-психологической установки на “сдерживание” России, включая попытки использовать в этих целях избирательный подход к истории, прежде всего к истории Второй мировой войны и послевоенного периода». Это положение отражает фактический возврат российской правящей команды к риторике советского периода, когда идеология государства была выстроена на вере в неизбежность падения капитализма и заката западного мира. Мы знаем, чем кончилось это ожидание — распадом СССР.

Какими бы ни были новые веяния на мировой сцене, пока официальная внешнеполитическая доктрина России остается прежней и вновь ориентирует страну на уход западной цивилизации с глобальной арены. Что это означает на практике? Курс на соперничество с западной цивилизацией, а не на сотрудничество с нею. Зачем сотрудничать с тем, что уходит? Но что конкретно авторы кон-

цепции хотят противопоставить уходящей цивилизации, непонятно. У них, может быть, и было кое-что в запасе, когда готовилась концепция и сохранялась вера в нескончаемый приток нефтедолларов. Но что может Россия предложить миру, когда она, застигнутая врасплох экономическим кризисом, вынуждена просить западных кредиторов об отсрочке своих долгов и о новых заимствованиях? Мне могут возразить, что Концепция внешней политики РФ готовилась в период бурного экономического роста России и уверенности в ее дальнейшем возвышении. В таком случае нужно подумать о ее корректировке и приведении в соответствие с изменившимися обстоятельствами. Иначе получается, что Россия вынуждена обращаться за помощью к уходящей в прошлое цивилизации. И как же Россия в этом случае выглядит — как отражение предпрошедшего времени?!

А как можно «сдерживать» Россию через трактовку истории, лучше спросить у авторов внешнеполитической доктрины, если когда-либо они обнаружатся. Стремление отстоять прежнюю трактовку истории Второй мировой войны и послевоенного периода является еще одним доказательством того, что российская элита не готова выйти из советской (имперской) ниши и не готова ни подвести черту под своим тоталитарным прошлым, ни дать это сделать другим государствам. Причем российский политический класс ожесточенно спорит с новыми независимыми государствами, которые, устав ждать от Москвы отмежевания от сталинизма, начинают свое осмысление советской истории. «Не имеете права! — в негодовании кричат из Москвы прибалтам, украинцам, грузинам. — Это наше общее прошлое. Не трогайте его без нашего разрешения. И потом, мы тоже пострадали. У нас голодоморов было больше, чем у вас!» Из соседних столиц на это отвечают: «Ну, так давайте вместе и скажем нашим народам правду». Но Москва стоит на своем: «Нет, нужно сначала создать комиссию». Создание «комиссии по прошлому», как мы помним из нашего общего опыта, всегда лучший способ не рошить прошлое.

Между тем трудно ожидать нормализации отношений между Россией и теми ее соседями, которые были жертвами этого российского прошлого. Президент, от которого ожидали либеральной оттепели, продемонстрировав преемственность с советской геополитикой, таким образом подтвердил цивилизационное размежевание с западным сообществом. Как тут ожидать от российских экспертов, которые хотят остаться в *mainstream*, иных идей, даже если они понимают вздорность того, что они вынуждены обосновывать?

Впрочем, в апреле 2009 г., выступая перед студентами в Лондоне, российский президент Медведев заговорил по-другому, заявив: «...Наш выбор ни в чем не отличается от выбора других европейских стран. У нас один и тот же вектор развития. И поэтому мы хотели бы рассчитывать на равноправное и доверительное партнерство по всем вопросам»⁷⁰. Можно предположить, что российский президент больше не считает, что Запад утратил свою «монополию на глобализа-

70 www.kremlin.ru, 7 апреля 2009 г.

ционные процессы». Если российский лидер теперь полагает, что российский выбор «ни в чем не отличается» от выбора других европейских стран, то этот вывод может означать две вещи: либо Медведев пересматривает свои предыдущие заявления по внешней политике и принципах устройства России, либо он занялся имитационной риторикой. Сам же факт столь противоречивой трактовки российской властью экзистенциальных для России проблем свидетельствует не просто о состоянии умов наверху, но о драматической ситуации отсутствия у России и ее правящего класса вектора движения.

В этом контексте не могу не вспомнить и о некоторых свидетельствах усиливающегося разброда внутри российского политического класса. Так, в последнее время некоторые ведущие российские международники явно начали ощущать дискомфорт в отношении собственной же позиции. Возможно, начавшееся брожение внутри политического класса, а скорее стремление части кремлевской команды возвратиться к диалогу с Западом заставили наших борцов с унижением России и ее «десуверенизацией» умерить свою воинственность. Приведу пример, когда один из уже цитированных мною известных политиков на заседании Совета по внешней и оборонной политике (СВОП) в апреле 2009 г. неожиданно для всех (возможно, что и для себя) подверг уничтожающей критике политику Кремля, а заодно и свои прежние аргументы. Коль скоро согласно правилам СВОП выступающих нельзя цитировать без их согласия, я лишь приведу основные мысли оппонировавшего самому себе международника, которые были опубликованы в печати. Итак: причину российского антиамериканизма он увидел в «обиде» на то, что Америка развивается, а Россия по-прежнему в своем развитии отстает. Ни одно направление в повестке дня российской внешней политики — ни заявка на глобальное и региональное лидерство, ни национальная модернизация — не были воплощены на практике. Россия строит свою повестку дня на отрицании повестки дня своих партнеров. В качестве примера докладчик привел «план Ахтисаари» по Косово. Хорош он был либо плох, но он существовал, заявил выступавший, а у России и такого плана не было. То же самое можно сказать о Кавказе, где Россия только реагировала на события, и в результате мы получили август 2008 г., когда не оставалось ничего другого, как воевать. Москва понимает, чего от нее хотят партнеры, но они не понимают, чего от них хочет Россия. Наконец, пора заниматься креативом, — призывал наш смельчак, — пока же наша внешнеполитическая программа является «импотентной». Вот что вдруг вырвалось у политика, который так долго пытался обосновывать действия Кремля. Лучше не скажешь... Возможно, человеку действительно надоело быть пропагандистом. Но сможет ли коллега повторить эти слова открыто? Либо хотя бы написать меморандум высшему руководству? Судя по всему, как рассказывает Аркадий Дубнов, напечатавший эти откровения, осмелевший было политик-международник пошел на попятную, неловко закончив: «Я не говорю о МИДе — а так вообще...»⁷¹ Впрочем, почти в то же время на парламентских слушаниях

71 Дубнов А. От импотенции — к конвергенции // Время новостей, 15 апреля 2009.

о том, как улучшить российский имидж за рубежом, тот же самый политик предложил не изменить политику, которую он в другом месте назвал «импотентной», а «обрушить репутацию международных оппонентов», доказывая, что «информационное противостояние сейчас столь же востребованный инструмент, как и экономика и как военная составляющая». Так что в публичной дискуссии можно было повторять вещи, от которых потом становилось неловко. Ну что же, периоды откровений имеют свои ограничители. Но само признание сущности российской политики из уст ее создателей и защитников дорогого стоит. Это признание свидетельствует, что они-то прекрасно осознают, что они делают, и понимают то, что получается в результате их деятельности.

Америка — как точка отсчета и как повод для самоутверждения

Отдельно порассуждаем о претензиях к Америке. Претензии к американцам проявляет все мировое сообщество — это самая популярная тема для обсуждения, когда речь заходит о внешней политике. Этот факт только подтверждает, что Америка для многих является либо точкой отсчета, либо поводом для решения собственных проблем. Гегемонистские порывы США являются предметом постоянной критики всех американских союзников, причем даже самых близких. Но почему-то эта критика никогда не вела к враждебности, а тем более к их противостоянию с Америкой. Гегемонизм Америки критикуют сами американцы, причем самые просвещенные и влиятельные. Так, покойный Сэмюэль Хантингтон давно начал называть Америку «сверхдержавой-изгоем» и даже «мировым шерифом». Тот же Хантингтон постоянно говорил и об усиливающемся одиночестве Америки. В свою очередь, Бжезинский определял поведение Америки во времена Буша-младшего как «самоубийственное». Но эта «сверхдержава-изгой» сегодня, кажется, уходит в прошлое. В связи со сменой американской администрации и приходом в американский Белый дом Барака Обамы отношение к Америке в мире меняется и мировое сообщество начинает опасаться заикливания Америки на своих проблемах и ее самоизоляции. Мир с надеждой ожидает от Америки нового миссионерства. Так что российские эксперты, продолжающие обвинять Америку в диктате и стремлении навязать себя мировому сообществу, остались в другом временном измерении. Впрочем, не в первый раз наши коллеги не успевают за переменами.

Давайте посочувствуем им и все же отнесемся серьезно к их опасениям. Допустим, США продолжают испытывать потребность поруководить миром и нами с вами. Допустим, что недавние американские провалы и приход Барака Обамы, настроенного на сотрудничество с окружающим миром, не смогут унять американские глобальные амбиции. Что же российской элите не нравится в гегемонизме Америки? Бывший российский министр иностранных дел Игорь Иванов, высказывая мысли многих российских политиков и наблюдателей, констатирует: «Даже в годы идеологической войны и блоковой конфронтации отношения наших стран были присущи элементы партнерства... Существовали неписанные, но вполне определенные правила игры, которые для обеих сторон жестко обозначали границы дозволенного

и устанавливали «красные линии»...» Сейчас, сетует Иванов, таких границ больше нет, и он возлагает за это ответственность на оставшуюся сверхдержаву. В таком же духе, но более резко, размышляет и преемник Игоря Иванова министр иностранных дел Сергей Лавров. Действительно, оба министра правы в описании произошедшей эволюции: возникает впечатление, что в отношениях России и США больше нет «красных линий», которые бы обозначали границы дозволенного. Но кто стер эти линии — Америка?

Давайте разберемся. Возвращение к прошлому опыту помогает увидеть суть сегодняшней реальности. Во времена «холодной войны» Россия и Америка были противниками, которые установили вполне успешную систему взаимного сдерживания. Она работала, ибо шаг за пределы «красной линии» означал войну ядерных держав. Это был пакт враждебных друг другу цивилизаций, стремящихся не доводить дело до конфликта. Сегодня подобный пакт с новыми «красными линиями» невозможен просто потому, что Россия не хочет быть цивилизацией, враждебной Западу. Россия хочет сидеть в западных клубах, и она там сидит. Значит, прежние правила с «красными линиями» не работают. А новое партнерство не получается не потому, что потенциал России несравним с потенциалом США, а потому, что Россия в ценностном смысле все еще чуждая Америке страна. В итоге сейчас ситуация оказывается более непредсказуемой и опасной в силу двойственного характера российского государства, пытающегося играть две противоречивые роли — и партнера, и противника Запада. Америка, которая отвечает за многие безобразия в мире, в данном случае как раз ни при чем.

Занимательно, что шквал российских обвинений в адрес США начался тогда, когда даже Буш стал ходить по мировой сцене на цыпочках, пытаясь смягчить прежнюю грубость и однолинейность, и когда он возвратился к многосторонней дипломатии. Когда Буш упражнялся в воинственности и швырял бульжниками, Москва с ним дружила и не обижалась на Америку. Когда же Буш сник, когда Кондолиза Райс села в самолет и начала свои челночные рейсы по миру с тем, чтобы находить компромиссы и искать союзников, тогда Москва вдруг почувствовала себя в опасности и начала громить «однополярный мир»!

Что же касается любимого российскими экспертами и политиками рефрена о том, как плох и опасен однополярный мир, я лучше приведу пассаж журналиста Юлии Латыниной, которая с присущим ей сарказмом писала: «И почему наши борцы с однополярным миром, не желающие идти на поводу у Запада, обучают своих детей в однополярном мире, покупают виллы в однополярном мире, ездят на машинах, носят костюмы и звонят по телефонам, произведенным однополярным миром. И даже деньги они держат не в Зимбабве или Венесуэле, а опять-таки — в том самом однополярном мире, который тщетно злоумышляет против вставшей с колен России и только и думает, как бы отыскать компромат на ее руководителей»⁷².

Добавлю от себя: нет уже никакого «однополярного мира», который бы напоминал этукую Эйфелеву башню с вертикальной подчиненностью «этажей» и с Америкой в качестве верхушки. Такой «однополярный мир» сохраняется в воображении политиков и аналитиков, которые не могут отбросить любимые схемы потому, что новых, видно, нет, и потому, что старые схемы удобны для воспроизводства старых мифов. Современное мироустройство представляет собой асимметрическую структуру с элементами доминирования США. Это доминирование сохраняется на политическом и военном уровне, и понятно, почему: США остаются самой мощной мировой державой. Их ВВП превышает 13 трлн долл., что составляет 25% мирового ВВП. Однако постепенно происходит перераспределение влияния от Америки к другим мировым игрокам в финансовом, социальном и культурном измерениях. Мир движется в сторону более плоской и многополюсной структуры. «США должны признать, — пишет Фарид Закариа, — что перед ними возникла задача попытаться стабилизировать мировой порядок, помогая новым нациям, перераспределяя власть и ресурсы в их пользу и принимая мир с его разнообразием голосов и точек зрения»⁷³. Роджер Альтман, бывший представитель клинтоновской администрации, также уверен в том, что «глобальная мощь Америки, а также притягательность американского типа демократии начинает падать» и все больше «будет возрастать роль Китая»⁷⁴. Нынешний глобальный экономический кризис, по мнению многих наблюдателей, только ускорил процесс перераспределения мощи и влияния в мире. А другой представитель американского политического сообщества, Ричард Хаас, вообще полагает, что мир подошел к стадии «неполярности»⁷⁵. Бжезинский, в свою очередь, говорит, что уход Америки в тень связан с общим ослаблением роли атлантического западного сообщества. «Происходит смещение центра мощи от Атлантического мира к Дальнему Востоку», — уверяет он нас⁷⁶.

Все это не отменяет того факта, что Америка пока остается единственной сверхдержавой, пусть и порядком побитой иракской войной и финансовым кризисом. Сохраняющиеся элементы доминирования Америки на мировой сцене, однако, не имеют ничего общего с «вертикалью» в российском понимании. Хотя бы потому, что Америка не может объять необъятное, и потому, что она не может заставить мир плясать под ее диктовку, даже если бы захотела. Какой же это однополярный мир, если маленькая Греция имеет наглость возражать Вашингтону и препятствовать членству в НАТО Македонии? О каком гегемонизме США может идти речь, если Париж и Берлин запросто могут сказать американцам «нет», когда те пытаются принять в НАТО Украину и Грузию? После Ирака и правления Буша-младшего американцам вообще хочется захлопнуть двери и заняться собой. Глобальное присутствие США сохраняется не потому, что неоконсерваторы из Вашингтона хотят всем руководить (они уже ушли из политических «штабов»), а прежде всего потому, что

73 Zakaria F. The Future of American Power // Foreign Affairs. May–June. 2008. vol. 87. № 3. P. 43.

74 Altman R. The Great Crash-2008 // Foreign Affairs. January–February. 2009. vol. 88. № 1. P. 3.

75 Haas R. The Age of Nonpolarity // Foreign Affairs. May–June. 2008. vol. 87. № 3. P. 51.

76 Brzezinski Z. and Scowcroft B. Op. cit. P. 2.

целый ряд стран, в том числе в Европе, хотят жить под американским прикрытием, сбрасывая на Америку ответственность и за глобальные дела, и за свою собственную безопасность. А сколько американских союзников хотят и дальше паразитировать на Америке?

Я тоже бы поддержала многополярный мир, который бы представлял дружеское единство в многообразии. Но реальность свидетельствует, что пока трудно обнаружить хотя бы одну страну, которая была бы готова жить в многополярном мире и нести ответственность за собственные проблемы. А уж быть полюсом — это вообще огромные расходы. Недаром китайцы говорят: «Китай не стремится быть полюсом — это слишком обременительно». Именно это постоянно твердят официальные представители Китая на всемирных форумах. Большинство государств, и даже те, которые критикуют США, предпочитают сохранение американского гегемонизма, правда, в смягченном, цивилизованном варианте. Не готова к жизни в многополярном мире и Россия. Такая модель предполагает создание и сохранение собственной «галактики» либо силой, либо, если ее нет, — за счет способности к компромиссам и привлекательности своего способа жизни. Российская элита не имеет возможности и ресурсов осуществить первый сценарий и не готова ко второму. Да, Россия является «центром силы» прежде всего благодаря ядерному и энергетическому факторам. Но благодаря своей элите она уж точно не является центром привлекательности для других, даже для своих клиентов, которые готовы ее предать в любой момент.

Россия постоянно требует организовать многополярный мир, и ее политики даже делают вид, что живут в таком мире. В то же время российская элита легитимизирует свои притязания через виртуальную, а иногда и реальную борьбу с США и через критику американского гегемонизма. Парадоксально то, что эта форма легитимации только продлевает американскому гегемонизму жизнь. Как, за счет кого самоутверждалась бы российская элита, если бы американского гегемонизма не было! Впрочем, российские требования многополярности являются еще одним проявлением лукавства. Как их совместить с предложениями Кремля сформировать мировую «тройку» и управлять миром вместе с США и ЕС? Сергей Лавров в начале 2009 г. с удовлетворением констатировал: «...Мы активно содействуем формированию механизмов коллективного лидерства ведущих государств... призванного обеспечить восстановление управляемости мирового развития»⁷⁷. На мой взгляд, «коллективное лидерство», которое воспринимается как «коллективная вертикаль», как-то мало походит на многополярность, к которой призывает Кремль. Кроме того, позвольте спросить: кто выбрал это «коллективное лидерство» и согласится ли мир с этим «лидерством»? И чем оно будет эффективнее предыдущего?

Соглашусь с Дмитрием Трениным, который так определял цель Москвы в ее попытках ревизовать мировую систему, сложившуюся после окончания «холодной войны»: «Смена пресловутой однополярности олигархатом пяти-шести

77 <http://www.mid.ru>, 28 января 2009 г.

государств, включающим Россию. Получается, все дело в рассадке за столом: надо сесть “так”»⁷⁸. И что по существу в мировом порядке меняет смена «расадки» и вытеснение Америки с ее места во главе стола? Скорее всего, начало борьбы за право занять ее место. Правда, пока желающих занять это место что-то не видно.

Вообще то, как российские эксперты смотрят на США, весьма интересно. Они пытаются доказывать, что США находятся в кризисе и их роль в мировой политике падает, и в то же время обрушиваются на Америку с обвинениями в агрессивности и гегемонизме. Но логика говорит: либо кризис, либо гегемонизм. Эти две вещи трудно сочетаются.

Есть нечто, что объединяет большинство российских экспертов, во всяком случае из тех, кто работает в сфере международных отношений: это их общее стремление перевести различия между Россией и Западом из цивилизационного пространства в геополитическое. Короче, они начинают доказывать, что проблемы и противоречия между Россией и Западом возникают потому, что не совпадают их внешнеполитические интересы, и потому, что Запад порывается играть на российском поле (это и есть пример несовпадения интересов). В реальности большинство проблем возникают по иной причине, а именно из-за того, что Россия и Запад по-разному упорядочивают себя внутри, а потому по-разному проецируют себя вовне.

Это не означает, что между Россией и западной цивилизацией вообще нет или не может быть внешнеполитических противоречий. Нет, все не так просто. Международные отношения имеют свою специфику, свои потребности и инструменты их осуществления. Но, в конечном итоге, эти отношения и все действия, которые государства совершают в качестве международных субъектов, имеют глубокие внутривнутриполитические корни и обусловлены тем, как общество и власть себя организуют.

Впрочем, нужно обратить внимание на произошедшую в российском политическом сообществе метаморфозу. Если недавно российские эксперты тратили свою энергию на то, чтобы обосновать вину и ответственность США за плохие отношения с Россией, то в начале 2009 г. те же самые люди начали доказывать полезность и возможность конструктивных отношений России и Америки. Сам факт такого быстрого перевоплощения заставляет засомневаться и в искренности намерений к продуктивному диалогу и его вероятности. И вообще, как можно вдруг перейти к сотрудничеству, даже не выяснив, что осложняло предыдущие отношения и почему все «было не так». О попытке российского политического класса использовать Америку теперь уже в новом качестве я буду говорить дальше.

Кто сорвал модернизацию?

Некоторые из российских экспертов, в том числе и кое-кто из настоящих — не виртуальных и не правительственных либералов, — убеждены, что Запад сорвал модернизацию России. Коль скоро этот вывод поддерживают серьезные люди, он нуждается в серьезном обсуждении. Так, известный своими либеральными взглядами и уважаемый в либеральных кругах Александр Аузан утверждает, что Запад «размыл правила игры» на мировой сцене и тем самым сделал невозможной российскую модернизацию, предпосылки которой возникли к моменту прихода в Кремль Дмитрия Медведева. Вот что писал Аузан: «Политическая конструкция, которая возникла в апреле — мае (2008 г. — *Л. Ш.*), свидетельствовала о том, что эта проблема (принятие новой системы правил. — *Л. Ш.*) осознана. В то время как правительство Путина завершало этот передел (собственности. — *Л. Ш.*), администрация Медведева формировала повестку на закрепление существующих прав собственности. Очевидные признаки спроса на изменение правил были... Но цикл опять сорвался». Почему? — задает вопрос Аузан и сам же отвечает: «Потому, что шло размывание правил на мировом рынке. Не только экономических, но и политических институтов постлеялтинской системы. Я бы не сказал, что это прямой умысел российской власти. Она как раз всегда отстаивала сохранение системы. Но размывание правил игры было проведено в первую очередь Западом. Белград, Ирак, Косово. Очень страшный прецедент». Дальше в России, считает Аузан, произошло следующее: «Произошла мощнейшая патриотическая консолидация... Доминирующие группы (в России. — *Л. Ш.*) отказались от идеи спроса на право»⁷⁹. Словом, в начале правления Дмитрия Медведева Кремль был готов к закреплению прав собственности и через это к трансформации России. Но Запад, подорвав правила игры, вызвал в России взрыв патриотизма и сорвал эти планы. Я намеренно пытаюсь уточнить эти аргументы, потому что они имеют хождение в демократической среде и, видимо, еще будут использоваться в будущем для объяснения причин того, почему модернизация в

⁷⁹ Аузан А. Национальные ценности и российская модернизация: пересчет маршрута, 29 октября. <http://www.polit.ru>

России в очередной раз не получилась. Правда, вовсе не обязательно, что эти аргументы будут использоваться только либералами и демократами.

Спору нет: Запад и в первую очередь США начали подрывать некоторые принципы, на которых строится мировой порядок. Согласимся, что Ирак остается тем событием, за которое США несет полную ответственность и которое не только ослабило мировую роль Америки, дискредитировало намерения западной цивилизации, но и внесло свой вклад в расшатывание мироустройства. Но ведь и балканский кризис с бомбардировками Белграда, и нападение США на Ирак произошли несколько лет тому назад. Как же эти события, которые произошли соответственно в 1999 и 2003 гг., повлияли на предпосылки российской модернизации, которые еще существовали в апреле — мае 2008 г.? Почему, скажем, нападение Америки на Ирак не вызвало в России волну «патриотической консолидации» в 2003 г.?

Допустим, толчком к «патриотической консолидации», которая ликвидировала шансы российской модернизации, могло стать признание независимости Косово. Но Россия также несет ответственность за то, что Запад в Косово избрал неправовой выход, о чем я еще буду говорить. Еще раз допустим, российская элита оказалась дезинформированной относительно Косово и потому поднялась в патриотическом порыве негодования, защищая сербов, разрушив реформаторские планы власти. Но почему независимость Косово не остановила процесс реформирования, скажем, в Болгарии и Румынии, либо в самой Сербии, которая поставила цель идти в ЕС? Почему россияне оказались более сербами, чем сами сербы? Впрочем, я лично что-то не припомню «мощнейшей волны патриотической консолидации» в России весной 2008 г. Что-то тут концы с концами не сходятся. А потом, что это за страна (я говорю о России), если событие в небольшом далеком анклаве, который даже не граничит с Россией, может вызвать ее разворот в противоположную сторону?

Но если Запад так легко сорвал реформы в России, это еще одно доказательство того, что Путину так и не удалось сделать Россию суверенной страной и самостоятельным субъектом международных отношений. Это доказательство и того, что Путин и Медведев не смогли предложить элите и обществу убедительную повестку модернизации, которая бы стала основой для позитивной патриотической консолидации. И вообще, что это за модернизационные планы, если их так легко можно сорвать? В следующий раз их сорвет смерть Фиделя Кастро либо революция в Венесуэле... Хорошо, что есть Запад. Если бы его не было, его нужно было бы выдумать. Ведь не будь Запада, пришлось бы постоянно думать, на кого взвалить ответственность за то, что не получилось. Хотя, конечно, и западным политическим кругам придется задуматься о том, почему даже российские либералы относятся к ним с подозрительностью и готовы их обвинять в том, что из-за них у России не получилось то, что Россия задумывала.

А теперь о том, кто заинтересован в сохранении постлеялтинской системы, а кто — в ее разрушении. Приходится еще раз в данном контексте ответить на этот вопрос для тех, кто не следит за движением мысли на российском внешне-

политическом поле. Так вот, немало вполне уважаемых российских экспертов доказывают, что нынешняя мировая архитектура никуда не годится, что она устарела, что она не учитывает интересы России. Это мнение, кстати, стало и аксиомой российской внешней политики. Именно Россия начала делать соответствующие шаги для того, чтобы заставить мир начать пересматривать правила, которые возникли после распада СССР. Предложение Медведева о формировании новой системы безопасности — один из них. Напомню и о постоянных попытках Кремля остановить расширение НАТО и вернуться к сферам «привилегированных интересов», о чем уже говорилось. Так кто все же является стабилизатором, а кто ревизионистом?

Между тем внутренние процессы в России и прежде всего шаги ее руководства имеют гораздо большее отношение к причинам провала модернизации, чем Косово, Ирак и все остальные западные акции. Как не согласиться с Евсеем Гурвичем, который писал, объясняя внутренние истоки экономического кризиса в России: «Грузинские события и дело “Мечел” показали, что мы не готовы соблюдать единые правила. Наоборот, мы готовы от любых правил мгновенно отказаться, если они могут как-то сдерживать наше поведение. Но инвесторы не могут работать в условиях, когда любые договоренности в угоду политической конъюнктуры могут быть мгновенно отправлены на свалку»⁸⁰. Какая уж тут может быть модернизация, если из страны бегут инвесторы, которые боятся вкладываться туда, где премьер в любой момент может послать владельца компании к доктору! И вообще, какая может быть модернизация, если нет правил?

Правда, по вопросу модернизации есть в России и оптимисты, особенно среди защитников кремлевской позиции. Они полагают, что модернизация России возможна, и уверены в том, что она состоится. Правда, они полагают, что для модернизации вовсе не нужны либерально-демократические принципы. Так, Алексей Чеснаков в полемике со мной пытался доказывать, что тот факт, что в мировой истории не было примера антизападной постиндустриальной модернизации, не означает, что «ее не может быть потому, что еще не было»⁸¹. Повторю то, что я отвечала на этот убедительный аргумент на страницах «Ведомостей»: «В таком случае, почему Россия не продвинулась по пути модернизации в последние годы, когда ее власть стала на путь антизападной консолидации? Где реальная программа такой модернизации, кроме туманного сценария “2020”? Куда делся план Путина, под которым власть шла на выборы? И вообще — как можно модернизировать страну и победить коррупцию, отказываясь от политической конкуренции, верховенства закона и независимых институтов? Если есть рецепт такого новаторства, то хорошо бы его, наконец, и предъявить»⁸². Пока нам такого плана сторонники антизападной модернизации не предложили. Видно, еще думают.

80 Гурвич Е. Игра без правил // The New Times. 22 декабря 2008 г. С. 42, 51–52.

81 Чеснаков А. Начало Эпохи: Без старых антитез // Ведомости. 8 октября 2008.

82 Шевцова Л. Начало эпохи: Вперед в прошлое? // Ведомости. 23 октября 2008.

Кстати, спор о том, является ли вестернизация, т. е. принятие принципов, стандартов и ценностей Запада, обязательным условием модернизации, идет и в западном обществе. Большинство западных исследователей дает на этот вопрос положительный ответ. Впрочем, есть и несогласные. Так, хорошо известные в России публицист Фарид Закариа и один из самых уважаемых политологов Сэмюэль Хантингтон полагают, что для того, чтобы быть современным обществом, вовсе не нужно быть западным обществом⁸³. Закариа в качестве примера приводит Японию. Эта страна, на его взгляд, является страной, которая прошла через успешную модернизацию, при этом оставаясь незападным обществом⁸⁴. Но это не означает, что Закариа либо Хантингтон поддерживают наших Чеснаковых, соглашаясь, что и Россию можно сделать современной без западных принципов, т. е. без верховенства закона, без независимого суда, без независимых СМИ, без гражданского контроля за армией, без политических свобод и конкуренции. Вышеупомянутые западные эксперты говорят о другом. Они полагают, что принятие западных принципов организации власти и общества может происходить и в обществах с западной культурой и традициями. Примером тому как раз и является Япония, которая, не будучи в культурном смысле Западом, организует себя как либеральная демократия.

Впрочем, индустриальная модернизация, т. е. создание рыночной экономики, превращение аграрного общества в индустриальное, возможна и без вестернизации. Свидетельством тому является индустриальная модернизация, осуществленная авторитарными режимами Чили, Южной Кореи, Тайваня и частично Индонезии. А вот постиндустриальная модернизация, т. е. создание современного общества с высокоразвитой экономикой, как показывает опыт подавляющего числа современных государств (кроме Сингапура, который по многим параметрам является исключением), до сих пор была невозможна без следования либерально-демократическим стандартам. Однако принятие западных стандартов организации общества и государства в Индии, Японии, на Тайване, в Польше, Эстонии приобретало свои формы. Таким образом, география, история и культура не ограничивают распространение либеральных стандартов. Всяческие мировые потрясения также не помешали этим странам провести свою модернизацию, и только потому, что там не было основного препятствия — нежелания элиты проводить эту самую модернизацию.

83 Zakaria F. *The Post-American World*. W.W. Norton and Company, New York, 2008. P. 79.

84 *Ibid.* P. 74.

О том, как совместить несовместимое, и о том, кто такие «мы»

Возвратимся к российским экспертам. Трудно им сегодня приходится. Трудно всем: и тем, кто упорствует в своем упрямстве, продолжая нападать на власть, и тем, кто вынужден отдавать дань официальной волне и при этом пытаться выглядеть профессионально. Упрямцы давно стали маргиналами, и их мало кто слышит. Вторые вынуждены вступить в противоборство с логикой, и победа не всегда на их стороне. Так, один из уважаемых экспертов призывает Россию к «наращиванию силы» и одновременно он же беспокоится о том, как бы избежать «ненужной конфронтации» с США⁸⁵. Но ведь «наращивание силы», тем более в ситуации, когда России никто не угрожает, и есть путь к конфронтации. А если ее нужно избежать, то зачем, спрашивается, эту силу наращивать?

В свою очередь, другой не менее уважаемый эксперт предлагает в качестве «стратегической линии российской политики» по отношению к Украине «как можно скорее и решительнее изменить отношение украинской политической элиты к НАТО как к гаранту своей территориальной целостности и суверенитета, а к России как к угрозе этим ценностям». Мне очень интересно, как Россия собирается это делать после войны с Грузией. Еще более интересно будет взглянуть, как это Москва будет менять отношение Украины к НАТО и Западу после своей последней «газовой войны» с Украиной. Москва, кажется, делает все возможное и невозможное, чтобы консолидировать украинскую нацию и укрепить ее национальное самосознание на основе общего движения в противоположную от России сторону.

Да и вообще непонятно, как авторитарное государство будет предлагать свои гарантии стране, которая пытается, пусть не всегда удачно, строить демократию. Причем учтем, что мы говорим о стране, в которой все элиты за исключением маргиналов, которых опекает Москва, ругаясь по всем другим вопросам, дружно стремятся присоединиться к Европе. И еще: как российская сторона может рассеять страхи украинской стороны относительно своей территориальной целостности, если представители российской элиты постоянно поднимают вопрос о принадлежности Крыма и Севастополя. Не будет ли более продуктивно обратиться к

85 Лукьянов Ф. Читая мир, переоснащая институты, <http://www.polit.ru>

Лужкову и Затулину с советом не провоцировать украинцев искать в НАТО гарантию своего суверенитета? Еще можно посоветовать поговорить с руководством Газпрома о более деликатной политике по отношению к Украине. Хотя эти советы уже вряд ли своевременны — Москва, а вместе с нею и российское экспертное и политическое сообщество сделали все возможное, чтобы помочь украинцам начать воспринимать Россию как «угрозу своим ценностям», в первую очередь суверенитету.

Есть и другие примеры того, как российские эксперты пытаются примирить непримиримое. Так, попытки поддержать российскую воинственность (читай — милитаризм), с одной стороны, и понимание, к чему эта воинственность может привести, с другой, мы встречаем у многих российских аналитиков. Вот как Сергей Караганов пытается и удержаться в рамках официальной линии, и предупредить, что далеко заходить, следуя этой линии, не стоит. «Нужно сделать понятной экономическую и человеческую цену вступления в НАТО для Украины, — говорит Караганов. — Нужно косвенными методами обозначить европейцам и американцам цену, которую они могут заплатить за проведение откровенно недружественной политики в отношении России». Эта цена, предупреждает Караганов, «может показаться им неприемлемой»⁸⁶. Значит, доказательства «неприемлемости» цены вступления Украины в НАТО должны быть достаточно убедительными. Интересно, должны ли они выражаться в экономическом либо в военном измерении? До какого предела Россия должна дойти в своих доказательствах? Перекрывать газ Украине Москва уже пробовала, и не раз. Результаты пока неутешительны в первую очередь для самой России. Может быть, попробовать ввести в дело российский Черноморский флот? Москва с этим вариантом еще не экспериментировала. Вот это был бы, видимо, более убедительный аргумент.

Но Сергей Караганов явно не хочет идти так далеко. Он считает нужным остудить воинственный пыл тех, кто будет доказывать «неприемлемость». Вот что он пишет далее: «Главное — не попасться на крючок системной военно-политической конфронтации, в которой мы будем в заведомо более проигрышной позиции, чем Советский Союз». Но позвольте, а как продемонстрировать «неприемлемость» для Украины цены движения к Западу и не свалиться в эту самую конфронтацию? А вдруг не получится? Что тогда?

Что произойдет, если Украина и Грузия войдут в НАТО, нам откровенно говорит Вячеслав Никонов: «Происходят и могут произойти события, которые до опасного уровня снижают ядерный порог: делают более близкой ту грань, за которой мыслима масштабная война с применением оружия массового поражения»⁸⁷. Ну вот и приехали: Украина в НАТО грозит обернуться ядерным столкновением России с Западом. Если НАТО действительно так опасен для России, тогда что Россия делает в Совете Россия—НАТО? А что делает там Рагозин в качестве

86 Караганов С. Борщ с пампушками // Российская газета. 8 февраля 2008.
87 Известия. 16 марта 2008 г.

представителя России в НАТО — готовит ядерную войну, находясь внутри вражеского объекта?

Правда, те же самые эксперты таким же образом пугали Запад при первом и втором расширении НАТО, и ничего не произошло. Можно себя успокаивать, что коллеги и на этот раз решили просто попугать американцев и европейцев, чтобы те не помышляли больше переходить границы бывшего СССР, а заодно и соседей, чтобы те и не думали прятаться под натовский зонтик. А если Запад не поймет, что Москва просто пугает и никто в Москве, в том числе и сами пугающие, не хочет обострять ситуацию? У нас нет никаких гарантий, что западные лидеры совладают с нервами в игре в русскую рулетку, которую им навязывают российские любители дойти до «красной черты». У нас нет гарантий, что и российскую элиту не захлестнут эмоции и она не перейдет эту самую черту. Словом, я уже не уверена, что все с российскими страшилками закончится как обычно, т. е. ничем. Опять напомним о кавказской войне России с Грузией в августе 2008 г. и «газовой войне» России с Украиной в январе 2009 г. — это ведь уже были не просто предупреждения. Это были попытки силового давления Кремля на соседние страны с целью предотвратить их бегство на Запад и одновременно с целью сдержать экспансию Запада. Возможно, это были последние козыри в кремлевском рукаве. В таком случае осталась только та карта, о которой предупреждал Никонов. А что, если кому-то у нас захочется ввести ее в игру... Например, в случае, если не удастся удержать под контролем экономический и социальный кризис и власть в Москве начнет обваливаться.

Значит ли это, что российские специалисты по страшилкам выполняют полезную и важную работу по оповещению Запада о том, что может произойти либо произойдет, если Запад не будет соблюдать разделительную линию? Вот если бы эти эксперты вместо запугивания Запада попытались бы убедить российскую элиту перестать брать мир на испуг и предупредили бы ее о последствиях этой забавы, тогда можно было бы сделать вывод, что они выполняют полезную миссию — и для страны, и для мира. Но ведь они же, напротив, превращаясь в микрофон власти, только усиливают ее безответственность, а следовательно, работают на непредсказуемость российского развития.

Не могу в этом контексте обойти молчанием и еще один популярный аргумент российской антинатовской риторики. Позволю себе процитировать президента Дмитрия Медведева, который озвучивал этот аргумент. Вот что заявил президент в апреле 2009 г.: «...Мы не всегда понимаем, зачем нужно в таком пожарном порядке принимать в НАТО те страны, которые к этому совсем не готовы, напрягая ситуацию с другими государствами... Мне кажется, что НАТО нужно думать прежде всего о том, чтобы сохранить внутреннее единство и солидарность, не создавать проблем для самих себя...»⁸⁸ Вот эти доводы меня ставят в полное замешательство. Если исходить из того, что НАТО — это все же угроза для России,

88 www.kremlin.ru. 7 апреля 2009 г.

то зачем, спрашивается, беспокоиться о «внутреннем единстве» альянса и думать о его проблемах? Если прием новых членов в НАТО ведет к его дисфункциональности, то не разумнее было бы поддержать этот прием — не так ли? А возможно, самым успешным способом нейтрализовать НАТО было бы вступление в него и России. Тогда альянс уж точно не выдержал бы и закончил свою славную историю. Вместо этого российские лидеры заняты тем, что пытаются советовать НАТО, как ему сохранять «солидарность». Это полное отсутствие логики заставляет задуматься о том, что здесь не все так просто и есть другие причины аллергии на НАТО со стороны российской власти, о которых она предпочитает умалчивать.

Хочу упомянуть и еще об одном. Меня давно уже коробит то, что, пытаясь объяснить Россию и отношения России с Западом, практически все российские эксперты — либералы и нелибералы — говорят от имени России: «Россия не допустит», «Россия выдвигает требования», «Россия не любит» либо «Мы не позволим», «Мы дадим ответ», «Мы не согласны» и т. д. В этом коллективном «мы» либо не менее коллективном «Россия» видится нежелание или неготовность разделить собственную оценку и государственную позицию, т. е. взять на себя самостоятельную роль в оценке ситуации. Анализируя этот феномен коллективного «мы», Игорь Клямкин как-то отмечал, что за ним стоит укоренившееся в российском политическом подсознании «синкретическое единство власти и народа, нерасчлененность личности и государства». Добавлю к этому — и инерция государственно-бюрократического патриотизма, который вовсе не тождествен российскому патриотизму.

Каждый раз, когда мы слышим: «Россия требует» либо «Мы не позволим», вполне уместно спросить: «О какой России вы говорите?», «Кого конкретно вы представляете?», «Кто такие вы?» и наконец: «А что именно вы конкретно, г-н Иванов, думаете по этому поводу?»

Российское коллективное «мы», в свою очередь, вызывает аналогичное нерасчлененное, коллективное «русские» либо «Россия» со стороны Запада, его политиков и экспертов. То и дело слышишь: «Русские нам предлагают», «Русские опять наступают» либо «Россия нам не гарантирует». О ком вы, господа, говорите — о политическом руководстве, об элите, о населении? Приходится посоветовать и западным коллегам учиться видеть во внешне монолитной России или толпе «русских» более сложную палитру и различать политическую власть и общество, а также разные сегменты элиты. На международной сцене Запад имеет дело с российским государством и правительством. В таком случае нужно так и определять своего партнера, и нечего упоминать «Россию» либо «русских», у которых могут быть иные взгляды, и эти взгляды могут очень сильно отличаться от взглядов Кремля.

Испытание НАТО и Косово

История о том, как расширение НАТО и Косовский кризис повлияли на отношения России и Запада, — это отдельная и очень популярная в России тема. Даже большинство либеральных наблюдателей в России полагают, что эти два события стали решающим ударом Запада как по демократической ориентации страны, так и по отношениям Россия—Запад и особенно по отношениям Россия—США. В ответ замечу, что и решение расширить НАТО на восток, и расширение НАТО, и обострение косовского кризиса произошли уже тогда, когда основа новой персоналистской системы в России была заложена, в первую очередь ельцинской конституцией в 1993 г. Между тем принципиальное решение о расширении НАТО было принято в 1994 г., а первое расширение альянса и обострение косовского кризиса произошли в 1999 г., т. е. когда Россия свернула с демократического пути. Словом, эти события произошли после расстрела Верховного Совета, после начала первой чеченской войны и после формирования единовластия Ельцина. Поворот России к авторитаризму стал фактом, и начались попытки Кремля его обосновать. Вот тогда-то и пригодились и расширение НАТО, и косовский кризис, которые стали важнейшими аргументами в обосновании авторитарного поворота. Свою роль — и немалую — в этом процессе сыграли те эксперты, которые считали — и считают — расширение НАТО и Косово, а не возврат Ельцина к единовластию и отсутствие в России сил, которые могли ему в этом помешать, причиной сворачивания демократии в России.

Повлияли ли эти события на возрождение недоверия между Россией и Западом? Думаю, прав британский аналитик Джеймс Шерр, одним из первых заметивший, что «западная политика в СНГ, Балканы и расширение НАТО не сыграли существенной роли в формировании неоимперского курса России... Этот курс был заложен ранее, и он усилился тогда, когда Russia First еще было ключевым словом в западной внешней политике»⁸⁹. Джеймс Шерр нам напоминает, что еще в 1993 г. министр иностранных дел Андрей Козырев заговорил об «особых интересах» России в «ближайшем зарубежье». Да, действительно, это так. Тогда же

⁸⁹ Sherr J. Russia and the West: A Reassessment, The Shrivenham Papers, № 6, Defense Academy of the United Kingdom, January 14, 2008.

Ельцин потребовал от ООН особых полномочий для России по обеспечению мира и стабильности в бывшем советском пространстве. Так что Россия еще при демократической власти начала возвращаться к советскому державничеству. В апреле 1994 г. Ельцин уже всю обвинял Запад в борьбе с Москвой «за сферы влияния», а в октябре 1994 г. он заговорил об угрозе «холодного мира». Как видим, возврат Москвы к имперской риторике имел место до того как произошли события, которые российские эксперты и политики считают линией водораздела.

Наконец, есть и еще один аргумент, о котором нужно обязательно упомянуть. Согласно данным Левады-Центра, о которых мне напомнил Лев Гудков, более 40% российских респондентов в 90-е гг. не считали НАТО враждебным институтом и весьма позитивно к нему относились. А 25% респондентов даже полагали, что Россия должна вступить в НАТО. Эти цифры говорят о том, что в самом российском обществе в те годы НАТО не воспринимался как угроза. А потому вряд ли сам альянс либо его расширение могли существенно повлиять на сворачивание демократии в России и на ухудшение отношения самих россиян к НАТО. Что касается ухудшения отношений России с Западом, то этот процесс стал результатом провала либеральных реформ, а не следствием расширения альянса.

Ну хорошо, еще раз сыграем с нашими оппонентами в «поддавки». Допустим, что те, кто утверждает, что именно расширение НАТО и Косово испортили отношения России и Запада, все же правы. Пусть будет так. Ведь отношения строят и поддерживают элиты, и российская элита не могла не быть недовольна тем, что происходило с НАТО и Косово, хотя бы потому, что не могла существенно влиять на происходящее. Но почему тогда во время своего визита в Варшаву летом 1993 г. Ельцин заявил польскому президенту Леху Валенсе, что вопрос о вступлении Польши в НАТО находится в компетенции Польши, а не России? Сама формулировка означала, что тогда Москва не видела в расширении НАТО угрозы. Предположим, что Ельцин не понимал проблем безопасности и недооценивал угрозу со стороны альянса. Но тогда в чем причины беспамятства российской элиты и нового президента Путина в 2000—2003 гг., в момент партнерства Запада и России и самых теплых отношений между Вашингтоном и Москвой? Почему Кремль вообще перестал вспоминать о «враждебном» НАТО после его расширения? И почему сегодня вновь вернулся к этой теме? Напрашивается лишь один вывод: НАТО и Косово для российской правящей команды являются разменными монетами, которые она использует либо прячет в карман, когда посчитает нужным.

В любом случае нужно признать, что опасения стран Балтии и Польши относительно возможной угрозы возрождения российской имперскости, как показывает нынешний ход событий, имели основания. Запад в 90-е гг. стоял перед дилеммой: либо учесть опасения Восточной Европы, которые ему тогда казались чрезмерными, либо принять во внимание требования Москвы не расширять альянс на Восток. Запад попытался удовлетворить обе стороны, но с разным успехом. Отказ Запада от расширения НАТО означал бы возврат к ялтинскому порядку, на что западные государства пойти уже не могли. Как можно было доказать Восточной Европе и странам Балтии, что Рос-

сия и дальше сохраняет право вето при определении их курса? А как это можно было объяснить западному общественному мнению? Но очевидно и то, что западные лидеры не проявили воображения и стратегического видения, если речь идет о формировании новой евро-атлантической структуры безопасности, и не нашли более эффективных путей включения в нее России, в частности через приглашение России вступить в НАТО. «Все равно не получилось бы: Россия была не готова подчиняться натовским правилам», — скажет скептик. Скорее всего, не получилось бы. Но если бы такая попытка была сделана, ответственность за то, что не получилось, несла бы российская элита, а не Запад. Сегодня за упущенный, скорее всего, гипотетический шанс присоединения России к западному альянсу ответственность несут западные лидеры.

Хотя признаю, что идея приема России в НАТО на Западе высказывалась давно. Одним из первых, кто предлагал принять СССР в НАТО, был австралиец Корал Белл. Вот как он обосновывал эту идею в 1990 г.: «Нужен один радикальный шаг для того, чтобы придать новое дыхание европейским структурам безопасности — предложить членство в НАТО СССР и другим ведущим государствам — членам распавшегося Варшавского договора»⁹⁰. Одновременно, по мнению Белла, такой сценарий помог бы и трансформации СССР. Впрочем, среди западных лидеров о желательности членства СССР в НАТО говорил и президент Миттеран.

В свою очередь, Збигнев Бжезинский, которого российские политики и аналитики постоянно обвиняют во всевозможных кознях против России, говорил, что «включение России в расширяющееся трансатлантическое сообщество является необходимым компонентом долгосрочной стратегии США по обеспечению стабильности на евразийском мега-континенте»⁹¹. Бжезинский подчеркивал, что нужно, чтобы Запад «сделал формальное приглашение России, причем нужно, чтобы это была совместная декларация обеих структур» (НАТО и ЕС. — *Л. Ш.*). В политическом сообществе Запада Бжезинский пошел дальше всех, предлагая пути включения России в структуры Запада. Бжезинский доказывал, что «если Россия хочет быть частью Запада, она должна иметь вариант тесной ассоциации с ЕС и НАТО, который был бы приемлем для обеих сторон»⁹². В дальнейшем идею приглашения России в НАТО выдвигали и другие западные эксперты, в частности Майкл Манделбаум и Чарльз Капчан⁹³. Увы — их голоса не были услышаны. Правда, напомним и то, что и НАТО, и ЕС являются открытыми институтами. Поэтому Россия всегда имеет возможность поставить задачу к ним присоединиться. Этот путь будет самым эффективным способом борьбы с враждебной, как кажется российским политикам, экспансией Запада. «Нереально», — заявит любой российский эксперт. Отвечу словами Дмитрия Медведева, который о возможности присоединения России к НАТО сказал по-английски: «Never say Never!» («Никогда не говори никогда!»).

⁹⁰ Russia in the National Interest. Op. cit. P. 39.

⁹¹ Brzezinski Z. Living with Russia // National Interest. № 61, Fall 2000.

⁹² Збигнев Бжезинский предлагал предоставить Калининградской области «особый статус в рамках ЕС», а также включить Калининградскую область и Петербург в формат балтийского регионального сотрудничества.

⁹³ Mandelbaum M. NATO Expansion, A Decade on, The American Interest, May/June, 2008; Kupchan C. The End of the American Era, Alfred Knopp, New York, 2002.

Но все же угрожает ли НАТО России?

А пока российская элита продолжает смотреть на НАТО как на основного противника. При этом российские военные не только знают, но и открыто признают, что альянс не представляет угрозы для России. Сошлюсь на авторитет в военных делах — генерал-майора Владимира Дворкина, который писал: «Россия в любом случае — при равенстве или неравенстве потенциалов ядерного сдерживания с США, при любой прогнозируемой архитектуре ПРО США и НАТО и любых возможностях обычного высокоточного оружия — сохранит такой потенциал ответного удара, что никакому сумасшедшему не придет в голову мысль не только о военном столкновении с нами, но и о том, чтобы угрожать России нападением»⁹⁴. Подтвердим мнение Дворкина выводом генерала Павла Золотарева, который говорил: «Реальную угрозу действия западных стран (в частности расширение НАТО. — Л. Ш.) представлять не могут»⁹⁵. Даже Евгений Примаков, гуру российских традиционалистов, вынужден признать: «Что же касается перспектив сотрудничества России с НАТО, то у нас устойчивые отношения с этой организацией, в которой существует Совет Россия—НАТО»⁹⁶. Я так понимаю, что если у России и с НАТО «устойчивые отношения», то субъекты этих отношений не могут быть противниками. У противников не бывает такого рода отношений.

Впрочем, даже российские гражданские эксперты, которые считаются близкими к Кремлю, вынуждены признавать, что НАТО не угроза для России. Караганов считает: «Не думаю, что возможное расширение НАТО приведет к качественному увеличению военной угрозы России. Со стороны традиционного Запада она микроскопична»⁹⁷.

Посмотрим, что говорят об этом сюжете независимые российские эксперты. Предоставим слово Андрею Загорскому. «Разговоры о наращивании военной мощи НАТО вблизи российских границ, и — особенно — о таком наращивании в

⁹⁴ <http://www.ej.ru>, 7 апреля 2008 г.

⁹⁵ Золотарев П. Противоракетная оборона: история и перспективы // Россия в глобальном мире. № 4, май — июнь 2008 г., <http://www.globalaffaires.ru>

⁹⁶ Примаков Е. Коммерсант, 4 апреля 2008.

⁹⁷ Караганов С. Борщ с пампушками. Указ. соч.

результате расширения альянса на Восток, не имеют под собой никаких оснований. Расширение НАТО не только не привело к наращиванию его военной мощи, но, наоборот, сопровождалось сокращением совокупного военного потенциала членов в зоне действия альянса. Этот вывод остается в силе, даже если исходить из гипотетического в перспективе вступления в альянс Украины и Грузии. Более того, рекомендации, которые штаб-квартира НАТО все годы после расширения на восток высказывала в адрес своих членов и особенно — новых — сводились к целесообразности дальнейшего понижения уровней вооружений»⁹⁸, — объясняет Андрей Загорский.

Российские эксперты для обоснования своей позиции могут вспомнить и об успешном опыте сотрудничества России и НАТО. Вот несколько примеров такого сотрудничества: участие российских подразделений в миротворческих операциях НАТО в Боснии, Герцеговине и Косово; совместная военная подготовка офицерского состава из Афганистана и из стран Центральной Азии для действий по пресечению наркотрафика; совместные с НАТО учения в Вайоминге (США) по ликвидации последствий ядерного взрыва (они проводились уже трижды); участие российских кораблей в патрулировании Средиземного моря вместе с кораблями НАТО. Но вот официальная Москва и ее пропагандисты об этом опыте пытаются забыть: позитивный опыт сотрудничества с НАТО им не нужен.

Так чего же тогда боятся российские борцы с НАТО? Генерал Дворкин отвечает прямо: план вхождения в НАТО — ПДЧ — является демократизатором, который приведет к «цивилизационному расколу между Россией и ее окружением, если оно окажется в Атлантическом блоке»⁹⁹. Ход размышлений российских генералов подтверждает и видный немецкий исследователь Карл Кайзер, который подчеркивает роль альянса как в обеспечении стабильности в Европе, так и в облегчении трансформации новых стран-членов. Вот что говорит Кайзер: «Именно под зонтиком НАТО евро-атлантический регион стал зоной мира... НАТО настолько изменил отношения между странами-членами, что война между ними стала теперь совершенно невозможной... Альянс оказался эффективной структурой для обеспечения развития и демократизации новых государств-членов. Этот процесс начался с успешной реинтеграции в Европу Германии после Второй мировой войны...»¹⁰⁰

Вступление в НАТО предполагает, что его новые члены в первую очередь обязуются строить свои общества на основе демократических принципов. Вот что говорится в уставе НАТО: «Договаривающиеся стороны преисполнены решимости защищать свободу, общее наследие и цивилизацию своих народов, а также формировать свои устои на принципах демократии, свободы личности и законности». Членство в альянсе для большинства бывших коммунистических стран стало пер-

98 Россия и Запад. Внешняя политика Кремля глазами либералов. Под ред. И. Клямкина. М.: Фонд Либеральная Миссия, 2009. С. 16-17.

99 <http://www.ej.ru>

100 Kaser K. For Better or Worse, IP, summer 2008. P. 10.

вым и решающим шагом присоединения к Европе. Именно в рамках НАТО они начали демократические реформы, которые были намного важнее решения проблем безопасности. Сегодня сотрудничество, скажем, Украины с НАТО касается в первую очередь политических проблем, в частности формирования гражданского контроля за армией, ликвидации угрозы превращения армии в антидемократический институт. Вот, по мнению генерала Дворкина, чего боится российская элита и те, кто оправдывает ее страхи, — «это перспектива оказаться в цивилизационной изоляции» после присоединения соседних стран к НАТО.

Действительно, расширение НАТО является угрозой, но не для России, а для российской элиты, которая стремится создать вокруг себя санитарный кордон из несостоявшихся либо слабых государств. Для политического класса, который упорядочивает свою власть на основе поиска врага, НАТО является оптимальным врагом. «Эта элита не видит в НАТО источник военной опасности, — говорит Татьяна Пархалина. — Все дело в том, что Запад с его системой ценностей, с его демократическим контролем над армией и спецслужбами, с институтом разделения властей — это угроза ее существованию. Поэтому и раскручиваются в России антизападные, антинатовские лозунги». Следовательно, те, кто так энергично воспроизводит миф об угрозе НАТО, фактически помогают самосохранению политического класса, который не может существовать в открытом мире и вынужден постоянно от кого-то защищаться.

Дискуссия о НАТО в России оказывается полезной хотя бы с одной точки зрения: эта дискуссия является своего рода термометром, который демонстрирует «градус» традиционализма в российском обществе, в том числе и среди демократов и либералов. Последние так же, как и государственники, нередко обвиняют Запад и в первую очередь, конечно, Америку в попытках при помощи НАТО «окружить» Россию. И либералам порой трудно понять либо поверить, что дело совсем не в Америке и не в НАТО, а в отсутствии либерального осмысления российских национальных интересов.

Российская аудитория, видимо, не знает, что западные политические круги, и в первую очередь администрация США и особенно американские военные, долгое время противились расширению НАТО на восток. Американцы не хотели брать на себя лишних обязательств, а тем более раздражать Москву. Именно Восточная Европа и страны Балтии и их лидеры после долгих и упорных попыток убедили несговорчивый и колеблющийся Вашингтон принять решение о расширении альянса.

Очевидно, российскому политическому и интеллектуальному сообществу трудно, ну почти невозможно, смириться с тем, что бывшие российские сателлиты так отчаянно стремятся выйти из российской сферы влияния. Российские политические круги и немалая часть общественного мнения никак не могут смириться с тем, что бывшие российские вассалы — теперь независимые государства и имеют право на свои интересы и устремления, в том числе право на обеспечение своей безопасности и собственное ее понимание. Российские по-

литики и эксперты даже сегодня не хотят либо не могут понять, что посткоммунистические государства стремятся быть в НАТО потому, что это быстрее способ присоединиться к западной цивилизации. Я опять процитирую Евгения Примакова, который явно не принадлежит к либеральному флангу, но имеет мужество признать то, что не готовы признавать некоторые российские либералы. Говоря о новых членах НАТО, Примаков признает: «Они хотят быть идентифицированы как часть Европы — не Востока, а Запада. Они хотят войти в европейские структуры, главным образом в ЕС».

В то же время Москва вовсе не хочет прерывать отношения с НАТО и продолжает сотрудничать с альянсом. Дмитрий Медведев в этой связи говорил: «...Мы хотим нормальных отношений с североатлантическим альянсом. Мы готовы развивать партнерские отношения с альянсом»¹⁰¹. Тот факт, что такие заявления делаются российским президентом в период непрекращающейся антитеррористической кампании, лишь свидетельствует о том, насколько, как бы это помягче выразиться, своеобразным является российский политический курс.

Какие еще гадости приготовил России Запад

А теперь поговорим о других «угрозах» России со стороны Запада, о которых нам постоянно напоминают Кремль и его пропагандисты. Среди этих «угроз» в последнее время Кремль больше всего раздражала американская ПРО. Вот что по этому поводу говорили независимые российские эксперты. Обращусь к генералу Владимиру Дворкину, который в очередной раз объяснял тем, кто упорно не хотел понимать: «Те, кто пишет или говорит об угрозе ПРО для ядерных сил России (равно как и те, кто готовит подобные заявления для руководства страны), не имеют представления о такой специфической сфере, как обоснование требований к средствам преодоления ПРО, к их разработке и характеристикам. Иначе они бы знали об исключительно высокой эффективности отечественных систем преодоления всех эшелонов ПРО»¹⁰². Вот так-то. А коль скоро российские лидеры не уставали доказывать существование несуществующей угрозы со стороны ПРО для России, это означало, что они не понимали очень важных вещей, которые лидеры должны понимать, чтобы не обесценивать значения лидерства и не выглядеть некомпетентными. Посоветуем им поменять советников. Если же российские лидеры понимали, что никакой угрозы со стороны ПРО нет, в таком случае речь шла о намеренной манипуляции общественным сознанием. И нужно задуматься над тем, ради чего это делается.

Попрошу теперь высказаться наших гражданских экспертов. «Что касается ПРО, то просто смешно говорить, что 10 противоракет, которые способны перехватить всего одну (!) боеголовку противника, могут представлять угрозу нашему ядерному арсеналу, который сейчас составляет около 3000 боеголовок, а к 2012-му будет составлять 1 700–2 200 боеголовок»¹⁰³, — объяснял Александр Гольц. «Опасность и угроза, исходящие от будущей американской системы противоракетной обороны в Европе, мягко говоря, сильно преувеличены. На самом деле эта система не имеет никакого отношения к российскому ядерному потенциалу»¹⁰⁴, — подтверждал Андрей Загорский.

102 <http://www.ej.ru>. 13 марта 2009 г.

103 Россия и Запад. С. 46.

104 Там же. С. 15.

Здесь я вставлю свое замечание. Американцы на официальном уровне постоянно говорят (и нет оснований подвергать их заявления сомнению) о том, что они уже давно, во всяком случае, до 2002 года и до того как США вышли из ПРО в 2002 г., информировали Москву о том, что они собираются создавать ограниченную оборонительную систему¹⁰⁵. Москва как-то очень спокойно восприняла эту информацию и, скорее всего, забыла о ней, чтобы потом, вдруг проснувшись, вспомнить. Российские власти почему-то начали очень волноваться по поводу ПРО в 2007 г. — в год выборов. Почему, спрашивает американский исследователь России Леон Арон, Москва вполне спокойно восприняла выход США из Договора ПРО в 2002 г., что было более серьезным делом, и вдруг засуетилась и начала протестовать по поводу установления нескольких элементов ПРО в 2007 г.?¹⁰⁶

Правда, объективности ради нужно добавить, что, по мнению независимых экспертов, в случае «массированного развертывания Америкой рубежей ПРО наземного, морского и космического базирования» это может в конце концов «повлиять на потенциал российского ядерного сдерживания». Решением проблемы может стать «договоренность о совместной разработке и развертывании глобальной ПРО»¹⁰⁷. Президент Обама, придя к власти, отказался от бушевской ПРО и принял решение о создании новой ПРО, которая бы учитывала возражения Москвы. Посмотрим, проявит ли Москва желание и готовность к ней подключиться — мяч отныне на российском поле.

Еще одним фактором напряженности в отношениях между Россией и Западом стал Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), который является важнейшей частью фундамента европейской безопасности. Москва не жалеет сил, чтобы доказать, что в его нынешней форме ДОВСЕ каким-то образом снижает уровень безопасности России. Вот что по этому поводу говорит А. Загорский: «Добросовестное выполнение ДОВСЕ всеми его участниками позволило всем им не только сократить численность своих вооруженных сил и вооружений в Европе, но и пойти в своих сокращениях намного дальше, чем того требовал Договор. При этом расширение НАТО не давало особого повода для беспокойства. Более того, Договор обеспечил максимальную степень транспарентности ситуации в Европе благодаря ежегодному обмену данными, которые проверялись в ходе инспекций на местах. И когда вы видите, что у ваших соседей все нормально, все в порядке, все они всё выполняют, вы спокойно, с учетом ваших бюджетных ограничений... можете идти дальше без оглядки на потенциальные опасности в этом регионе».

Все могло бы продолжаться в том же спокойном ритме, если бы в декабре 2007 г. Москва под явно надуманным предлогом, который сильно удивил всех участников договора, не ввела мораторий на выполнение требований ДОВСЕ. Каковы же были реальные причины этого шага? Думаю, что Павел Фельгенгауер

105 Bolton J. Three Steps to stop Putin, AEI, October 28. 2008.

106 Aron L. Russia's Woes Spell Trouble for the US // The Wall Street Journal, December 31. 2008.

107 <http://www.ej.ru>

имел основания сделать следующий вывод: «Без выхода России из ДОВСЕ успешное вторжение в Грузию было бы под вопросом. Надо думать, что уже в 2007 г. будущая операция против Грузии вовсю прорабатывалась и, возможно, стала основной причиной необъяснимого выхода Москвы из ДОВСЕ»¹⁰⁸. После этого Россия вообще перестала участвовать в ежегодном обмене данными, не принимает инспекции и не считает себя связанной установленными договором количественными ограничениями — прежде всего на южном фланге. Возникла новая ситуация, когда остальные государства — члены ДОВСЕ также больше не связаны в своих действиях ни обязательствами, ни ограничениями. Естественно, что они начали проявлять озабоченность по поводу своей безопасности, особенно наблюдая за воинственными движениями Кремля. Больше всех начали беспокоиться европейские страны, которые соседствуют с Россией и имеют с ней далеко не теплые отношения. Сомнительно, что теперь можно ожидать в Европе дальнейшего сокращения вооружений. Можно ожидать скорее противоположной тенденции. Вряд ли к ДОВСЕ присоединятся страны Балтии. Напрашивается вопрос: повысило ли российское руководство своими действиями безопасность России или нет? Этот вопрос воспринимается как риторический.

Есть и другие любимые «коньки» российских защитников России от западных угроз. Так, они не забывают упомянуть, как страшно и опасно для России появление баз НАТО в Румынии и Болгарии. Послушаем, что по этому вопросу говорит Загорский: «Американцы ликвидировали намного больше своих баз в Европе. А те опорные пункты, которые они планируют создать на юге Европы в качестве компенсации для турецкого плацдарма, не только по своим масштабам вписываются в положения ДОВСЕ, но и функционально предназначены не столько для европейского театра, сколько для обеспечения военной деятельности на Ближнем и Среднем Востоке. Никакой угрозы для России здесь тоже нет». Продолжим цитирование. «У нас любят говорить об американских базах, появившихся в Болгарии и Румынии. Но “забывают” упомянуть, что на них предполагается разместить от силы 2,5 тысячи военнослужащих. Также “забывают”, что при этом американцы вывели из ФРГ две “тяжелые дивизии”, которые во времена “холодной войны” и представляли основной наступательный потенциал», — подтверждает Гольц. Если российские специалисты «по угрозам» опасаются 2,5 тысяч американских солдат, то насколько могут быть убедительны их доказательства величия России и превращения ее в «центр силы»!

Крайне важно, говорят российские независимые эксперты, объяснить широкой аудитории, что никакой угрозы ни в расширении НАТО, ни в ДОВСЕ, ни в ПРО, ни в американских базах в Южной Европе для России нет. Разговор об этих угрозах — миф, который имеет прежде всего внутривнутриполитические цели. Этот миф, добавлю я, отнюдь не безобиден, потому что если официальная пропаганда постоянно твердит об угрозах, то это значит, что их нужно каким-то образом отражать

108 Фельгенгауер П. Первая часть войны с Грузией // Континент. 2008. № 138. С. 146.

либо хотя бы на них реагировать. Вот российские лидеры и вынуждены реагировать на ими же придуманные угрозы. Реагируют они всегда однообразно — угрожая «симметричным ответом». Примером такого ответа было заявление Кремля о готовности нацелить российские ракеты на сопредельные страны. «Если мы начнем размещать новые ракеты или даже просто говорить, что в ответ на размещение американской ПРО и расширение НАТО на Восток мы нацеливаем российские ядерные (и даже — неядерные) ракеты на Польшу, Чехию или на Украину, тогда мы действительно можем спровоцировать крайне неблагоприятное для России развитие ситуации в Европе. В таком случае будет не только провоцироваться гонка вооружений, но и углубляться пропасть между нами и остальной Европой», — предупреждают независимые эксперты. Но кто их слушает! Российская элита живет одним днем, и ей безразлично, что произойдет завтра. Есть и еще несколько объяснений российского угрожающего рыка на мировой арене. Те, кто формирует российскую внешнюю политику, делают, видимо, ставку на две вещи. Во-первых, они надеются, что каким-то образом припугнут Запад и заставят его отказаться от решений, которые воспринимаются российской элитой как посягательство на российские сферы влияния. И им это часто удается. А если удалось один раз, то возникает надежда, что удастся и в следующий. Во-вторых, архитекторы внешней политики в Кремле либо в российском Белом доме надеются, что если даже Запад и не верит в российские запугивания, то все равно поддержит предложенную игру. Зачем? Для сохранения хороших отношений с Кремлем во имя осуществления своих целей. А что там западные лидеры думают о российских партнерах и их адекватности — да кого это волнует в Кремле!

Любопытно, что, как полагают независимые эксперты, те, кто сидит в российском министерстве обороны и правительстве, сами не верят в угрозу со стороны Запада. В противном случае, зачем Россия сокращает вооруженные силы и отказывается от концепции массовой мобилизационной армии? Так что, скорее всего, в Кремле все-таки понимали и понимают, что, скажем, элементы американской ПРО в Восточной Европе угрозы для России не представляют¹⁰⁹. Дмитрий Медведев в октябре 2008 г. в Эвиане говорил относительно ПРО в Чехии и Польше, видимо, то, что думал: «Понятно, что сама по себе ни одна из этих стран не представляет для России никакой угрозы». Тогда в чем дело? Видимо, Кремль беспокоит, что при «нынешней однополярности» не может быть никаких гарантий для России по поводу развертывания новых систем ПРО. Но таких гарантий вообще не будет, если Россия продолжит серию своих упреждающих ударов, подобных войне с Грузией, либо обещаний разместить «Искандеры» в Калининградской области.

Словом, мы имеем дело с тактикой имитации с немалой долей шантажа. Пока эта тактика оказывается успешной. Западные правительства, чтобы не связываться с Москвой, делают все, чтобы пойти ей навстречу. Но ведь в какой-то момент Западу надоест идти навстречу, либо он начнет беспокоиться, что имитация вдруг

109 «Расширение американской ПРО в ближайшей перспективе (до 2015 г.) не угрожает российскому ядерно-ракетному комплексу», — утверждает Владимир Дворкин. Там же.

обернется чем-то реальным. По крайней мере, отдельные европейские страны — соседи России уже начали требовать от НАТО дополнительной помощи по укреплению их безопасности. Действия России могут ускорить ответ Запада, который уже начал рассматривать Россию в качестве потенциального противника, а вскоре, может быть, станет рассматривать и как противника реального.

Трудно не согласиться с Александром Коноваловым, который объясняет, что российская милитаристская кампания, подкрепленная «легкой артиллерией» на телевидении, имеет одну цель — заранее сделать отвлекающий маневр на случай резкого ухудшения внутренней ситуации в России. «Нельзя недооценивать и телевизионные “уроки ненависти” в исполнении таких “учителей”, как Михаил Леонтьев, Алексей Пушков или Максим Шевченко, — говорил Коновалов. — Это действует, это запоминается, это находит понимание у массового зрителя. И мне кажется, что сейчас это делается как некий запас, некий задел на ту ситуацию, когда и если у нас станет совсем скверно по причине экономических неурядиц. На кого-то надо будет перевести стрелки. На кого? Не на Кудрина же все время. Его надолго не хватит. Поэтому нужен внешний враг, и он предъясняется заранее. Они, американцы, со своей ипотекой надули пузырь, а теперь мы со своим стабилизационным фондом ничего сделать не можем и идем из-за них ко дну»¹¹⁰. Что же, соглашусь с Коноваловым: милитаристская риторика и возврат к милитаристским символам и даже действиям (скажем, поход российских кораблей к берегам Венесуэлы в 2008 г.) явно нацелены на создание врага, которому Россия будет противостоять, когда станет ясно, что Кремль не может вытащить страну из кризиса. В этом же направлении рассуждает Юрий Федоров, который, анализируя российскую внешнюю политику, делает следующий вывод: «Российской внешней политикой движут традиционные советские мотивы: ненормальная подозрительность, имперский синдром, попытки сравнить США и Европу; стремление сохранить Центральную и Восточную Европу в качестве сфер возможной экспансии и т. д. Война на Кавказе только подтверждает, что поведение России на международной сцене в значительной степени определяется «партией войны», которая использует агрессивную внешнюю политику для того, чтобы восстановить мобилизационную экономику и свой контроль за политической системой»¹¹¹. Проблема еще и в том, что вся российская элита может начать вести себя, как «партия войны».

110 Россия и Запад, С. 22—23.

111 Fiodorov Y. The Sleep of the Reason: The War on Georgia and Russia's Foreign Policy. Association for International Affaires, Prague, December 2008. P. 36.

Для чего Москва использовала Балканы

Что же касается косовского кризиса, то здесь Запад не смог ни предотвратить этот кризис, ни предложить менее болезненный выход из него. Натовские бомбежки Белграда в 1999 г. нанесли удар по прозападным настроениям в российском обществе. Однако российская элита не может претендовать на безупречность позиции по Косово. Стоит напомнить то, о чем в России не любят вспоминать: Москва своей поддержкой режима Слободана Милошевича только усугубила косовскую драму, а потому несет ответственность и за сам кризис, и за его мучительное разрешение.

Сегодня российская элита часто упрекает Запад за неправомерные действия в Косово. Но позвольте, почему они стали возможными? Потому что Россия заблокировала в Совете Безопасности все решения, которые могли бы приструнить Милошевича и заставить его прекратить варварские этнические «зачистки» в Косово. Западу пришлось пойти в обход Совбеза, тем самым ослабляя его роль. Причем российская власть поддерживала Милошевича и тогда, когда стало ясно, что Белград цинично использует Россию в качестве своего прикрытия. Вновь обращаюсь к Евгению Примакову, который признавал, что Милошевич перестал обращать внимание на Москву и откровенно игнорировал Кремль, подставляя Ельцина. «Президент Милошевич не выполнил своих обещаний, данных президенту Ельцину. Президент Милошевич, кроме этого, обещал ЕС, что внеочередного сербского наступления не будет. На следующий день наступление началось... ОАК (албанские вооруженные силы. — Л. Ш.) все больше переходит к партизанской тактике. Естественно, это является последствием наступления сербских сил безопасности», — констатировал Примаков¹¹². Такова была реальность. Зачем было в таком случае защищать режим Милошевича ценой ухудшения отношений с Западом? Здесь не нужно искать сложных объяснений — Москва спасала Милошевича для того, чтобы сохранить иллюзию своего влияния на Балканах. Вряд ли судьба бедных сербов волновала Ельцина и Кремль больше, чем судьба бедных чеченцев.

112 Примаков Е. Годы в большой политике // Совершенно секретно, М., 1999. С. 303, 353.

Напомню и о том, как Москва попыталась утвердить свои позиции в Косово перед вступлением туда войск НАТО, чуть было не вызвав конфронтацию России с западным альянсом. Этот эпизод заслуживает того, чтобы его кратко описать. В июне 1999 г. Кремль (но непонятно, кто конкретно в Кремле) принял решение о «броске» российских десантников в Косово с целью гарантировать там российский сектор при вводе в этот регион войск НАТО. Десантники должны были захватить аэропорт в Приштине, куда предполагалось транспортировать российские войска. Но Венгрия, Болгария и Румыния, решившие вступить в НАТО и ЕС, отказались открыть свое воздушное пространство для пролета российских транспортных самолетов. Когда поступила информация о походе российских десантников, командующий военными силами НАТО в Европе американский генерал Уэсли Кларк был готов применить против русских силу. Только присутствие здравого смысла у британского генерала Майкла Джексона, командующего сухопутными войсками НАТО, предотвратило ситуацию, которая могла обернуться военным конфликтом между Россией и НАТО. Джексон заявил взбешенному Кларку: «Я не собираюсь здесь ради вас начинать третью мировую войну». В конечном итоге оказавшись в Приштине, 200 российских десантников были вынуждены просить воду и продовольствие у окруживших их (с целью защиты от косоваров) британцев. Британцы выручили.

Судя по тому, что увидел срочно прибывший в Москву для урегулирования конфликта Струоб Тэлботт в Кремле в момент, когда российские десантники начали свое продвижение на Приштину, ни министр обороны Игорь Сергеев, ни министр иностранных дел Игорь Иванов не имели понятия, что происходит. Возникли сомнения в том, что Ельцин контролирует ситуацию либо своих военных «ястребов». Министр обороны, интеллигентный Сергеев, их точно не контролировал¹¹³. В тот момент все обошлось. А могло закончиться и по-другому.

Бывший российский заместитель министра иностранных дел Георгий Кунадзе впоследствии сетовал по поводу российского курса в отношении Косово: «Россия ведет арьергардные бои (в Косово. — Л. Ш.). Какие цели преследует она там — непонятно... Неясно, что важнее для России — принципы или интересы»¹¹⁴. После признания Москвой независимости Абхазии и Южной Осетии можно не сомневаться, что для Москвы важнее интересы. Ни о каких принципах речь не идет хотя бы потому, что их так быстро не меняют. Но зададим вопрос: чьи интересы? Ответ тоже очевиден: для Москвы важны интересы той части элиты, которая ищет способ удовлетворения своего самолюбия. Простейшим и наиболее понятным для нее способом сделать это оказывается возможность если не повлиять на что-то, то помешать чему-то на геополитической сцене. А что касается результатов и последствий такого самоутверждения... Ну кто будет вспоминать, как жалко закончилась для России тогдашняя приштинская история?

113 Goldgeier J. and McFaul M. *Power and Purpose. U.S. Policy toward Russia after the Cold War*. Washington: Brookings Institution Press, 2003. P. 261.

114 Коммерсант, 13 марта 2008 г.

Испытание отношений России и Запада в 90-е гг. войной в Боснии завершилось сотрудничеством обеих сторон. Хотя дорога к этому сотрудничеству и была тернистой. Испытание Косово в 2007—2008 гг. для отношений России и Запада оказалось гораздо более тяжелым. Дело вовсе не в том, что в Косово Запад, признав независимость анклава, тем самым нарушил принцип территориальной целостности Сербии. А именно защитником этого принципа выступала Россия как в случае с Чечней, так и на международной сцене. Более внимательный взгляд на политику России показывает, что Москва не отличалась особенной последовательностью в защите этого принципа, поддерживая сепаратистов в Приднестровье и постоянно и открыто подвергая сомнению принадлежность Крыма Украине. Наконец, тот факт, что в августе 2008 г. Москва признала независимость Южной Осетии и Абхазии, что подрывает территориальную целостность Грузии, свидетельствует о том, что этот принцип не является для официальной России неприкосновенным. Ссылки Москвы на непоследовательность Запада в подходе к принципам мироустройства не являются обоснованием для следования по тому же маршруту. Коль скоро Россия то же самое сделала на Кавказе, у нее не осталось оснований претендовать на роль «белого рыцаря», этакого хранителя стандартов в международных отношениях. Поведение Москвы в ходе кавказского кризиса позволяет сделать вывод, что ее поведение на Балканах, и особенно в случае с Косово, было продиктовано соображениями, не имеющими связи с международными правовыми принципами.

В конечном итоге, балканская политика Москвы в период косовской эпопеи продемонстрировала вектор внутривнутриполитической эволюции России. Стало очевидно, что российская элита, включая и часть либерального спектра, так и не смогла отказаться от имперской державности и попыталась ее воспроизвести через поддержку Сербии. Косовский кризис облегчил консолидацию российских традиционалистов и возрождение в общественном сознании России старых мифов и эмоций. Именно Балканы в целом и Косово в частности стали для российских традиционалистов средством и одновременно поводом возвратиться в советскую геополитическую нишу. Это был тот момент, когда Россия, сделав упор на сферы влияния, тем самым продемонстрировала, в каком направлении она начала двигаться — в сторону размежевания с Западом как сообществом либеральных демократий.

В свою очередь, западное сообщество в период балканских передраг продемонстрировало, что его политический класс оказался неспособным ни предвидеть катастрофический ход событий, ни своевременно находить разрешение конфликтов с наименьшим ущербом не только для европейской безопасности, но и для принципов миропорядка. Словом, в адрес западных столиц можно сделать ряд серьезных упреков. Но справедливости ради стоит отметить здесь и то, что в ходе балканского конфликта западная сторона делала все, чтобы не оттолкнуть Россию и не дать ей замкнуться в себе. В тот момент в западном политическом мире высказывались разные взгляды на Россию и сотрудничество с нею. Но воз-

обладала здравая позиция — с Россией нужно сотрудничать. Еще раз напомню: на Балканах впервые после Второй мировой войны по инициативе Запада российские военные успешно сотрудничали с войсками НАТО в рамках миротворческих операций.

После длительных усилий помочь Милошевичу Кремль в 1999 г. в конце концов был вынужден встать на сторону Запада. Это нашло свое отражение в посреднической роли Виктора Черномырдина в переговорах с Милошевичем на завершающем этапе косовского конфликта. Тогда именно Черномырдин уговорил сербского лидера принять ультиматум Запада, что завершило военные действия в Косово. Однако в дальнейшем эти факты позитивного сотрудничества России и Запада были в России успешно забыты. И понятно почему: новой российской власти нужны были аргументы, которые бы подтверждали, что с Западом дело иметь нельзя.

Поторгуемся!

Стремясь взвалить ответственность за похолодание в отношениях с Западом на Запад, российский политический класс любит выставлять Западу счет под лозунгом: «Где deliverables?» («Где компенсация?»). Речь идет о том, что Москва ожидает от Запада взаимности за каждый шаг, который она считает своим отступлением либо уступкой, даже если это отступление либо уступка, а иногда и компромисс выгодны самой России. Запад, по мнению российской правящей команды, должен заплатить Москве и за сворачивание российских баз на Кубе и во Вьетнаме, и за согласие на создание американских баз в Средней Азии, и за диалог России с НАТО, и за все остальные случаи сотрудничества, которые в Москве рассматриваются как уступки. А коль скоро Запад не заплатил России за то, что ее элита считает уступками, то именно Запад и спровоцировал плохие отношения — без устали твердят кремлевские пропагандисты. Российская правящая команда также полагает, что развитые демократии должны сделать России предоплату за все возможные случаи их сотрудничества, в которых они заинтересованы.

Сам Путин сделал немало для формирования этой философии торга. «Мы базы ликвидировали на Кубе и во Вьетнаме. Что мы получили?» — вопрошал Путин¹¹⁵. Философия торга стала доминировать в отношении российских политиков и экспертов к Западу. «Сотрудничество (с Западом. — Л. Ш.) должно быть не безусловным и опираться... на четкие договоренности, основанные на системе взаимных уступок. Например, Россия может ужесточить позицию по иранской проблеме, активизировать совместные усилия по Афганистану, не поставлять какие-то виды вооружений в определенные страны, но нужно получить ответ на вопрос, что она получит взамен. Если договариваться с Москвой не хотят... необходимо принимать жесткие встречные меры. Только так можно восстановить репутацию достойного и последовательного партнера», — предлагает Александр Лукин¹¹⁶. Но позвольте спросить: зачем Западу платить России за то, что нужно России? Что за интересное понимание коммерческой сделки! Ведь это Россия должна быть

115 РИА Новости. 8 февраля 2008.

116 Лукин А. Внешняя политика: от постсоветской к российской. Уроки конфликта с Грузией // Россия в глобальной политике, ноябрь — декабрь 2006 г. № 6, <http://www.globalaffaires.ru>

заинтересована в безопасности на своих южных границах. Ведь в интересах России — безъядерный Иран, мирный Афганистан, прекращение военных конфликтов на Ближнем Востоке. Зачем Западу платить России за сотрудничество с западными государствами в Афганистане, где американские войска защищают Россию от угрозы Талибана? Зачем Москве требовать от Запада компенсации за отказ от содействия Ирану в развитии его ядерной программы? Ведь ядерный Иран, особенно при своем безрассудном президенте, — это в первую очередь российская проблема безопасности, вернее, угроза для российской безопасности! Российская правящая команда должна стремиться к сотрудничеству с США и Европой в решении проблем Афганистана и Ирана и даже идти им на уступки для того, чтобы добиться этого сотрудничества. Это в интересах России ликвидировать свои базы там, где у нее нет возможности их содержать. Это в интересах России не продавать оружие Ирану, Сирии и Ливии и тем самым не подбрасывать дрова в топку военных конфликтов вблизи своих границ. Если российская элита намеренно не занимается обеспечением вопросов безопасности своей страны, ожидая от Запада платы за их решение, то иначе, чем антинациональным, такое поведение не назовешь. А угроза наказать Запад за нежелание поддаваться шантажу вряд ли заставит мир признать в России «достойного и последовательного партнера».

Кроме того, сомнительно, что выставление счета за сотрудничество укладывается в формулу партнерства. Если российская элита настаивает на торгашеском варианте отношений с Западом, она должна понимать, каковы будут последствия этого варианта. Если Россия и Запад взаимодействуют друг с другом на основе торга: «ты мне — я тебе», то может возникнуть вопрос об обоснованности членства России в Совете Европы и в «Восьмерке», в которых состоят государства, объединенные общностью принципов. Демократии не предъявляют друг другу счет за сотрудничество.

Есть и еще одно обстоятельство, которое стоит отметить: те, кто выступает за то, чтобы отношения России с Западом форматировать в виде «размена», подрывают саму идею существования между ними «общих интересов». Ведь если «общие интересы» существуют, то в торге и «разменах» нет никакой необходимости. И напротив: если обе стороны вынуждены идти на сделки, то в таком случае возникают сомнения в наличии между ними «общих интересов» либо в одинаковом их понимании.

Но, пожалуй, самое интересное — это то, что в итоге может оказаться, что политика сделок, больших или маленьких, между Западом и Россией вообще невозможна. По какой причине? Да просто потому, что осуществление сделки означает ликвидацию проблемы. Иначе для чего ведется торг и заключаются сделки? А ведь зачастую именно существование проблемы и порождаемая ею потребность в торге является той средой, существование которой необходимо российской элите для поддержания своего международного веса. Зачем идти на договоренности с Западом по Ирану, Афганистану и прочим вопросам, если такие договоренности ликвидируют потребность Запада в России и его зависимость от

настроений Кремля? Так что российская элита в своем подходе к торгу с Западом предпочитает следовать принципу: «Движение — все, цель — ничто». Западным партнерам, во всяком случае тем, кто не подозревает о значении торга для российского политического класса, еще предстоит в этом убедиться.

А пока способность Москвы к сделкам начала проверять новая американская администрация. Если коротко, то дело было в следующем. В марте 2009 г. Дмитрий Медведев получил от Барака Обамы письмо, в котором американский президент прямо говорил о взаимосвязи между установкой американской ПРО в Восточной Европе и разрешением иранской проблемы. Формулировки письма были весьма расплывчаты, но, судя по всему, они давали основания усмотреть в них предложение размена: сам факт взаимозависимости означал, что если Москва поможет решить иранскую проблему, то Вашингтон откажется от установки ПРО в Польше и Чехии. Именно так прокомментировала письмо американская пресса, в которой появились утечки о содержании письма Обамы. Российский президент Медведев немедленно заявил: «Мы не собираемся идти на сделки». Позднее в своем интервью британской Би-Би-Си непосредственно перед саммитом с американским президентом Обамой в Лондоне в апреле 2009 г. Дмитрий Медведев подтвердил, отвечая на вопрос о возможности такого рода торга: «Я не считаю, что допустимы какие-то размены». Медведев поступил совершенно правильно, отвергнув торгашество и заняв принципиальную позицию. Правда, почему-то никто не поверил в то, что российская власть перешла к новой философии внешней политики. Может быть, потому, что все остальные действия российской власти говорили о том, что никаких перемен в ее внешнеполитическом курсе не произошло. Как бы то ни было, медведевская принципиальность была интерпретирована как стремление Кремля поднять ставки в диалоге с Вашингтоном.

Между тем Барак Обама в этой истории также не выглядел идеалистом. Он был вынужден оправдываться и доказывать, что и речи не могло идти о сделке с Москвой. Но ему поверили не все. Леон Арон, комментируя письмо Обамы Медведеву, даже не сомневался, что Вашингтон все-таки имел в виду размен уступками, но этот размен, по мнению Арона, был обречен на неудачу с самого начала, потому что он был попыткой «обменять пешку на королеву». Неужели, размышлял Арон, Москва в здравом рассудке согласилась бы отказаться от своей роли спойлера в отношениях с Ираном, которая давала ей возможность влияния на мировую игру, в обмен на отказ Америки от идеи «внедрить» вблизи ее границ десять перехватчиков, которых и в помине не было! «Подумайте о новом предложении, президент Обама!» — с язвительностью советовал американский эксперт своему президенту¹¹⁷. Если новая американская администрация действительно подумывала о размене фигурами с Москвой, то это был явно провальный шаг. Никто лучше, чем Кремль, не владеет сегодня технологией торга, который может продолжаться до бесконечности, повышая цену участия Кремля в этом процессе.

Украина — как веха

А теперь поговорим о реальных истоках обвала отношений России и Запада. Водоразделом стал 2004 г. — это был год «оранжевой революции» в Украине. Выход украинцев на Майдан стал шоком для российской правящей элиты, вдруг ощутившей, что нет гарантий, что аналогичная история не произойдет в России. Тем более что Украина всегда воспринималась в России как ее провинция. Именно Украина стала одной из причин перелома в отношениях России и Запада, которая заставила «заработать» остальные, в том числе и давно дремавшие факторы напряженности. Внешне недовольство Кремля Западом в момент «оранжевой революции» имело геополитическое обоснование. «Запад через Украину приблизился к границам России, начав играть на ее дворе», — таков был вывод, сделанный российской правящей командой. Трудно сказать, насколько в Кремле верили в то, что Запад вывел народ на киевский Майдан. Если в Кремле действительно так думали, это лишь свидетельство отсутствия понимания реальных процессов, происходивших в Украине. Как это ни покажется странным, в период, непосредственно предшествующий «оранжевой революции», и в период самой революции в 2004 г. объем западной помощи Украине был меньше, чем в предшествующие годы. Так, скажем, в 1998 г. США выделили Украине 360,24 млн долл., а в 2003 г. — 178,16 млн, в 2004 г. и того меньше — 144,82 млн. Большая часть этих средств предназначалась на поддержку экономического развития, гуманитарную помощь и содействие в решении проблем украинской безопасности. Только незначительная часть — менее трети от общего объема помощи — была выделена на «демократическое управление». Эти данные опровергают утверждения о том, что Америка делала массированные вливания в Украину в преддверии выборов. Судя по всему, Россия потратила гораздо больше денег для того, чтобы поддержать в Украине прокремлевские силы и оплатить услуги дорогостоящих российских технологов, работавших на эти силы. И ведь никакие деньги последним не помогли! Следовательно, были внутренние причины, которые взорвали эту страну. Решающим внешнеполитическим фактором, который, возможно, сыграл роль детонатора, было прямое вмешательство в украинские президентские выборы со стороны Москвы и лично президента Путина.

В Украине российский политический класс и его лидеры потерпели поражение. Они фактически потеряли ближайшую и, казалось бы, самую важную сферу влияния, если говорить о потребностях самосохранения российского традиционного государства. Это было для Кремля невыносимо. Это было больше, чем потеря территории. Это была потеря уверенности в себе и в своем будущем. Это было личное поражение Путина, которого он не забыл, о чем свидетельствуют и постоянные «газовые войны» России с Украиной, и его личное и непосредственное участие в них.

Поворот Украины к Западу был воспринят российской правящей командой как закладывание мины замедленного действия под несущие опоры российского государства. С тех пор не утихает мощный хор, который предупреждает и Украину, и Запад: «Украина — это последняя черта. Украина в НАТО — это война!» И понятно, почему Кремль и российский политический класс так страшит Украина в НАТО. Это означает расширение не только пространства безопасности Запада (как раз этот факт Кремль не очень беспокоит), но и расширение демократического и правового пространства западной цивилизации. А с этой цивилизацией Россия просто не может конкурировать. Если правовая и плюралистическая Украина действительно состоится, то это будет такой вызов российской системе, застрявшей в прошлом, на который она не сможет ответить.

Российская элита не щадит голосовых связок, чтобы убедить Запад в том, что она Украину не отдаст, и доказать свое право вето на выбор Украиной своего пути развития. Премахи, ошибки и постоянные склоки среди украинской элиты порождают в российском политическом классе нескрываемое злорадство: «Без нас не сможете! Без нас погибнете!». В свою очередь, официальная Москва делает все, чтобы поставить Украину перед дилеммой: или — или, т. е. или Россия, или Запад. Навязываемый Украине извне выбор раскалывает украинское общество, в котором еще много советских людей, с трудом переживающих свое отделение от России.

Москва активно использует «газовый фактор», дважды перекрыв Украине газ (в 2006 и 2009 гг.) для того, чтобы доказать, что с Россией нельзя шутить. В ходе газовых конфликтов между Москвой и Киевом внешне все выглядело как коммерческий спор, в котором правда была на стороне Москвы, доказывавшей, что за взятый у России газ нужно платить и долги нужно отдавать. В период последней «газовой войны» даже вполне профессиональные российские и некоторые западные эксперты возложили всю вину исключительно на Киев, который, нужно признать, не всегда вел себя логично и понятно. Но в своем стремлении обострить ситуацию, не останавливаясь перед ее последствиями, Москва переиграла и сама представила доказательства того, что в конфликте с Киевом преследует политические цели. Не составило труда понять их суть: российская сторона слишком явно стремилась использовать глубокий экономический кризис, в котором оказалась Украина, для того чтобы загнать ее в угол, доказать, что украинцы не способны решать свои проблемы, дискредитировать их в глазах Европы и мирового

общественного мнения. А чем больше дискредитирована Украина, как надеются российские «доброхоты», тем меньше шансов, что Запад будет настаивать на принятии этой неуравновешенной и издерганной склоками страны в свои структуры, а тем более в НАТО. Вот и останется Украина российской сферой влияния.

Трудно не согласиться с теми наблюдателями, которые в газовом конфликте 2009 г. между Россией и Украиной, имевшем общеевропейские последствия, усматривали политические причины. «Российские действия в период кризиса, в том числе и неожиданное перекрытие газа в момент, когда, казалось бы, соглашение (с Украиной. — Л. Ш.) было так близко, свидетельствуют, что мотивация для таких действий не была чисто коммерческой, — полагает Андерс Ослунд. — Ее нужно искать в политической области и в стремлении Кремля дестабилизировать Украину, показать, насколько демократия плоха для восточных славян, при этом поддерживая патриотический лозунг: “Украинцы должны нам заплатить!”»¹¹⁸ В таком же духе размышляет Владимир Милов: «Зачем Москве понадобилось действовать так жестко, ставя под угрозу надежность российского газового транзита в Европу, незащищенность которого стала очевидной еще в январе 2006 г.? ...Россия пошла ва-банк, не обращая внимание на финансовые последствия (остановка европейского транзита стоит Газпрому до 150 млн долл. в сутки) и возможную реакцию Европы. Подобная твердость напоминает поведение российских властей в ходе августовского конфликта с Грузией. Возможно, мы имеем дело с политикой нового типа по отношению к постсоветским странам, объявившим прозападный курс, — политикой грубых форм давления»¹¹⁹. Да, действительно, Милов прав. Российская политика в ходе холодной «газовой войны» преследовала те же цели, которые Москва преследовала в Грузии несколько раньше во время «горячей» войны, — предотвратить бегство этих стран на Запад и одновременно наказать их за попытку такого бегства и вообще за нелояльность по отношению к Москве. Старый и опытный политик Леонид Кучма, бывший украинский президент, не колебался в определении стратегии Кремля: «Я более чем уверен, что Россия стремится наказать Украину за ее строптивое с российской точки зрения поведение в период грузинского конфликта» (тогда Украина встала на сторону Грузии. — Л. Ш.)¹²⁰.

Впрочем, политический контекст конфликта были вынуждены признать и сами российские руководители. Хотя интерпретировали они его весьма своеобразно, возложив ответственность за «газовую войну» исключительно на украинскую элиту и ее дрязги и некую сверхдержаву — конечно, Америку, которая «оркестрировала» действия Украины. Так, сам Путин взялся объяснять истоки конфликта. На встрече с немецким телевидением ARD Путин заявил: «Сегодня многие люди (в Украине. — Л. Ш.) разочарованы. Бывшие лидеры “оранжевой революции”

118 Aslund A. The Gas Conflict between Russia and Ukraine // Handelsblatt, January 8, 2009.

119 Милов В. Слишком большая цена, <http://www.gazeta.ru>, 12 января 2009 г.

120 Украинский телеканал Плюс Один, 14 января 2009 г.

предали народные ожидания и народное доверие. Политическая борьба превратилась в склоки между кланами. Эти кланы стремятся не строить демократию и рынок, а реализовать свои личные амбиции и получить доступ к финансовым потокам, один из которых — торговля российским газом, как внутри, так и вне страны»¹²¹. Даже если этот анализ украинской действительности имеет основания, то странно слышать подобного рода обвинения из уст человека, потратившего так много сил и на борьбу с «оранжевой революцией», и на подавление демократии в России, и на обеспечение монополии одного из российских кланов. Кроме того, вряд ли перекрытие Украине (и Европе) газа и попытка дискредитировать Украину может рассматриваться как эффективная помощь украинскому народу, о благополучии которого беспокоился российский лидер.

В свою очередь, представитель Газпрома Александр Медведев был совершенно откровенен, заявив, что он «не исключает возможности», что другая страна может «контролировать действия Киева». «Другая страна», как вы можете догадаться, — это Америка. Как только появился американский фактор, все стало на свои места. Можно считать правилом: когда российская элита пытается защитить свои интересы, она обращается к Америке, как постоянному обоснованию своих действий.

Замечу попутно, что для российской власти становится обычным делом, когда она, потратив массу энергии и ресурсов, доказывает (в который раз!) аксиому Черномырдина: «Хотели как лучше...» Бывший зампред правления Газпрома Александр Рязанов, говоря об итогах «газовой войны» Москвы с Киевом, признавал, что, по его мнению, Газпром проиграл эту войну с оглушающим счетом: падение добычи газа упало на 14%, а финансовые потери Газпрома от конфликта составили 1,8 млрд долл.¹²² Такова была лишь часть цены, которую Россия заплатила за кремлевскую стратегию в отношении Украины. А сколько еще придется платить за имиджевые потери и связанную с ними возможную переориентацию энергетической политики Европы, еще предстоит узнать.

Аксиома Черномырдина получила еще одно подтверждение, когда в марте 2009 г. Евросоюз и Украина подписали совместную декларацию о модернизации украинской газотранспортной системы и ЕС предоставил Украине на эти цели кредит размером 2,57 млрд долл. В соответствии с соглашением европейские потребители получили право покупать газ на украино-российской границе (до сих пор это происходило на границе Украины и ЕС). Это был важный шаг по включению Украины в энергетическое и экономическое пространство Европы и ответ на действия Кремля. Более того, ЕС начал готовить альтернативу России как своему ведущему поставщику энергии, выделив около 4 млрд евро на проекты, которые должны будут снять зависимость Европы от российского газа. Самым масштабным из них должен стать небезызвестный «Набукко», который планируется

121 <http://www.premier.gov.ru>, 15 января 2009 г.

122 <http://www.smoney.ru>, 20 февраля 2009 г.

провести из Центральной Азии в Европу в обход России (на разработку ТЭО этого газопровода уже выделено 200 миллионов евро). На сей раз несмотря на кризис и финансовые ограничения, ЕС стряхнул пыль с давно лежавшего на полке «Набукко» и заявил о своей решимости взяться за него всерьез. Действия Москвы подтолкнули Европейский Союз к поиску путей ослабления своей энергетической зависимости от России. Нужно было очень и очень постараться для того чтобы заставить неповоротливый Брюссель начать действовать.

Соглашение ЕС и Украины, казалось бы, должно было обрадовать Кремль и Газпром. Ведь Европа фактически брала на себя гарантии беспрепятственных поставок газа и модернизации украинской газотранспортной системы. Киев, ставший для Москвы хроническим аллергеном, по сути дела исключался из формата газовых отношений Европы и России. Но вместо того чтобы с удовлетворением вздохнуть, Москва пришла в ярость. И почему же? Да потому что теперь Газпром терял возможность заполучить украинскую «трубу» и диктовать свои условия и Украине, и Европе. Дело было даже в большем: нормализация «газовых отношений» с Украиной лишала российскую элиту одного из важнейших инструментов давления на Киев. Реакция Кремля и особенно российских лидеров на соглашение ЕС и Украины не оставляла сомнений относительно реальных причин недавней «газовой войны» между Россией и Украиной.

Какими бы неуклюжими и топорными ни выглядели подчас действия Киева в этот период, конфликт между Россией и Украиной убедительно продемонстрировал, что речь идет о столкновении моделей развития и векторов движения: Украина выбрала западный вектор, а Россия — продолжала себя упорядочивать через отторжение Запада. Украинский президент Виктор Ющенко имел все основания заявить: «Мы боремся за нашу независимость и суверенитет». Киев пытался отстаивать свое суверенное право выбирать собственный вектор развития. Все дело в том, что с этим вектором была не согласна Москва.

Словом, мы стали свидетелями цивилизационного противостояния, которое не всегда проявлялось отчетливо в силу наличия множества сталкивающихся интересов и противоречивых линий. Причем само столкновение России и Украины приняло затяжной характер в силу колебаний Европы и ее стремления к разрешению конфликта таким способом, чтобы ни в коем случае не вызвать отрицательных эмоций в Кремле. Это был пример, когда европейские столицы во имя своих текущих интересов (в данном случае энергетических) были вынуждены отказать от нормативного подхода к проблеме.

Приходится констатировать, что российская элита превратилась для Украины в дестабилизирующий фактор, который не заинтересован в становлении сильного и полноценного украинского государства. Украина для этой элиты оказывается поводом и инструментом для легитимации милитаристско-державнической парадигмы, в которой она пытается удержать Россию. Грустно в этом контексте и то, что на украинском вопросе начали ломаться даже те российские либералы, которые еще сумели сохранить свои принципы в период кавказской войны

и в августе 2008 г. избежать присоединения к мощному имперскому хору. Удивительно, как сильны дремучее чувство собственности и великодержавный атавизм даже у людей, которые поддерживают идеи свободы для России. Они отказывают в свободе украинцам, видя в них несмысленных «братьев меньших».

Еще предстоит размышлять о том, почему те, кто с либеральных позиций смотрит на внутреннее развитие России, вдруг оказываются в державническом и имперском лагере, как только речь заходит о внешней политике России и особенно об Украине. Может быть, они верят, что Россия может существовать только как империя, которая, в свою очередь, никак не может обойтись без славянских «приложений»? В таком случае придется им напомнить, что империя не может быть демократией и империи не вечны.

Украинский президент Виктор Ющенко в своем интервью главному редактору «Эха Москвы» Алексею Венедиктову в апреле 2009 г. так объяснял причины болезненности в отношениях между Россией и Украиной: «Я думаю, что проблема не в нас... Надо забыть плач по прошлому. Надо почувствовать, что Украина и Россия сегодня — два независимых народа, свободных народа, за которыми стоят такие же независимые государства, причем равные, суверенные. К своему суверенитету Украина шла сотни лет. И как важно здесь иметь друга, который тебе подает руку и говорит: “Мы не просто твои соседи, мы первая страна, которая заинтересована в вашем суверенитете, в вашем развитии и демократизации. Мы будем дальше идти локоть к локтю”». Пока, увы, российская элита не готова протянуть Украине руку.

А выход где?

В чем российский политический класс видит путь к созданию стабильных отношений между Россией и Западом? В согласовании новых правил взаимоотношений России и Запада, при формировании которых Запад должен принять требования России. Наиболее четко эти правила в понимании российской элиты сформулировал Дмитрий Тренин: Запад должен строить отношения с Россией на условиях России, «добываясь приемлемых уступок, а не исходить из нормативных принципов, таких как наличие демократической реформы». И еще: «Идеология не является лучшим проводником в российском обществе, которое хотя и активно, но пока не придерживается никаких ценностей... Вашингтон должен думать о Москве стратегически, а не идеологически и не теологически».

Другими словами, российская элита полагает, что Запад должен строить свою политику в отношении России на основе интересов, а не ценностей. А вот если такой «договоренности достигнуть не удастся, то инерция силовой дипломатии и накал антизападной риторики будут толкать Россию... — к конфронтации» (с Западом. — *Л. Ш.*)¹²³.

Ответ на аргументы «реалистов» из среды российского политического класса уже дан в предыдущих главах: западная Realpolitik в отношении России в течение предыдущих восьми лет не предотвратила противостояние России и Запада. Ни Буш, ни другие западные лидеры в период президентства Путина и не пытались учить Россию демократии. Они даже не вспоминали о ценностях и принципах. Это «воздержание», однако, не помогло взаимопониманию обеих сторон.

Более того, представления Кремля и западных столиц об «общих интересах» оказываются порой прямо противоположными. Так, западная и российская элиты по-разному понимают борьбу с международным терроризмом и даже по-разному определяют международных террористов. США и Европа смотрят на Хамас как на террористическую организацию. А Кремль — как на возможных партнеров и приглашает лидеров Хамаса в Москву. Запад опасается Ирана и рассматривает иранского лидера как угрозу. Россия помогает Ирану в его ядерной программе.

123 Trenin D. Russia Redefines Itself and its Relations with the West // The Washington Quarterly, March 1, 2007.

Не подтверждает ли факт различного понимания Россией и Западом ряда «общих интересов» то, что интересы вырастают из ценностей, которые нам советуют забыть? И не может ли так получиться, что в случае, если Запад последует совету российских и своих собственных «реалистов» и забудет о проблеме ценностей в отношениях с Россией, пропасть между Россией и Западом только увеличится, а следовательно, угроза их конфронтации возрастет?

По мнению Федора Лукьянова, «единственно верной (!) линией поведения является наращивание собственной силы», для того чтобы противостоять «враждебной внешней среде». Судя по всему, это западная цивилизация является для России «враждебной средой». Но тогда что Россия делает в западных институтах — скажем, в «Восьмерке»? Зачем тогда российская элита принимает от «враждебной среды» средства для осуществления своих правительственных программ? Возможно, использование врага в своих интересах — это и умная тактика. Но тогда зачем позволять российской элите жить во вражеском стане и хранить там свои сбережения? А может быть, все же посоветовать российской элите наращивать силу, но экономическую, и для того, чтобы заниматься не противостоянием, а развитием своего общества и приближением его к Западу?

Алексей Арбатов поясняет, для чего нужна России эта сила, обосновывая политику «око за око» в отношении США: «То, что разрешено для США, будет разрешено для России». Это означает, уточняет он, что если американские корабли войдут в Черное море, российские войдут в Карибское море. Если американцы будут строить свои базы вокруг России, Россия сделает то же самое в Латинской Америке¹²⁴. Вроде бы справедливая позиция. Действительно, почему Россия не может делать то, что делают американцы?! Но давайте вначале подумаем, готова ли Россия к тактике возмездия? Взгляните, о чем идет речь: России с ее ВВП в 1,3 трлн долл. придется иметь дело с США, ВВП которых составляет 13 трлн долл. и военный бюджет которых — около 600 млрд долл. (российский военный бюджет в 25 раз меньше).

Представление о российских военных возможностях мне поможет уточнить Александр Гольц. Вот как он описывает состояние военных ресурсов России: «Те же ракеты “Искандер”, разместить которые президент (Дмитрий Медведев. — Л. Ш.) обещал в Калининградской области, до сих пор произведены в количестве шести штук. Еще любопытнее посмотреть, что за инновационную технику, напрягаясь из последних сил, собирается производить отечественная промышленность. Ракета “Тополь-М” разрабатывалась в конце 80-х, к 2015-му использованным в ней технологиям будет аккурат 30 лет. Тактическая ракета “Искандер” разрабатывалась в начале 90-х. То же самое можно сказать и о комплексе ПВО С-400. Объявленный новейшим истребитель Су-35 совершил свой первый полет в 1988-м, двадцать лет назад. Столь же нов и истребитель-бомбардировщик Су-34. Замечу к тому же, что пока серийное производство этой морально устаревшей военной техники даже не начато. Так что в лучшем случае первые серьезные поставки начнутся года через

124 Arbatov A. Double Standards in Foreign Policy // The Washington Post (Supplements), September 24, 2008.

три-четыре. Таким образом, путинская «инновационная армия» в 2020 году будет оснащена военной техникой, основанной на технологиях прошлого века». Вот такова «сила», которую наши эксперты собираются посылать в Карибское море.

Даже у Китая, как оказывается, военные перспективы намного более оптимистичны, потому что Китай совершил в военном деле информационно-технологическую революцию. А что же происходит с военными инновациями в России? Гольц отвечает: «Россией на этом направлении не делается практически ничего. Первый вице-премьер Сергей Иванов вдруг поведал о полном провале программы ГЛОНАСС, создатели которой вот уже лет десять обещают обеспечить как военных, так и гражданских потребителей возможностью ориентации на местности... Выяснилось, что отечественная промышленность просто неспособна наладить производство принимающих устройств — потому что нет комплектующих. Если бы военное руководство России всерьез было нацелено на создание «инновационной армии», оно сконцентрировалось бы на информационных технологиях»¹²⁵. Цитата длинная — но она дает впечатление о реальных военных ресурсах государства, которое некоторые политики и эксперты призывают начать политику силового ответа Западу.

И как в такой ситуации российские сторонники «наращивания» силы представляют себе итог «симметрического» ответа России? За счет чего Россия должна продолжить «наращивать силу» и следовать примеру Америки сегодня, когда страна свалилась в экономический кризис? А может быть, эксперты по привычке опять хотят поугубить Запад и вся эта риторика не всерьез? Но если не всерьез, то это хороший повод для того, чтобы западные коллеги потренировались на России свое чувство сарказма, что многие из них уже и делают. А если Запад примет эту риторику всерьез, то ответит гонкой вооружения, в которой России не победить. Или российские коллеги о таком сценарии не задумывались?

Но кроме отсутствия ресурсов для ответа США есть и еще один аспект этого ответа, который вызывает опасения. Тактика «око за око» означает, что Россия не может претендовать на роль страны, которая уважает международное право. Это призыв перейти к закону джунглей. Если в США есть мощное общественное мнение, которое способно остановить необузданность исполнительной власти, то в России исполнительная власть бесконтрольна и ее может занести слишком далеко в демонстрации «симметрии». Неужели российские эксперты и политики, призывающие к реваншу либо ревизионизму, могут быть уверены, что российский каток остановится перед тем, как будет совсем поздно?

Я полагаю, что те, кто призывает Россию к отпору Америке, отдавая дань общей кампании, все же прекрасно понимают, что направление энергии и эмоций общества в эту сторону отвлекает внимание от внутренних проблем и необходи-

125 «По сути дела, появилась новая, в дополнение к суше, морю, воздуху и космосу, сфера противоборства — информационное пространство. На стратегическом уровне создаются разведывательно-ударные системы, включающие спутники разведки, целеуказания и связи, боевые самолеты и крылатые ракеты. Все это, объединенное в единую систему, и обеспечивает полное и абсолютное превосходство на поле боя», — говорит А. Гольц.

мости трансформации России. А если уважаемые коллеги понимают, что они делают, из каких побуждений они это делают?

Впрочем, политика «око за око» вызывает возражения в самой экспертной среде. Так, Надежда Александрова-Арбатова пишет, что подобную точку зрения выражают российские «империалисты-идеалисты» и «наиболее консервативная часть “углеводородной номенклатуры”». Они, говорит Арбатова, «критикуют односторонние действия США в международных делах, но одновременно выступают за то, чтобы следовать их примеру и захватывать все, что Россия может взять, следуя за косовским прецедентом». Она полагает — и я с ней полностью согласна, — что «Россия должна защищать свои национальные интересы в рамках международного закона»¹²⁶.

В свою очередь, Владимир Барановский озабочен тем, как бы воинственность российской элиты не завела Россию слишком далеко. Он признает: «С Россией стали считаться. Но доверие к ней уменьшилось, отношение ухудшилось». Между тем предупреждает он, «ключевая задача... состоит в том, чтобы не дать себя вытолкнуть из евро-атлантического пространства». Но ведь не кто другой — не Америка, не Европа, а сама Россия, пытаясь компенсировать «болезненное историческое отступление», выталкивает себя из этого пространства. Ее западные партнеры, напротив, пытаются удержать ее в этом пространстве, делая вид, что не воспринимают российские взрывкивания и угрозы всерьез, надеясь, что эти угрозы и недовольство — просто отражение «переходного возраста». Но благодаря комплексам российской элиты и тем, кто пытается им подыгрывать, понимая, в чем дело, Россия слишком долго задержалась в «переходном возрасте».

Любопытно, что, видимо, стремление остаться в рамках профессионализма и избежать выпадения в пропагандистскую нишу заставляет некоторых экспертов, близких к Кремлю, критически отнестись к курсу, который в последнее время Москва избрала в отношении Запада. Так, Владимир Фролов не без едкой иронии определил свое отношение к этому курсу в виде шутливой телеграммы, якобы адресованной Обамой Медведеву:

«Дорогой Дима... Я не понимаю, что тебе дает дружба с такими как Чавес или Кастро. Может быть, Чавес купит кое-что из российского оружия и заплатит боливарами (интересно, какой банк конвертирует их в рубли?). И Кастро может предоставить тебе еще одну базу для радара. Но как это поможет России модернизироваться? И как ты им можешь довериться, если они не хотят даже признать Абхазию и Южную Осетию? ...А что там делается с российским флотом на Карибах? С каких пор у нас возникли сомнения относительно баланса военных сил в этом регионе? Я рад, что твои парни могут позагорать. Но в следующий раз, когда ты пошлешь свой флот в теплые моря, посылай его в мой родной штат на Гавайях. Я тоже подъеду туда на каникулы и дам твоим ребятам урок серфинга»¹²⁷.

126 Alexandrova-Arbatova N. Russia after Presidential Elections: Foreign Policy Orientations, in: Russian Foreign Policy, The EU — Russia Center Review, 2007. P. 15–16.

127 Фролов В. Российский Профиль, 9 декабря 2008 г.

Эта цитата говорит о том, что даже среди официального экспертного сообщества в России есть понимание тупиковости парадигмы нынешней российской политики.

Представители прагматического крыла экспертов, рассматривающего себя как прозападное, начинают осторожно искать новые подходы к отношениям России и Запада. Сам этот факт является исключительно позитивным. Поиск новых ответов, и особенно во внешней политике, которые бы соответствовали сегодняшнему, а не прошедшему времени, у нас большая редкость. Примером такого поиска могут быть размышления Игоря Юргенса, представляющего команду экспертов, близкую к президенту Дмитрию Медведеву, и Сергея Караганова, опубликованные в конце 2008 г. Авторы заявили о том, что «новый мир требует больших идей, прорыва в будущее» и выдвинули идею «стратегического союза» России и Европы, который бы создавался поэтапно, начиная с энергетического союза, и завершился бы созданием единого рынка Россия—ЕС. Идея на первый взгляд кажется плодотворной и заслуживающей поддержки. Мне очень близок критический поход авторов к нынешнему процессу переговоров между ЕС и Россией о новом соглашении, которое обещает оказаться не чем иным, как фиговым листком, лишенным содержания. Юргенс и Караганов правы: в процессе формирования новых взаимоотношений между Брюсселем и Москвой нужна пауза, для того чтобы осмыслить нынешнее состояние этих отношений, прежде чем двигаться дальше. Мне близка и их идея о демократизации диалога между ЕС и Россией и расширении его социальной базы. Отношения России с Европой не могут оставаться заложниками двух самых неповоротливых бюрократий¹²⁸. Но вот дальше у меня возникают вопросы относительно реальности самого «стратегического союза» России и Европы. Ведь для того, чтобы создать этот союз, придется сказать, почему не получилось «стратегическое партнерство» России и ЕС. А не получилось оно из-за несоответствия принципов двух сторон, а также нежелания России принимать европейские стандарты и неготовности ЕС на них настаивать. Если «стратегический союз» России и Европы также не предполагает обязательность принятия его членами одних и тех же правил игры, то в таком случае членам «стратегического союза» вряд ли удастся договориться о понимании общих интересов, которое определяется единым пониманием стандартов. Следовательно, и «стратегический союз» завершится тем же, чем завершилось «стратегическое партнерство» России и ЕС. С какой стати ЕС вступать в «стратегический союз» с Россией, если Россия будет продолжать исповедовать совершенно иные нормы? Или авторы идеи надеются, что по мере сближения Европа и Россия сумеют договориться о принципах? Ну что же — можно попробовать... Но ситуация после «газовой войны» России с Украиной разворачивается в противоположном направлении. Москве теперь будет очень сложно уговорить Европу согласиться даже на энергетический союз просто потому, что российские власти демонстрируют совсем уж специфическое понимание и интересов, и принципов. И на основе чего нам сближаться друг с другом?

128 Юргенс И. и Караганов С. К Союзу Европы // Российская Газета, 6 ноября 2008.

Так что соглашусь с коллегами: есть реальная опасность, что мы «рисуем застрять в прошлом», и нужны прорывы. Но, возможно, таким прорывом может стать понимание того, что Россия с ее нынешней системой вряд ли способна претендовать на роль самостоятельного члена союза с Западом. Если речь идет о сближении с Западом, то России придется, видимо, пойти по пути «подчиненного» либерально-демократического развития, по которому шли страны Центральной и Восточной Европы. Ну а если российская элита не готова отказаться от своего «бензинового суверенитета», то в таком случае нам нужно забыть о прорывах и остаться там, где мы сейчас находимся.

Будем считать боеголовки

Большинство российских экспертов выход из кризисного состояния отношений с Западом усматривает прежде всего в нормализации отношений с Америкой. В этой позиции есть своя логика — ведь больше всего пострадали российские отношения именно с США. Как же нам предлагают вывести эти отношения из кризиса, в котором они уже привыкли находиться? Через возвращение к российско-американскому диалогу по стратегическим наступательным вооружениям. Именно эта идея в 2009 г. стала основным лейтмотивом в обсуждении российско-американских отношений. Обратимся за комментарием к компетентным специалистам в этой области. Вот что объясняет нам Алексей Арбатов: «...В важнейшей сфере военно-политической безопасности России и Соединенных Штатов, всего мира в целом впервые за сорок лет наступят правовой вакуум и растущая неопределенность в отношении стратегических возможностей и намерений друг друга»¹²⁹. Дело в том, что в декабре 2009 г. истекает срок действия российско-американского Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений — СНВ (он был подписан в 1991 г. и вступил в силу в 1994 г.). Пока нет нового договора действительно возникает правовой вакуум, который может привести к новой ядерной гонке, в которой у России нет шансов выиграть. В этой ситуации возврат к диалогу России и США по вопросам стратегических наступательных вооружений необходим. Как справедливо доказывают российские эксперты в этой области — Алексей Арбатов, Сергей Рогов, Владимир Дворкин, — в таком диалоге нуждается в первую очередь Россия, которая за счет ограничения стратегического наступательного потенциала может перераспределить средства на решение других вопросов своей обороноспособности. Не исключено, что на современном этапе переговоры по вопросам ядерных вооружений окажутся и единственным способом предотвратить дальнейший разрыв тонкой паутины, которая все еще связывает Россию и США. Так думает немало российских экспертов. В этом же духе размышляют и американские эксперты. Роуз Геттемюллер, член команды

114 Арбатов А. Россия и США — пора выходить из стратегического тупика, Брифинг, Московский центр Карнеги. Том 10. Выпуск 3, 2008 г.

президента Обамы, заместитель госсекретаря США, которая отвечает за проведение переговоров по вопросам будущего СНВ-1 с американской стороны, говорила: «Первым шагом в этом процессе (в усилиях по улучшению отношений между Россией и США. — Л. Ш.) должны стать шаги по укреплению существующей надстройки российско-американских отношений». Геттемюллер имела в виду диалог по будущему СНВ-1, полагая, что он «может сыграть роль спасительного круга» для американо-российских отношений¹³⁰.

Однако, кроме несомненного конструктивного аспекта военно-политического диалога между Россией и США, есть и другие его стороны, о которых нужно откровенно говорить. Так, необходимо объяснить обществу, почему разоруженческие переговоры между Россией и США стали назревшей и даже срочной необходимостью и почему такие переговоры между США, с одной стороны, и Францией и Великобританией, с другой, не нужны вовсе. США, Франция и Великобритания являются союзниками и державами, которые себя упорядочивают на основе одних и тех же принципов, а потому они не ожидают друг от друга неожиданностей, ибо они друг другу верят. Несколько лет тому назад наивные американцы полагали, что отношения с Россией тоже достигли такого уровня доверия, что можно больше не считать друг у друга боеголовки и не спорить об их «количественных потолках». Как же американцы ошибались! Российская элита им убедительно доказала, что это далеко не так. Судя по всему, сегодня американцы свою ошибку осознали и готовы сесть за стол и возвратиться к подсчету боеголовок.

А теперь о том, что все это означает. Тот факт, что «ядерный диалог» России и США оказался вновь, как и в советские времена, основным блюдом в «меню» наших отношений, свидетельствует о том, что обе стороны упустили возможность перевести свои отношения в форму реального партнерства, при котором не нужно было бы заниматься подсчетом боеголовок. И США, и Москва несут ответственность за то, что предыдущие двадцать лет оказались для их отношений историческим провалом. Но основную ответственность за этот провал все же несет Россия, которая не справилась со своей трансформацией. Именно неудача либеральных реформ заставила российский политический класс требовать возврата к военно-политическому диалогу с США как фактору самосохранения традиционного государства. В глазах российской элиты этот диалог — средство повысить глобальную роль России и восстановить биполярный мир в виде особых отношений России с США. А биполярность, вернее, теперь уже надежда на биполярность, и есть опора российского традиционного государства.

Не могу здесь не процитировать Андрея Пионтковского, который весьма точно обрисовал реальные причины стремления российской элиты к возобновлению разоруженческих переговоров с Америкой. «Система договоров о наступательных и оборонительных стратегических вооружениях была чрезвычайно

130 Геттемюллер Р. Российско-американские отношения в сфере безопасности после кризиса в Грузии. Брифинг. Московский Центр Карнеги, январь 2009 г. С. 5.

важна для советских вождей политически и психологически, — писал Пионтковский. — Она юридически фиксировала их статус руководителей сверхдержавы, равной (по крайней мере в важнейшей военно-стратегической сфере) США. Для российских лидеров, для которых возможность взаимного самоубийства с США остается, пожалуй, единственным атрибутом их сверхдержавности, размывание не самой этой возможности, а официально декларирующей ее системы договоров (выход США из Договора по ПРО, истечение в 2009 году срока действия Договора СНВ-1) чрезвычайно болезненно психологически. На мой взгляд, их размахивание булавами и чудо-ракетами не что иное, как форма приглашения партнера к переговорам о новом договоре, фиксирующем существующую парадигму взаимно гарантированного уничтожения. Я бы рекомендовал американской администрации пойти на эти переговоры». Андрей Пионтковский объясняет, почему американцам это нужно сделать, следующим образом. Во-первых, «сегодня мы кто угодно, только не союзники, хотя действительно были фактически военными союзниками осенью 2001 года». Во-вторых — и это относится уже не только к России, но и к США, — почти за двадцать лет, прошедших с окончания «холодной войны», материальная структура и функциональные возможности наших ядерных арсеналов принципиально не изменились. «Это по-прежнему стратегические силы двух ядерных сверхдержав, нацеленные друг на друга и связанные одной цепью парадигмы взаимного гарантированного уничтожения». Так не лучше ли ввести эти отношения враждебности в цивилизованное русло договором, делающим развитие наших ядерных сил взаимно контролируемым, предсказуемым и исключаящим любые неожиданности? «Страсти улягутся, — размышляет Пионтковский, — и новые руководители наших стран постепенно придут к убеждению (реальность угроз XXI века заставит их это сделать), что стратегический союз России и США отвечает базовым интересам безопасности наших народов. Вот тогда и только тогда можно будет отправить в архив российско-американских отношений парадигму взаимно гарантированного уничтожения»¹³¹.

Может ли возврат к диалогу по поводу стратегических вооружений привести к союзническим отношениям России и США, о чем мечтают в России многие? Сомнительно. Достижение союзнических отношений с Вашингтоном наподобие отношений между США, с одной стороны, и Великобританией и Францией, с другой, достигается другими средствами, а именно — через идентичность стандартов. А пока нам придется понаблюдать, как Россия и США будут искать способ сыграть две взаимоисключающие роли: с одной стороны, продолжать взаимное ядерное сдерживание, а с другой — претендовать на роль партнеров.

Правда, ситуация с отношениями Россия — США становится прозрачнее. Как только Москва и Вашингтон сели за стол разоруженческих переговоров, они тем самым доказали, что у них больше нет иллюзий относительно того, что они думают друг о друге, и того, как они реально относятся друг к другу. Такая ясность

131 <http://www.grani.ru>, 27 августа, 2007 г.

может оказаться полезной перед тем, как начинать размышлять о новом этапе отношений. Хотя нельзя исключать, что разоруженческий приоритет может привести к тому, что для Америки и для всего Запада станет вообще безразлично, что происходит внутри России. А западные политики будут думать только о том, как подсчитывать боеголовки, и о том, чтобы их от этого занятия никто не отвлекал.

Возможен и более тревожный результат наметившегося поворота в российско-американских отношениях в сторону военно-стратегического диалога. О нем с озабоченностью говорил Сергей Караганов, с которым я в данном случае согласна. «Возвращение военно-политической тематики в центр диалога (России и США. —Л. Ш.) грозит тем, что стороны снова начнут смотреть друг на друга как на потенциальных противников, считать по большей части бессмысленные военные балансы и находить дисбалансы, значения которых будут раздуваться... — предупреждал Караганов. — Ограничение и сокращение вооружений является не только инструментом регулирования гонки вооружений, ослабления напряженности, но и, как показал опыт “холодной войны”, успешно используется для ее раздувания и продолжения и даже для подкачивания недоверия. Еще хуже то, что возобновление процесса ограничения вооружений, диалогов о безопасности реанимирует и вернет на первый план старых рыцарей “холодной войны” с их привычным мышлением. И они снова с упоением начнут считать боезаряды, выдумывать несуществующие угрозы»¹³².

По мере того как начал вырисовываться круг проблем, связанных с разоруженческой проблематикой, становилось очевидно, что даже в этой сфере, где, как казалось еще несколько месяцев тому назад, были самые большие шансы найти «общность» интересов России и Америки, появились признаки будущих противоречий. Они касались не технических частностей. Они касались философии подхода к проблеме. Дело в том, что во время своего первого большого международного турне в апреле 2009 г., выступая в Праге, президент Обама выдвинул идею движения к ядерному разоружению. «Мы должны начать процесс ядерного разоружения. Пусть на его полное осуществление не хватит, может быть, всей моей жизни», — заявил Обама¹³³. Если бы американский лидер знал, что то, что он обозначил как свою миссию, вызовет такую обеспокоенность российского политического класса! Между тем эта обеспокоенность была понятна: для российской элиты ядерное оружие является самым важным атрибутом державности и гарантией ее веса в мировой политике. Приняв идею Обамы, Россия превратилась бы в нормальное государство, лишенное оснований иметь глобальные претензии. Но в таком случае это был бы самый тяжелый удар по нынешней российской системе, ключевой опорой которой являются глобальные претензии. Понятно, что пойти на это российская элита не могла. Отражая настроения российского политического класса, авторы доклада Института национальной стратегии писали:

132 Караганов С. Россия и Запад во время кризиса // Российская газета, 11 февраля 2009.
133 www.cnn.com, April 5, 2009 г.

«На сегодняшний день СЯС (стратегические ядерные силы. — Л. Ш.) являются для РФ единственным фактором, который делает ее влиятельным государством, а не гигантской полупустой территорией с огромным количеством природных ресурсов... У США ситуация другая... Сокращение СЯС выгодно США практически с любой точки зрения, тем более что они в процессе сокращения СЯС могут еще больше увеличить свое превосходство в обычном высокоточном оружии»¹³⁴. Словом, еще не приступив к разоруженческим переговорам, по крайней мере одна сторона начала понимать, что у Америки и России в этих переговорах могут быть стратегически разные цели.

Правда, нет худа без добра. Глобальный финансовый кризис заставил российское политическое сообщество несколько умерить свой раж. Российские эксперты, еще недавно бряцавшие литаврами, после того как стало очевидно, что страна вползает в экономический кризис, у которого пока нет «дна», начали приглушать свой обличительный пыл в отношении Запада. Так, Вячеслав Никонов неожиданно стал убеждать аудиторию: «Мы действительно в одной лодке» (с Западом. — Л. Ш.)¹³⁵. Судя по тому, что Никонов писал ранее, могло возникнуть впечатление, что мы в разных лодках. Но снижение воинственного запала у российских аналитиков нельзя рассматривать как тенденцию. Отечественный политический класс с началом экономического кризиса растерялся и начал ждать сигнала сверху о том, в каком направлении двигаться. Но вскоре, видно, понял, что никакие официальные заявления о диалоге с Америкой не меняют механизма существования российской системы. А для той системы, которая сложилась в России, более естественными являются антизападные эмоции в качестве ответа на вызовы, которые эта система решить не в состоянии. Дела не меняет тот факт, что российский правящий класс и его пропагандисты могут менять риторику и идти на сотрудничество с западными странами в тех случаях, когда такое сотрудничество необходимо и полезно для воспроизводства российского традиционного государства.

Порой для того чтобы найти новые пути сохранения этого государства, можно поговорить и о реформах. Такой разговор о перестройке мироздания является весьма остроумным способом сохранить внутри страны все, как было. Так, российские политики и эксперты в последние годы начали активно доказывать миру, что нужны новые международные правила игры и формы управления международными отношениями. На первый взгляд может показаться, что в этом есть нечто прогрессивное. Но на деле речь идет о таких правилах игры, которые должны сделать комфортным выживание нынешней России с ее коррумпированной властью и «бензиновой» экономикой.

Словом, мы имеем дело с разными попытками оформить и аргументировать охранительную доктрину, целью которой является защита в России антили-

134 «Опасность ядерного разоружения. Перспективы создания новых российских ядерных сил». Доклад Института национальной стратегии, www.apn.ru, March 31, 2009.

135 Никонов В. Глобальный кризис: риски взаимозависимости // Известия, 1 октября 2008.

беральной и антизападной системы. Причем охранители прекрасно понимают, что это за система и на каких принципах она действует. Именно внешняя политика оказывается одним из основных инструментов защиты этой системы и ее воспроизводства. Если внутривнутриполитические механизмы в России вызывают все большее разочарование даже среди системных прагматиков, то относительно внешнего поля в России все еще сохраняется почти полный консенсус. Этот консенсус включает и значительную часть либерального спектра, представители которого не могут себе позволить выступить против официального патриотизма. Все это говорит о том, что охранители в сфере международных отношений имеют простор для маневра и именно они начинают (уже начали) играть роль передового отряда защитников традиционалистского российского государства.

Давайте подумаем: помогают ли приведенные аргументы российских охранителей понять движение России и ее отношения с Западом? Вряд ли, поскольку они учитывают интересы правящей элиты, а не российского общества. Помогут ли эти аргументы в случае их принятия построить более стабильные отношения России и Запада? Вряд ли, поскольку самосохранение этой системы требует отторжения Запада, как чуждой цивилизации. Поможет ли охранительная доктрина модернизации России? Опять нет, ибо ее целью является защита традиционного государства, которое отторгает реформы.

Что разделяет Россию и Запад сегодня?

Значит ли все это, что противоречия между Россией и Западом носят исключительно нормативный характер и внешнеполитические проблемы перестали быть значимыми? Да нет, конечно. Никто не собирается отменять международные отношения, которые имеют свою логику, свой понятийный аппарат и свои средства осуществления. Между Россией и западным миром может существовать немало внешнеполитических противоречий, напрямую не связанных со стандартами и ценностями. Так, неизбежны противоречия, которые касаются природы отношений между поставщиком и потребителем сырья и других аспектов экономических отношений. У России и отдельных западных государств возможны различные взгляды на вопросы безопасности в мире, в Европе и Евразии. Даже у либеральной России в случае ее формирования, возможно, еще долго сохранится и ревность в отношении бывших сателлитов, и подозрительность по отношению к ведущим западным демократиям. Кстати, ведь и последние конкурируют друг с другом, прежде всего в сфере экономики. Но должны ли эти подозрения, а тем более противоречия либо даже конкуренция приобретать враждебный характер? Почему противоречия между, скажем, Францией и США, порой весьма острые, никогда не приводили к их противостоянию? Почему европейский антиамериканизм, особенно осязаемый во времена Буша-младшего, не стал причиной кризиса в отношениях между Европой и США? Боюсь, что придется повторить: видимо, дело в идентичности стандартов, на основе которых организует себя Запад и которые препятствуют чрезмерному расхождению внешнеполитических интересов отдельных западных государств. Напротив, разные способы упорядочивания России и западных демократий заставляют их по-разному смотреть на окружающий мир и свою роль в этом мире, что только обостряет внешнеполитические противоречия и переводит эти противоречия в русло взаимной подозрительности и даже враждебности.

Соглашусь, что, несмотря на эти различия, Россия и Запад могут сотрудничать. И они сотрудничают. Но это сотрудничество всегда исключительно прагматично («ты мне — я тебе») и ситуативно. Оно не имеет длительной перспективы и устойчивости и в любой момент может обернуться вспышкой враждебности, не всегда мотивированной.

Теперь давайте зададим вопрос: почему кризис в отношениях России и Запада возник только в последние годы? Ведь Россия давно начала возвращаться к традиционному государству и персоналистской власти. Разве Россия в период первого президентства Путина, когда у нее были благоприятные и даже теплые отношения с Западом, была демократией? Дело прежде всего в логике развития державничества как особой формы существования российского авторитаризма, хотя и не только в ней. Державничество строится на отталкивании России от Запада, и как цивилизации, и как совокупности международных субъектов. Но оно не обязательно и не всегда должно провоцировать конфликт России с западной цивилизацией. Вспомним, что развитые демократии и СССР в свое время не только умели избегать конфликтов, но и успешно сотрудничали. Несколько обстоятельств стали причиной эволюции российского державничества в сторону милитаристской воинственности в период президентства Путина и в первый год президентства Медведева; среди них: высокая цена на нефть, вернувшая российской элите чувство самоуверенности; консолидация российского общества вокруг власти; ослабление гегемонизма США; дезориентация внутри Европы относительно ее дальнейших сценариев; утрата западным сообществом ориентира развития; отсутствие у Запада единой стратегии в отношении России; наконец, видимо, личные эмоции, качества и умонастроения российского лидера и его соратников. Все эти обстоятельства привели к тому, что российская правящая команда в отношениях с Западом посчитала, что пришло время перевернуть шахматную доску и, как нам говорят сами кремлевские эксперты, заставить его вернуться к ситуации до 1991 г.

Почему Кремль прибег к агрессивности? Да потому, что система, опирающаяся на державность, тяготеет именно к воинственному способу самоутверждения. Кроме того, люди, пришедшие к власти в России, предпочитают именно такой способ общения с миром и обществом. Кстати, замечу здесь, что стремление к сохранению системы и своих позиций именно через имперскую державность отличает российский правящий класс от правящего класса Китая. Так, российская элита делает акцент на силу, сферы влияния и сдерживание Запада, не опасаясь идти на конфронтационные шаги с целью заставить западное общество принять ее требования. Китай, напротив, пытается укрепить себя и свою роль в мире через сотрудничество с Западом и интеграцию в его экономические отношения. Превращение Китая в одного из ведущих мировых игроков, признанных Западом, свидетельствует о том, что китайская стратегия оказывается более выигрышной.

Есть и еще несколько обстоятельств, толкнувших Москву к антизападному ревизионизму. Одно из них, причем весьма важное, — отсутствие у Москвы консолидирующих общество идей. Во времена СССР роль консолидирующего механизма выполняла идеология коммунизма. Сейчас российский правящий класс попытался заполнить идеологический вакуум идеологией антизападничества. Ничего другого в наличии не оказалось.

Свою роль сыграло и то, что, почувствовав кураж, российские лидеры попытались имитацию сделать реальностью. Кремль, видимо, пришел к выводу, что Россия достаточно окрепла для того, чтобы вернуться в международную нишу, которую занимал СССР. Вот уже несколько лет Москва пытается убедить либо заставить непонятливый Запад «подвинуться». Но российская правящая элита не подумала, что возвращение России к геополитической роли СССР автоматически означает и отказ Запада от партнерства с Россией как с демократией, и сужение сферы их сотрудничества. Аморфность и неопределенность формата отношений с Россией до сих пор устраивали западных лидеров, которые научились играть с Россией в имитационные игры, делая вид, что считают Россию не только партнером, но и демократией. Попытка Москвы перейти к игре в реальность не могла не подорвать прежние отношения. Впрочем, пока западные столицы пребывают в замешательстве, пытаясь сообразить, как строить свою политику в отношении России по принципу «партнер-противник».

Между тем Москва, желая получить позитивную часть советского наследства, видимо, не готова к его негативной части — реальному противостоянию с Западом. Пока неясно, насколько российская правящая команда осознает, что изменение правил игры, которых она требует, вынудит западных лидеров отказаться от прежней снисходительности. Создается впечатление, что тот факт, что пока Запад в своих отношениях с Россией предпочитает смягчать углы и продолжать риторику партнерства, позволяет российской правящей команде думать (или надеяться), что она избрала верный курс. Эта иллюзия может дорого России обойтись.

В любом случае несоответствие между формальной и реальной стороной отношений Россия — Запад, т. е. между их формальным якобы партнерством и реальной ситуацией их взаимного сдерживания и выборочного сотрудничества, будет постоянным раздражителем для России и даже для ее либеральной части. При Ельцине Запад, стремясь ускорить движение России в свою сторону, повысил планку отношений, придав им статус партнерства, до которого эти отношения не дотягивали, и начав смотреть на Россию как на демократию, которой она тогда не была. Это был кредит доверия, который должен был стимулировать российскую элиту на сближение с Западом и демократический рост. Вот конкретный пример такого кредита доверия — Соглашение о сотрудничестве и партнерстве между Россией и ЕС. В нем говорилось о том, что между двумя сторонами уже существует партнерство и «уважение демократических принципов и гражданских прав... составляет основу внутренней и внешней политики обеих сторон и является существенным элементом партнерства (!)». Естественно, что Москва, исходя из того, что Россия — такая же страна, как и Запад, стала требовать полного равноправия в западных институтах, и более того — права вето на решения Запада. Не получив требуемого, российская элита начала обвинять Запад в неуважении. Сегодня попытки западных политиков отказаться от статуса партнерства с Россией и снизить уровень сотрудничества, с тем чтобы приблизить его к реальности, воспринимаются Кремлем как оскорбление. Такова цена имитации и политики авансов.

Я не могу сказать, что авансы, выданные России западным сообществом, были ошибкой. Я констатирую лишь то, что они не были использованы Россией с пользой для общества и его развития. А Запад, в свою очередь, не пытался стимулировать российскую элиту попытаться дорасти до завышенной планки.

Есть ли надежда, что Россия и Запад все же избавятся от взаимной подозрительности? Вряд ли — пока российский политический класс стремится выживать за счет авторитаризма, подпитываемого враждебностью по отношению к Западу. А пока сохраняется нормативный источник подозрительности между Россией и Западом, он неизбежно будет находить отражение и в сфере международных отношений. Рано или поздно цивилизационная чуждость России и Запада может быть воспринята не только российской элитой, но и западным сообществом как угроза. Болгарский философ Иван Крастев пишет: «Подобно тому как ЕС с его упором на права человека и открытость угрожает кремлевскому проекту “суверенной демократии”, российское стремление добиться баланса сил, как основания нового европейского порядка, угрожает самому существованию ЕС»¹³⁶. Пока не все в Брюсселе придерживаются этого мнения. Но действия Москвы, а особенно ее представителей в европейских структурах, подобных постоянному представителю РФ в НАТО Дмитрию Рагозину, могут убедить даже самых горячих сторонников России в Европе начать относиться к России как к противнику.

Российские аналитики и политики пытаются доказать, как это делает Константин Косачев, что «конфликт ценностей — это вопрос пропаганды, а не идеологических, цивилизационных или моральных реалий». Западные эксперты в лице Крастева возражают: «Столкновение между Россией и Западом по своей природе идеологическое». Кроме того, это столкновение, полагает Крастев, между модерном и постмодерном, т. е. между разнопорядковыми цивилизационными проектами. Что же, с учетом того, что происходит на международной сцене, Крастев выглядит убедительнее.

Что означает факт цивилизационных различий между Россией и Западом? Он означает, что не будь вышеупомянутых раздражителей, таких как НАТО, ПРО либо Косово, у нынешней российской элиты возникли бы иные поводы для того, чтобы создавать из Запада врага для решения своих внутренних задач. Ошибка российских идеологов «неидеологической» внешней политики в том, что они считают, что коль скоро у российской элиты нет принципов, и она их подменяет пропагандой и тривиальным цинизмом, то и западная элита грешит тем же. Осмелюсь с этим не согласиться. Да, и на Западе есть свои Жириновские, Марковы и Пушкивы. Но все же большинство представителей западного политического класса имеют представление о принципах, а также понимают, что такое репутационный ущерб. Не потому, что они генетически скроены иначе, а потому, что тамошние правила игры и в

136 Иван Крастев говорит и о «полярной природе» российской и западной элит. «Европейские элиты, сделавшие карьеру на искусстве компромиссов и ухода от конфликтов, имеют дело с элитами, которые горды тем, что не берут в заложники». Крастев И. Россия как «другая Европа» // Россия в глобальном мире. № 4. июль–август 2007 г., <http://www.globalaffaires.ru>

первую очередь контроль общества и общественного мнения ограничивают проявление склонностей и черт, которые российская система стимулирует. Иначе Запад давно превратился бы в подобие нынешней России.

Российские эксперты со мной могут не согласиться и призвать на помощь такие примеры, как Косово и Ирак, которые не только продемонстрировали сомнительность политической позиции Запада, но и поставили под вопрос его приверженность цивилизационным стандартам. Да, западное сообщество внесло свою лепту в разрушение международного правового пространства и заставило сомневаться в своей демократической миссии. Но ведь западное сообщество и в случае Косово, и в случае Ирака пытается найти пути восстановления не только правового пространства, но и укрепления своего цивилизационного измерения. Обращусь к Игорю Клямкину, который хорошо уловил различие позиций по этим вопросам Запада, с одной стороны, и России — с другой. Вот что говорил Клямкин: «Неправовая политика Запада в том же Косово и неправовая политика России на Кавказе имеют разное стратегическое измерение. Усилиями НАТО и Евросоюза конфликт между сербами и косоварами может быть урегулирован, а в случае принятия Сербии и Косово хотя бы в одну из этих организаций ситуация вернется в правовое поле. Я уже не говорю о том, что в этом случае в Европе появятся два новых демократически-правовых государства. А в Южной Осетии и Абхазии ничего такого не может произойти в принципе. Там не может быть ни правового урегулирования, ни, тем более, движения в сторону современной демократии. Под патронажем московского авторитаризма такое движение невозможно даже вообразить. Зато очень легко представить себе появление в перспективе лидеров сепаратизма на Северном Кавказе, которые будут вербовать сторонников, воспроизводя и корректируя в своих интересах нынешний вопрос (он же главный аргумент) российских политиков. Вопрос этот, как можно предположить, будет звучать так: “Почему абхазам и осетинам можно, а нам нельзя?”»¹³⁷

Что же касается американской военной кампании в Ираке, то, без сомнения, это была и тактическая, и стратегическая ошибка США. Именно так эту акцию оценила не только Европа, но и подавляющая часть общественного мнения и политических кругов в самой Америке. В западном сообществе уже несколько лет как нет противоречий по иракскому вопросу. Но если так, то какой смысл постоянно ссылаться на иракский прецедент для обоснования российского внешнеполитического курса? Почему Москва все никак не может забыть Ирак, в отношении которого на Западе давно уже достигнут консенсус и давно уже идут дебаты, как разрешить иракскую проблему миром? Не потому ли российские политики не могут и не хотят забыть Ирак, что эта драма позволяет им и потанцевать на американских костях, и увести внимание от своих двух чеченских войн, и оправдать аннексию Южной Осетии и Абхазии и войну с Грузией, и легитимировать возможные новые глупости?

137 Россия и Запад. С. 65.

Не забудем и то, что американская война в Ираке и российская война с Грузией имели разный цивилизационный вектор. Нам об этом напоминает Игорь Клямкин: «Вторжение в Ирак — это неадекватный, а потому и неуспешный, способ распространения определенных цивилизационных принципов и стандартов. А какие цивилизационные принципы и стандарты намерена распространять Россия в Южной Осетии и Абхазии? И ради каких принципов и стандартов выступает она против принятия в НАТО Украины и Грузии?»¹³⁸

Чего лучше было бы не делать

А сейчас о другом: прав ли Запад, когда он действует, порой не обращая внимания на сверхчувствительность российского политического класса? Признаем, что в ряде случаев западные лидеры провоцируют Кремль, подыгрывая российским традиционалистам, надеюсь, что неосознанно. Так, решение Вашингтона о размещении ПРО в Польше и Чехии, тем более во время предвыборного периода в России в 2007 г., когда кремлевская команда искала способы сохранить власть и поводы, чтобы ее не выпускать из рук, выглядело провокационно. Неужели американцы не понимали, как ПРО отразится в тот момент и на отношениях США и России, и на внутренней динамике в России? Если не понимали — тогда это подтверждение профессиональной некомпетентности американской администрации. Если понимали — в таком случае мы имеем дело с игнорированием России как возможного вызова. Разумеется, в сравнении с Ираком и Афганистаном Россия далеко не первый вызов для Америки. Но ведь столь демонстративное игнорирование России и непонимание характера российской элиты и ее устремлений сужает поле маневра для американской дипломатии по другим вопросам. Наконец, неужели нельзя было предпринять усилия для того, чтобы подумать о создании совместной ПРО с Россией? Помнится, Григорий Явлинский потратил немало сил для того, чтобы убедить Запад и США подумать о перспективности такого варианта. Кстати, сами американцы с недоумением пожимают плечами, говоря об американской ПРО в Восточной Европе. Так, Brent Scookroft вопрошал с удивлением: «Я совершенно не понимаю самой цели этого мероприятия». В свою очередь, Бжезинский как-то не без сарказма заметил: «Система, которую мы хотим разместить в Восточной Европе, нереальна, и угроза, против которой эта система направлена, не существует».

Впрочем, вынуждена констатировать, что для российского правящего класса, который начал жить в парадигме «враждебного окружения», любые действия США становятся подтверждением реальности их фобий. Но не нужно давать российскому политическому классу лишних оснований для проявления его фобий.

Признание Западом независимости Косово также было исключительно «своевременным», если речь идет о подарке российским традиционалистам, которые ждут от Запада подтверждений его зловерных намерений. Косово помогло

им с чистой совестью продолжать свой кавказский эксперимент с признанием независимости Абхазии и Южной Осетии. К этому набору подарков нужно, конечно, добавить и апрельский саммит НАТО (2008 г.), на котором Запад пообещал Украине и Грузии членство в НАТО, но в отдаленной перспективе. Проблема не в том, что Украину и Грузию не нужно принимать в НАТО. Дело в другом — в том, как интегрировать эти страны в Европу, не провоцируя конфликта с Москвой. Сама неопределенность обещания и колебания западных государств по этому вопросу стали для российской элиты поводом для того, чтобы эту неопределенность и эти колебания использовать по полной программе в рамках собственной стратегии «сдерживания Запада». По-видимому, правы те эксперты и, кстати, грузинские политики, которые полагают, что нерешительность западных государств и противоречия между ними по грузинскому вопросу только ускорили кавказскую войну, а возможно, и сделали ее неизбежной.

Словом, появление проблемы ПРО и способ разрешения косовского тупика давали Кремлю поводы для ликования. Все аргументы, доказывающие факт «унижения» и «неуважения» России со стороны Запада и необходимость возмездия, были у него в руках. Если западные лидеры хотели укрепить российскую систему за счет мобилизационного синдрома, они в этом преуспели.

«Так что же, неужели Запад должен принимать решения, постоянно оглядываясь на Москву?» — возмутятся западные коллеги. Ответу: если западные лидеры не хотят провоцировать реванш Кремля как внутри, так и вне страны, им придется размышлять о переформатировании своей политики в отношении России. Это не означает, что нужно идти на еще большие уступки российскому традиционализму и его задабривание, даже если от его имени сегодня выступают силы, которые позиционируют себя как прагматики и даже как либералы. Это означает в первую очередь не давать традиционалистам удовольствия использовать западную неуклюжесть и близорукость. Вот несколько примеров того, чего Запад мог бы не делать, если бы думал о последствиях своих шагов для укрепления антизападного вектора России. Западные лидеры могли бы не спешить с признанием независимости Косово. Они могли бы попридержаться косоваров, помогая им строить новые институты, и продолжить разговаривать с Сербией, одновременно ускоряя ее интеграцию в ЕС, но вместе с Косово. Такая политика сделала бы сам факт признания независимости Косово не столь важным даже для косоваров. Западные лидеры могли бы не ломать голову по поводу формального членства Украины и Грузии в НАТО и не дразнить Москву, а немедленно начать ориентироваться на полноценное сотрудничество с этими странами в иных формах и через новый статус, которые бы предложили им реальные гарантии их безопасности и вхождение в европейское сообщество. Запад мог бы ускорить движение Украины и Грузии в ЕС и превращение их в ассоциированных членов Евросоюза. Но если уж вопрос о приеме этих стран был поставлен в повестку дня НАТО, нужно было проявить солидарность и принимать их в альянс, забыв о разногласиях и продемонстрировав существование сплоченного западного сообщества. История с приемом в альянс Украины и Грузии рассказала нам многое

о несовершенстве политических механизмов самого западного сообщества и о его колебаниях в выборе стратегии будущего.

Впрочем, создается впечатление, что воинственность Кремля заставила западные политические круги начать размышлять, как избежать превращения Грузии и Украины не только в фактор возможного противостояния России и Запада, но и в заложников этих отношений, и как найти более гибкие формы обеспечения безопасности этих стран. Посмотрим, какие практические выводы сделают европейские лидеры из горького опыта 2008 г. Во всяком случае, США перед самым уходом Буша-младшего из Белого дома подписали с Грузией и Украиной двусторонние хартии, которые по крайней мере дают сигнал, что эти страны находятся в рамках радаров американского внимания. Несомненно то, что решение пойти на этот шаг было согласовано с новой командой Обамы.

А пока западные лидеры продолжают снабжать российских традиционалистов поводами для демонстративной воинственности, чтобы потом их всячески задабривать и умолять эти поводы забыть. В 90-е гг. западное сообщество поневоле, а иногда и осознанно, стало фактором легитимации ельцинского режима, не веря в возможность построения в России либеральной системы. На нынешнем этапе Запад вообще не знает, как реагировать на Россию, и своими действиями предлагает аргументы для укрепления государства с антизападным вектором. Хотя, впрочем, Москва в качестве причины для раздражения может воспринять любое действие Запада. Само существование Запада — уже повод обидеться и во всем западном (кроме западного образа жизни и потребления) видеть либо унижение, либо провокацию.

Значит ли все это, что при сохранении нынешней системы в России и ее опоры на державничество партнерство России и Запада будет хрупким и недолговечным? Приходится ответить утвердительно. Отсутствие системной тождественности, однако, не означает, что Россия и Запад не могут сотрудничать в тех сферах, где их интересы совпадают, по крайней мере частично. Отношения России и Запада не только в период правления Ельцина, но и в период первого президентства Путина имели элементы партнерства. Но такое партнерство может быть устойчивым только в случае трансформации России. Нужно иметь в виду, что внутренние обстоятельства в любой момент могут заставить Запад и Россию воспринимать «общие интересы» по-разному.

Может ли сотрудничество России и Запада во внешней политике стать толчком для внутренних реформ в России? Пока трудно сказать. При Горбачеве отказ СССР от конфронтационности с Западом облегчил дегерметизацию советского общества. Значит, нельзя исключать, что сотрудничество России и Запада может иметь аналогичный эффект и сегодня. Но такой эффект возможен только при одном условии: если Запад будет активно и целеустремленно искать возможности использовать сотрудничество с Россией в целях конструктивного влияния на российскую элиту и общество. До сих пор происходило обратное: российская элита использовала Запад для укрепления антизападной системы. В любом случае очевидно одно — трансформация России и партнерство России и Запада невозможны одно без другого.

Западные «охранители»

Глобальный финансовый кризис, потрясший мир в 2008 г., заставил западных лидеров начать искать средства, чтобы смягчить напряженность в отношениях с Москвой. Западным государствам, которые пытаются урегулировать собственные проблемы, не хочется иметь проблемы с Россией. Собственно, им не до России. Так что задача осмысления западным сообществом процессов, идущих в России, сохраняется и, видимо, ее решение переносится в будущее.

Для того чтобы понять, что происходит в России и чего от нее ожидать, западным экспертам и политикам придется подняться над текущим анализом политической ситуации в России и размышлять над системными тенденциями и их последствиями. Успех этого процесса зависит от того, смогут ли западные наблюдатели отказаться от привычных клише в подходе к России. Эти клише отчасти являются результатом влияния российской политической мысли, а отчасти они — следствие попыток реагировать на Россию исходя из сиюминутных западных интересов либо неготовности пересматривать взгляды, которые перестали быть адекватными. Вот четыре стереотипа, которые часто определяют отношение к России со стороны западного сообщества:

1). «Россия не готова к демократии». Да, политическое сознание россиян все еще расколото и в нем сосуществуют взаимоисключающие ценности. Но значительная часть россиян уже способна двигаться в сторону более свободного и соревновательного общества. Около 30% российского населения готово жить по либеральным установкам, а около 30% колеблется, но их можно убедить двигаться в этом направлении. Устойчивая база традиционализма в России составляет около 25—30%, что уже не так много. Опросы среди второго эшелона российской элиты показывают, что 45,5% опрошенных поддерживают идеи либеральной демократии. Вопрос лишь в том, когда появятся стимулы для консолидации демократически настроенных слоев. Аргумент о незрелости российского общества лишь легитимирует авторитарную российскую власть и обосновывает стремление западных лидеров действовать в рамках устоявшихся, но неработающих схем.

2). «Демократия в России придет вслед за капитализмом, который является определяющим фактором». Россия опровергает эту аксиому. Здесь развитие капитализма и экономический рост сопровождались движением не к демократии, а в противоположную сторону. Впрочем, какой это капитализм, если экономика сращена с властью? Короче, развитие России говорит о том, что здесь «определяющим фактором» является политика. А движение в сторону демократии требует радикальной реформы государства.

3). «Россия — это особая страна». В чем проявляется эта «особость»? В неизбежности авторитарного мышления россиян? Но тогда почему украинцы, генетически близкие к россиянам, ведут себя по-другому? Россия является «особой страной» только в том смысле, что ее элита сумела сохранить власть за счет реанимации державной идеологии, остатков милитаризма и имперскости. Но ведь сам Запад облегчает усилия этой элиты по воспроизводству такой «особости».

4). «Отношения с Россией нужно строить на основе интересов». Этот тезис популярен на Западе, как и в России. По крайней мере, есть одна идея, которая сближает обе стороны. В последние годы Запад в отношениях с Москвой не выходил за пределы Realpolitik, выведя стандарты за пределы своего общения с Россией. Западные политические круги в отношении России заняли позицию самоустранения, как бы говоря: «Давайте понаблюдаем, как они там будут барахтаться. Самое главное — договориться с ними о решении наших проблем». Вот как один из наиболее ярких «реалистов», американец Роберт Блеквил, сформулировал кредо США в отношениях с Россией: «У США есть проблемы, прежде всего с Ираном. Поэтому нужно иметь хорошие отношения с Россией. Любая критика Москвы и наша забота об их демократии отразятся на нашем сотрудничестве по Ирану»¹³⁹. Тем не менее все попытки Вашингтона заключить с Москвой сделку по Ирану или какую-либо другую сделку в обмен на отказ от критики Москвы так и закончились ничем¹⁴⁰. Курс на компромиссы с Кремлем со стороны «старых» европейских государств тоже не помог им избежать заморозков в отношениях с Москвой и неприкрытого пренебрежения к Европе и ЕС со стороны российской элиты. Именно в период господства «реалистов» в западной политике произошло замораживание отношений Запада с Россией и началось политическое противостояние России и США.

Добавлю к этому списку еще ряд клише, которые стали классическим набором многих западных наблюдателей, имеющих дело с Россией: «При Путине Россия сделала огромный прогресс по сравнению с ельцинским хаосом»; «Нельзя спешить с реформами и перескакивать через ступени — Запад строил либеральную демократию сотни лет»; «Россия остается одним из самых притягательных развивающихся рынков»; «Россию можно модернизировать только через

139 Blackwill R. The Three Rs: Rivalry, Russia // *Ran, The National Interest*, January — February, 2008. P. 72.

140 Вот что по этому поводу пишет Стивен Сестанович: «"Давайте пойдём на сделку" — такой подход имеет искушающую простоту». На практике, говорит он, ни одна сделка с Россией так и не была достигнута, и это потому, что Россия не имела достаточного влияния (например на Иран), чтобы выполнить свою часть сделки. См.: Sestanovich S. What Has Moscow Done? Rebuilding U.S. — Russian relations // *Foreign Affairs*. Vol. 87, № 6. November — December, 2008. P. 15.

авторитарные реформы сверху»; «Президентство Медведева создает основы для либеральной демократии» и т. д. в том же духе. Все эти утверждения, нашедшие воплощение в многочисленных книгах, статьях и выступлениях наших западных «доброхотов», отражают неверие в способность российского общества жить в системе реальных, а не облегченных координат либеральной демократии. Кстати, российскую элиту должно унижать именно это снисходительное отношение к России и ее неспособности организовать себя так, как себя организовали либеральные общества. Но нет — российский правящий класс активно поддерживает мифы о незрелости и инфантильности российского общества, видимо, не задумываясь, что эти мифы говорят об этом классе.

Взгляд на отношения России и Запада во многом определяется тем, как западные эксперты смотрят на Россию. Начнем с «охранителей». Да, и в западном обществе есть представители этого течения, которые осознанно или нет — это не так уж и важно — пытаются оправдывать российскую систему и российский политический режим. Возьмем наиболее типичные для этой группы взгляды некоторых «валдайцев». Было бы даже странно, если бы западные «охранители» не участвовали в Валдайских встречах, которые проводятся именно для того, чтобы расширить круг западных «охранителей». Послушаем, что говорят Ричард Саква (Великобритания) и Александр Рар (Германия). «После ареста Ходорковского Россия, тем не менее, не стала авторитарным государством, как говорят многие на Западе. Россия — демократическая страна», — утверждает Саква. И еще: «Путин... совершал ошибки, но он сделал то, что было необходимо России... Теперешняя модель в России — не самый плохой вариант»¹⁴¹. Видимо, у Ричарда Саквы такое же понимание демократии, как и у кремлевской команды. Но как человек, живущий в западном обществе, может считать демократической систему, в которой нет независимых институтов и верховенства закона? Впрочем, не исключено, что Саква считает российскую модель «неплохим вариантом» просто потому, что он не видит, что Россия достойна более цивилизованной системы, либо считает ее неисправимой. На конгрессе Ассоциации международных исследований в феврале 2009 г. в Нью-Йорке Ричард Саква продолжал доказывать, что в России существует и парламент, и многопартийная система, а президент Медведев собирается модернизировать Россию. Ну что же — можно только позавидовать последовательности эксперта.

В таком же ключе рассуждает и Александр Рар. «Я не думаю, что в России опасное авторитарное государство», — говорит Рар. А вот что он думает о Путине: «Альтернативы ему не было. Он вернул стране стабильность». Интересно, что российская элита должна еще сделать, чтобы Рар осознал, что имеет дело отнюдь не с безобидной демократией? И что немецкий эксперт думает о российской стабильности после того как в России проявились драматические последствия экономического кризиса?

141 <http://www.kremlin.ru>, 12 августа 2008 г.

Посмотрим, на что Рар жалуется: «Проблема в том, что на Западе чертовски мало объективной информации о России. У нас очень влиятельные правозащитные организации. У них негативная точка зрения на Россию». Вот, оказывается, в чем дело: правозащитники лезут со своими ценностями и принципами. Вот если бы их не было, можно было бы распространять на Западе «объективную информацию» о России, в которой бы не было «негативных» моментов. И никто бы не подвергал сомнениям выводы Рара о демократичности России и мастерстве, а также «безальтернативности» ее лидеров.

А теперь процитирую Джонатана Стила из британской «Гардиан», которого очень заботит критическое отношение на Западе к Дмитрию Медведеву: «Как странно, что западные лидеры наказывают человека, который хочет сделать Россию членом нашего клуба»¹⁴². Действительно, Медведев хочет сделать Россию постоянным членом западных клубов. Но замечу, что при этом не ощущается, чтобы он принимал правила этих клубов. Немудрено, что такое понимание членства в западных клубах может вызвать кое у кого — не у всех — на Западе подозрение. Правда, в отличие от Стила я не вижу ни одного примера, когда бы официальный Запад не то что наказал Медведева, а даже выразил сомнения в демократическом настрое Кремля.

Я не хочу искать ответ на вопрос, почему западные эксперты и журналисты присоединяются к российским «охранителям», причем к их откровенно пропагандистскому отряду. Наивность? Своеобразная любовь к России и опасения оказаться русофобами? Непонимание реальных процессов в России? Специфическое понимание демократии? Прагматизм особого рода либо другие причины? Неважно. Важно то, что и в западных странах есть свои защитники российской системы. Вряд ли их взгляды популярны в западном обществе — все же здесь сильна приверженность к либеральным принципам. Но к их взглядам и выводам, а также к их аргументации, видимо, прислушиваются в политических кругах, коль скоро среди западных политиков можно встретить немало таких, кто рассуждает в «охранительном» ключе.

Стремление западных «охранителей» защитить российскую власть от критики не может не повлиять и на то, как они смотрят на проблемы в отношениях России и Запада. Так, Саква поясняет, что «расширенный ЕС еще не успел отойти от политики “холодной войны”». Все дело, оказывается, в новых членах ЕС, т. е. бывших коммунистических странах, «которые забывают, что их Советская Армия все-таки освободила»¹⁴³. Значит, полагает эксперт, им бы нужно помалкивать, а не вспоминать о неприятных вещах, связанных с этим освобождением, за которым последовало насильственное установление там коммунистических режимов. Им не нужно мешать «старой Европе» иметь хорошие отношения с Кремлем. Вот как Саква оценивает основную цель Запада в отношении к России в интервью крем-

142 Steele J. At Last True Moderniser in Moscow. Why Punish Him? //The Guardian, July 14. 2008.
143 <http://www.izvestia.ru>

левскому сайту Кремль.орг: «Вам (России. — Л. Ш.) надо либо сидеть тихо, спокойно и подчиняться, либо будут конфликты. Это позиция Запада. Его выбор». Собственно, Саква смотрит на свой родной Запад так же, как на него смотрят и кремлевские пропагандисты, которые должны быть ему благодарны за подтверждение правоты своей позиции.

Как видим, у нас уже существует «Охранительный Интернационал»! А так как западные коллеги слишком вежливы и предпочитают не критиковать западных «охранителей», приходится это делать из Москвы. Приходится им говорить: «Господа “охранители”! Вы должны знать, на какой вектор работают ваши взгляды».

Как серьезный Запад смотрит на Россию

Гораздо более внушительна группа западных экспертов, которые стараются сформулировать объективный взгляд на Россию и Запад. Британский специалист по международным отношениям Алекс Правда еще в начале второго президентства Путина предсказывал, что установка Кремля на централизм и отчуждение России в мире взаимообусловлены. «Чем больше Россия будет смотреть подозрительно на мир и уходить в себя, тем сильнее вероятность того, что она будет двигаться в авторитарном направлении», — писал Правда¹⁴⁴. Один из старейших западных историков, Ричард Пайпс, на книгах которого о России выросло целое поколение западных исследователей, так анализирует Россию: «Современная Россия, Россия Путина и Медведева — страна удивительных противоречий. Ее лидеры заявляют, что Россия — часть европейской культуры. Но в то же время они предупреждают Запад не учить их, как управлять ею, потому что Россия обладает уникальными национальными традициями. Они настаивают, что Россия является глобальной державой и в то же время вынуждены признавать, что в экономическом смысле Россия отстает от своих оппонентов... Они заявляют, что Россия — демократия, и делают все возможное, чтобы уничтожить демократические процедуры и институты. Если послушать, что они говорят, то возникает вопрос: являются ли их утверждения проявлением искреннего замешательства либо откровенного цинизма? Возможно и то, и другое: цинизм, который скрывает замешательство»¹⁴⁵. В аналогичном духе размышляет и Питер Реддавей, один из немногих западных исследователей, который не дал себя смутить надеждам ельцинской эпохи. Рассматривая «ключевые патологии» путинской системы, Реддавей говорит: «Сегодня источником личного успеха в России стало обладание тремя вещами: огромными финансовыми средствами; мощным административным или политическим ресурсом; личными связями с индивидуумами, которые готовы использовать “административный ресурс”... Политика в России стала игрой, в которой доминируют политтехнологи, причем настолько искусные, что они давно заткнули за пояс

144 Leading Russia. Putin in Perspective, ed. by Alex Pravda, Oxford University, 2005. P. 54.

145 Pipes R. Putin and Co: What Is to Be Done, Commentary, May 2008. P. 30.

своих западных коллег... Политика стала игрой, в которой то, что на лежит на поверхности, не имеет никакого отношения к тому, что существует внутри...»¹⁴⁶

Обычно более сдержанный Роберт Легволд также не может сдерживать свою обеспокоенность внутренней и внешней траекторией России, констатируя: «Российские травмы, вызванные исторической трансформацией страны, разрыв между статусом, который бы Россия хотела иметь в мире, и тем, чем она фактически обладает, — все это не дает ее лидерам возможности сделать стратегический выбор и оформить более четкое видение роли России и ее места на мировой арене... Ориентация России непоследовательна и лишена цели...»¹⁴⁷

Представитель фонда Фридриха Науманна в России Фальк Бомсдорф вообще сомневается, что даже при потеплении отношений Запада и России обе стороны могут прийти к взаимопониманию. «Главная опасность для этих отношений в несовместимости политических систем России и Запада. Европейцы пытаются найти ответы на вызовы двадцать первого века, пусть и не всегда успешно, пусть и с трудом. Но они все же строят общество на доказавших свою эффективность принципах — прозрачности, соревновательности и верховенстве закона. Россия, а вернее Кремль, напротив, стремится к гегемонии и строит систему на основе национализма, характерного для девятнадцатого века. Кремль совершает старую русскую ошибку, стремясь к показному могуществу и величию вместо того чтобы задуматься о том, как создать процветающее общество. Я опасаясь, что это противоречие целей не оставляет возможности для реального сотрудничества России и Запада». Вот так-то.

Прочитую и Терезу Делпеш, комиссара ООН по вопросам разоружения Ирака, директора по вопросам стратегических исследований комиссии по атомной энергии Франции и очень внимательного наблюдателя за процессами, идущими в России. Делпеш настроена так же, как и остальные мои собеседники, подчеркивая: «На Западе Москва воспринимается как умелый манипулятор внутренними процессами, как средоточие “корпоративного государства”, как центр власти возрожденного советского репрессивного аппарата, что все вместе вызывает глубокое и неискоренимое подозрение. Насколько я понимаю, аналогичным образом и сам Запад вызывает подозрение Москвы, которая все больше воспринимает Запад как врага, скатываясь к национализму и ксенофобии». Если в самой Москве о настроениях во Франции судят по высказываниям французско-валдайцев либо по вежливости французского президента, то это большая ошибка. Нужно прислушаться к тому, что говорят такие люди, как Тереза Делпеш.

И наконец, обращусь к размышлениям о России Строуба Тэлботта. Вот что он говорит: «Сегодняшняя Россия может быть примером безуспешной попытки воплотить в жизнь убеждение Томаса Гоббса в том, что “война всех против всех”

146 Реддавей П. Лекция в честь Алекса Даллина, Стэнфорд, 15 октября 2008 г.
<http://www.jrl.com>, February 20, 2009.

147 Legvold R. Presentation // The House Foreign Affairs Committee, February 25, 2009.

является естественным человеческим способом существования; что безопасность государства требует авторитарного правителя; что успешными могут быть только те государства, которые примут положение гладиаторов, обнажив свои мечи и встав в воинственную позу»¹⁴⁸. Вот так Россия и ее поведение выглядят извне в глазах наблюдателей, которые давно и с искренней озабоченностью наблюдают за российским развитием.

А теперь взглянем, как западные эксперты оценивают причины похолодания в отношениях России и Запада. Некоторые пытаются возлагать ответственность за это похолодание на обе стороны. Вот пример такого подхода в изложении американского политолога Дмитрия Саймеса: «Новая агрессивность России и ужесточение ее режима, а также жесткость России на мировой сцене — это основные причины взаимного разочарования России и США». Но он же возлагает «серьезную ответственность» за ухудшение отношений США и России к концу путинского правления на Америку. В чем заключается эта ответственность? В том, что Америка относилась к России как к «проигравшему врагу»¹⁴⁹.

В свою очередь, известный американский историк Стивен Коэн полагает, что внешняя политика Путина «была во многом реакцией на подход, который избрал Вашингтон в отношении Москвы: “Победитель получает все”». Более того, Коэн считает, что «американские действия... способствовали возрождению агрессивного русского национализма»¹⁵⁰. Немало западных экспертов идут в этом же направлении, обвиняя Запад в игнорировании и унижении России¹⁵¹.

Можно лишь поблагодарить западных коллег за обеспокоенность, которую они проявляют в отношении России. Но мне трудно согласиться с выводом о том, что Америка является одним из важнейших факторов, которые определяют российскую внутреннюю жизнь. Давайте предположим, что Америка не допускала бы глупостей по отношению к России, что ее представители не вели бы себя столь самоуверенно и пренебрежительно в отношении России, как, скажем, бывший представитель США в ООН Джон Болтон и известный колумнист Чарльз Краутхаммер. Неужели бы, во-первых, в России не возник национализм, во-вторых, Россия не вернулась бы к авторитаризму, а в-третьих, ее отношение к Америке оставалось бы дружеским? Согласимся, что недалёковидность американского политического класса, особенно в период администрации Буша, дала поводы для российской элиты вести себя, как обиженный тинэйджер. Но истина требует различать поводы и причины. А причины того, что Россия ведет себя так, как она себя ведет, следует все же искать в ее внутривнутриполитическом развитии. Это не означает, конечно, что Америка, топя, как слон в посудной лавке, не может спровоцировать рецидив

148 Talbott S. The Next Phase of Russia's Relations with the West, Lecture at the American Academy in Berlin, February 9, 2009.

149 Simes D. Losing Russia // Foreign Affairs, November – December, 2007. <http://www.foreignaffaires.org>

150 Cohen S. The Missing Debate // The Nation. May 19, 2008.

151 «Для России это время реванша за национальное унижение 1990-х гг. и возмездия за неуважение к ее интересам», — писал Грэм осенью 2008 г. См.: Грэм Т. Взгляд поверх геополитических баталий, Россия в глобальном мире. № 5. сентябрь — октябрь 2008. <http://www.globalaffaires.ru>

внешней либо внутренней агрессивности Кремля. Но для того чтобы это произошло, нужно, чтобы в обществе отсутствовали системные препятствия, которые бы делали такие рецидивы невозможными. Короче, мы опять возвращаемся к внутренней логике.

Я полагаю, что прав Леон Арон, когда он пишет: «...Внешняя политика Кремля определяется эволюцией его идеологии и внутренней политической повестки дня в гораздо большей степени, чем любыми действиями США, которые Америка предприняла либо не предприняла... Если внутри России продолжится наступление реакции, Кремль продолжит свою агрессивную внешнюю политику, нацеленную на смену правил игры, в частности для того, чтобы отвлекать и оправдывать репрессивные меры внутри страны»¹⁵². Этому же мнению придерживается эксперт по вопросам российского развития Мари Мендрас из Франции, которая подчеркивает: «Российская внешняя политика — продукт внутривнутриполитического развития и внутренней повестки дня». Соглашусь с Эндрю Вудом, который доказывает, что Запад не был определяющей силой в развитии России. «Западная политика в отношении России скорее носила комплиментарный характер, и она не могла стать решающим фактором при формировании российской политики», — говорит Вуд¹⁵³.

Тему «унижения» России я обсудила выше, когда проводила инвентаризацию взглядов российских экспертов. Повторяю, что не собираюсь оправдывать неуклюжие действия Вашингтона. Они раздражали не только Кремль, но и российских либералов. Но в данном контексте любопытно совпадение озабоченности западных экспертов и официальных российских лиц, которые без усталости говорят об «унижении» России со стороны Америки. Может быть, это совпадение побудит западных коллег еще раз вернуться к этой самой теме «унижения» и поразмышлять, отчего ее так активно эксплуатирует российская элита. Со своей стороны, могу лишь заверить западных наблюдателей, что есть немало россиян, которые испытывают чувства унижения, но не по поводу политики США либо Запада в целом, а в связи с политикой российской власти.

Некоторые западные (в первую очередь европейские) эксперты пытаются оградить Россию от чрезмерной критики, полагая, что такая критика может быть воспринята в России как проявление русофобии. В данном случае мы имеем дело с неумением провести различия между российским обществом и российской элитой. Хотелось бы напомнить российским доброжелателям на Западе, что, отказываясь от критического взгляда на российскую реальность, а тем более поддерживая кремлевскую аргументацию, они оказываются в роли добровольных помощников правящего класса, которому Россия глубоко безразлична. В конечном итоге, некоторые западные друзья России делают ту же работу, что и те западные политики и эксперты, которые призывают к изоляции России, — они помогают авторитарной власти решать проблемы самосохранения.

152 Aron L. Russia's Woes Spell Trouble for the US // Wall Street Journal. December 31. 2008.

153 Wood A. Reflections on Russia and the West, <http://www.chathamhouse.org>

Кое-кого из западных экспертов к беспокойству по поводу унижения России Америкой толкало их неприятие администрации Буша. С приходом в Белый дом президента Барака Обамы они могут скорректировать свою позицию относительно России. Если западные друзья России так беспокоятся о самочувствии российской нации, то почему бы им не посоветовать российской элите использовать более эффективный способ преодоления унижения России: через строительство процветающего общества, а не через восстановление сфер влияния и размахивание кулаками.

Отдельная тема — это кризис в отношениях между Россией и США. Бывший советник Буша-младшего по России Томас Грэм в качестве одной из основных причин этого кризиса называет «диалектику силы и слабости», полагая, что силовая асимметрия вряд ли может «быть рецептом для конструктивных долгосрочных отношений»¹⁵⁴. И действительно, такая асимметрия ресурсов, как у Америки и России, не может не восприниматься болезненно более слабой стороной. Но возникает вопрос: а почему асимметрия в отношениях США с другими странами не приводит к таким же последствиям? Следовательно, асимметрия — не основная причина конфликтности в их отношениях. Почему асимметрия не мешала Москве и Вашингтону дружить в 2000—2003 гг.? Соглашусь с другим выводом Грэма, когда он говорит, что «вопрос ценностей привнес немало раздражения в отношения». Я бы усилила значение этого фактора — именно «вопрос ценностей» и делает асимметрию в отношениях России и США столь болезненной для российской элиты. Но не потому, что американцы поднимали этот вопрос в своем общении с российскими партнерами, чем их допекли. Американцы его старались не поднимать и по-прежнему его не поднимают. А потому, что чуждость Америки и ее принципов остается важнейшим источником консолидации российской правящей элиты на основе «Против кого мы дружим?».

Дэвид Крамер, так же, как и Томас Грэм, работавший в администрации Буша-младшего в качестве заместителя госсекретаря по вопросам демократии, гражданских прав и труда и позволявший себе критически высказываться о России во время своей работы в администрации, доказывает, что именно разные стандарты являются основной причиной кризиса в отношениях между США и Россией, а также между Западом и Россией. «Нет никаких сомнений, что именно углубляющийся разрыв в ценностях привел к расхождению между США и Россией, — говорит Дэвид Крамер. — Арест Михаила Ходорковского в 2003 г. оказал серьезное влияние на то, как американская администрация и американское экспертное сообщество начали смотреть на путинскую Россию. Но даже до этого вторая чеченская война, все усиливавшийся контроль Кремля за СМИ стали причиной беспокойства в этих кругах. А тем временем ситуация в России становилась все хуже и журналистов и критиков режима начали там убивать все чаще. Возвышение России за счет нефтяных цен заставило Запад начать поднимать вопрос относительно реальной

154 Graham T. U.S. — Russia Relations. Facing Reality Pragmatically // CSIS—IFRI, July 2008.

заинтересованности России в сотрудничестве с Западом». В момент, когда ведущие американские эксперты в Вашингтоне в начале 2009 г. начали смягчать свой подход к России, надеясь на потепление отношений с Россией, Крамер был одним из немногих, кто остался на критической позиции в отношении Москвы. «...Россия заинтересована в том, чтобы доказать, что все дороги ведут через Москву, — размышляет он. — Различия во взглядах на Ирак, расширение НАТО, наконец, ПРО только усилили уже существовавшую напряженность в отношениях США и России и были лишь симптомами, которые свидетельствовали о разных маршрутах, которыми следуют Россия и Запад. Отношения России с соседями стали, пожалуй, основным источником напряженности...»¹⁵⁵

Немало европейских экспертов также указывают на ценностный разрыв как на одну из основных, если не основную, причину похолодания в отношениях между Россией и Западом. Они понимают и цель антизападной риторики Кремля. Вот что говорит сэр Родерик Лайн: «Преувеличение внешней угрозы — старая политическая уловка... Часто повторяемое утверждение, будто Запад пытается ниспровергнуть и ослабить Россию, используется для определенных целей, чтобы оправдать усиливающийся контроль над гражданским обществом, ограничение гражданских и политических прав и возрождение былой мощи органов внутренней безопасности»¹⁵⁶.

Подчас западные политики и наблюдатели, говоря о России, не могут сдерживать сарказма. Вот как министр обороны США Роберт Гейтс объяснял причины возросшей агрессивности России в последние годы: «Проблема в том, что после того, как они (Россия. — Л. Ш.) вновь стали сильными... они не знают, как играть более конструктивную роль. И они начинают совать палки в колеса для того, чтобы заставить людей обратить на себя внимание и заставить воспринимать себя серьезно»¹⁵⁷. Вряд ли такое отношение может льстить России. Но, по крайней мере, человек говорит то, что думает. Признаем, однако, что во многом Гейтс прав. Я не могу порой понять одной вещи: неужели российское правящее сословие, которое пытается заставить Запад себя уважать способом, вызывающим оторопь либо усмешки тех, кому адресованы эти попытки, не понимает впечатления, которое оно производит? Если не понимает, то что можно сказать о сообразительности и интеллектуальном уровне этого сословия? Скорее всего, оно понимает и полагает, что адресат «проглотит» то, что ему предлагается. И ведь российская сторона нередко бывает права.

Проблема не только в России, замечает Эндрю Вуд. Проблема и в самом Западе, и в той политике, которую он избрал в отношении России на этапе президентства Путина и продолжает на новом этапе, когда в России оформился правящий тандем. «Он (Путин. — Л. Ш.) быстро понял своих западных коллег, и это

155 Kramer D. No «Grand Bargain» // The Washington Post. March 6. 2009.

156 <http://www.polit.ru>

157 The Charlie Rose Show public television, December 17, 2008, Exclusive Interview with Robert Gates.

понимание сделало его самоуверенным и помогло научиться управлять ими. Если бы западные коллеги с самого начала были более критичны по отношению к путинской политике, он бы теперь не смотрел на их реакцию на кавказскую авантюру Кремля как на бляние враждебного по отношению к России стада, ведомого Вашингтоном», — писал Эндрю Вуд¹⁵⁸. Да, проблема успешного лидерства, которое могло бы подняться до уровня вызовов, перед которыми оказался мир, — это, оказывается, не только российская национальная проблема.

Но, по крайней мере, в западном обществе наличие этой проблемы осознается, особенно если речь заходит о политике в отношении России. Западные политики и эксперты все чаще ставят вопрос о том, какова ответственность западных лидеров и западных политических кругов за то, что произошло и происходит в России. И эту ответственность они видят совсем не там, где ее обычно ищут российские наблюдатели. Они видят ответственность Запада не в том, что он «унижал» Россию, игнорировал ее, недооценивал, не «массировал» комплексы российской элиты, а в том, что в отношениях с Россией Запад отказался от собственных норм. Приведу размышления бывшего министра иностранных дел Дании, председателя Балтийского форума развития Уффе Эллемана-Йенсена, человека, почитаемого в западном политическом сообществе. Вот как он отвечал на мои вопросы о Западе и России: «Я не поддерживаю популярный тезис о том, что Запад не смог помочь России в 90-е гг. Напомню, что Запад предоставил России огромную помощь. Но в самой России не было условий для нового “плана Маршалла”. Я также не принимаю “теории унижения” России со стороны Запада, потому что расширение ЕС и НАТО было частью *raison d’etre* этих организаций и это расширение не представляло никакой угрозы России. Я уверен, что Запад проиграл именно тогда, когда его политические лидеры перестали быть честными в их отношениях с Россией. По разным причинам они молчали, когда Россия свернула с демократического пути, и они спокойно взирали на серьезные нарушения Россией принципов, утвержденных ОБСЕ и другими международными институтами. Я не говорю, что западные лидеры должны были изолировать Россию. Совсем наоборот, они должны были поднять голос, когда российские лидеры отказывались от принятых ими обязательств в сфере свобод и прав человека и отношений с независимыми государствами. Получается, что Запад принял позицию известных трех обезьян: “ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу”. Я не думаю, что такая западная позиция заставляет уважать западные ценности тех лидеров, которые чувствуют вкус к авторитаризму...» Таков приговор западным лидерам, под которым сегодня подпишется не только Уффе Эллеман-Йенсен.

Реалисты против интернационалистов-идеалистов

Итоги размышлений в западном сообществе о том, какой должна быть политика Запада в отношении России, зависят от того, чем завершится там спор по поводу интересов и ценностей. Сегодня тема ценностей во внешней политике некоторым на Западе кажется неактуальной. И понятно почему — последняя волна демократизации в мире откатилась и, видимо, надолго. В этих условиях в западном обществе начали слышаться призывы вернуться к политике реализма. Конечно, западным экспертам приходится учитывать и то, как идеи продвижения демократии и демократическая помощь были дискредитированы администрацией Буша и американской агрессией в Ираке. Более того, во многих переходных и авторитарных обществах идеи демократии воспринимаются как инструмент осуществления американских интересов¹⁵⁹.

И тем не менее в последнее время в западных интеллектуальных кругах, пусть и со скрипом, возобновился поиск новых форм влияния западной цивилизации на окружающий мир. Этим занимаются новые интернационалисты. Их еще нередко называют «идеалистами». Размышляя о внешней политике в отношении недемократических стран, американский философ Фрэнсис Фукуяма отвергает как упрощенный реализм, так и примитивный интернационализм, особенно в его неоконсервативной упаковке времен Буша-младшего. Критикуя «честолюбивые попытки социального конструирования» и призывая подходить к проблеме с «особой скромностью», он предлагает «реалистическое вильсонизанство», т. е. сочетание реализма и идей американского президента Вудро Вильсона относительно необходимости продвижения демократических ценностей во имя более стабильного и справедливого мироустройства¹⁶⁰.

159 Томас Карозерс, анализируя состояние демократической помощи США при Буше-младшем, признает: «Подход Буша к войне с международным терроризмом и к внешней политике в целом серьезно подорвал не только саму концепцию демократии, но и идею продвижения демократии». Carothers T. US Democracy Promotion during and after Bush, Carnegie Endowment for international Peace, Washington, 2007. P. 14.

160 Запад, считает Фукуяма, в своей политике демократизации должен концентрироваться на проблемах эффективного управления, политической ответственности и демократических институтах. Основным инструментом Запада «должна стать способность показать пример, поддержать советом и финансовыми средствами». Однако реформы в переходных обществах должны делать сами эти общества, считает Фукуяма. См.: Fukuyama F. America at the Crossroads. Op. cit. P. 9.

Фукуяма призывает США, страну, которая наиболее активно выдвигает идеи продвижения демократии, «найти баланс между тем, чего мы хотим, и тем, чего мы реально можем добиться». При этом он особо подчеркивает: «Это не означает отказа от идеалистических целей распространения демократии. Но следующему президенту придется “детоксифицировать” само понятие “распространение демократии”». Нам придется хорошенько подумать над тем, как можно поддержать Грузию и Украину, не беря на себя новых союзнических обязательств. И нам необходим план, который позволит обеспечить защиту членов НАТО — особенно Польши и балтийских государств — от рассерженной России»¹⁶¹. Осознавая дилемму, поставленную Фукуямой, я в то же время не могу понять, как можно поддержать Украину и Грузию, при этом не беря на себя дополнительных обязательств? В этом как раз и состоит проблема Запада: в желании найти решение и при этом избежать и ответственности, и расходов на его осуществление. А так в жизни не бывает.

Успех попыток оформить новую западную стратегию поддержки либерально-демократических процессов в мире зависит от того, сможет ли Запад и в первую очередь Америка отказаться от использования демократических принципов в конъюнктурных целях. Американский публицист Фарид Закариа признает, что стремление Америки осуществлять свои интересы осложняют ее же попытки «создавать правила игры и систему ценностей, которые должен принять мир». По его мнению, Америка действительно должна предложить миру новые правила, но американцы должны будут следовать этим правилам. А они, — признает Закариа, — не всегда хотят это делать. «Не может быть больше ситуаций, когда США критикуют одни страны за недостаток демократии и одновременно дружат с авторитарными режимами. Проповедовать один принцип и следовать другому — это лицемерие», — заявляет Закариа¹⁶². С Закариа могут поспорить европейцы, которые вряд ли согласятся с тем, что именно Америка должна предлагать миру новые правила. Хотя и у европейцев сейчас не видно особого стремления идейно осчастливить мир.

Среди западных экспертов, занимающихся Россией, сегодня преобладают реалисты. Среди них есть и жесткие, и мягкие реалисты. Жесткие реалисты призывают в отношениях между Россией и Западом ориентироваться на баланс сил и вообще забыть о демократии. Мягкие реалисты понимают значение стандартов, но не знают, как их продвигать, и опасаются, что идеологизация внешней политики еще больше обострит отношения с Россией. А потому на практике они также ориентируются на интересы. Свою позицию они аргументируют так: «Если говорить с Кремлем о ценностях — это будет воспринято Кремлем как вмешательство во внутренние дела России. Такой подход осложняет наши переговоры с российской властью о том, что выгодно нам». Даже иные из активных сторонников продвижения демократических ценностей в России, разочаровавшись в предыдущих

161 Financial Times, September 2, 2008.

162 Zakaria F. The Post-American World. Op. cit. P. 238.

попытках, начали переходить на позиции реалистов. Не исключено, что это происходит с некоторыми членами команды Обамы. Так, один из представителей новой американской администрации, еще недавно бывший одним из самых ярких и энергичных сторонников политики содействия российской трансформации, вдруг высказался так: «...Нужна стратегия в отношении России, которая бы основывалась не на ценностях, но на сферах, где возможно согласие или общие интересы»¹⁶³. Видимо, во власти есть нечто, что заставляет тех, кто входит в эту власть, принимать ее логику и ее правила. Надеюсь, что этой логике все же не удастся сломать всех тех, кто, подобно обамовскому советнику Майклу Макфолу, верил в ценностный подход к России и в то, что Россия нуждается в трансформации, а ее общество созрело для понимания необходимости этой трансформации.

Сторонники Realpolitik обожают цитировать автора доктрины «сдерживания» Джорджа Кеннана, отказывавшегося признать готовность русских к демократии. Вот любимая всеми реалистами — российскими и западными — мысль Кеннана: «Пути, которые люди выбирают для обеспечения своего достоинства, возрождения общества и совершенства в государственном управлении, являются отражением самых глубоких процессов их национальной жизни. В этом процессе нет ничего, в чем бы иностранцы могли разобраться и в чем они могли бы помочь, не делая вреда». Словом, оставьте Россию в покое — она сама с собой разберется. Вроде бы правильная мысль. На деле она служит оправданием и российской системы, и западной политики попустительства в отношении этой системы.

Но реалисты все же не сумели монополизировать западное интеллектуальное и политическое пространство, как это сделали российские реалисты. В этом пространстве остаются эксперты, которые ищут иные подходы к внешней политике, понимая ее связь со способом организации общества. Вот как, например, размышляет Леон Арон: «Известно высказывание де Голля о том, что государства не имеют друзей — они имеют интересы. Я бы хотел, чтобы он объяснил, что он имел в виду. Но и без де Голля сущность “интересов” не является неразрешимой загадкой: интересы являются отражением того, как в понимании правящего класса должно жить общество, которым он управляет, чего этот класс опасается и к чему он стремится. Короче, интересы определяются ценностями, которые, если их упорядочить, становятся идеологиями. Доказательством тому является Россия (и СССР до нее). “Геостратегическая реальность” (и, соответственно, “интересы”, которые так любят “реалисты”) ненамного отличалась при Андропове в 1982 г. и Горбачеве в 1985 г. Но ведь как по-разному определялись национальные интересы России и какой разной была ее внешняя политика. То же самое можно сказать о России в 2001—2002 гг. и в 2007 г. В этот период идеологическая революция в Кремле привела к разным, почти противоположным определениям национальных интересов и, как следствие, к разной внешней политике».

163 Events. Russia's Relations with the World: The Aftermath of the Georgian Conflict, New Vision Conference Session 2. <http://www.carnegie.ru>

В последние годы все чаще можно увидеть попытки отдельных сил на Западе найти новое соотношение интересов и ценностей. Такую попытку сделал Совет по внешним отношениям в Вашингтоне. Группа под руководством Джона Эдвардса и Джека Кемпа представила в 2006 г. доклад о России и США, наделавший немало шума и явно не понравившийся Москве. В докладе был сделан вывод: «Россия свернула на неверный путь». Речь шла о повороте России к авторитаризму. Впервые за годы путинского правления солидная и влиятельная американская организация говорила то, чего не хотела признавать администрация Буша. Авторы доклада делали и второй вывод, который также противоречил установкам официального Вашингтона: «В отношениях Америки с Россией дилемма интересов и ценностей является ошибочной». Далее авторы доказывали, что внешнюю политику России и различия взглядов Москвы и Вашингтона на международные дела определяли в первую очередь российские внутренние процессы. Доклад стал попыткой предложить Вашингтону в отношениях с Россией делать больший акцент на ценности. Вот несколько принципов новой политики, изложенных в докладе: увеличить поддержку демократических процессов внутри России, но при этом избегать прямого вмешательства («Курс России не может определяться иностранцами»); возродить «семерку» без России; не «унижать Россию, применяя к ней двойные стандарты»; отказаться от ориентации на партнерство с Россией (партнерство — правильная долгосрочная цель, но нереалистическая на ближайшую перспективу); признать ошибки 90-х гг.; формировать «Трансатлантический консенсус» США и их союзников в отношении России.

Авторы доклада призвали к формированию единой позиции Запада в отношении России и к нахождению более гибких путей поддержки демократических процессов в России. Такой ход размышлений был, конечно, неприемлем для российской элиты. Но в ее глазах еще опаснее была следующая рекомендация: выработать критерии, по которым Запад мог бы оценивать законность выборов в России. «Лидеров, которые появятся в результате выборов, будет трудно рассматривать как вполне законных, если существуют ограничения в организации выборов, если кандидаты от оппозиции на выборы не допускаются, если непартийным наблюдателям не позволяют проверять подлинность результатов выборов, если партии лишены возможности создавать коалиции», — делали вывод авторы доклада Совета по внешней политике. Выборы, которые проходили в России в 2007—2008 гг., этим критериям не соответствовали. Если следовать логике авторов доклада, эти выборы не могли считаться легитимными в глазах Запада.

Еще одним примером поиска новой формулы отношения к России стал Доклад трехсторонней комиссии, подготовленный практически в то же время тремя авторами, широко известными в политической и дипломатической среде: Струбом Тэлботтом, Родериком Лайном и Кожии Ватанабе. Авторы международного доклада излагали в более мягкой форме, но ту же идею — интересы вырастают из ценностей. «Европа не должна отказываться от ценностей (в отношениях с Россией. — Л. Ш.), — говорили авторы доклада. — Европа должна отказаться

от имитации ценностей»¹⁶⁴. Правда, эти попытки не изменили «реалистическо-го» вектора западной политики в отношении России.

Есть на Западе и сторонники более активного и открытого продвижения демократии не только в России, но и в государствах, которые Москва считает своей зоной влияния. Так, американский аналитик Рональд Асмус, последовательный сторонник демократического экспансионизма, считает, что «НАТО и ЕС должны артикулировать необходимость расширения демократического Запада и определить новый подход к России»¹⁶⁵. В то же время он полагает, что ни в коем случае нельзя изолировать Россию. «Было бы ошибкой сказать “нет” российской инициативе (предложению Медведева о создании новой системы европейской безопасности. — Л. Ш.). Лучший способ иметь дело с Россией-ревизионистом — вовлечь ее в диалог... Мы должны содействовать тому, чтобы Россия открывала себя окружающему миру»¹⁶⁶. Положительным является то, что сторонники «продвижения демократии» в евроазиатском пространстве осознают необходимость отказа от назидательного тона и больше не пытаются играть роль учителя с указкой, диктующего ученикам свои истины. Хотя, конечно, и здесь можно еще встретить неувядающих миссионеров старой школы.

Так, историк Роберт Кейган, автор нашумевшей книги «О рае и мощи», продолжает призывать Америку проводить политику, «направленную как на распространение демократии в мире, так и на укрепление сотрудничества между демократическими странами». Последнее, в частности, означает призыв к созданию нового международного института — Лиги демократических стран¹⁶⁷. Впервые идея создания Лиги демократий была высказана американскими экспертами Иво Даалдером и Джеймсом Линдси на страницах интеллектуального политического журнала «Американский интерес», основанного Фрэнсисом Фукуямой. Это идею поддержал ряд других экспертов — Джон Икельберри, Анне-Мари Слотер и другие. А затем эту идею подхватили американские республиканцы и их претендент на пост президента Джон Маккейн. Идея нового демократического клуба вызвала смешанные чувства на Западе. Большинство политиков и экспертов, особенно в Европе, эту идею не поддержали, справедливо опасаясь появления нового размежевания и изоляции недемократических государств, в частности России и Китая. Тем более что рассуждали они, обеспечение безопасности Запада требует сотрудничества со всеми странами, независимо от их демократизма.

Вместе с тем идея нового демократического клуба, в котором бы участвовали и обсуждали свои дела только либеральные демократии, не умерла. Поведение российского политического класса может заставить западные политические круги на каком-то этапе вернуть эту идею в стадию реальной разработки.

164 Lyne R., Talbott S., Watanabe K., *Engaging with Russia: The Next Phase*, The Trilateral Commission, Washington; Paris; Tokyo, 2006.

165 Asmus Ronald D., *Europe's Eastern Promise*, *Foreign Affairs*, January — February, Vol. 86. № 1. 2008. P. 17.

166 Asmus Ronald D., *Dealing With Revisionist Russia* // *New York Times*, December 13. 2008.

167 *The Times*, September 2. 2007.

Это означает, что западные лидеры не будут, конечно, исключать Россию из своих клубов и той же «восьмерки». Но важные решения они будут обсуждать в других, неформальных форумах участия России. Собственно, они это уже начали делать, несмотря на признаки некоторого потепления отношений с Москвой.

Признаем, однако, что активные интернационалисты-идеалисты сегодня на Западе в меньшинстве. Их основная проблема состоит в том, что им не удается предложить такие формы содействия демократии в России и других независимых государствах, которые бы не разрушали диалог Запада и Кремля. Впрочем, и у активных, и у умеренных интернационалистов есть одна проблема: они полагают, что у них нет инструментов конструктивного воздействия на Россию. Они вынуждены жаловаться, что ни США, ни Запад в целом «не могут предотвратить усиление авторитаризма в России»¹⁶⁸. Некоторые из интернационалистов опасаются, что попытки учить Россию демократии могут лишь привести к противоположным результатам¹⁶⁹. А потом, как влиять на российское общество, если значительная его часть поддерживает авторитаризм?

В последние годы в дискуссиях между западными реалистами и интернационалистами-идеалистами прозвучали новые ноты. Я говорю о начавшейся в западных экспертных кругах дискуссии об «авторитарном реванше». Сама эта идея может стать приятной для российского уха и оживить приунывшую было российскую школу сторонников авторитаризма. Известный израильский историк Азар Гэт на страницах «Форин Аффферс» еще в августе 2007 г. заявил, что возросшая мощь Китая и России знаменует «возвращение на арену экономически успешных авторитарных капиталистических государств», которые «могут представлять возможный альтернативный путь к модернизму»¹⁷⁰. Почему эта идея появилась на Западе именно в это время, объясняется просто: именно 2007 г. стал пиком экономического возрождения и Китая, и России, которые вышли на мировую сцену в качестве влиятельных действующих лиц. Напомню, что именно в 2007 г. Путин потряс западное сообщество в Мюнхене, выставив счет Америке и заявив о новых амбициях России. Тогда еще ничто не предвещало приближающейся финансовой катастрофы, которая вскоре должна была изменить настроения во всех мировых столицах.

Итак, господин Гэт вновь поднял, казалось бы, давно решенную проблему и заявил, что нет неизбежной причинно-следственной связи между экономической либерализацией и экономической глобализацией, с одной стороны, и политической либерализацией, с другой. Еще недавно аксиомой политической мысли был вывод о том, что если индустриальная модернизация возможна и при авторитаризме, то постиндустриальная модернизация требует свободного и конкурентного общества.

168 Russia's Wrong Direction: What the United States Can and Should do, The Report of the Council on Foreign Relations, Independent Task Force, № 5737, 2006.

169 Вот что пишет Чарльз Грант: «Хотя многие события в России неприятны Западу, он мало что может с этим сделать. Любая попытка подтолкнуть Россию к либеральной демократии дала бы обратный эффект». См.: Грант Ч. Новая Россия и что с ней делать, <http://www.polit.ru>

170 Gat A. The Return of Authoritarian Great Powers // Foreign Affaires, July – August, 2007, www.foreignaffaires.org

Теперь же вновь появилось мнение, согласно которому последнее вовсе не обязательно. А вскоре в дискуссию вступили неоконсерваторы, которые восприняли пример Китая и России как доказательство того, что нужно отменить «конец истории». Это означало, что нужно отказаться от либерального детерминизма и признать, что комбинация авторитаризма и капитализма в этих странах доказывает, что речь идет не об остановке России и Китая на пути по направлению к либеральной цивилизации, а о возникновении альтернативы Западу. Сторонники теории «авторитарного возрождения» начали убеждать мир в том, что появление цивилизационной альтернативы Западу в лице Китая и России ведет и к изменению системы международных отношений — возвращению их к ситуации девятнадцатого столетия, т. е. к борьбе держав и обострению идеологического размежевания между западными демократиями и новыми авторитарными державами. Идеологом теории, которая обосновывала новый раздел мира, стал опять Роберт Кейган. В своей новой книге «Возвращение истории и конец мечтаний» Кейган писал: «Было бы ошибкой полагать, что авторитаризм не имеет международной притягательности». По его мнению, и Китай, и Россия могут стать примерами для подражания для целого ряда государств. «Сегодня, — продолжал Кейган, — возрождение крупных авторитарных государств, наряду с силами радикального ислама, ослабило либеральный мировой порядок и будет его ослаблять в будущем»¹⁷¹. Следовательно, полагает он, западному миру во главе с США нужно начинать консолидироваться для ответа на этот новый вызов. Собственно, Роберт Кейган делал попытку оживить увядший было неоконсерватизм эпохи Буша-младшего.

Идея возрождения авторитаризма как альтернативы либеральному капитализму вызвала среди западных экспертов возражения, которые, на мой взгляд, звучат убедительно. Основным возражением было следующее: пока ни Китай, ни Россия не представили доказательств того, что авторитарная система в этих странах может гарантировать создание постиндустриального капитализма, а экономический рост в этих странах — еще не гарантия устойчивого экономического развития и перехода его к высокотехнологической фазе. Даниел Дедни и Джон Икенбери, полемизируя со сторонниками теории возрождения авторитаризма, доказывали, что и китайский, и российский опыт не только не опроверг, но напротив, только подтвердил, что успешное развитие постиндустриального капитализма невозможно без решения четырех задач — обеспечения ответственности индивида; гарантии принципа соревновательности; формирования среднего класса и его участия в политике; верховенства закона для обеспечения незыблемости института частной собственности, без чего капитализм не функционирует¹⁷². Между тем авторитаризм, доказывали авторы, решить эти задачи не способен. От себя замечу: глобальный финансовый кризис, который выявил системные слабости нынешней формы либерального капитализма, во-

171 Kagan R. *The Return of History and the End of Dreams*, Alfred Knopf, New York, 2008. P. 69, 105.

172 Deudney D. and Ikenbury J. *The Myth of the Autocratic Revival* // *Foreign Affairs*, September – October, 2008. www.foreignaffairs.org

все не стал фактором, который бы продемонстрировал, что авторитарная система справляется с кризисом эффективнее.

Для некоторых сторонников идеи авторитарного возрождения на Западе она стала обоснованием для возрождения геополитической и идеологической борьбы в мировом масштабе. Между тем ни Китай, ни Россия, назначенные в члены авторитарного интернационала, не собираются открыто конфронтровать с Западом. Во всяком случае, не собирается этого делать Китай, который поставил задачу стать более влиятельным игроком в глобальной капиталистической системе.

Ново-старая идея авторитарного возрождения стала попыткой объяснить природу недемократических систем Китая и России и их экономических успехов в предыдущие годы. Экономический кризис, который уже затронул и эти страны, скорее всего, откорректирует чрезмерный оптимизм в отношении их дальнейшего развития и заставит по-новому взглянуть и на идею авторитарного ренессанса. Пока же неясно, как итоги этой дискуссии отразятся на споре реалистов и идеалистов-интернационалистов. Все зависит от того, как, когда и в какой форме Россия и Китай выйдут из кризиса. Вот тогда-то и станет ясно, насколько авторитарный реванш реален и представляет ли он угрозу западной цивилизации.

Может ли Россия стать самостоятельной цивилизацией и что такое вмешательство во внутренние дела

В этом контексте уместно отреагировать и на попытки некоторых российских политиков и экспертов доказать наличие собственной цивилизационной перспективы России. Представители кремлевской элиты, которые говорят о готовности России «конкурировать» с Западом в области «моделей развития», в то же время умалчивают о том, что конкретно они могут предложить миру. Получается, что они обещают продемонстрировать мировому сообществу альтернативу, но какова она — это является государственным секретом либо предметом умолчания. Между тем российская система, являясь чуждым Западу проектом, имея имперские по сути устремления, не имеет собственного набора качеств и принципов, которые бы она могла отстаивать. Да и в целом система, которая существует через имитацию принципов другой цивилизации, просто не может быть полноценной цивилизацией. Так что получается, что между Россией и Западом существует цивилизационный разрыв, хотя Россия может представлять только имитацию альтернативы Западу. А цивилизационный разрыв находит отражение в том, что российская элита имитирует либерально-демократические принципы в целях сохранения иных, антилиберальных механизмов своего существования. В этом контексте, конечно, возникают сомнения относительно того, что такая имитационная конструкция может стать устойчивым полюсом притяжения для других государств. Вот как природу российской системы и ее траекторию определяет Игорь Клямкин: «Парадокс заключается в том, что современная Россия, претендуя на цивилизационную альтернативу Западу, собственного цивилизационного качества не имеет вообще. В отличие от западных стран она не освоила демократические правовые стандарты, власть в ней не находится под контролем закона. В отличие же от стран Азии в ней разрушена преемственная связь с традиционной культурой по причине разрушения самой этой культуры. Россия — не “особая цивилизация”, а страна, застрявшая в цивилизационной неопределенности. Она и в самом деле “Евразия”, но не в смысле органического соединения европейского и азиатского начал, а в смысле их механического сочетания, постоянно предрасположенного к распаду». Достаточно грустная констатация факта.

То же самое можно сказать об имперских и державнических устремлениях Кремля, которые в реальности оказываются блефом. Прав Борис Дубин из Левада-Центра, который повторяет, что российская имперскость является фантомом, ибо для обеспечения реальной империи у России нет ресурсов, да и желания значительной части элиты и общества. Так что Россия демонстрирует имперскость, не имея сил для того, чтобы быть настоящей империей. Но пока имперский фантом работает и даже спланирует общество. Два столкновения, на которые пошла Россия во имя обеспечения фантомных целей — с Грузией и Украиной, свидетельствуют о том, что запущенный механизм выживания системы еще действует. Конечно, тот факт, что на протяжении 2008 г. российская правящая команда продолжала воплощать доктрину сдерживания Запада, был отчасти следствием инерционности ее политического мышления: российская власть все еще жила настроениями предыдущих успешных для возвышения России лет, не замечая приближения экономического кризиса, который должен был заставить Кремль поумерить свои притязания. Теперь российская власть должна размышлять о том, как сохранить сплочение общества на державно-имперской основе в период, когда она вынуждена умерить свою конфронтационность в отношении Запада. Впрочем, Кремль в предшествующие годы сумел добиться совершенства в одновременной игре в противника и партнера западного мира.

Имея дело с таким своеобразным феноменом, как Россия, которая предпочитает двигаться в неопределенном цивилизационном пространстве, западное сообщество не знает, как к нему относиться — пытаться ли влиять на внутриполитические процессы в России, которая, не будучи демократией, включена в политические институты западной демократии, а если да, то как и в какой степени. Западные политические и экспертные круги так и не нашли ответа, как выбраться из системной западни в отношении России. С одной стороны, любые попытки их влияния на внутреннее развитие России могут осложнить сотрудничество с нею по практическим вопросам, в котором нуждается Запад. Но с другой стороны, сохранение в России чуждой системы не дает гарантии, что такое сотрудничество может быть успешным и устойчивым.

Между тем любое упоминание западными политиками слов «демократия» и «права человека» вызывает резкое раздражение российских правителей, которые тут же начинают обвинять Запад во вмешательстве во внутренние дела России. В свою очередь, даже намек на такое «вмешательство» немедленно вызывает отрицательную реакцию всех общественных и политических сил в России, включая и либералов. Все дело, однако, в том, что понимать под «вмешательством». В российском сознании в результате упорной пропагандистской кампании, в первую очередь российского телевидения, вмешательство Запада ассоциируется с натовскими бомбежками Косово и вторжением США в Ирак. Ну, кто же в России может допустить мысль, что нечто подобное может произойти у нас! Даже многие либералы и демократы никогда не согласятся, чтобы западные политики рекомендовали России, как себя вести и какие правила у себя дома устанавливать,

а потом бы еще и проверяли «домашние задания». Однако все дело в том, что Россия подписала международные документы, включая и Всеобщую декларацию прав человека, в которых она обязалась следовать демократическим нормам. Более того, вступив в Совет Европы, Россия еще раз подтвердила, что согласилась с тем, что внутренние дела не являются ее внутренним делом, согласилась на легитимацию внешнего фактора влияния.

Следовательно, сама Россия одобрила принцип, согласно которому Европа и Запад могут и должны проявлять внимание к тому, что происходит в российской жизни, и к состоянию в России прав человека и демократии. А если Европу не беспокоит то, что происходит в России, это равнодушие можно определить как нарушение принципов, которые сама же Европа и одобрила. В этом контексте вполне уместен вопрос: будет ли считаться неприемлемым вмешательством во внутренние дела России, если, скажем, канцлер Меркель, либо президент Саркози, либо другой западный лидер напомним российским лидерам об их обязательстве развивать у себя в стране демократию? Нет, не будет. Внимание к этому вопросу — обязанность лидеров государств — членов Совета Европы. Конечно, такое напоминание будет известным ограничением права российской власти бесконтрольно вести себя в своей собственной стране. Но Россия, став членом европейских институтов, согласилась с принципом самоограничения российской власти. Сегодня такого рода «вмешательство», т. е. напоминание российской власти о ее обязательствах, является важным инструментом влияния западного общественного мнения на российскую элиту. Причем сами российские граждане фактически признали необходимость вмешательства Запада во внутренние дела России, обращаясь в Европейский суд и пытаясь там найти защиту от собственного государства. Кстати, если говорить о страновой принадлежности, то российские иски составляют более 20% от всех исков, направленных в Европейский суд. Тот же факт, что западные лидеры предпочитают в своих разговорах с российскими коллегами не поднимать вопрос свобод и прав человека, лишь говорит о том, что эта тема им безразлична. Сделаем исключение для госпожи Меркель, единственного лидера ведущей страны, который не отмалчивался и пытался обсуждать проблему демократических прав в разговорах со своими собеседниками из Кремля. Возможно, она делала это без особой настойчивости, ибо последствий этих разговоров для состояния российской демократии не обнаружилось.

Почему «там» не хотят раздражать Кремль?

Между тем впечатление, что у западных элит нет инструментов влияния на Россию, обманчиво. Западная цивилизация имеет множество рычагов воздействия на Россию, в частности через российский политический класс, который интегрирован в западное сообщество в личном качестве. Российская элита живет в западных странах. Она там держит деньги, покупает активы и недвижимость, рождает, отдыхает и обучает своих детей. В России элита делает деньги для того, чтобы содержать себя на Западе. Сам этот факт создает для западного сообщества немало возможностей для того, чтобы влиять на представителей российского политического класса и крупного бизнеса, использующих Запад в качестве своего «запасного парашюта».

На деле Запад и не пытается этого делать. Получается, что западное сообщество оказывает воздействие, причем немалое, на другие страны, но не может, не хочет либо неспособно создать систему стимулов и реформаторских импульсов для России. Тому есть несколько причин. Свою роль играют опасения западного политического класса относительно того, что ценностный поход к России может обернуться агрессивностью Кремля и дестабилизацией международных отношений. Признаем, что для этих опасений есть основания, и весьма существенные.

Не менее серьезно и то, что в самом западном сообществе существуют влиятельные политические силы, полагающие, что Россию не переделать и не нужно даже пытаться, а лучше искать точки соприкосновения с российской элитой и учитывать интересы ее правящего класса. Эти силы не хотят рисковать и подвергать угрозе осуществление своих текущих интересов в России. Они не хотят задумываться о стратегии в отношении России, выработка которой требует сил и времени. А и то, и другое не всегда есть в наличии. В какой-то степени нынешняя ситуация с отношением Запада к России напоминает ситуацию начала 90-х гг., когда Запад оказался не готов к распаду СССР. Сегодня западные политические круги, разочаровавшись в политике партнерства, также оказались не готовы определить контуры новой политики в отношении России. Западные лидеры просто не знают, чем ответить стране, которую оформил Владимир Путин. Не зная, чем ответить, западные лидеры пытаются продолжать линию на умиротворение Кремля. Когда

российские эксперты обвиняют Запад в том, что Запад «дал России показательный бой», хочется спросить: «Где на Западе вы видите бойцов, которые желали бы дать России бой?!». В западных столицах мы можем увидеть лишь лидеров, которые делают все возможное, чтобы не дать Кремлю повод начать бить стекла.

Можно понять, когда западные политики и лидеры на вопрос: «Неужели вы не можете сдерживать недемократичность Кремля?» — вполне резонно отвечают: «Это проблема российского населения. Это их власть, они ее избрали, и они ее поддерживают». Теоретически эти политики правы, правда, при одном существенном дополнении. Западные политические круги вовсе не обязаны решать проблемы России за российское население. Они вовсе не обязаны импортировать в Россию ценности, к которым Россия не готова. Но в то же время западные политические круги вовсе не обязаны поддерживать то, что происходит в России. Они не обязаны относиться к обитателям Кремля как к своим друзьям и партнерам и избегать оценки действий своих российских коллег, когда те противоречат не только демократическим нормам, но и международному праву. Конечно, западный бизнес, который работает в России, не хочет иметь проблем и потому не хочет морализаторствовать. У него одна задача — делать деньги. Но бизнес бизнесу рознь. Есть бизнесмены, которые задумываются о принципах мироздания и о совести. Вот пример: в 2007 г. датский пенсионный фонд PGGM вывел свои 54 млн долл. из китайской компании Peto-China в знак протеста против ее деятельности в Судане и теперь собирается сделать то же самое в знак протеста против действий в Судане индийской компании ONGC. Правда, признаем, что подобные примеры все еще редкость.

Кроме того, есть на Западе и силы, которые вовлечены в деловые отношения с российской властью и с ее эшелонами поддержки и лоббируют ее интересы у себя дома. Можно взглянуть на список зарегистрированных лоббистов в Вашингтоне, и мы увидим там имена политиков и экспертов, которые представляют интересы российской элиты. В США есть целый ряд институтов и организаций, формирующих экспертное и общественное мнение, которые получают финансовую помощь от российского бизнеса, что, конечно, невозможно без одобрения Кремля. Все это дает представление о том, какие мощные силы в США заинтересованы в том, чтобы сохранять теплые отношения с Кремлем. Такие же силы есть во всех ведущих европейских государствах.

Свою роль играет и фактор короткого политического цикла в западном обществе, который означает, что там политические лидеры вынуждены добиваться осязаемых результатов в течение довольно короткого срока своего лидерства. Использование ценностного ориентира в отношениях с Россией может принести результаты только через длительный период времени. Понятно, что мало кто хочет ввязываться в мероприятие, которое не даст успеха в ближайшие 4–8 лет. Тем более что напоминание Кремлю о демократии грозит привести к ухудшению отношений с российской правящей командой в обозримой перспективе. Кроме того, имеет свое значение и фактор исторической паузы, которая неизбежно наступает после периода перемен и потрясений. А мир все еще не освоил — и интеллектуаль-

но, и политически — геополитическую реальность, которая пришла после падения двухполярной мировой системы.

Сами западные наблюдатели признают, что западные политические и экспертные круги не всегда понимают, что происходит в России под покровом имитаций и демагогической риторики, обманных проектов и множества мистификаций. А так как Россия перестала быть основной угрозой Западу, то естественно, что эта страна перестала быть и центром приложения основных аналитических и политических усилий. Британский наблюдатель Джон Лав искренне сокрушается: «Исследования России в западных странах в последнее время деградировали просто потому, что Россия перестала быть для Запада приоритетом... Запад посылает в Москву дипломатов, которые намного меньше подготовлены, чем их предшественники двадцать лет тому назад. А кроме того, в западных столицах просто устали от Москвы и постоянных российских проблем... У западных лидеров нет достаточного времени и энергии для того, чтобы строить прочные отношения с Москвой на длительной основе». Фальк Бомсдорф вынужден сделать уничтожающий анализ западных представлений о России, констатируя: «В Европейском Союзе и в Германии, как правило, большинство не имеет ни малейшего представления о том, как функционирует российское государство силовиков. У нас не понимают, как такое государство влияет на политику и жизнь людей. У нас не знают о том, что самым могущественным властным рычагом Кремля является телевидение, и о том, как оно целенаправленно используется российской властью для влияния на общество. У нас не знают и о том, насколько коррумпированы государство и общество в России. Понятие “откат” и все, что стоит за ним, совершенно непонятны европейской аудитории. Она не знает, что с середины 90-х гг. российской идеологией стали русский национализм и антизападная риторика. Европа не понимает, что замалчивание неудобных страниц в российской истории стало государственной политикой. Европейцам невдомек, что российские официальные лица постоянно кивают на Запад: там, дескать, происходили и более ужасные вещи... Дезориентация — вот что характеризует восприятие России в Европе. О России там говорят постоянно и много. Но на поверку европейцы понятия не имеют, что это за страна и что это за система. Хотя они могли бы и узнать, что это такое. Но, похоже, что многие не желают предпринимать для этого никаких усилий». За это незнание и непонимание Европе и Западу приходится платить постоянными вздрагиваниями и периодическим шоком от тех неожиданностей, которые преподносит Россия.

Не зная и не понимая, а нередко и не желая понимать, западные лидеры предпочитают не делать рискованных движений, стараясь не дразнить кремлевскую команду. Это именно та линия, которую в отношениях с Россией до недавнего времени проводил Брюссель. Не исключено, что эту же линию изберет и новый американский Белый дом хотя бы потому, что Америка слишком загружена более срочными для нее делами, и потому, что Россия не является для США приоритетом. Впрочем, повременим делать окончательные выводы об американской политике в отношении России до тех пор, пока она не примет четкие контуры.

О том, как «старая» Европа отказалась от своей миссии и как «новая» Европа пытается ее возродить

Объединенная Европа, строя свой постмодернистский проект через отказ от привычных политических «блоков», теоретически имеет больше всего шансов повлиять на продвижение в России новых принципов. Кроме того, Европа должна быть более заинтересована в трансформации России, чем другие либеральные демократии, не соприкасающиеся с Россией так близко географически. Во всяком случае, трансформационное влияние для Европы в интересах самой трансформации переходных обществ более естественно, чем для Америки. Американцы свою миссию страны-демократизатора нередко используют для продвижения своих интересов и своими гегемонистскими замашками подрывают собственные демократические импульсы. Но как ни парадоксально это звучит, именно Европейский Союз оказывается тем фактором, который, проводя политику попустительства по отношению к Москве, облегчает эксперименты российской элиты по имитации демократии. Именно ЕС не знает, чем ответить на державнические замашки российской элиты на мировой арене. Именно ЕС и его лидеры, не имея стратегии в отношении России и пытаясь быть любезными с Кремлем, порождают в российском обществе скептическое отношение как к западным стандартам, так и к готовности Европы их защищать. Российская правящая команда, наблюдая за политикой Брюсселя и его бюрократии, лишь получает подтверждения того, что она может не только действовать по своему усмотрению, но и пытаться навязывать Европе свои правила.

Причем стремление Брюсселя не раздражать Кремль не помогло ЕС сохранить партнерские отношения с Россией. Размышляя над проблемой отношений между ЕС и Россией, финский наблюдатель Хиски Хауккала писал: «Отношения между ЕС и Россией после завершения “холодной войны” основываются на ошибочных предпосылках. Россия не собиралась переходить к западным либеральным и демократическим ценностям, что она обещала делать. В свою очередь, ЕС и его отдельные члены оказались неспособными сформировать понятную политику, которая бы стимулировала движение России в этом направлении»¹⁷³. В итоге Брюссель

173 Haukkala H. False Premises, Sound Principles: The Way forward in EU – Russia Relations. The Finnish Institute of International Affairs, Briefing paper, 20, Helsinki, April 16, 2008.

попал в своего рода замкнутый круг — отсутствие политики в отношении России заставляет его все больше отступать и лебезить перед Москвой, фактически отказываясь от своих принципов и производя все более жалкое впечатление. «Европа сегодня достойна своего Баррозу (председатель Еврокомиссии — Л. Ш.), — не без иронии заметил один из известных европейских экспертов, рассуждая о политике ЕС по отношению к России и намекая на слабость европейского лидерства. Все это дает повод Москве продолжать испытывать Брюссель на наличие политического достоинства, ставя его в неловкое положение и намеренно игнорируя его.

Сегодня уже не вызывает сомнений тот факт, что объединенная Европа так и не сумела в своем отношении к России совместить два подхода — опору на общие интересы и опору на ценности. Сделав акцент на интересы и ограничившись риторикой относительно стандартов, Брюссель не смог сформулировать эффективный курс по осуществлению своих же интересов. Построенная на технократических принципах и лишенная миссии, политика ЕС в отношении России превратилась в серию имитационных и скрывающих пустоту построений, обернутых в пустые декларации и многословные нагромождения. «Дорожные карты для четырех пространств», как звучит нынешняя стратегия Брюсселя в отношении России, стали образцом бюрократического искусства, целью которого является создать видимость движения там, где оно отсутствует. Проведя скрупулезный анализ почти 400 программных положений стратегии ЕС в отношении России, бывший представитель Еврокомиссии в Москве Майкл Эмерсон пришел к выводу, что практически все эти «пространства», т. е. программы сотрудничества с Россией, не содержат ничего, кроме пустых заявлений. Причем одна из основных программ сотрудничества, «Общее пространство свободы, безопасности и правосудия», полностью игнорирует требования демократического развития и развития гражданского общества. Европа, сумев осуществить потрясающий по своей смелости проект интеграции, остановилась, столкнувшись с вызовом России, и предпочла ограничиться поиском того, как скрыть свое замешательство и нежелание признать неготовность либо неспособность ответить на этот вызов. Стремление к частным решениям, нежелание смотреть в будущее заставили Европу пытаться решать свои интересы в отношениях с Россией за счет отказа от того, что сделало Европу самым перспективным проектом будущего, — от ценностных критериев. Результатом стала бесхребетность и неспособность адекватно реагировать на ситуации, которые требовали стратегически осмысленных действий.

Примером является поведение Европы после кавказской войны России (2008 г.). Европейцы прекрасно понимали, что эта война была вызовом Западу (и прежде всего США) и попыткой Москвы доказать свое право на возврат к державности. Немного посуетившись, попытавшись было найти способ повлиять на Кремль, в частности через замораживание процесса подготовки нового Соглашения о сотрудничестве с Россией, лидеры ЕС при председательстве Франции уже вскоре вернулись к прежним отношениям с Россией. Настроения в Брюсселе можно было определить так: «Простим Россию и не будем раскачивать лодку». Несмотря

на то что требования ЕС по урегулированию ситуации на Кавказе, изложенные в плане Медведева—Саркози, так и не были Москвой выполнены, Европейский Союз предпочел сделать вид, что проблемы решены. Французский президент, председательствовавший в ЕС, даже не вспомнил о необходимости хоть как-то, хотя бы для приличия, артикулировать требование уважать целостность Грузии. Европейская бюрократия не могла долго пребывать в состоянии политического дискомфорта. Тем более ей не хотелось напрягаться и думать, как повлиять на Россию. Такие усилия нарушали уже привычный и размеренный ритм ее жизни. А зачем и ради чего? Брюссель с облегчением поспешил вернуться к процессу выработки нового Соглашения о сотрудничестве с Россией, что означало, что Европа была готова забыть о кавказской войне, как о неприятном недоразумении.

Новое Соглашение между ЕС и Россией могло бы предоставить Европе некоторые, пусть не очень большие, шансы попытаться заставить российскую элиту принять обязательства пойти хотя бы на некоторое расширение либерально-демократических принципов. Не только для Европы, но и в первую очередь для российского общества важно, чтобы новое соглашение ЕС и России содержало систему импульсов, которые бы подталкивали Москву к принятию правовых стандартов, без которых модернизировать Россию невозможно. Однако Москва дала понять, что не собирается обременять себя подобного рода чепухой. Брюссель предпочел проглотить очередную горькую пилюлю. Евробюрократы согласились заключить с Москвой Соглашение на условиях российского правительства. Им нужно было «поставить галочку» и представить дело таким образом, как будто отношения с Россией нормализованы. Это означает, что ЕС, который в своих декларациях ориентируется на стандарты, в отношении России предпочел согласиться с видимостью этих стандартов.

ЕС, как пишет литовец Рокас Гражаускас, «вернулся в отношении России к политике “business-as-usual”»¹⁷⁴. Для Брюсселя в случае с Россией это означает приоритет процедуры и демагогических заявлений, которые являются прикрытием тупика, в котором отношения России и ЕС находятся в последние годы. Оправдывая такую позицию, мои собеседники из Брюсселя мне терпеливо объясняли: «Мы нацелены на будущее. Сам пример объединенной Европы должен убедить Россию двигаться в нашем направлении». Однако на практике такая линия «нацеленности на будущее» при отсутствии механизмов влияния на российскую элиту означает оправдание и нынешней ситуации в российском обществе, и политики российской элиты.

Примером стремления не раздражать Кремль стало и решение НАТО, принятое под давлением «старой Европы», отложить рассмотрение вопроса о ПДЧ для Украины и Грузии. Отказ от форсирования членства Украины и Грузии в НАТО был воспринят в Кремле как еще одно доказательство того, что Запад слаб и готов на любые компромиссы с Москвой.

Российская правящая команда правильно истолковала настроения ЕС, вернее, его лидеров. Россия вернулась на мировую сцену как фактор воинственности и непредсказуемости и как страна, с которой никто не хочет связываться. Можно было бы приветствовать отступление западных политических кругов перед напором Кремля, если бы не одно «но»: это отступление вряд ли идет на пользу интересам России как успешного и процветающего государства. Мы видим отступление западной цивилизации перед политическим режимом, который осуществляет свои интересы за счет национальных интересов России.

Наиболее активными проповедниками политики «не сердить Кремль» остаются Берлин, Париж и Рим. Даже единственный лидер «старой Европы», который явно понимает важность ценностей и для которого эти ценности имеют значение, — немецкий канцлер Ангела Меркель также вынуждена, в силу политических обстоятельств и необходимости искать пути собственного выживания, в своей политике по отношению к России следовать реализму. Трудно избежать впечатления, что за политикой попустительства в отношении Кремля и российской элиты со стороны западных лидеров лежит в первую очередь неверие в способность России к самореформированию. «Россия слишком большая, — не устают повторять “староевропейцы”. — Россия всегда будет заложницей своей истории и географии. Тут ничего не поделаешь».

Напротив, представители «новой Европы», в первую очередь Польши и Балтии, критикующие российский авторитаризм и агрессивность по отношению к своим соседям, исходят из совершенно другой посылки. «Если мы смогли себя трансформировать, — говорят “новоевропейцы”, — то почему этого не может сделать Россия? Почему Россию нужно считать неспособной либо неготовой к тому, чтобы стать либеральной демократией?» Да, продолжают они, у России есть немалое бремя прошлого и немалые проблемы. Но и у нас, — говорят «новоевропейцы», — были проблемы, однако мы же их преодолели. У России есть предпосылки, которые могут компенсировать сложность ее трансформации. Это и уровень образованности общества, и его стремление к благосостоянию, и наличие энергоресурсов, которые при умном подходе могут облегчить реформы. «Восточноевропейцы рассматривают Россию в равной степени способной провести реформы, как это сделали они сами, — говорит эстонский эксперт Кадри Лиик. — Если кто-то и считает Россию генетически не соответствующей стандартам... это Западная Европа с ее нескончаемым терпением, а не восточноевропейцы с их критицизмом»¹⁷⁵.

Польский философ, президент Фонда Баторы Александр Смолар, размышляя о нелегких дилеммах, которые раздирают Европу в связи с отношением к России, говорил мне: «Растущая напряженность внутри ЕС по вопросу отношений к России является результатом и усиливающихся авторитарных тенденций в Москве, и ее агрессивной, ревизионистской внешней политики. Германия, Франция, Италия и Испания пытаются сохранить привилегированное партнерство с Мо-

175 Kadri Liik *Former Allies or Former Prisoners? Russia and its Post-Soviet, Pro-Western Neighbours*, Essay, 2008.

ской, акцентируя ее геополитическое значение и используя свои особые отношения с Москвой в сфере энергетической политики. Они довольно цинично смотрят на внутривнутриполитическое развитие России. В то же время некоторые новые члены ЕС (особенно Польша и балтийские государства), а также ряд государств «старой Европы» (Великобритания и скандинавские страны), напротив, откровенно говорят о нарушениях гражданских и демократических прав в России и их внешнеполитических последствиях, особенно для соседей России». Смолар полагает, что эти «внутренние трения» в Европе «являются следствием разного исторического опыта и географической расположенности, а также разной структуры интересов отдельных стран». В итоге оказывается, что европейские страны по-разному смотрят на внутреннюю эволюцию России и по-разному увязывают эту эволюцию с внешнеполитическим поведением России. Смолар считает, что события на международной сцене, в частности война на Кавказе, «может привести к сближению позиций европейских государств в отношении России». Ну что же: поживем — увидим, в каком направлении будет происходить это сближение — в направлении общего безразличия по отношению к российским внутривнутриполитическим процессам либо в направлении их более критического осмысления.

А пока «старая Европа» не хочет выслушивать аргументы «новевропейцев». Они ее раздражают не меньше, чем официальную Москву. Вспоминается, как Ширак, а вместе с ним Шредер и Берлускони еще недавно пытались заставить замолчать критиков России из рядов представителей небольших государств, и им это удавалось. Сегодня эту критику не хочет слышать Саркози, и она заставляет чувствовать себя некомфортно госпожу Меркель, которая, видимо, согласна с тем, что говорят в адрес Москвы малые страны, но не может их поддержать потому, что не может позволить себе ссориться с Россией. Понятно, что для российской элиты и ее российских и западных «охранителей» соседи России, которые постоянно поднимают вопрос демократизации России, считая ее гарантией окончательного закрытия прошлого, являются раздражителем, который мешает найти форму взаимного удовлетворения России и «старой» Европы.

Российские правозащитники также уже давно критикуют «старую» Европу и европейские институты, которые контролируют «староевропейцы», за их весьма двусмысленную позицию в отношении России. Россия является членом Совета Европы, одна из основных целей которого состоит в «защите прав человека, укреплении парламентской демократии и обеспечении верховенства закона». Став членом Совета Европы, Россия согласилась с его целями и задачами. Совет Европы призван вмешиваться в тех случаях, если в какой-либо стране — члене Совета есть явное неблагополучие с правами и свободами личности. Но Европа, включая и Совет Европы, в лице своих официальных институтов предпочитает говорить с Москвой и Кремлем только о приятном.

Один из самых последовательных российских правозащитников Сергей Ковалев открыто обвинил ЕС в «господствующем лицемерии, чреватом очень опасными последствиями». Логика Ковалева была проста: европейское сообщество

сделало ставку на права и свободы личности, причем не только в организации внутренней жизни в Европе, но и в обеспечении международной безопасности и справедливого мира. Члены ЕС, напоминает Ковалев, пришли к выводу, что «права человека не являются исключительно внутренним делом государств». И тем не менее, когда это касается России, Европа проявляет исключительную «политкорректную осторожность», поощряя пагубные привычки московской власти¹⁷⁶.

Впрочем, немало западных наблюдателей еще более критичны в отношении Запада и Европы, считая их политику в отношении России отказом от собственных принципов, который, как бумеранг, в конечном итоге бьет по их же интересам. Так, Эдвард Лукас, обозреватель «Экономист» и автор книги о России «Новая “холодная война”». Как Кремль угрожает России и Западу», сделал весьма нелицеприятный и эмоциональный вывод о западном обществе: «Осуществляя в отношении России политику, основанную на эгоистических интересах, Запад и особенно ЕС привели к ослаблению своих союзников как в России, так и за ее пределами. Они, по существу, попустительствовали коррупционным и авторитарным силам в России и, в конце концов, сами ограничили свои же институциональные способности защищать себя. Короче, когда мы думаем, что важны только деньги, мы оказываемся безоружны перед теми, кто использует деньги, ослабляя нас».

В последние годы при Путине и в начале медведевского президентства европейские институты, в том числе и Совет Европы, стали делать все возможное, чтобы сохранить хорошие отношения с Кремлем, в том числе и за счет отношений с российским правозащитным сообществом. Вот только один, но весьма знаменательный пример, который говорит, что российские правозащитники и оппозиция скорее мешают ЕС иметь хороший «междусобойчик» с официальной Москвой либо с назначенным Кремлем «правозащитным» сообществом. В начале декабря 2008 г. в Пензе прошел III Региональный конгресс неправительственных организаций Совета Европы, посвященный 60-летию Всемирной декларации прав человека. При организации этого конгресса Совет Европы предпочел иметь дело с Советом Федерации, а не с правозащитными организациями. Формирование списка участников конгресса и его повестка дня контролировались российскими властями, которые даже цензурировали доклады выступавших. Глава Конференции международных неправительственных организаций Совета Европы Аннелиз Ошгер в этом не увидела ничего плохого. В результате на конгрессе, посвященном правам человека, представителей большинства ведущих российских правозащитных организаций не оказалось. Этот случай привел к открытому конфликту между правозащитным сообществом России и Советом Европы. «Впервые Совет Европы так явно показал, — говорил один из представителей российского правозащитного движения Лев Пономарев, — что российские власти ему ближе, чем правозащитники. Мне кажется, что Совет Европы делает ошибку, которая будет иметь далеко идущие

176 Ковалев С. Выступление в Любляне на дискуссии по правам человека в ходе консультаций между ЕС и Россией, <http://www.ej.ru>, апрель 2008 г.

последствия»¹⁷⁷. В итоге российским правозащитным организациям, в частности Московской Хельсинкской группе, движению «За права человека», Правозащитному центру «Мемориал», комитету «Гражданское содействие», фонду «В защиту прав заключенных», пришлось провести собственную конференцию в честь 60-летия Всемирной декларации прав человека. Этот случай не является единичным и свидетельствует о том, что европейские организации предпочитают сотрудничать с российской властью, а не с российским обществом.

Мне скажут, что Европа просто не может применить к России те средства воздействия, которые она применяла либо применяет в отношении новых европейцев, которые стали членами ЕС, подталкивая их к реформам. Вот конкретный пример того, как действует Брюссель в отношении «новоевропейцев». В июле 2008 г. ЕС заявил о том, что он намерен заблокировать выделение Болгарии 610 млн евро в качестве наказания за недостаточные усилия в борьбе с коррупцией. Под вопросом оказались и шансы Болгарии присоединиться к Шенгенской зоне. Брюссель предупредил, что если власти страны не смогут решить проблему с коррумпированными чиновниками, «которые расхищают щедрую помощь ЕС», то страна потеряет еще 250 млн евро. ЕС уже заморозил выделение Болгарии сотен миллионов евро, которые должны были быть направлены на поддержку дорожного строительства и сельского хозяйства в стране. Эти жесткие меры в Болгарии начали работать.

Конечно, даже представить, чтобы аналогичные формы воздействия были применены к России, невозможно. И это естественно — Россия не собирается вступать в ЕС и ограничивать свой суверенитет, и потому у Брюсселя нет и не может быть подобных рычагов воздействия на Москву. И тем не менее этот факт не означает, что ЕС и его институты должны сотрудничать исключительно с Кремлем и сотрудничать таким образом, который легитимирует российскую власть и не создает у нее стимулов хотя бы взглянуть на себя критически.

Дискуссия о том, как Европа должна ответить на российский вызов, продолжается. В каком направлении идет поиск? Предоставим слово Аркадию Мошесу, хорошо знающему европейскую сцену. Вот как он видит проблемы, которые сегодня стоят перед Европой в контексте ее отношений с Россией: «Первоочередной задачей для Европы является необходимость осознать, что Россия для нее — не просто поставщик энергии. Россия для Европы — основная стратегическая проблема и потенциальный вызов, который можно сравнить только с вызовом исламского мира. И к российскому вызову нужно относиться соответственно. Основной задачей европейских лидеров является не подготовка бумаг на следующий саммит с Россией, а выработка нормативного видения трансформации для России... Демократия в России более важна для Европы, чем европейцы иногда думают. Если демократизация в России провалится, Европа вдруг окажется рядом с “сибирской Нигерией”, страной, которая богата минеральными ресурсами,

177 <http://www.ej.ru>, 22 декабря 2008 г.

но которую раздражают социальные болезни и которая представляет огромные риски в плане безопасности для своих соседей»¹⁷⁸. Финский исследователь Хиски Хауккала, выражая весьма распространенное в европейских экспертных кругах мнение, говорит: «Почему ЕС полагает, что его соседи будут следовать ценностным принципам... если ЕС позволил своему самому большому и важному соседу пренебречь этими принципами?»¹⁷⁹ Справедливости ради замечу, что парламентские институты Европы все же более внимательно и более критично наблюдают за российскими событиями. Но конкретная политика в отношении России осуществляется исполнительной властью ЕС, которая предпочитает исходить, во всяком случае пока, из прагматических соображений, а не из стандартов.

Как в будущем Европа будет смотреть на Россию, зависит не только от политической целесообразности и ее понимания в официальных кругах Европы, но и от интеллектуального ресурса в европейском обществе. Западный интеллектуальный и экспертный ресурс имеет гораздо больше свободы и возможностей по сравнению с российской интеллектуальной средой для дискуссий и для проектной деятельности. Однако и у западного экспертного и политического сообщества есть свои ограничители, если речь идет о размышлениях по поводу России. Вот некоторые из них: нацеленность нынешнего эшелона западных политиков на решение текущих проблем и отсутствие у них готовности мыслить стратегическими категориями; неготовность западных лидеров к формированию единой позиции по России; нежелание западного политического класса использовать диалог с Россией для влияния на ее элиту; безынициативность западной элиты и в частности ослабление западных экспертных кругов, которые занимаются Россией.

Добавим к этому и неготовность западных политических лидеров к тому, чтобы рассматривать Россию как один из вызовов, который требует особого внимания и концентрации усилий. Стремление западных политических кругов к поиску компромиссных решений, их увлечение процедурными аспектами отношений, их попытки сглаживать углы, наконец, отсутствие у Запада глобальной миссии — все это не содействует выработке западной стратегии, которая бы способствовала вовлечению России «в Запад». Запад не понимает, как реагировать на комплексы и обиды российской элиты, а также на ее попытки шантажировать западное общество. Единственным ответом со стороны западных лидеров является стремление сделать вид, что все в порядке, что становится для другой стороны поощрением к продолжению старой игры. Правда, испытывая терпение Брюсселя, Москва, кажется, перешла границу, заставив ЕС начать размышлять о новом курсе в отношении России, что казалось немислимым еще год назад. Но об этом дальше.

178 Moshes A. *Russian-European Relations: Dualism Forever? — Russia Before and Now*, ed. by K. Winther. Copenhagen, 2007. P. 125–127.

179 Haukkala H. *Op. cit.*

Почему у прежнего поколения западных лидеров было ощущение того, что СССР — это вызов? Очень просто: Советский Союз представлял угрозу для западного мира, и потому западное сообщество было вынуждено напрячься и сконцентрироваться на поиске ответа. Однако и предыдущие западные лидеры также оказались не готовы к неожиданным поворотам и были застигнуты врасплох падением СССР, не умея вовремя предложить России руку помощи.

Россия воспринимается на Западе скорее как назойливый и непредсказуемый субъект, как некая неприятность. Но западные лидеры в конце концов умеют договариваться с Кремлем хотя бы по вопросам, которые стоят на текущей повестке дня. Российская элита старается не переходить ту черту, за которой может начаться консолидация западного мира против России. А коль скоро непосредственной угрозы безопасности западному миру Россия не несет, то этот мир готов ее терпеть и выносить, хотя и со все бóльшими оговорками и все меньшей симпатией. Нет в правящей элите западного общества понимания, что судьба России и возможная деградация ее системы может оказаться более серьезным глобальным фактором, чем сегодня думают западные политики, увлеченные текучкой.

Между тем без всесторонней поддержки западного сообщества трансформация России вряд ли возможна. Конечно, такая поддержка может быть успешна только по мере готовности к реформам российского общества. «Россия к реформам не готова!» — с уверенностью убеждают нас многочисленные сторонники постепенности и осторожности как в России, так и на Западе. Позвольте не согласиться. Почему восточноевропейцы в начале 90-х гг. оказались более готовы к либеральным реформам, чем россияне двадцать лет спустя?! На деле речь идет о неготовности к реформам российской элиты, которая успешно убеждает Запад в «неготовности» к реформам российского общества.

Еще раз повторю: западные государства в лице своих политических кругов имеют возможность повлиять на поведение российской правящей элиты, с которой эти политические круги могут тесно общаться. Вопрос в том, когда они осознают, что траектория России имеет непосредственное отношение к судьбе западной цивилизации.

Переосмысление началось

Боюсь ошибиться, но создается впечатление, что процесс поиска Западом новой формулы отношений с Россией начался. Дело сдвинулось не потому, что западные политические круги вдруг сами осознали, что без переосмысления происходящего в России и их отношений с Россией они не могут решить массу важных для себя проблем. К размышлениям о России и о том, как строить отношения с ней, Запад подталкивает своим поведением российская элита.

Западные интеллектуалы и эксперты начали размышлять о том, как найти некий средний курс между партнерством с Россией, которое явно не получается, и сдерживанием России, которого пока западные страны пытаются избежать, правильно полагая, что такая политика лишь усилит враждебность в их отношениях с Кремлем. Все говорит о том, что в ответ на кремлевскую формулу «быть вместе и против» Запад начинает размышлять над формулой «не преувеличивать близость, но и не конфронтировать». Это уже новый подход к отношениям с Россией. Так, Стивен Сестанович предлагает оформить в отношении России баланс между «выборочным вовлечением и выборочным сдерживанием»¹⁸⁰. Эта формула, однако, не дает понимания того, может ли Запад способствовать российской трансформации? А без этой трансформации у Запада будет все меньше возможности «вовлечения» России и все больше необходимости ее сдерживания. Трансформация России уж точно не произойдет, если Запад будет продолжать стоять на берегу, гадая, выплывет ли эта страна или утонет.

Юджин Румер и Анджела Стент, пытаясь обосновать новую модель отношений Запада и России, делают вывод, что успешная политика Запада в отношении России требует выполнения двух условий: во-первых, сочетания политики в отношении России с таким курсом в отношении новых независимых государств, который бы «учитывал европейские и американские ценности», и, во-вторых, формирования общей позиции Запада в отношении России. Признавая, что отношения между Западом и Россией уже не могут быть реализованы в формате партнерства, авторы предлагают «транзакционные отношения», суть которых в

180 Sestanovich S. What Has Moscow Done? Rebuilding U.S. — Russian relations. Op. cit. P. 13.

нахождении ограниченных компромиссов по тем вопросам, по которым такие компромиссы возможны. Словом, это политика малых шагов без претензий на то, что стороны обладают «общими интересами». В рамках этой модели речь идет не о попытках Запада влиять на внутренние российские процессы, а о стремлении Запада уменьшить конфликтность в постсоветском пространстве¹⁸¹. Соглашусь с выводом о необходимости общей стратегии Запада в отношении России. Такая стратегия полезна не только Западу. Она полезна и самой России, ибо могла бы помочь создать более конструктивный контекст для российской трансформации. Разобщенность западного сообщества в отношении России только облегчает выживание российской традиционалистской элиты. Однако, честно говоря, у меня есть сомнения в том, что тактика ограниченных компромиссов между Западом и Россией может исключить конфликты между ними. Разве эта тактика предотвратила похолодание в этих отношениях к концу путинского правления?

«Подлинное партнерство и совместное членство в демократических “клубах” требует общности ценностей», — категоричен Родерик Лайн. Он предлагает вместо «химеры партнерства» логику «избирательного сотрудничества», которое должно включать элемент обусловленности. Вот что означает «обусловленность»: «держат наготове средства поощрения и возможности партнерства на случай, если в будущем Россия начнет двигаться в направлении модернизации»¹⁸². Как видим, эта модель включает поддержку Западом трансформации России. Но дьявол в деталях — все зависит от того, как конкретно Запад будет понимать эту самую «обусловленность» и сможет ли эта модель заработать без «сдерживания» агрессивности части российской элиты.

В свою очередь, Джеймс Шерр полагает, что основные принципы западной политики по отношению к России после падения СССР — «вовлечение и партнерство потеряли свое значение». Но и прежние принципы не работают. «Принципы “холодной войны”, в частности сдерживание, не только устарели. Их невозможно осуществить, — признает Шерр. — Сегодня принцип Запада в отношении России должен быть двоякого рода: вместо вовлечения — влияние, вместо сдерживания — ограничение»¹⁸³. Правда, пока неясно, чем «ограничение» отличается от «сдерживания».

Есть сомнения относительно того, что новая формула ответа Запада России — «не партнерство, не сдерживание, а нечто среднее» — может быть успешной. Во-первых, эта формула является лишь реакцией на российское поведение и не включает элемента стратегического планирования. Во-вторых, она не содержит элемента осознанной и активной поддержки вектора на трансформацию России. Однако важен сам процесс поиска западной цивилизацией новой формулы отношения к России, которая бы учитывала сложное состояние России. Важно и то, что западные наблюдатели ищут новые формы вовлечения России в диалог. Раз-

181 Rumer E. and Stent A. Russia and the West // Survival. Vol. 51. № 2, April — May 2009. P. 91-101

182 Лайн Р. Россия и Запад: конфронтация неизбежна? <http://www.polit.ru>

183 Sherr J. Op. cit.

мышляя о новом подходе к России, Эндрю Вуд писал: «Для западных государств важно демонстрировать прочность своей позиции в диалоге с теми, кто является властью в России. Отказываясь поддерживать российское объяснение действительности, мы не должны возвращаться к политике сдерживания России... Запад должен разговаривать с Россией по самому широкому кругу вопросов. Ведь Россия не сводится только к ее элите. Для Запада исключительно важно поддерживать деловые, культурные и личные контакты с российским обществом. Узкий, ограниченный и подозрительный мир политической элиты не исчерпывает того, что называется Россией»¹⁸⁴.

Свой вклад в процесс поиска новых форм диалога с Россией внес бывший министр иностранных дел Германии при канцлере Шредере Йюшка Фишер. Он заявил, что Россия «благодаря ее геополитическому положению и ее потенциалу сохранит свою роль стратегического фактора в Европе и Азии, и потому ее нельзя игнорировать». Необходимо интегрировать Россию в рамки «стратегического партнерства» с Западом. Но как Фишер видит это новое «стратегическое партнерство»? Ведь он не может не понимать, что предыдущая его модель, в реализации которой участвовал и он сам в качестве ведущего германского политика, не сработала. Фишер предлагает Западу сделать то, от чего Западу предлагает отказаться Москва, выдвинув новую инициативу по безопасности, которая должна привести к растворению НАТО. Фишер, напротив, предлагает «растворить» медведевскую инициативу в НАТО. Вот что он говорит: «Почему бы не подумать о трансформации НАТО в новую систему европейской безопасности, которая бы включила и Россию? В этом случае можно было бы изменить правила игры и таким образом осуществить весь набор стратегических целей — обеспечить европейскую безопасность, разрешить конфликты в соседних странах, гарантировать энергетическую безопасность, а также сокращение вооружений, разоружение и т. д. Этот шаг преобразит НАТО. Но он еще больше поможет трансформации России»¹⁸⁵. Как жаль, что такую прекрасную инициативу Фишер не выдвинул в своем прежнем качестве, когда у России и Германии были такие великолепные отношения во времена Шредера—Путина. Но лучше поздно, чем никогда. Осталось только уговорить невесту, то есть Россию, принять правила игры западного альянса.

Довольно часто можно увидеть на Западе технократический подход к этой проблеме. Его сторонники считают, что достаточно разработать повестку сотрудничества с Россией, создать механизм сотрудничества и назначить ответственных за это сотрудничество, которые имеют доступ к «верхам». И процесс «пойдет».

Так, перед приходом Обамы в Белый дом и в первые месяцы его президентства в Вашингтоне эксперты, имеющие дело с Россией и не имеющие с ней дела, вдруг начали соревноваться в производстве «программ прорыва» в американороссийских отношениях. Все они сводились к детально и великолепно прорабо-

184 Wood A. Op. cit.

185 Fischer J. Finding Russia's place in Europe // Guardian. January 11. 2009.

танным идеям сотрудничества в сфере безопасности, энергетики и торговли. И некоторые из этих программ были образцами совершенства. Сам факт такого энтузиазма можно было только приветствовать, ибо он свидетельствовал о том, что внутри американского профессионального сообщества существует потребность в налаживании отношений с Россией. Но если говорить о том, насколько эти программы и предложения были осуществимы, то здесь особых оснований для оптимизма не было. Аналогичные и не менее проработанные «повестки дня» готовились в Вашингтоне перед приходом к власти предыдущих американских президентов. Но они так и не предотвратили похолодания отношений с Россией в конце президентств и Клинтона, и Буша.

Трудно избежать впечатления, что большинство новых предложений по «прорыву» в отношениях между Америкой и Россией строятся на вере в силу персоналистского фактора, т. е. в способность новых лидеров в Вашингтоне и Москве по-новому выстроить свои отношения. «Им нужно сделать только первый шаг, нужно только начать конструктивный разговор, и дело пойдет», — убеждают себя и остальных инициаторы усилий «по прорыву». Занимательно то, что люди, выросшие в среде, которая организована на институциональной основе и приоритете норм, мыслят персоналистскими категориями, когда дело касается политики в отношении России. «Лидеры перевернут страницу» — вот основная идея отточенных до совершенства предложений по преодолению кризиса в отношениях Вашингтон—Москва. Казалось бы, что, по крайней мере, если речь идет о России, исходная предпосылка этих усилий правильна. Ведь российская политика строится на личностном и единовластном факторе. Но дело в другом — в непонимании того, что сохранение и воспроизводство единовластия в России не нуждается в формировании такой модели партнерства, которую предлагают вашингтонские аналитики. Более того, персоналистский режим в России не может принять ту игру, которую ему предлагают американские коллеги, потому что она может подорвать его способ существования. Этот режим может поддержать только игру в паритет, в сферы влияния, в торговлю уступками, но только такую игру, в цели которой не входит поддержка интересов США либо создание условий для того, чтобы Вашингтон мог решить свои собственные проблемы. Российский режим не может по определению участвовать в мероприятиях по облегчению жизни американских президентов. Он может лишь создавать для них трудности, чтобы затем создать впечатление участия в их преодолении. Так что американские авторы новых программ «прорыва» исходят из весьма идеалистических воззрений на объект своих усилий. Прекрасно выстроенные внешнеполитические модели не имеют шансов выдержать соприкосновения с политической реальностью, которая функционирует по другим законам. Но понимание этого еще должно было прийти. Мы пока забегаем вперед.

Значит ли этот скептицизм, что вообще не нужно готовиться к новому диалогу Запада и России, Америки и России? Да нет, конечно. Нужно садиться за стол и говорить и о том, что сближает, и о том, что разъединяет. Такой диалог будет

не только поддерживать человеческие и политические контакты, но и, возможно, станет подстраховкой на случай чрезмерного расхождения сторон. Даже у СССР и Запада было отчасти совпадающее понимание некоторых интересов, в частности в сфере ядерного разоружения. Россия же в гораздо большей степени интегрирована в мир и связана с западным сообществом. Таким образом, у России и Запада есть больше оснований для сотрудничества. Этого, в конечном итоге, не может не понимать и российская элита, для которой Запад является не только фактором консолидации на основе «врага», но и основным финансовым источником выживания. Все зависит от того, как западные политики и эксперты понимают сотрудничество с Россией. Если они и дальше стремятся его использовать лишь для осуществления своих интересов, то это будет продолжением прежнего спектакля с заранее запрограммированным концом. Российская элита знает, как использовать западный прагматизм в своих прагматических целях. Если западные политики, наконец, начнут использовать свое сотрудничество для создания условий для российской трансформации, тогда это будет другое дело. В таком случае и модель сотрудничества должна быть иной, и каждый вопрос на повестке дня этого сотрудничества должен оцениваться с точки зрения того, облегчает ли он приближение России к западной цивилизации, а следовательно, и осуществление российской модернизации, или затрудняет ее. А ведь только российская модернизация может облегчить превращение России в предсказуемого партнера западного сообщества.

Некоторые западные эксперты полагают, что с Россией нужно вести диалог, даже понимая, что Запад не может поддержать инициативы российских лидеров. Так, немало западных аналитиков и политиков считают, что инициатива Дмитрия Медведева по поводу создания новой евро-атлантической системы безопасности, нацеленная на то, чтобы «вывести» и НАТО, и ОБСЕ из активной европейской жизни, тем не менее заслуживает обсуждения. «Мы понимаем, — говорят они, — зачем эта инициатива нужна Кремлю, но ее все равно нужно обсуждать, даже если заранее ясно, что западные государства не собираются ее реализовывать»¹⁸⁶. В таком случае, спросите вы, какой смысл Западу участвовать в том, что он заведомо не поддержит? В ответ западные эксперты вам скажут, что продолжать диалог с Россией нужно хотя бы для того, чтобы облегчить для Кремля понимание реальности. Что же — они правы: российская элита нуждается в осознании реальности, в том числе и реальности своих намерений.

Наивно, однако, было бы надеяться, что смена лидеров либо их команд, подготовка и обсуждение новых грандиозных инициатив решат проблему взаимного непонимания и подозрительности, накопившихся между обеими сторонами. Ведь

186 «Они (Россия. — Л. Ш.) верят, что конференция по вопросам европейской безопасности и даже договор о европейской безопасности укрепят сферу российского влияния. — пишет Сестанович. — Они хотят показать, что, когда они говорят, их выслушивают... Такие надежды могут завершиться тупиком. И все же сам процесс не будет тратой времени, если даже он не принесет ничего, кроме того, что продемонстрирует, что российские идеи и поведение не встречают одобрения остальных участников». См.: Sestanovich S. What Has Moscow Done? Rebuilding U.S. — Russian relations. Op. cit. P. 27–28.

это непонимание и подозрительность имеют более глубокие системные корни. Предыдущий опыт разговора с Кремлем должен был убедить западных лидеров, что их попытки вообще снять проблему системных различий с Россией отнюдь не расширили их понимание «общих интересов», а лишь создали почву для капризов российской стороны. Все зависит от того, какие задачи Запад поставит на новом этапе диалога с Россией. Если он опять сделает ставку на поддержание статус-кво, как он пытался делать все эти годы, то такой диалог только поможет российской власти удерживать Россию в межеумочном состоянии. А в этом состоянии Россия никогда не будет для западного сообщества партнером, который готов следовать своим обязательствам. Вопрос в том, сможет ли Запад использовать диалог с российской властью для того чтобы включить в него ценностное измерение, таким образом увязав осуществление корпоративных и личных интересов российского правящего класса в западном обществе с тем, как этот класс относится к либерально-демократическим стандартам внутри своей страны. Но это миссия, которую может на себя взять только поколение лидеров, мыслящих глобальными и историческими категориями.

Киссинджер versus Бжезинский

Западу в подходе к России приходится выбирать между парадигмами, выдвинутыми двумя антагонистами — Генри Киссинджером и Збигневом Бжезинским. Первый принят в Москве и является партнером российской власти в формировании отношений с Америкой. Второго в Кремле терпеть не могут, считая чуть ли не главным врагом России. Киссинджер продолжает видеть (либо заявляет, что видит) в России позитивный вектор. Вот что он говорил после выборов Медведева: «Что бы ни было в будущем, последние российские выборы ознаменовали собой переход от фазы консолидации к периоду модернизации... Осуществление власти через два центра (президент Медведев и премьер Путин. — *Л. Ш.*) представляется началом эволюции России в направлении системы сдержек и противовесов»¹⁸⁷. Самый знаменитый и влиятельный в мире реалист, конечно, не должен знать все тонкости осуществления власти в России. Но ведь кто-то же должен был его просветить относительно того, что российская система власти даже отдаленно не напоминает систему сдержек и противовесов и движется она в противоположном направлении. По-видимому, попытка увидеть в российской властной конфигурации позитив необходима Киссинджеру для того, чтобы обосновать перед новой американской администрацией необходимость сохранения реализма в политике в отношении России. Это в свою очередь позволит крестному отцу американского реализма сохранить роль влиятельного посредника между Москвой и Вашингтоном. А роль посредника, признанного Кремлем, требует положительного отзыва о политике Кремля.

Киссинджер, следуя своей любимой *Realpolitik*, к которой испытывают те же чувства и обитатели Кремля, постоянно призывает «не переусердствовать с попытками повлиять на политическую эволюцию России». Бжезинский, напротив, предлагает Западу «создавать внешние условия», «геополитический контекст» для того, чтобы и Кремль осознал, что «демократия в его интересах». Официальный Запад пока предпочитает больше прислушиваться к Киссинджеру, словно не замечая, что киссинджерство уже завело его в тупик в отношениях с Россией.

187 Washington Post. July 8. 2008.

Но рано или поздно западному сообществу придется признать этот пока еще не для всех очевидный факт.

Не могу в данном контексте не упомянуть об эволюции, которая произошла со взглядами некоторых примерных реалистов в отношении России. Я говорю о бывшем госсекретаре в администрации Буша-младшего Кондолизе Райс, которая всегда в свою бытность руководителем внешнеполитического ведомства придерживалась традиционно реалистической позиции в отношении России. И тут вдруг под конец своей деятельности в сентябре 2008 г. она решилась опровергнуть то, чему следовала. Вот что сказала Райс о России: «Действия России в течение последних лет вызывали все большее беспокойство. Я имею в виду помимо прочего российские нападки на соседей, использование нефти и газа как политического оружия, одностороннее прекращение обязательств по ДОВСЕ, ядерные угрозы в отношении миролюбивых наций, продажу оружия государствам и группам, которые угрожают международной безопасности, преследование российских журналистов, диссидентов. Картина, которая вырисовывается, говорит, что Россия становится все более авторитарной и все более агрессивной на международной сцене»¹⁸⁸. Интересно, всегда ли госпожа госсекретарь смотрела на Россию таким образом или пришла к таким грустным выводам только под конец своего пребывания в администрации? А если она так думала всегда, то почему не посоветовала президенту Бушу посоветовать своему другу Путину, к которому он, если верить тому, что он говорил, испытывал положительные эмоции, вести себя поприличнее? Примечательно, что и политические лидеры, и их советники на Западе, как правило, начинают весьма критически смотреть на Россию, когда уходят со своих постов. Видимо, это означает только одно: они не знают, как вести себя с Россией, когда они находятся у власти. Это касается всех — и реалистов, и идеалистов-интернационалистов.

Впрочем, сторонникам Бжезинского тоже нелегко обосновать свою точку зрения на отношения с Россией, а тем более оформить новый курс в отношении России. Они продолжают спорить и о том, есть ли у Запада средства влияния на Россию, и о том, как их использовать таким образом, чтобы не возбудить ответную реакцию российского державничества и авторитаризма. Новые интернационалисты единодушны в одном — в признании необходимости единого западного подхода в отношении России¹⁸⁹. Но именно такой консенсус оказывается труднодостижимым в силу ряда обстоятельств — как отсутствия единства самого Запада, так и того, что немало стран, включенных в западное сообщество, вынуждены строить свои отношения с Россией на основе прагматизма, нередко вопреки своим стратегическим интересам. Энергетическая зависимость от России, географическая близость с Россией — это аргументы, которые главенствуют в их политике по отношению к России.

¹⁸⁸ <http://www.state.gov/secretary/rm/2008.09.10>.

¹⁸⁹ «Нам нужна слаженность действий в рамках ЕС, НАТО и Большой семерки», — говорит Родерик Лайн. См.: Лайн Р. Читая Россию... <http://www.polit.ru>

Хотя есть и основания для определенного оптимизма. Серьезные западные наблюдатели осознают, что если западное сообщество хочет понять ориентиры и задачи российской внешней политики, то нужно обратиться к российскому внутривнутриполитическому контексту. Если Запад хочет повлиять на внешнюю политику Кремля, нужно искать формы поддержки либеральной трансформации России. «Существует мощная взаимосвязь между тем, что мы называем “либеральными ценностями”, с одной стороны, и экономическим поведением страны и ее внешней политикой, с другой. Насущным интересом Запада является демократическая и либеральная Россия. Запад не всегда способен успешно продвигать этот “интерес”. Но он должен осознавать важность этого приоритета и, когда появится возможность, Запад должен быть готов подчинить этому приоритету все остальные свои интересы», — убежден Леон Арон. И он уже не одинок в своем подходе к России и Западу.

Еще один повод для оптимизма связан с возможностью усиления роли тех европейских государств, которые более чем «старые» члены Запада, заинтересованы в формировании нового курса в отношениях с Россией. Я говорю о Скандинавии и некоторых странах «новой Европы». В этих странах есть понимание того, что только трансформация России может обеспечить предсказуемое и конструктивное партнерство западной цивилизации с Россией. Постепенно в общественном мнении в «старых» европейских государствах, да и в Америке, начинает формироваться убеждение, что при разработке новой стратегии в отношении России должна учитываться позиция «новевропейцев» и Скандинавии — «путь к Москве должен вести через Лондон, Париж, Берлин, но также и через Варшаву, Стокгольм и Таллинн»¹⁹⁰. В любом случае председательство Швеции в ЕС во второй половине 2009 г. и Польши в 2011 г. может внести новые элементы в политику объединенной Европы по отношению к России, в которой, видимо, будет больше ощущаться обеспокоенность ее внутривнутриполитической траекторией.

Один из лидеров польской «Солидарности», позднее министр иностранных дел Польши, а затем депутат Европарламента Бронислав Геремек незадолго до своей трагической гибели летом 2008 г. в одной из долгих бесед говорил мне: «Польшаки и шведы, кажется, смогли убедить этот неповоротливый Брюссель в том, что необходимо отвечать на российский вызов. Нашим ответом будет втягивание в европейскую орбиту Украины, Беларуси, Молдовы и Грузии. Демократические соседи России должны помочь российскому обществу осознать, что нужно смотреть в будущее, а не цепляться за прошлое».

Геремека больше нет. Нет голоса, к которому прислушивалось европейское общественное мнение и который олицетворял в европейских общественных кругах моральный подход к политике. Но остались другие лоббисты нового политического курса в отношении России, который ориентирован не на изоляцию российского общества, а на его вовлечение в европейскую цивилизацию. Министр иностран-

190 Mendelson S. Coping with Creeping Authoritarianism. January 5. 2009. Draft prepared for the Century Foundation Russia Working Group.

ных дел Швеции Карл Бильдт, прекрасный знаток России и человек, обеспокоенный тем, что происходит в России, уж точно постарается, чтобы Россия постоянно была на повестке дня объединенной Европы. Российские и западные «охранители» уже бьют тревогу по поводу возможной новой Ostpolitik скандинавов и новоевропейцев, которая, по их мнению, «может угрожать хорошим отношениям с Кремлем» и отличаться от «русоцентрической» политики Франции и Германии. Но рано или поздно Европа будет вынуждена задуматься о том, как проводить политику, которая бы больше учитывала интересы России, а не Кремля.

Кроме того, есть на Западе и еще один фактор политики — гражданское общество и неправительственные организации. Именно благодаря их давлению российской власти пришлось смягчать драконовскую версию закона об НПО. Очень важно то, что западное гражданское общество, в том числе просто рядовые граждане, живущие в западных странах и подчас далекие от реальной политики, больше обеспокоены проблемами развития России и ее внешней политики, чем западные лидеры. Так, опросы, проведенные в 2008 г. Германским Центром Маршалла и Фондом Компанья ди Сан Пауло из Турина, показали, что 84% опрошенных американцев и 72% европейцев очень обеспокоены тем, что Россия продает оружие на Ближний Восток. Более 60% опрошенных американцев и 64% европейцев озабочены тем, что Россия является основным поставщиком газа во многие европейские страны. Российскую политику в отношении соседних государств критикуют 69% опрошенных в Великобритании, 68% опрошенных в Германии и 72% опрошенных в Польше. Примечательно, что 67% опрошенных европейцев и 58% американцев требуют, чтобы Запад обеспечил гарантии безопасности для Грузии и Украины. Так что население Европы и Америки поддерживает вовлечение Запада в процессы в Евразии. Наконец, западное общество волнуют проблемы демократии в России. Об этом говорят 64% немцев, 62% англичан, 60% американцев, которые считают, что Запад не может быть безразличным к тому, что происходит внутри России¹⁹¹.

Здесь примечательно то, что население западных стран, в том числе и «старой Европы», начало относиться к России гораздо более критически, чем его политические лидеры. Приведу данные еще одного опроса, проведенного в декабре 2008 — январе 2009 г. Всемирной службой Би-Би-Си совместно с Университетом Мэриленда среди 1 300 респондентов в 21 стране мира. 42% опрошенных высказали отрицательное отношение к России. Наиболее критически к России отнеслись представители западных обществ и наиболее позитивно — китайцы (74% опрошенных в Китае заявили о своем позитивном отношении к России). Сегодня отрицательно к России относится 64% американцев (на 28% больше, чем в 2008 г.). В Великобритании только 25% опрошенных относятся к России положительно (в 2008 г. их было 45%). В Германии были выявлены наиболее критические настроения к России — 74% (!) опрошенных заявили, что относятся к России негативно¹⁹².

191 Mendelson S. Coping with Creeping Authoritarianism. January 5. 2009. Draft prepared for the Century Foundation Russia Working Group.

192 The Moscow Times. February 9. 2009.

Последний пример вообще любопытен, если мы учтем тот факт, что Берлин пытается сохранить в отношении России положительно-оптимистический тон. При таком критическом настрое германского общества его руководство неизбежно будет вынуждено переходить к большей сдержанности в отношениях с российской властью. В конечном итоге, учет настроения среди электорального ресурса для западных лидеров гораздо важнее всех других соображений.

Конечно, нельзя уповать на то, что эти факторы обязательно изменят в ближайшее время общее настроение в западных политических кругах относительно России. Но они создают ситуацию, в которой западные лидеры-реалисты больше не являются единственной силой, определяющей отношение Запада к России.

Что значит для Запада помощь окружающему миру

Феномен влияния Запада на окружающий мир, включая западную помощь и содействие в продвижении либерально-демократических ценностей, многообразен. Мотивы, которые определяют деятельность западного сообщества в этой области, различны и противоречивы. Если речь идет о политике государств и правительств, то основой этого влияния являются в первую очередь расчет и прагматизм, а порой и откровенный цинизм — все еще неотъемлемые черты политики. Но одновременно в поведении западной цивилизации присутствуют идеализм, альтруизм и миссионерство. Чем активнее в процесс западного влияния на окружающий мир вовлекается гражданское общество и чем большую роль в политике играет общественное мнение, тем выше в действиях Запада вес идеализма. Его суть — в стремлении помочь недемократическим обществам адаптироваться к нормам, которые зарекомендовали себя в развитых демократиях, но не во имя осуществления прагматических интересов развитых демократий, а во имя успешного развития недемократических обществ. Впрочем, в конечном итоге западный прагматизм и идеализм сопрягаются: демократическое развитие других стран в глазах либеральных демократий облегчает и осуществление их национальных интересов, в первую очередь интересов их безопасности.

Вначале механизм международной помощи Запада был в основном инструментом деятельности правительств и одним из направлений их внешней политики. Первыми, кто сделал прорыв и начал менять прагматический подход к институту помощи, стали немецкие партийные фонды. Именно эти фонды начиная с 1950-х гг. вовлекли в осуществление международной помощи партийную среду, т. е. рядовых граждан. Немецкие фонды начали с осмысления германского опыта демократической трансформации после Второй мировой войны. Окрепнув, они вышли на международную сцену и стали помогать переходным обществам в их демократизации, пытаясь использовать германский опыт демократических реформ. Сейчас можно без преувеличения сказать, что без участия и содействия немецких партийных фондов политические режимы и политическая культура в ряде стран мира были бы другими. Немецкие фонды активно помогали демократизации Латинской Америки и Южной Европы. Так, Фонд Эберта был первой

неправительственной организацией либерального направления, которая начала работать в тоталитарных Испании и Португалии. Фонд Аденауэра действовал в Чили во времена Пиночета. Фонд Науманна помогал строить демократические институты в Коста-Рике. Эти фонды накопили немалый опыт помощи переходным обществам в формировании демократических институтов.

В 60–70 гг. западное общество стало более живо интересоваться внешней политикой и окружающим миром; его либеральную часть начали беспокоить проблемы развития и прав человека и свободы в других странах. Постепенно самые разные западные общественные организации стали размышлять и о том, как конкретно помочь другим обществам жить так, как живет Запад. Все ощутимее стало недовольство западного общественного мнения расхождением между моралью и демократическими принципами, с одной стороны, и политикой, с другой, в той модели внешней политики, которую осуществляли западные лидеры-реалисты. Под давлением своего электората западные лидеры были вынуждены отказываться от использования института помощи и демократических лозунгов для продвижения эгоистических интересов своих государств. Помощь в строительстве нового общества в других странах становилась частью западного мышления, ориентированного на то, чтобы «делать добро».

Сегодня, когда Запад выделяет миллиарды долларов на помощь слаборазвитым странам, цель этой помощи не обязательно и не всегда связана с прежними представлениями о влиянии и, например, стремлением использовать природные ископаемые либо стратегические позиции этих стран. Так, скажем, Финляндия помогает Замбии строить демократические институты, а Норвегия помогает трансформации далекого Непала. Но ни Финляндия, ни Норвегия не имеют в упомянутых странах военных либо экономических интересов. Следовательно, по крайней мере в некоторых европейских странах в сфере внешней политики сформировалось новое мышление, суть которого — беспокойство о судьбах мира и понимание глобальных взаимозависимостей.

В 1980-е гг. и европейцы, и американцы в рамках помощи по развитию демократических институтов основное внимание уделяли созданию в переходных обществах партийных систем. Первыми помощь в формировании партий в переходных обществах опять-таки стали оказывать партийные фонды Европы. Именно они сформировали стратегию создания партий «с нуля». Но эти формы помощи демократии выглядели слишком явным вмешательством в политический процесс транзитных стран. Между тем сами западные государства очень чувствительны к иностранному вмешательству как в процесс выборов, так и в создание партий и их финансирование. Было очевидно, что рано или поздно западная помощь в ходе избирательных кампаний и организации выборов, а также в деле формирования партий будет рассматриваться в переходных обществах как вмешательство в их внутренние дела.

В 90-е гг. в политический словарь Запада и новых демократий прочно вошел термин «гражданское общество». Западные доноры начали переориентировать

свою политическую помощь на содействие гражданскому обществу. Я говорю прежде всего о помощи в становлении самых разных неправительственных организаций и местного самоуправления. Такой поворот был оправдан, коль скоро строительство демократии «сверху» — через выборы и создание партий, а также через содействие власти в совершенствовании управления — оказалось недостаточным для формирования в переходных обществах атмосферы соревновательности. Многие западные доноры пришли к выводу, что демократический процесс нужно начинать не «сверху», а «снизу». Возникло и своеобразное разделение труда: западные консерваторы стремились работать с политическими структурами, очень часто с властью, а западные либералы предпочитали «идти в народ».

До недавнего времени европейские доноры ориентировались на оказание содействия прежде всего тем странам, которые стояли на очереди в ЕС: их готовили к принятию стандартов и норм Европейского Союза. Причем Брюссель проявил твердость и последовательность в поиске таких механизмов, которые должны были убедить либо заставить страну — кандидата на вступление в члены ЕС принять нормы ЕС. Процесс вступления страны — кандидата в ЕС откладывался и помощь ЕС прекращалась, если страна-кандидат не справлялась с процессом адаптации к европейским правовым стандартам.

Сегодня европейские доноры уделяют основное внимание содействию в обеспечении гражданских прав и развитию гражданского общества в развивающихся странах и переходных обществах, а также повышению эффективности управления в этих странах. Они практически перестали оказывать помощь в строительстве политических институтов. Европейские доноры считают, что основой демократии должно стать формирование гражданского общества. Европейцы больше полагаются на косвенные формы влияния. Они много средств вкладывают в поддержку права и развитие судебной системы, децентрализацию власти, повышение качества управления, борьбу с коррупцией, активизацию роли женщин в общественной жизни. Вслед за европейцами больше внимания поддержке гражданского общества стали оказывать и американские доноры.

В последние годы ЕС увеличил свою помощь соседним государствам в рамках европейской «Политики добрососедства». А в 2009 г. ЕС начал осуществлять программу «Восточное партнерство», которая была принята под давлением Швеции и Польши. Целью новой программы является содействие Украине, Молдове, Грузии, Армении и Азербайджану в адаптации к стандартам ЕС. В марте 2009 г. на саммите ЕС было предложено присоединиться к «Восточному партнерству» Беларуси. Стартовый уровень финансирования этой программы в 2009 г. составил 450 миллионов евро, а к 2013 г. ЕС на осуществление этой программы планирует выделить 785 миллионов евро. То, что объединенная Европа не сумела сделать в отношении России, она теперь пытается делать в отношении новых независимых государств. Бюджет новой инициативы пока явно недостаточен для ее эффективной реализации. «Новоевропейцы», заинтересованные в том, чтобы продолжить экспансию Европы, не упускают случая покритиковать Брюссель за скупость.

Но, как объясняет Карл Бильдт, один из инициаторов «Восточного партнерства», не все делается сразу, а главное в том, что ЕС заявил о своем стремлении включить в европейское цивилизационное измерение новые страны. «Мы начали процесс, и мы не остановимся», — заявил Бильдт о новой инициативе в Таллинне в апреле 2009 г.

Стоит, однако, признать, что отношение к самому институту политической помощи в западном обществе неоднозначно. Так, представители левых течений на Западе весьма критически относятся к любым формам западного влияния на остальной мир. И понятно почему: считая собственные правительства циничными и коррумпированными, они полагают, что все попытки этих правительств «продвигать демократию» будут не менее циничны. Примером может считаться известный американский левый интеллектуал Ноэм Хомски, пожалуй, один из самых плодовитых левых публицистов на Западе. Хомски последовательно выступает против любых усилий по демократизации мира, считая, что Америка должна заняться собою, прежде чем предлагать другим какие-либо рецепты. А любые усилия по распространению демократии в мире, по его мнению, — это лицемерный способ продвинуть американские интересы в другой упаковке¹⁹³. Левые публицисты и политические деятели в других западных странах часто думают аналогичным образом, полагая, что западное общество не имеет морального права предлагать западные принципы другим странам. Кстати, именно среди левых европейских интеллектуалов все еще есть такие, кто, как когда-то в советские времена, считает, что критика Западом российской политической системы не имеет оснований, а цивилизационный подход к России есть способ, который используется Западом, чтобы подчинить Россию своему влиянию. Так что в этой среде российские «охранители» могут встретить понимание.

Я могу лишь поддержать американского исследователя Сару Мендельсон, которая у себя в Вашингтоне упорно доказывает, что то, как другие общества будут у себя воспринимать либеральную демократию и адаптироваться к ее стандартам, не в малой степени зависит от того, как само западное общество следует этим стандартам у себя дома. «Если Америка опять будет отождествляться со справедливостью, а не с ее нарушениями, она сделает гораздо больше для поддержки демократии и правозащитников в России, чем любая западная помощь. Именно так американцы могут преодолеть сомнения, возникшие внутри российского общества, в искренности западного беспокойства о демократии и гражданских правах»¹⁹⁴, — писала Мендельсон. Что же, с ней можно только согласиться.

193 Chomsky N. The Essential Chomsky, ed. by Anthony Arnone. New York; London, The New Press, 2008.

194 Mendelson Sarah. Op. cit.

Альтруизм и прагматизм

Что касается политической помощи Запада конкретно России, то в западных обществах продолжается процесс переосмысления этого направления деятельности. Западные политические и общественные круги прекрасно понимают, что старые модели политической помощи России не работают и могут быть даже контрпродуктивны. И действительно — такая помощь может только дискредитировать слабые оппозиционные движения и сделать их в глазах населения западной «пятой колонной». Кроме того, Кремль уже давно дал понять западному сообществу, что не позволит вмешиваться во внутренние дела России и продвигать идеи, которые противоречат принципам российской системы. А то, что предлагает Запад: конкуренция, реальная многопартийность, независимая судебная система, политические и гражданские свободы, гражданский контроль за силовыми структурами, ответственность власти и ее ротация, ограничение вмешательства государства в экономику, — может только подорвать позиции российского правящего класса и основы нынешнего российского государства.

Западные правительства, в свою очередь, полагают, что продолжение попыток извне поддержать демократические процессы в России, а тем более их поддержка российской оппозиции, угрожает отрицательно повлиять на их диалог с Кремлем в решении вопросов, которые являются насущными для Запада. Речь идет в первую очередь о вопросах безопасности, энергетики и более широкого экономического сотрудничества. Не менее существенно и то, что прежние рычаги влияния Запада на Россию, в частности через предоставление займов и других видов экономической помощи, были исчерпаны, во всяком случае до недавнего времени. Однако в контексте экономического кризиса вновь возникла зависимость России от того, как Запад будет решать судьбу российского долга западным кредитным институтам.

Еще недавно можно было ощутить столкновение мотивов, которые двигали западными донорами в России. Так, одни явно видели в западной помощи средство, которое должно помочь Западу осуществить его стратегические либо экономические интересы. Другие доноры в западном обществе смотрели на помощь (политическую, экономическую, гуманитарную и техническую) как на средство

облегчить для России приближение к западному обществу в способе и организации жизни. Сегодня, наблюдая за эволюцией западной помощи России, можно увидеть, как происходит сближение альтруизма и прагматизма в мотивации тех, кто ее оказывает. Вот как объяснил мне свою цель представитель Фонда Науманна в России Фальк Бомсдорф: «Я работаю в России не из-за альтруизма, я работаю из-за просвещенного эгоизма». «Просвещенный эгоизм» Бомсдорфа, беззаветно отдавшего России почти двадцать лет своей жизни, заключается в его стремлении помочь России стать либеральной и свободной страной, которая была бы гарантией безопасности и Германии, и Европы в целом. «Мы заинтересованы в предсказуемой и понятной России. А такая Россия может возникнуть только тогда, когда она будет строить себя на либеральных принципах. Поэтому мы должны убеждать, уговаривать русских в том, что эти принципы в их интересах, равно как и в наших», — так представители работающих в России западных организаций объясняют свою сегодняшнюю «повестку дня».

Основные программы западной технической, гуманитарной и демократической помощи России были разработаны в 1992—1993 гг., и они достигли своих максимальных оборотов к середине 90-х гг. Западная помощь прошедшего десятилетия была в основном компенсирующей, т. е. была призвана компенсировать недостаточный уровень государственной поддержки важнейших сфер жизнедеятельности российского общества — образования, культуры, науки, здравоохранения и т. д. Вторым по важности направлением западной помощи была помощь в развитии рынка и совершенствовании государственного управления. «Политическая помощь», т. е. деятельность в сфере продвижения демократии в России, никогда не была для большинства западных доноров доминирующей. В деятельности многих доноров она присутствовала очень слабо либо вообще отсутствовала. На продвижение демократических принципов было направлено только около 2% всего объема западной правительственной помощи посткоммунистической России. И западные правительства, и западные неправительственные доноры всегда пытались соблюдать осторожность и не давать оснований Кремлю для обвинений в политическом вмешательстве.

На первых порах политическая помощь направлялась в основном на поддержку политических партий, причем не только оппозиционных, но и «партий власти», на содействие в реформировании судебной системы и продвижение административной реформы. Эта помощь на этапе, когда новая политическая система России только строилась и не было иных — ни государственных, ни частных — источников финансирования этого процесса, сыграла скорее положительную, хотя и далеко не ключевую роль в продвижении новых идей организации общества.

Несомненную поддержку Запад оказал российским неправительственным организациям. Без западной помощи в России уж точно бы не смогли действовать и выжить организации правозащитного толка. Если в 90-е гг. правозащитники получали помощь и от российского бизнеса, то в последние годы основным ресурсом их существования является донорская помощь западного сообщества. И это

грустно, если, скажем, такая организация, как «Мемориал», которая занимается тем, что сохраняет для нации память о ее истории, существует во многом благодаря западным средствам.

Приходится констатировать, что западные проекты в России нередко отторгались либо просто умирали, как только прекращалось финансирование. Именно так закончилось существование большинства неправительственных организаций, живших за счет западных средств. Порой недостаточное понимание реалий и расстановки политических сил в России вело к тому, что западные деньги и усилия направлялись на поддержку фантомных движений и организаций, которые не имели будущего.

Наиболее эффективными стали проекты, не привязанные непосредственно к деятельности западных правительств. Так, тот факт, что США однозначно рассматривали продвижение демократии как одну из форм внешней политики и эта активность координировалась Госдепом, оказал скорее отрицательное влияние на эффективность политической помощи по линии правительства США в России.

Если речь идет о помощи России со стороны ЕС, то сами европейские доноры признают, что одной из проблем при ее осуществлении явилась чрезмерная бюрократизация самого процесса оказания помощи. Не всегда эта помощь имела четкую стратегию. Аналитики, которые оценивали осуществление программы ТАСИС в России, говорили об отсутствии у организаторов программы «четкого видения вектора развития России, которое бы разделяло и правительство России». Но заметим, что у самого российского правительства часто не ощущалось «четкого видения» развития. Где тут было претендовать на такое видение западным организациям!

Начиная с 2002—2003 гг. Москва потребовала от ЕС отказаться от его подхода к России как к стране, которая нуждается «в помощи». Российская власть хотела, чтобы ЕС сотрудничал с Россией в рамках партнерства. Москва не желала быть больше объектом рекомендаций — она хотела получать рекомендации ЕС тогда, когда сама об этом просила. Ну что же, для такого поворота были основания. Россия действительно перестала нуждаться в западной помощи. Российская власть тем более не нуждалась в рекомендациях Запада. Она знала, чего хотела, и она не хотела адаптироваться к западным стандартам. Отныне Москва проявляла недовольство каждый раз, когда ЕС вдруг начинал предлагать какие-либо инициативы, не согласовав их с Россией.

В России работало и работает множество крупных и совсем небольших доноров, правительственных и неправительственных организаций, которые в той или иной мере осуществляют содействие в решении самых разных проблем российского общества либо работают в сфере широко понятой «трансформации». Причем можно увидеть определенную специализацию — региональную либо тематическую — западных доноров. Так, Финляндия осуществляет свои программы преимущественно в Карелии, Петербурге, Ленинградской области, Мурманске. Дания также действует в регионах, близких к Балтийскому морю, — Калининграде,

Пскове и Ленинградской области. Одни доноры работают с местными властями. Другие решают проблемы только на уровне федеральной власти, как, например, Великобритания. Мировой банк также работает на федеральном уровне, помогая обеспечить «транспарентность» банковской системы и «повысить ответственность» правительства. Европейский банк реконструкции и развития работает с российским финансовым сектором, но также осуществляет ряд проектов на муниципальном уровне, сотрудничая с местными властями.

Западные доноры участвуют в финансировании целевых программ российского правительства. Вот пример: Президентская программа «Подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства», утвержденная правительством России. Она начала реализовываться с 1997 г. и спонсировалась рядом зарубежных организаций, среди которых министерство труда Германии, Британский Совет, МИД Франции, посольство Японии, Американское агентство Международного развития Канады. В осуществлении совместных программ с российской властью участвуют Мировой Банк, ООН, министерства иностранных дел различных стран, включая Японию и Южную Корею.

Признаем, что многие западные доноры не испытывают особого удовольствия от работы в России. Доноры, которые работают с властью, могут месяцами дожидаться ее решения начать те или иные проекты, а затем ощущают постоянный и мелочный контроль за их осуществлением. Создается впечатление, что российская власть даже в тяжелые годы не знала, что делать с западными донорами и их помощью и не особенно приветствовала эту помощь, даже когда она носила неполитический характер. А после того как Россия «встала с колен», Москва тем более перестала нуждаться в содействии и помощи из-за рубежа.

Постепенное сворачивание прямого западного содействия российской трансформации, начавшееся при президентстве Путина, стало неизбежным. И причины тому были двоякие: как политические — нежелание власти терпеть вмешательство западных доноров, так и социально-экономические — в России появились свои источники финансирования. Глядя на пухнущую от нефтедолларов экономику, западные доноры начали говорить: «Пусть теперь сами русские решают свои проблемы». Но все дело в том, что российский частный бизнес не спешит расширять свои программы помощи либо ограничивается финансированием государственных проектов. Правда, по некоторым оценкам, до 2009 г. российский бизнес ежегодно направлял на филантропические цели около 1,3 млрд долл. Но российский бизнес, естественно, не оказывает политической помощи без разрешения власти. После того как Россия втянулась в экономический кризис, который обещает быть затяжным, донорская активность российского бизнеса резко сократилась.

Российская власть в последние годы перестала скрывать свое подозрительное отношение и к западным донорам, и к любой западной помощи, в том числе к помощи, которая заключается в ознакомлении российского общества с западным экономическим и социальным опытом. «К сожалению, в умах большей части рос-

сийской элиты социальные инвестиции, т. е. передача опыта организации социальной и общественной жизни, считается в лучшем случае бесполезной, а в худшем — подрывной, — вынужден признать Андрей Кортунюв, который давно занимается вопросами западной помощи России. — То есть деньги-то мы у вас возьмем, а вот учить жизни не позволим. Между тем, как показывает весь мировой опыт, социальные инвестиции — основа устойчивого притока иностранного капитала, если, конечно, речь не идет о чисто спекулятивном капитале. Идея научиться у Запада высоким технологиям, не осваивая западного опыта социального развития, представляется весьма сомнительной. Во всяком случае, этого не получилось ни у Петра, ни у Сталина. Огульное отторжение западного опыта, — который к тому же нам пока предлагают на очень льготных условиях, — не свидетельствует о государственной мудрости российской элиты либо ее уверенности в своих силах».

Те же западные доноры, которые работают с гражданским обществом, в последние годы начали встречать все более откровенное враждебное отношение российских официальных органов. В этом нет ничего странного или неожиданного. К этим организациям и их деятельности подозрительно относится Владимир Путин, который, видимо, искренне полагает, что всякая помощь России в развитии демократических механизмов и гражданского общества — есть попытка чужих «дядей в пробковых шлемах» подчинить Россию своей воле. Если же российские неправительственные организации принимают помощь извне, то в глазах российских лидеров эти организации становятся орудием влияния враждебных сил. Путин открыто и неоднократно громил «так называемые “неправительственные организации”», которые «формально независимы, но целенаправленно финансируются, а значит — подконтрольные». Видимо, тогдашний президент, а нынешний премьер не допускает, что могут существовать организации, которые имеют свою программу и свою миссию, а не выполняют поручения «зарубежных центров», якобы стремящихся ослабить Россию. Особенно резко В. Путин, а за ним и остальные представители российской элиты выступают против организаций, пытающихся защищать права человека. Эту деятельность российская власть называет «вмешательством во внутренние дела... навязыванием другим государствам того, как они должны жить и развиваться»¹⁹⁵. Пока нет оснований делать вывод, что этот подход к западной помощи и западным донорам изменился при президентстве Дмитрия Медведева.

Начиная с 2005 г. российская власть пытается жестко контролировать действия западных доноров, в частности через механизм их регистрации и регистрации российских неправительственных организаций, которые получают западную помощь, а также через их налогообложение. Принятый в 2006 г. новый закон о неправительственных организациях привел к резкому ограничению деятельности западных доноров по поддержке российского гражданского общества и демократических процессов.

195 Выступление В. Путина в Мюнхене 10 февраля 2007, <http://www.premier.gov.ru>

Большинство западных доноров начали размышлять об exit strategy, т. е. о прекращении своей деятельности в России. Таковы планы Мирового банка, правительственных агентств Германии, Великобритании, Швеции. Сворачивает свое содействие России Канада. О сокращении своего присутствия в России подумывают и многие западные неправительственные организации.

В западном донорском сообществе есть понимание провала российских демократических реформ. Но оно пока не сделало окончательный вывод, нужно ли на данном этапе продолжать усилия по поддержке трансформационных процессов в России, а если да, то каким образом можно осуществлять эти усилия в новом политическом климате.

На что идут американские деньги

Давайте теперь поговорим о характере конкретной западной помощи. Моей задачей не является составление полного инвентарного списка всех видов помощи и усилий всех доноров из стран либеральной демократии, которые работали и продолжают работать в России. Я расскажу только о некоторых направлениях западной помощи, и прежде всего «трансформационной помощи», которая своей целью имеет содействие становлению демократических и либеральных стандартов. Многие, конечно, останутся за кадром. Но придет время, и найдутся дотошные люди, которые проанализируют все усилия западных доноров, приходивших в Россию после падения коммунизма, оценят результаты их деятельности и отразят роль западного содействия России для российской исторической памяти.

Начнем с помощи России по линии правительства США. Общий объем помощи правительства США России за период 1992–2007 гг. составил 15 949,74 млн долл. Посмотрим, на какие цели были потрачены эти средства (в млн долл.):

- на содействие экономическому развитию — 1 973,64;
- на содействие «справедливому и демократическому управлению» — 1.234,37;
- на гуманитарную помощь — 2 946,27;
- на «инвестиции в людей» (имеется в виду прежде всего образование и здравоохранение) — 560,22;
- на мир и безопасность — 9.229,56;
- на программную поддержку (обеспечение осуществления помощи) — 5,68¹⁹⁶.

В отдельные годы объем помощи американского правительства России колебался от 328,42 млн долл. в 1992 г. до 1 038,61 млн долл. в 2007 г. Пик помощи России со стороны США пришелся на 1999 г., когда США пытались помочь России преодолеть последствия экономического кризиса и финансового краха. Тогда правительство США выделило России по разным каналам 2 132,47 млн долл. Напомню, что это был год деятельности правительства Примакова и год смены власти в Кремле. Так что

196 U.S. Government Funds Budgeted for Assistance to Russia, www.usaid.gov/policy/budget

американская администрация в какой-то степени, пусть и опосредованно, помогала России сохранить стабильность в период передачи власти от Ельцина к Путину.

Возьмем навскидку один обычный год в осуществлении программы помощи России со стороны правительства США и посмотрим, на что направлялись американские средства. Так, в 1997 г. России на поддержку экономического развития, социальную стабилизацию и совершенствование управления, а также обеспечение безопасности была выделена помощь в размере 542,52 млн долл. Наибольшая часть этой помощи была потрачена на содействие в обеспечении безопасности — 456,20 млн долл. На содействие «демократическому и справедливому управлению» было предоставлено 38,45 млн долл.; на поддержку экономического развития — 31,65 млн долл.; на гуманитарную помощь — 930 тыс. долл.; на «инвестиции в граждан» — 18,29 млн долл.

Любопытно взглянуть и на то, какую помощь правительство США оказало России в 1999 г. — в год перехода власти от Ельцина к Путину. Так вот, общий объем помощи в этот год составил 2 132,47 млн долл., из которых на содействие в обеспечении безопасности было выделено 790,05 млн долл.; на содействие «демократическому и справедливому управлению» — 85,64 млн долл.; на поддержку экономического развития — 65,06 млн долл.; на гуманитарную помощь — 1 167,34 млн долл.; «инвестиции в граждан» — 24,38 млн долл. Средства, которые предоставили России американские налогоплательщики в год, когда решалась судьба преемственности российской власти, говорят о том, что Америка уж точно не была заинтересована в раскачивании лодки и стремилась поддержать российскую стабильность.

Давайте посмотрим, какую поддержку правительство США оказало России в 2007 г.: на решение вопросов безопасности в этом году было выделено 954,04 млн долл.; на содействие «демократическому и справедливому управлению» — 21,872 млн долл.; на поддержку экономического развития — 3,22 млн долл.; на «инвестиции в граждан» — 24,14 млн долл.; на программную поддержку — 1,24 млн долл. В этом году американское правительство перестало оказывать России гуманитарную помощь, так как Россия выглядела страной с устойчивым экономическим ростом, которая могла самостоятельно решать свои гуманитарные проблемы.

Если проанализировать американскую финансовую помощь с точки зрения удельного веса в ней «демократического пакета», то окажется, что он всегда был незначителен. В качестве иллюстрации посмотрим, как распределялась американская правительственная помощь в 1997 г. по линии Американского агентства международного развития. В этом году ААМР выделило России 173 млн долл. (общий объем помощи правительства США в этот год составил 545,52 млн долл.). Наибольшая часть этой помощи была потрачена на помощь частному предпринимательству — 43,35 млн долл. На втором месте по объемам шла помощь в сфере здравоохранения и окружающей среды — 31,6 млн долл. На помощь правительству и местной власти в реализации финансовой и налоговой реформы пошло 6,75 млн долл.; 5,2 млн долл. было выдано на содействие реформе энергетики; 6,5 млн долл.

было инвестировано в реформу суда и 4 млн долл. направлено на совершенствование местной администрации. Как видим, в рамках этого «пакета» американцы основную часть помощи предоставляли российской власти разных уровней на ее совершенствование. И только 5,4 млн долл. было выделено «на гражданское участие», т.е. на проекты, связанные с гражданским обществом. Все остальные деньги пошли на социальные и технические аспекты помощи. Так что сказать, что американская администрация в России в этот год продвигала демократию, нельзя. Примерно таким же было распределение американской правительственной помощи России и в другие годы.

В 2006 г. США только по одному каналу — по линии Американского агентства международного развития, которое является оператором правительства США, — выделили России 74,5 млн долл., в 2007 г. — 78,3 млн долл., в 2008 г. — 52,2 млн долл., а на 2009 г. запланировано выделение 56,3 млн долл. Несмотря на ухудшение отношений между двумя странами, правительство США продолжало содействие России, пусть и не в прежних масштабах. Вот основные статьи этой помощи в 2007–2008 гг.: поддержка детского здоровья; борьба со СПИДом и ВИЧ-инфекцией; помощь в антитеррористической борьбе; содействие в нераспространении ядерного оружия и аналогичные проекты; поддержка эффективного управления; «инвестиции в людей»; поддержка экономического развития и, наконец, поддержка гражданского общества.

Замечу, что помимо содействия экономическому и социальному развитию, а также демократизации, Америка предоставляет российскому правительству немалые средства на решение вопросов безопасности. Так, на помощь России в обеспечении безопасности правительство США в период президентства Владимира Путина выделило соответственно: в 1999 г. — 790,05 млн долл.; в 2000 г. — 668,11 млн долл.; в 2001 г. — 694,86 млн долл.; в 2002 г. — 833,79 млн долл.; в 2003 г. — 727,59 млн долл.; в 2004 г. — 802,43 млн долл.; в 2005 г. — 897,75 млн долл.; в 2006 г. — 854,80 млн долл.; в 2007 г. — 954,04 млн долл. Это были, признаем, существенные суммы, которые направлялись в Россию и тогда, когда Кремль начал свою антиамериканскую кампанию.

На поддержку демократии и эффективности управления в России правительство США направляло не столь существенные по сравнению с общим объемом помощи средства — ежегодно от 40 до 80 млн долл. В последние годы эта поддержка существенно снизилась. На развитие «справедливого и демократического управления» правительство США предоставило России соответственно: в 2007 г. — 21,872 млн долл., в 2008 г. — 31,179 млн долл. и на 2009 г. запланировало предоставление 18,777 млн долл.

Теперь о том, какие проекты финансируются в России на американские средства. Если речь идет о средствах из пакета «Мир и безопасность», то эти средства идут прежде всего на обеспечение программы Нанна — Лугара. Задачей этой программы является помощь России в уничтожении стратегического оружия и средств его доставки, а также в обеспечении безопасности ядерных материалов и

их хранения. В рамках этой программы происходит финансирование хранения и уничтожения радиоактивных отходов, утилизация вышедших из строя подводных лодок, укрепление российской системы экспорта вооружений. Эта программа до сих пор является примером эффективности и конструктивного сотрудничества России и США. Добавим, что американцы в рамках этих усилий помогли восьми тысячам российских ученых и инженеров, работавшим в ядерной области, переключиться на осуществление гражданских проектов. Американские деньги фактически поддержали этих людей в 90-е гг.

В рамках общего пакета «Мир и безопасность» американцы помогают в финансировании сотрудничества России и НАТО, а также усилий по достижению совместимости вооружений России и НАТО. Кроме того, из этой «корзины» средства идут на борьбу с организованной преступностью и на модернизацию судебной системы России. Как видим, несмотря на то, что для российской власти Америка является основным врагом и неприятным во всех отношениях субъектом, Россия не отказывается от американской помощи в весьма чувствительных сферах. Правда, российские политики и пропагандисты предпочитают об этой помощи не вспоминать.

Если речь идет об «инвестициях в людей», то средства из этого «пакета» шли и идут на борьбу с болезнями (в первую очередь на борьбу со СПИДом и распространением ВИЧ-инфекции, борьбу с туберкулезом и эпидемиями). Так, в 2007 г. на поддержку российских больных детей правительство США выделило 2,865 млн долл.; на борьбу с инфекционными заболеваниями — 3,975 млн; на борьбу со СПИДом — 5,321 млн. Отсюда же идет помощь бездомным детям и детским домам. Большая часть средств из этой «корзины» направляется в Россию через российские неправительственные организации, что одновременно должно содействовать развитию гражданского общества.

Вот еще один пример, который говорит, на какие конкретно цели шла помощь правительства США в 2007 г. Особые усилия в этом году американские доноры уделяли помощи российскому малому и среднему бизнесу. В 2007 г. на помощь этому бизнесу пришло 3,708 млн долл., на развитие сельского хозяйства и окружающую среду — 623 тыс. долл.

Возьмем последний, 2008 г. и взглянем, какие средства пришли в Россию через Американское агентство международного развития. В этом году произошло существенное сокращение американской помощи, которая направлялась по этому каналу. Полностью было ликвидировано содействие по линии экономического развития, что объясняется тем, что, когда составлялись планы, экономическая ситуация в России выглядела очень оптимистической. ААМР в этом году предоставило России 52,2 млн долл. Из них 7,6 млн долл. было выделено на разоруженческие цели; 1,2 млн долл. — на помощь в реформировании системы безопасности; 950 тыс. долл. — на борьбу с международной преступностью; 2,05 млн долл. — на помощь в урегулировании конфликтов; 26,2 млн долл. — на управление и демократизацию (из них 832 тыс. на поддержку гражданских прав); 3,4 млн долл. —

на совершенствование институтов управления; 3,9 млн долл. — на поддержку политической соревновательности и формирование политики консенсуса; 13,8 млн долл. — на поддержку гражданского общества, а остальные средства пошли на социальную политику и гуманитарную помощь.

Наибольшее внимание, конечно, должна вызывать помощь США демократическому развитию, к которой у российской элиты особенно отрицательное отношение. На какие проекты используются эти средства? Еще раз повторю, что речь идет о незначительной доле в общем объеме американской помощи. Основная часть этих средств направляется на помощь гражданскому обществу — неправительственным организациям, правозащитникам, организациям по наблюдению за выборами. Но немалая доля «политической помощи» направляется местным органам власти для совершенствования их работы, на улучшение деятельности судебной системы и даже на повышение профессионализма органов внутренних дел.

Взглянем, на что шла «политическая помощь» американского правительства до того момента, как в 2006 г. российская власть приняла меры по ограничению зарубежного финансирования российского гражданского общества. Так, за период 1999—2000 гг. США помогали финансировать деятельность 40 неправительственных центров в 25 регионах России, которые, в свою очередь, помогали 6000 неправительственным организациям. Среди этих организаций были не только правозащитники и независимые СМИ, но и консультативные центры по оказанию помощи женщинам, юридические центры по бесплатному представлению интересов населения в судах. На деньги правительства США была осуществлена помощь 500 региональным центрам телевидения и 60 независимым газетам. Причем еще в 1998 г. после кризиса была введена в действие американская программа экстренной помощи периодическим изданиям, которые переживали трудности. В 2001 г. помощь правительства США (в том числе и консультативную, необязательно финансовые средства) получали около 10 000 неправительственных организаций, более 500 региональных телестанций и около 1000 независимых региональных газет.

Наконец, я хочу рассказать, кому помогали либо помогают американские правительственные доноры в России. Причем я выдергиваю лишь некоторые примеры. Так, Американское агентство международного развития США участвует в финансировании деятельности Института Экономики города и Центра фискальной политики, Института экономики переходного периода, Проекта «Центурион Капитал», Российского Микрофинансового Центра и множества других организаций, которые занимаются вопросами рыночных реформ. Некоторые из этих центров напрямую работают на правительство РФ. Среди получателей грантов американского правительства были Интерньюс (теперь уже вынужденная прекратить свое существование), Московская школа политических исследований, Ассоциация «Голос».

Кому помогает Европа?

Америка, однако, уже не является основным мировым донором. Сегодня в сфере донорской помощи Европейский Союз и отдельные европейские страны начинают обгонять США. С 1991 по 2007 г. только ЕС оказал в основном экономическое и техническое содействие России на сумму 2,7 млрд евро. Основная часть этих средств проходила по программе ТАСИС и направлялась на развитие приграничного сотрудничества, программы по ядерной безопасности, помощь Северному Кавказу, срочную продовольственную помощь в 1998—2000 гг., облегчение социальных последствий реформ, помощь в аграрном развитии, институциональную, судебную и административную реформы, наконец, развитие гражданского общества и демократии. В последние годы все программы помощи со стороны ЕС осуществлялись в рамках официального сотрудничества между Европейским Союзом и Россией в соответствии с концепцией «четырёх пространств». Эти «четыре пространства» охватывают сотрудничество в формировании общего рынка; облегчении движения между ЕС и Россией товаров, людей и услуг; содействии политической и экономической реформам; укреплении безопасности, в том числе и внутренней; повышении качества образования и развитии культуры. Вначале помощь ЕС России шла в основном на реформирование экономики. В период президентства Путина европейские деньги начали активнее направляться на содействие судебной и административной реформе, помощь частному сектору и в социальную сферу. Около 40% средств по линии ТАСИС идет на строительство «общего экономического пространства», около четверти всех средств — на развитие «общего пространства в сфере научных исследований, образование и культуру», около 15% направляется на развитие Калининградской области, и только то, что остается (незначительная сумма), идет на развитие других сфер, в том числе на помощь гражданскому обществу. Как видим, основная помощь ЕС ориентирована на содействие в социальной и экономической трансформации. На отдельные проекты в этой области ЕС выделяет по 50 млн евро ежегодно. Кроме этого, Калининградская область ежегодно получает от Брюсселя 25 млн евро, а Северный Кавказ — 20 млн евро. Для Кавказа это дополнение к программе гуманитарной помощи

в 172 млн евро, которую этот регион получил от Брюсселя с начала второй чеченской войны, т.е. с осени 1999 г. Начиная с 2002 г. помощь и содействие России в рамках программы ТАСИС сократились со 146 млн евро в 2002 г. до 30 млн в 2008 г. Отныне помощь России со стороны ЕС, по-видимому, останется на этом уровне.

Какие конкретно проекты финансировались ЕС в России? Самые разные, начиная со строительства очистительной системы для Петербурга и кончая выделением кредитов для мелкого бизнеса и туризма. На поддержку гражданского общества, включая и проекты по охране окружающей среды, ЕС выделяет России ежегодно около 7 млн евро. Словом, не так много. Особое внимание ЕС уделяет конверсии бывших военных городков и территорий в гражданские объекты, а также уничтожению химических складов, на что было выделено 18 млн евро. Около 100 млн евро за 2004—2007 гг. было направлено ЕС на строительство сооружений для хранения ядерных отходов и улучшение безопасности российских АЭС.

Наиболее последователен был ЕС в своем отношении к Северному Кавказу. Начиная с 1999 г. Брюссель помогает жертвам конфликта в Чечне, беженцам в Ингушетии и Дагестане, оказывает продовольственную помощь региону, финансирует начальное обучение детей. Отдельно ЕС выделил около 500 000 евро на ликвидацию мин в этом регионе.

С 1994 г. двести российских университетов участвовали в европейской программе TEMPUS, которая помогала им присоединиться к Болонскому процессу и повысить уровень обучения. Кстати, эта программа стала действительно популярной в России и немало способствовала повышению качества российского высшего образования.

Программа содействия Российской Федерации со стороны ЕС на 2007–2010 гг., согласованная с правительством России, включает помощь развитию регионов и в первую очередь помощь Калининградской области. Эта область теперь получает 10–20% от объема всей помощи ЕС, направляемой в Россию. Короче, Калининградская область оказывается в весьма привилегированном положении в сравнении с остальными российскими регионами.

Средства, которые приходят в Россию из Брюсселя по линии непосредственной помощи в развитии демократических институтов, не столь существенны. Ежегодно на эти цели Брюссель выделяет около 2 млн евро, и сами гранты в этой сфере не превышают 100 тыс. евро.

ЕС активно участвует в программах российского правительства. Так, именно Брюссель финансировал стажировки сотен менеджеров из России в странах Европы. Среди успешных программ ЕС можно назвать программу «Erasmus Mundus», которая организует студенческие обмены и работу с молодежью. Продуктивной можно считать и другую программу ЕС — Северное измерение экологического партнерства, активными участниками которой являются члены ЕС, Россия, Норвегия, Исландия.

Помимо Брюсселя, помощь и содействие России оказывают отдельные западные правительства. Среди успешных проектов — программа Министерства

обороны Великобритании, запущенная еще в 1995 г., в рамках которой отставные российские военные имеют возможность получить второе высшее или техническое образование на базе пяти вузов страны. Более чем за десять лет осуществления этого проекта Великобритания инвестировала в него свыше 18,6 млн фунтов стерлингов; в этой программе участвовало около 25 тыс. вышедших в отставку российских офицеров. Кроме того, правительство Великобритании оказывает поддержку: Ленинградской области в борьбе с бедностью (проект стоимостью 5 млн фунтов стерлингов); Госкомитету по статистике в разработке новых методик (1,5 млн фунтов); в оказании адресной социальной помощи в Новгородской области (1,8 млн фунтов), а также в обеспечении экономического роста и создании рабочих мест (1,75 млн фунтов стерлингов) в российских регионах. Особое внимание правительство Великобритании уделяет проектам по защите окружающей среды, в рамках которых осуществляется модернизация системы водоснабжения и канализации в 14 российских городах, а также защите лесных ресурсов России.

В 2004 г. правительство Дании инициировало Программу поддержки экономического развития, в рамках которой выделено 110 млн датских крон на поддержку развития экономики в Калининградской и Псковской областях. Эта программа будет осуществляться вплоть до 2010 г. Одной из целей этой программы является содействие в де бюрократизации местной власти и формировании атмосферы соревновательности в деятельности бизнеса. Датский совет по беженцам давно и активно работает в Северокавказском регионе, он профинансировал помощь объемом более 10 млн датских крон, в частности разрушенной Чечне. Датчане оказывают также помощь коренным народам Севера через деятельность датских неправительственных организаций.

Правительство Финляндии финансирует сотрудничество с сопредельными российскими регионами, прежде всего в социально-экономической области. На эти проекты направлено 26,6 млн евро. Кстати, финны предпочитают финансировать малые проекты, которые дают быструю отдачу. Среди них гуманитарные проекты, как, например, программы помощи детям. Это лишь несколько примеров, которые говорят о том, на что в России идет помощь европейских правительств.

Западные неправительственные доноры

Наряду с международными организациями, западными правительствами и правительственными организациями в России действует множество крупных и малых неправительственных организаций. Тысячи добровольцев приехали в Россию в начале 90-х гг. с благородной целью — помочь России преодолеть кризис и стать свободной и либеральной страной. Трудно подсчитать, каков был финансовый вклад западных НПО в решение острых социальных и экономических проблем России, в формирование демократической культуры и гражданского общества. Счет идет на миллиарды долларов. Но важнее другое: энтузиазм, целеустремленность и искренность людей, которые стремились и стремятся помочь России строить новое общество. Западный специалист по проблемам демократии Ларри Даймонд полагает, что неправительственные организации и частные фонды оказались гораздо эффективнее и мобильнее больших государственных структур, которые занимаются предоставлением помощи. Я приведу лишь несколько примеров подвижничества западных гражданских организаций и западных доноров, которые помогали России начиная с 90-х гг. Среди них: Институт «Открытое Общество», Фонд Мотта, Фонд Макартуров, Фонд Карнеги, Фонд Аденауэра, Фонд Науманна, Фонд Эберта, «Евразия», многие другие большие и малые неправительственные организации и множество частных лиц. Они помогают институтам гражданского общества, в частности экологическим группам, правозащитным организациям, центрам, которые борются с ксенофобией, независимым СМИ, образовательным учреждениям, Академии наук, наконец, местной власти и местному самоуправлению. Но кроме этого западные неправительственные доноры осуществляли и все еще осуществляют деятельность по оказанию российскому обществу социальной и гуманитарной помощи.

Среди неправительственных организаций я бы все же выделила Джорджа Сороса, который сам по себе стал филантропическим институтом. Я называю его первым не только потому, что он лично потратил немало средств на помощь России, но и потому, что он был первым во многих западных начинаниях в России. Вот что Сорос говорил, объясняя свой интерес к филантропии: «У меня было 30 млрд долларов моих личных средств, когда я стал задумываться, что мне делать

с моими деньгами»¹⁹⁷. И тут он прочел книгу Карла Поппера «Открытое общество и его враги», которая произвела на него неизгладимое впечатление. Идея Поппера, которую он высказал в этой книге, была такова: открытое общество — это общество, в котором люди различных взглядов и интересов могут жить вместе в мире друг с другом; единственным ограничителем их свободы является верховенство закона. И вот Сорос принялся осуществлять эту идею, создавая свои Институты Открытого общества и пытаясь развивать элементы свободы там, где ее не было. Он открыл первые Институты Открытого общества в Южной Африке и начал выдавать гранты на обучение студентам Кейптауна. Одновременно он стал помогать диссидентам в Восточной Европе, начиная с Хартии 77 и «Солидарности» и кончая правозащитниками в СССР. Когда же пал коммунизм, Сорос перенес свою деятельность в бывшие коммунистические общества. Он хотел помочь ускорить там перемены и гарантировать их необратимость. Сорос говорил: «Я был в уникальном положении, чтобы помочь революционному перелому. Я имел политические убеждения, финансовые средства и понимание важности момента. Многие люди имели один либо два из вышеупомянутых компонентов. Я имел все три. Многие западные фонды двигались очень медленно. Я шел, не обращая внимания на формальности»¹⁹⁸.

В СССР Сорос начал действовать до того, как туда пришли другие западные доноры. Он начал с проектов стоимостью в 3 млн долл. каждый и потом выделял СССР и Восточной Европе ежегодно по 300 млн долл. «Мы были готовы помочь каждому, кто имел идею и на кого мы могли положиться», — объяснял мне Сорос. Он предпочитал небольшие проекты. Но одновременно он осуществлял и мегапроекты. Таким мегапроектом Сороса стала его помощь в сохранении и реформировании советской науки. Для этого он выделил в 90-е гг. 100 млн долл. Он потратил 20 млн долл. на индивидуальную помощь российским ученым в годы кризиса. Сорос создал в России Институт «Открытое Общество», целью которого являлось укрепление в России институтов гражданского общества. В деятельности «Открытого Общества» приняли участие 1199 российских НПО. Сорос финансировал в России проект «Право», целью которого было продвижение судебной реформы и на который он выделил в 2000–2002 гг. 4,6 млн долл. Целью проекта «Культура» было возрождение культурной деятельности в регионах, в частности поддержка музеев, традиционных ремесел, сохранение культурного наследия (8,3 млн долл.). За период 1998–2002 гг. Сорос потратил на помощь российским библиотекам 40 млн долл. (в этом проекте участвовало 15 тыс. российских библиотек). На осуществление проекта «Развитие образования в России» Сорос предоставил в 1997–2003 гг. около 16 млн долл. Сотни миллионов долларов, которые Сорос выделил на поддержку российской науки и образования, не помешали российской власти проявить к нему откровенную недоброжелательность и даже враждебность. Когда я

197 Soros G. The Age of Fallibility // Public Affairs, New York, 2006.

198 Ibid. P. 58.

его спросила, собирается ли он приехать в Россию, для того чтобы презентовать свою новую книгу, он посмотрел на меня и, вздохнув, сказал: «Вы думаете, что меня там ждут?».

Несколько слов о том, чем занимаются в России крупные западные фонды. Так, Фонд Форда финансирует Пермский центр демократических молодежных инициатив, помогающий жертвам сталинских репрессий; «Ассоциацию юных лидеров», готовящую волонтеров для работы с населением; сеть юридических центров, которые работают с малоимущими. Этот фонд сотрудничает и с государственными организациями, например с Министерством юстиции. Мегапроектом Фонда Макартуров в России стал проект поддержки университетов, на который уже затрачено 35 млн долл. Фонд «Новая Евразия», российский оператор, который получает средства и от западных, в первую очередь американских, доноров, работает чаще всего в партнерстве с региональной властью и отечественным бизнесом. «Новая Евразия» занимается проектами, целью которых является помощь малому и среднему бизнесу, развитие инновационных предприятий в регионах, помощь местному самоуправлению, участие в социальных инициативах крупного бизнеса. Фонд Карнеги за Международный Мир создал в России независимый исследовательский международный центр (Московский Центр Карнеги), который занимается проблемами развития России и других посткоммунистических государств и предоставляет площадку для диалога разных политических и общественных сил.

Теперь взгляните, кого и что финансируют немецкие неправительственные организации. Так, Институт Гете своей миссией в России считает организацию молодежного обмена и расширение культурного сотрудничества России и Германии. Фонд Конрада Аденауэра работает в сфере прав человека и защиты прав меньшинства. Этот фонд также интересуют проблемы Калининграда, отношения России и ЕС, история отношений России и Германии. Фонд Фридриха Эберта, кроме российско-германского сотрудничества, занимается проблемами демократии, а также поддержкой гражданского общества. Фонд Эберта помогает в развитии профсоюзного движения и предоставляет консультации российским профсоюзам по вопросам представительства интересов. Фонд Генриха Белля своей приоритетной задачей считает политическое просвещение, которое, по мнению представителей фонда, должно способствовать развитию демократии. Партнером Фонда является, в частности, общество «Мемориал». Фонд Генриха Белля помогает также социально-экономическим реформам. Фонд Фридриха Науманна своей основной целью в России считает развитие гражданского общества, политической культуры и демократии. Этот фонд предлагает российскому обществу опыт германской и восточно-европейской трансформации, а также западное know how в области выстраивания новых политических отношений, укрепления гражданского общества, ведения диалога с политическими оппонентами. Фонд Науманна активно работает в российских регионах.

Немецкие фонды стали действовать еще при Горбачеве, и первым пришел еще в СССР Фонд Эберта, который начал свою деятельность при поддержке са-

мого Горбачева в 1989 г. Любопытно, что вначале его партнером был Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Вслед за Фондом Эберта в России развернул свою деятельность Фонд Аденауэра, который начал помогать демократическим партиям, прежде всего «Выбору России», тесно сотрудничая с Гайдаром. Фонд Науманна начал сотрудничество с партией «Яблоко».

Я приведу несколько конкретных примеров деятельности немецких партийных фондов. Так, гордостью Фонда Науманна является организация Либеральных клубов, т. е. площадок-форумов, на которых обсуждаются острые проблемы современного развития. Сначала они были задуманы как форумы для молодежи, а затем превратились в клубы разных интеллектуальных и политических сил. Свою цель Либеральные клубы видят в формировании в российском обществе культуры дискуссии и толерантности. Вот некоторые из тем, обсуждавшихся на заседаниях Либеральных клубов, которые проводились по всей стране от Москвы и Ярославля до Иркутска и Брянска: «Как стать счастливым в России?» (Ярославль), «Запад нам поможет?» (Брянск), «Возможен ли новый Чехов?» (Таганрог), «Национальная идея — возрождение России или новая утопия?» (Екатеринбург), «Будет ли Россия богатой?» (Астрахань), «Мы и “другие”: кто мы друг для друга?» (Иркутск).

Тот же Фонд Науманна пытается помочь демократическим силам в России не только в развитии политической культуры, но и конкретными советами. Так, сотрудничая с «Яблоком», Фонд привозил в Россию специалистов по политическим стратегиям, которые должны были помочь партии выработать свою модель деятельности. Когда партия заинтересовалась реформой ЖКХ, Фонд Науманна привез немецких экспертов по проблемам ЖКХ.

Еще несколько примеров того, как действуют в России западные неправительственные организации, которые занимаются прежде всего социальной политикой. Норвежские неправительственные организации, работающие в России, организуют помощь инвалидам, в том числе детям-инвалидам, а также создают различные формы помощи женщинам. Католические организации Австрии ежегодно делают отчисления на финансирование социальных проектов в России (эти отчисления составляют 200 млн евро в год). Ряд доноров, в частности НПО из Австрии и скандинавских стран, давно и успешно работают на Северном Кавказе, в первую очередь в Чечне и Ингушетии. К этому далеко не полному списку мы можем добавить исключительно гуманитарные международные организации, такие как «Врачи без границ», «Врачи мира», французскую «Secours catholique» («Католическая помощь»). Последняя организация пытается помочь улучшить условия содержания в тюрьмах несовершеннолетних и женщин. Британский совет, впавший в немилость и приостановивший свою работу в России, осуществлял программы повышения квалификации преподавателей английского языка (в этих программах участвовало более 2 000 российских преподавателей). Финские неправительственные организации работают в рамках проектов по охране окружающей среды Карелии и других приграничных регионов.

Неправительственные организации, прежде всего европейские, были первыми, кто выработал навыки в продвижении «soft power». Эти организации, стремясь продвигать демократические принципы, обычно стараются избегать прямого участия в политических процессах и непосредственной поддержки политических движений. Те европейские неправительственные организации, которые занимались поддержкой партий и избирательного процесса в 90-е гг., отошли от этого формата работы и сотрудничают с гражданским обществом. Сегодня они больше внимания уделяют формированию новой политической культуры и навыков политического диалога, а также развитию политического плюрализма. При этом они стараются избегать назидательности и лекторского тона. «Мы вам предлагаем наш опыт, а примете вы его или нет — ваше дело», — говорят они. Многие из них считают, что сначала нужно создать в обществе атмосферу, которая бы позволяла создавать новые институты, а потом уже пытаться помогать в создании институтов. Вообще европейцы — больше сторонники мягких, опосредованных форм воздействия. Нередко именно европейцам из неправительственных организаций удается найти новые сферы сотрудничества с российскими общественными силами, а также между российским и западным обществами. Так, именно они начали организовывать первые трехсторонние и многосторонние диалоги между Россией, новыми независимыми государствами и Западом¹⁹⁹.

Американские доноры еще несколько лет тому назад больше тяготели к политической инженерии — участию в формировании избирательных механизмов и партий. Они более, чем европейцы, были склонны к прямой поддержке политической активности. Но и они в последние годы переключили свое внимание на гражданское общество.

Правительственные организации как в Европе, так и в Америке, как правило, тяжеловесны и медленно разворачиваются. С одной стороны, хорошо, что такие программы, как европейская ТАСИС либо программы, осуществляемые Американским агентством международного развития, работают по планам, ориентированным на длительные периоды. Но в то же время они слишком зарегулированы для того, чтобы своевременно реагировать на изменение обстановки. Кроме того, включение программ содействия и помощи России в рамки межгосударственного общения, как это произошло с программами ЕС, означает, что приоритеты и формы сотрудничества должны согласовываться с российским правительством, которое никогда не было примером эффективности и прозрачности намерений. Это ведет к тому, что одна бюрократия сотрудничает с другой, гораздо худшей бюрократией, и результаты этого взаимодействия можно предвидеть.

Вот такая получается картина западной помощи России. Я упомянула о незначительной части этих усилий. Механизм содействия западного сообщества России после развала СССР включает различные каналы, и на этот механизм

199 Примером таких диалогов может стать трехсторонний диалог Россия — Германия — Польша, который организует Фонд Науманна.

работали и продолжают работать тысячи людей, в большинстве своем искренне стремящихся помочь России. Их вклад в становление новой России и их помощь России в сложные времена заслуживает того, чтобы об этом вспомнили.

Сегодня, общаясь с западными волонтерами и донорами, которые продолжают работать в России, я понимаю, насколько они разочарованы в том векторе, который возобладал в российском развитии. У некоторых из них возникает впечатление, что их усилия с целью помочь российскому обществу сформировать новую политическую культуру и новые институты потрачены впустую. Их можно понять: действительно, сегодня может показаться, что либерально-демократические принципы в России настолько дискредитированы, а общество настолько морально и политически сломлено, что скоро, возможно, придется опять начинать с нулевого цикла. Но ведь иногда бывает, что посеянное дает всходы не сразу. Россия вступает в новый политический цикл, когда становится очевидной исчерпанность старой системы, и рано или поздно возникнет потребность в альтернативах. Вот в этот момент и станет ясно, напрасно или нет работали западные волонтеры в России.

Правящий тандем Медведев–Путин и его испытание внешней политикой

Приход в Кремль президента Дмитрия Медведева, то, как это произошло и что за этим последовало, стало отражением формирования в России новой формулы правления — тандема двух лидеров. Так российская элита решила проблему преемственности и ее легитимации. В России возникла необычная форма осуществления персоналистской власти, которая говорит о ее способности к самовоспроизводству и приспособлению к меняющимся обстоятельствам. При этом мы имеем дело с политическим режимом, который стал способом сохранения во власти именно Владимира Путина, гаранта прежнего статус-кво. Впрочем, «раздвоение» власти в России уже существовало, хотя и краткое время, на предыдущих этапах посткоммунистического развития: в 1991–1993 гг., когда происходило противоборство между президентом Борисом Ельциным и Верховным Советом, и в 1998–1999 гг., когда сам Кремль, пытаясь выйти из кризиса, был вынужден сформировать сильное премьерство Евгения Примакова, с которым затем ему пришлось конфронтировать. Короткие периоды «двоевластия» в России свидетельствуют, однако, о том, что авторитаризм тяготеет к своей классической форме, т. е. к персонификации власти одним лидером. Нет никаких оснований считать, что правящий тандем в России окажется устойчивой формой политического режима с длительной перспективой.

Правление тандема Медведев–Путин носит асимметрический характер: Путин, по крайней мере на момент написания этих строк, продолжает контролировать основные финансовые, административные и силовые ресурсы, а в руках Медведева оставляет мощный конституционный потенциал. Впрочем, трудно предположить, что правящий тандем может быть построен по принципу симметрии. Как показала жизнь, на протяжении 2008 — начала 2009 гг. члены кремлевского дуумвирата достигли договоренностей, которые помогли им избегать конфликтов, во всяком случае явных. Однако каковы бы ни были эти договоренности, какими бы дружескими и уважительными ни были отношения между членами тандема, сама логика раздвоения власти в рамках системы персоналистской власти, ориентированной на единовластие и слияние с собственностью, становится источником борьбы за основной приз и за концентрацию ресурсов «в одной руке».

Это не обязательно должно быть столкновение членов правящего тандема. Речь идет о неизбежности борьбы между разными политическими силами либо группами влияния, которые пытаются использовать формальное раздвоение власти в своих целях. Единовластие изначально не выносит никаких декораций, никаких условностей, а тем более нарушения «вертикали», ориентированной на одного лидера.

Еще в 2008 г. сохранение Путина во власти рассматривалось и политическим классом, и значительной частью общества как гарантия сохранения стабильности. Но вскоре поразивший Россию экономический кризис создал новую ситуацию, когда воспроизводство не только стабильности, но и системы в целом может потребовать сброса «отработавшего пара», т. е. лидера, время которого ушло. Путин по иронии судьбы начал превращаться в антисистемный фактор в том смысле, что его сохранение в лидирующей роли начало ограничивать возможности поиска созданной им же системой новых форм продления своего существования. Дело в том, что углубление кризиса усиливает потребность в обновлении либо имитации обновления, что обычно достигается за счет возложения ответственности за ошибки и провалы на прошлое и на предшествующий политический режим. Но как это сделать, если прошлое в лице Владимира Путина остается на сцене? Тем более что, продолжая оставаться центром политической сцены в паре с Дмитрием Медведевым, Владимир Путин не дает возможности новому президенту легитимировать себя как лидера нового этапа и новых возможностей. И чем дольше политическое прошлое будет преобладать в российской политике, тем больше оно будет не только ограничивать обновленческий потенциал политического класса, но и подрывать стабильность, которая основывается на отрицании прошлого, а тем самым и саму систему.

Словом, мавр сделал свое дело — мавр должен уйти. Рано или поздно Кремль вернется к традиционной модели единовластия (если только не произойдет обвала либо реорганизации самой системы), и неважно, кто конкретно будет ее олицетворять — Медведев либо кто-то другой. Новой основой сплочения режима неизбежно будет антипутинизм. Именно так — через отрицание отрицания — происходит становление всех политических режимов в мире, включая и демократические. Недаром администрация Буша-младшего начинала с того, что делала все, чтобы вычистить наследие Клинтона. В свою очередь Барак Обама ведет себя аналогичным образом в отношении Буша-младшего. Саркози искоренял память о Шираке. А Браун строил свое лидерство на противопоставлении с Блэром. То же самое делал Путин по отношению к наследию Ельцина. Приближается момент, когда политический класс будет заинтересован (он уже проявляет эту заинтересованность) в новом политическом режиме, который бы закрыл путинскую главу.

Это не единственный парадокс российской реальности. Приведу еще один. В период путинского правления российский политический класс так и не сумел использовать на редкость благоприятные внешние и внутренние условия для модернизации России, которых, возможно, не будет теперь еще долго. А может быть, уже не будет никогда. Период так называемого путинского благополучия для Рос-

сии оказался годами упущенного исторического шанса. Сделав ставку на сохранение отживших форм, блокирующих прогресс, российская элита тем самым не только сама создала источники нестабильности, но и за счет ликвидации альтернатив усилила вероятность разрушительного кризиса.

Сохранение в России персоналистской власти, пусть и в форме тандема, предопределяет и сохранение механизмов ее поддержания и функционирования, в том числе и во внешней политике. Это означает, что прежние элементы внешнеполитического обеспечения единовластия в России продолжают действовать. Следовательно, нет оснований полагать, что правление тандема, особенно, пока архитектор предыдущего режима остается у власти, может привести к реальной смене внешнеполитического курса и его задач. Этого не следует ожидать даже при изменении состава правящего тандема либо возвращении к обычному единовластию, коль скоро продолжает существовать система, исключая конкурентность и настроенная на державность. Правда, так как политический режим является гибридом, механизмы его внешнеполитического обеспечения также включают противоположные устремления — и к конфронтационности с Западом, и к поискам сотрудничества с ним, что превращает российскую внешнюю политику в цепь взаимоисключающих действий и заявлений.

После прихода в Кремль Дмитрия Медведева Запад выжидал, надеясь и на смену риторики, и на большую договороспособность Кремля по вопросам, которые вызывают взаимное раздражение и даже столкновения. События на протяжении 2008 г. и в первую очередь августовская война России и Грузии на Кавказе показали, однако, что новый российский президент не только продолжил работать в рамках авторитарной власти, но и сохранил путинскую модель отношений с Западом. Словом, Медведев с его, казалось бы, более мягким рисунком лидерства, от которого и Запад, и российские либеральные круги ожидали политической оттепели, сохранил преемственность курса. И это было совершенно естественно. С иными амбициями и иным пониманием властвования Медведев никогда бы не стал частью правящего дуэта, созданного именно для воспроизводства политического и системного статус-кво.

Война России с Грузией в августе 2008 г. стала подтверждением того, что внешняя политика остается способом самосохранения российской системы за счет эксплуатации державничества и имперских рецидивов. Более того, кавказская война стала проявлением готовности Москвы к переходу от антиамериканской риторики к противостоянию с Америкой, что нашло отражение в военных действиях России против Грузии именно как «американского проекта». Этот факт, собственно, и не отрицался представителями российской правящей команды. Грузия оказалась удобным «мальчиком для битья», который позволил правящему тандему бросить опосредованный вызов Америке и при этом избежать последствий этого вызова.

Почему российская власть решила на политическое противостояние с Америкой? Да потому, что именно Америка, как лидер западного мира, является

ся символом альтернативы российской системе единовластия. Именно Америка благодаря своим глобальным устремлениям и генетическому гегемонизму является «мотором» экспансии западной цивилизации, в том числе и на пространстве, которое российская элита продолжает считать своей сферой интересов. Если Европа склонна к компромиссам и пытается избежать столкновений с Кремлем, то Америка с ее стремлением к доминированию остается основной силой, которая не просто сдерживает внешнеполитические амбиции Кремля, но и подрывает российскую систему за счет ограничения ее возможности сохранять державно-имперский статус. Даже без стремления к явной экспансии само существование единственной сверхдержавы, к которой обращаются за помощью новые независимые государства, подрывает геополитические претензии российской элиты, составляющие несущую опору сегодняшней российской государственности. Наконец, Америка в силу «двойных стандартов», к которым нередко прибегает американская элита, и ошибок своей последней администрации сама создала поводы, которые российская правящая команда не преминула использовать в своих попытках противодействовать американскому влиянию.

Напрашивается и еще один вопрос: почему Кремль пошел на противостояние с Западом в момент, когда его власть была достаточно консолидирована и когда общество поддерживало правящий тандем? Ведь, казалось бы, летом 2008 г. не было необходимости задействовать антиамериканский фактор во внутривнутриполитических целях. Мало кто среди российской политической элиты ощущал приближение финансового кризиса, а потому не было нужды думать о дополнительных механизмах сохранения стабильности за счет задействования фактора войны. Дело в том, что летом 2008 г. на Южном Кавказе возникли благоприятные обстоятельства для закрепления геополитических интересов России в том виде, в каком их понимает российская элита. Более того, авантюризм Саакашвили и ошибки грузинского руководства предоставили Кремлю не только идеальный предлог для решения этой задачи, но и возможность преподнести его в качестве основной причины военного конфликта. И мало кто, по крайней мере в России, задумывался о том, что именно российская элита, как объяснял Шеварднадзе, предоставила Саакашвили немало поводов для того, чтобы он сам, наконец, стал поводом. Сработала и логика реванша, в которой Кремль работал, причем довольно успешно, последние несколько лет и которая толкала Москву на расширение своих геополитических позиций. Экономические успехи, придававшие российскому руководству ощущение силы, и одновременно ослабление лидерства Америки в период администрации Буша-младшего, в свою очередь, подталкивали Москву к тому, чтобы застолбить не только повышение статуса России на мировой сцене, но и добиться от Запада отказа от экспансии, прежде всего через НАТО, на территории бывшего советского пространства. Было и немало второстепенных поводов и причин, которые провоцировали напряженность в отношениях Москвы и Тбилиси.

Но повторяю: без поворота Грузии к Европе и Западу, без ее стремления вступить в НАТО, без активной поддержки Саакашвили Америкой и одновремен-

но неготовности Америки конфронтировать с Россией из-за Грузии, наконец, без раскола Европы по поводу Грузии вряд ли случилось бы то, что случилось. И даже вопрос о грузинских сепаратистских анклавах был бы, видимо, решен с учетом интересов Тбилиси. Недаром сам Дмитрий Медведев признал в этой связи: «...Я встречался с господином Саакашвили и сказал ему, что мы готовы помогать в восстановлении территориальной целостности государства. Для этого нужно вести себя правильным образом»²⁰⁰. В любом случае, судьба осетин в 2008 г. волновала официальную Москву так же мало, как и в 2004 г. в момент нападения террористов на школу в осетинском Беслане. А поддержка независимости самопровозглашенных республик вовсе не была кремлевским принципом, о чем говорит неприятие Москвой не только независимости Чечни, но и независимости Косово. Грузия, по существу, стала опосредованным выражением системной несовместимости России и Запада. Сохранение российской системы на основе имперского державничества требовало сдерживания продвижения западной цивилизации. Москва решила бросить Западу вызов в Грузии. Последовавшая вскоре «газовая война» России с Украиной только подтвердила цивилизационный характер этих конфликтов: монополизм Газпрома и его стремление закрепить этот монополизм были одновременно функцией российской системы и способом ее существования.

Разумеется, официальные представители российской элиты не согласятся с таким пониманием конфликтов, которые пришлось на начало нового правления Медведева–Путина. Впрочем, некоторые умеренно и даже либерально мыслящие эксперты тоже склонны возлагать ответственность за эти конфликты исключительно на Тбилиси и Киев. Действительно, ни грузинская, ни украинская элиты в период кавказской и «газовой» войн не могут похвастаться безупречностью поведения и способностью предвидеть последствия своих действий. И тем не менее, даже если предположить, что Саакашвили и Ющенко успешно провоцировали Россию, кто несет ответственность за неадекватность российского ответа — неужели все те же Саакашвили и Ющенко? Являются ли имиджевые, политические, а также экономические потери России следствием провокаций Тбилиси и Киева? Но в таком случае российская власть оказалась неспособной не только предотвратить эти провокации, но и соответствующим образом на них отреагировать. А это говорит о степени профессионализма российской правящей команды и об отсутствии в системе механизмов, которые бы определяли ответственность власти за провалы и гарантировали недопущение их повторения. Нужно было очень постараться, чтобы после кавказской войны, приведшей Россию к мировой изоляции, уже вскорее решиться на «газовую войну» с Украиной!

Остановлюсь на одной любопытной версии конфликтов, в которых Россия так «успешно» поучаствовала, принадлежащей Константину Косачеву, председателю думского комитета по международным делам, и отдам должное его воображению. Он предложил следующую трактовку «горячей» и «холодной» войн 2008 г.:

200 www.kremlin.ru, 7 апреля 2009 г.

оказывается, это не Россия пыталась воспрепятствовать движению Грузии и Украины на Запад. Совсем напротив — это Тбилиси и Киев пытались поссорить Россию с Западом и в первую очередь с Европой. Вот что писал Косачев: «...Одной из основных задач летней кавказской провокации было стремление столкнуть интересы России и Европы... Не столько Россия препятствовала порыву Киева и Тбилиси на Запад, сколько организованные режимами Саакашвили и Ющенко провокации затруднили движение на Запад... самой России»²⁰¹. Хорошо, давайте согласимся с Косачевым. Но в таком случае Саакашвили и Ющенко можно обвинить в политическом мазохизме — ведь и непосвященному понятно, что движение России на Запад должно облегчить и движение в этом направлении Грузии и Украины, в том числе и членство этих стран в НАТО, чего так отчаянно добиваются их лидеры. Так зачем Саакашвили и Ющенко делали себе же хуже? И где это Косачев разглядел «движение на Запад самой России»? Возможно, в последние годы и были какие-то тайные, невидимые глазу маневры российской дипломатии в этом направлении. Но то, что мы видели на поверхности, назвать движением России в эту сторону было никак нельзя. Все, что делала Россия, по крайней мере после 2004–2005 гг., было движением в противоположную от Запада сторону.

«Все равно — это геополитика и деньги. Никакой ценностной подоплеки в этих конфликтах нет», — возразят мне оппоненты. Спору нет: здесь присутствовала и геополитика, т. е. борьба за сферы интересов, и деньги, и судьба поставок газа, и «политика трубы», и корпоративные интересы, и личные амбиции, и взаимное неприятие политических игроков, и жажда мщения, и много чего другого. Но то, во что вылилось наслоение всего этого, можно объяснить только тем, что продолжает работать закон выживания одинокой и неприкаянной державы, которая за годы путинского правления вернулась к привычной для ее политического класса форме существования — за счет подавления, устрашения, сдерживания и возмездия. Этот закон заставил работать на себя и нового российского президента, тем самым сделав его своим заложником, ограничив, а возможно, и уничтожив его потенциальный модернизационный ресурс. Не случись кавказской и «газовой» войн, Дмитрию Медведеву было бы намного легче легитимировать себя как лидера реформаторского типа. Но в современных условиях реформатором может стать только западник. А западником не может быть лидер-державник либо лидер, в силу обстоятельств вынужденный имитировать державничество. Сможет ли Медведев обрести репутацию западника, став символом нового этапа отношений с Америкой? Поживем — увидим. Но для этого лишь смены внешнеполитической риторики и даже выборочного сотрудничества с Западом недостаточно. Президенту нужно будет пойти и на нечто большее — реформировать единовластие.

Пока мы размышляем над возможностью, а скорее, сомнительностью этого идеального сценария, продолжает работать старая логика существования одно-

201 Косачев К. Ложки нашлись, осадок остался // Российская газета. 6 февраля 2009.

кой державы. Именно внешняя политика, став средством сохранения персоналистской системы, осложнила в России поиск выхода из тупика, в который страну затянуло при медведевском предшественнике. В какой-то степени глобальный финансовый кризис, обрушившийся на мир, стал спасением для репутации российского правящего тандема, ибо отвлек внимание от того факта, что Россия противопоставила себя западному сообществу. Не будь этого кризиса, можно было ожидать маргинализации, а возможно, и изоляции России, в том числе и за счет бегства от нее ее немногочисленных союзников. Российская элита, однако, может довольствоваться временной передышкой. Глобальный финансовый кризис стал новым вызовом для российской системы. Пока неясно, как, когда и в какой форме она может из него выйти. Либо же этот кризис станет для традиционного российского государства, которое все еще живет по архаичным законам прошлого, началом его конца. Что же касается внешнеполитического фактора, то он может либо осложнить выход России из этого кризиса, либо его облегчить. Но при любых обстоятельствах внешнеполитический фактор в российском развитии останется производным политической системы и средством ее существования в мировом пространстве.

Кремль начинает восстанавливать мосты с Западом

Между тем волна глобального финансового кризиса, которая накрыла Россию в сентябре — октябре 2008 г., стала для российской власти полной неожиданностью. Российское экономическое «чудо», державшееся на нефтедолларах и дешевых западных кредитах, начало обваливаться на глазах. Казалось бы, экономический кризис, ударивший по России, должен был смягчить внешнеполитическую риторику Кремля. Российская правящая команда должна была осознать, что Россия является частью глобальной экономики и выходить из кризиса нужно сообща с Западом. Часть правящей команды, несомненно, это понимала. Однако осенью 2008 г. Кремль предпочел продолжить путь по знакомому маршруту, возложив ответственность за кризис на Запад и, конечно, в первую очередь на Америку. Признать, что у кризиса есть внутренние причины, значило бы признать необходимость начать разбираться с предыдущим этапом и с ответственностью Владимира Путина за этот этап. «Проблемы лежат не в нашей экономике, а в другой плоскости. По сути, мы платим за ряд безответственных решений, которые разогревали другую экономику, создавали колоссальные риски и привели к глобальным мировым последствиям», — заявил Медведев, объясняя российскому обществу причины экономического кризиса²⁰². Выводя из-под удара своего предшественника, новый президент тем самым брал на себя ответственность за его деятельность и отказывался от создания собственной легитимности по путинскому сценарию — за счет критики прошлого этапа. Мне могут возразить: а был ли он готов даже подумать об этом?! Я исхожу из того, что даже в условиях предопределенности в развитии российской власти возможны неожиданные повороты. Советская история смены власти не раз демонстрировала, что считавшиеся слабыми лидеры могут переигрывать своих кукловодов. Хотя признаю, что в нашем случае Путин своим выбором преемника постарался исключить вероятность такого исхода. Но путинская проницательность еще должна пройти испытание и временем, и самим кризисом.

Впрочем, неважно, как решится судьба правящего тандема в России. Не исключено, что она будет уже решена до публикации этой книги. Важнее другое:

202 Российская газета. 29 декабря 2008 г.

если не произойдет реформы самой системы, форма и персональное наполнение единовластия не будут иметь существенного значения. При сохранении нынешних системообразующих принципов, в первую очередь отсутствия конкуренции, даже самый либеральный лидер в Кремле будет вынужден надеть и носить путинские башмаки.

Но вернемся к международной сцене. Обличив Запад и сделав ряд воинственных жестов, российская правящая команда все же начала искать способ дать понять западным политическим кругам, что вовсе не намерена продолжать противостояние. Таким образом, российская власть продемонстрировала, что остается в рамках парадигмы «быть с Западом и против Запада», уже доказавшей свою эффективность на предшествующем этапе. Провозгласив несколько дежурных критических фраз в адрес США, Медведев в ходе своего визита в Вашингтон в ноябре 2008 г. не преминул сделать и ряд примирительных жестов. Так, он не только заявил, что приход Барака Обамы в Белый дом «открывает новые возможности» в отношениях России и Америки, но и попытался смягчить жесткость формулировок, сделанных им до этого в Москве. Стало ясно, что Кремль в отношениях с Западом и с Америкой собирается и дальше играть на двух фортепьяно сразу, причем разную музыку.

Именно это подтвердил Медведев на встрече в престижном Совете по внешней политике в Вашингтоне. Модератором на этой встрече выступила так нелюбимая в Москве бывший госсекретарь в администрации Клинтона Мадлен Олбрайт. Она не упустила возможности поинтересоваться у российского президента, что он имел в виду, когда говорил о наличии у России сфер «привилегированных интересов». Именно этот пассаж волновал Запад и американскую элиту более всего, ибо в нем западное сообщество видело угрозу возвращения России к откровенной имперской политике. Видно, что имперскость беспокоила Запад больше, чем российский авторитаризм. Странно, но факт: Запад до сих пор не усматривает прямой связи между российским единовластием и его потребностью в реализации себя через внешнеполитическую агрессивность. Как бы то ни было, ответ российского президента заслуживает того, чтобы его привести. Я здесь использую расшифровку выступления Медведева, размещенную на сайте американского Совета по внешней политике.

Д. Медведев (отвечая на вопрос Олбрайт): «Я упомянул российские “привилегированные интересы” летом, когда я формулировал пять принципов российской внешней политики. Один из этих принципов касается отношений с нациями, которые традиционно связаны с Российской Федерацией. Можно сказать, что Российская Федерация имеет с ними привилегированные интересы. Это не означает, что они — исключительно зона наших интересов. Ни в коем случае. Но это те нации, которые важны для нас, с которыми мы жили бок о бок десятилетиями или столетиями, с которыми мы имеем общие корни. Я говорю о странах, которые были частью Советского Союза. До этого они были частью других государств. В этих странах говорят по-русски, их экономические системы близки нашей сис-

теме, и наши культуры являются родственными. Но речь идет не только о странах, которые являются соседями Российской Федерации. Есть у нас и другие традиционные партнеры. Вот что я имел в виду, когда говорил о «привилегированных интересах» в отношении других стран».

М. Олбрайт: «Могу ли я выяснить, что это за страны, которые вы называете не только вашими соседями, но и партнерами?»

Д. Медведев: «Это страны, которые десятилетиями или столетиями имели с нами контакты, которые для нас важны политически и экономически. Это большая часть европейских стран. И это могут быть Соединенные Штаты Америки (смех в зале). Таким образом, Россия может строить нормальные, дружественные отношения с НАТО, конечно, принимая во внимание интересы Российской Федерации»²⁰³.

В ответе Дмитрия Медведева на вопросы Олбрайт мы можем ощутить стремление президента выглядеть миролюбиво. Возможно, Путин на вопрос Олбрайт ответил бы в привычном для него резком и атакующем стиле. Медведев не таков — в Вашингтоне он фактически отступил, дав нетривиальную трактовку «сфер влияния», которая, кстати, позабавила тамошнюю аудиторию. Публика в зале, видимо, сочла президентское объяснение неуклюжим либо просто отговоркой. Но не мог же Медведев прямо сказать американцам, что Россия рассматривает своих соседей как неполноценные государства, которые должны согласовывать с Москвой свой курс! Российский президент не хотел выглядеть пещерным политиком. Это медведевское объяснение принципа сфер «привилегированных интересов», который российская власть взяла на вооружение при его президентстве, отражает противоречивый характер мышления российской элиты — и ее неготовность покончить с традиционными стереотипами, и ее желание выглядеть современно и даже либерально, особенно при общении с западными лидерами.

Между тем начало 2009 г. продемонстрировало, что экономический кризис, в который все глубже скатывалась Россия, заставил власть срочно искать способы подправить свой имидж на Западе и начать восстанавливать мосты с западными столицами. Российскому классу рантье, который ориентирован на включение в западное общество и паразитирование на сырьевых потоках, идущих на Запад, маргинализация России была не нужна. Она для него была опасна, ибо разрушала созданную им модель существования одновременно в двух мирах. Российский политический класс был готов поугаать Запад, заставить его напрячься. Но настоящий кризис в отношениях с Западом был бы для него кошмаром. Проблема была даже не в огромных долгах, которые российская элита должна была вернуть западным банкам и корпорациям (корпоративный долг российских компаний, включая и государственные, западным кредиторам составил более 500 млрд долл., и в 2009 г. более 110 млрд долл. нужно выплачивать в виде процентов по кредитам). Москва могла, не долго думая и особенно не переживая, объявить дефолт по своим долгам, как она это сделала в 1998 г. Более серьезно было то, что российское

203 <http://www.cfr.org/publication>. November 15, 2008.

сырьевое государство, построенное на антизападных принципах, не может выживать в изоляции от развитых государств-потребителей, которая бы означала его коллапс. Российское сырье нужно было продавать именно западному потребителю и оставлять деньги именно в западных банках. Так что ничего удивительного, что по мере углубления экономического кризиса российский политический класс со все большей надеждой начал взирать на западные страны и в первую очередь на Америку, ожидая, что они запустят мотор экономического роста и вытащат Россию из ямы. Внезапно озарившее российский политический класс понимание зависимости России от Запада заставило по крайней мере его часть приглушить свое антизападничество и агрессивность.

Появился и еще один фактор влияния на поведение российского политического класса — это был фактор Барака Обамы. Приход в американский Белый дом нового президента мог означать для России и возможность новых вызовов, и шанс нового этапа отношений, который мог облегчить утверждение более весомой роли России на международной сцене через сотрудничество с Вашингтоном. Правда, сам лозунг Обамы «Даешь перемены!» не мог не внушать российскому политическому классу, который предпочитал следование традициям, беспокойство. То, что означал Обама для самой Америки, — смена курса и парадигмы — было, несомненно, чуждо российской элите, стремившейся всеми силами удержать статус-кво. В то же время эта элита понимала, что Обама, который был вынужден заниматься спасением американской экономики, не будет усердствовать в перелицовке международной сцены. Тем более что ему пришлось разбираться с тем тяжелым наследством, которое ему оставил Буш-младший в Ираке, Афганистане, Иране и на Ближнем Востоке. Для того чтобы справиться с этим наследством, Обаме было нужно сотрудничество России. В Москве это осознавали и надеялись, что новый американский лидер будет вынужден повысить статус своих отношений с Россией. Это было как раз то, что нужно российскому политическому классу, — возвращение к привилегированному диалогу с США, который придавал бы ей дополнительную уверенность в себе и одновременно превращался в источник постоянной подпитки, по крайней мере, российского регионального гегемонизма. Этой элите удалось превратить отношения с Америкой при Буше-младшем в стимул антизападничества и антиамериканизма, которые консолидировали общество. Теперь эта элита мечтала, что новый и не очень опытный в международных делах американский лидер облегчит ей укрепление державничества, но уже другим способом — за счет привилегированного сотрудничества с Америкой.

Два события в начале 2009 г. подтвердили появление новых веяний в отношениях России и Запада. Первым стало выступление Владимира Путина на Всемирном экономическом форуме в Давосе. Мне пришлось участвовать в работе этого форума в качестве председателя Глобального Совета по России, созданного Давосом, и наблюдать, как форум встречал Путина. Так вот, Путин поразил выдавший все и вся Давос своей уверенностью, которая резко контрастировала с растерянностью и пессимизмом остальных выступавших там мировых лидеров.

Был только один лидер, который мог бы посоревноваться с Путиным в излучении чувства самоуверенности — китайский премьер Вэй Цзябао. Путин удивил Давос и своим либерализмом. Вместо ожидаемого всеми неприятного и желчного человека, который бы защищал патернализм и имперскость, мировая элита увидела вполне современного политика, который провозглашал с трибуны близкие им либеральные идеи. Путин говорил языком западного человека. Он предупреждал об угрозе чрезмерной экспансии государства в экономике. Он сетовал на то, что провоцирование военно-политической нестабильности, региональных и других конфликтов — это удобный способ отвлечь людей от собственных социальных и экономических проблем. Он призывал «искать опору в тех моральных ценностях, которые обеспечили прогресс нашей цивилизации»²⁰⁴. Казалось, Путина подменили, и он клеймил то, что сам делал в России.

Российский премьер произвел впечатление и своими ответами на вопросы. Он был на голову выше участников дискуссии и мог позволить себе иронию. Он явно наслаждался подбострастием участников пленарной сессии, которые открыто пытались ему польстить. Прием, который Путин встретил в Давосе, возможно, подтвердил его ощущения, собственного превосходства и слабости западной тусовки. Эти ощущения были одновременно и правильные, и не совсем верные. Действительно, западный бизнес демонстрировал сервильность и готовность пресмыкаться перед политическими лидерами авторитарного типа. Это можно было увидеть и во время его общения с китайским лидером. Но в то же время и политическое, и деловое сообщество Запада уже не питало иллюзий в отношении Путина и путинской России. Это, кстати, проявилось неожиданным образом — во время выступления на давосской сцене Билла Клинтона. Председательствующий, основатель Давосского форума профессор Клаус Шваб, спросил Клинтона: «Перед вами выступал Путин, и он заявил о поддержке частного предпринимательства. Что вы на это скажете?» Клинтон с понимающей усмешкой взглянул на Шваба, затем, обратившись к переполненному залу, бросил: «Что же — я могу только пожелать ему успеха!» И в его словах было столько сарказма, что зал не выдержал — и рассмеялся. Вот так давосский контингент прореагировал на Путина: он его вежливо выслушал, сохраняя внешнее уважение, а затем показал, что он о нем думает. Западные политики и бизнесмены, внимая российскому лидеру, при этом не верили ни одному его слову. Он был для них чужой. Он был для них человеком из другой галактики. Если российская элита сумела в совершенстве овладеть техникой имитации и создания видимостей и начала жить в мире созданных ею же мифов, то и западная элита в отношении России и ее лидеров вполне успешно освоила свою технологию «ответного удара», умело спрятав подозрительность под внешней корректностью и даже любезностью.

Очень важно понять эти настроения западных политических кругов для оценки будущих тенденций. Москва могла и дальше использовать Запад в своих

204 <http://www.premier.gov.ru>. 29 февраля 2009 г.

целях. Но Запад начал все больше отдаляться от России при сохранении все той же вежливой улыбки и разговоров о сотрудничестве. Возникает ощущение, что отныне западные политические круги все больше будут подстраховываться, постоянно ожидая от России неприятностей. Словом, в западном обществе, за исключением самых наивных его представителей либо тех, кто профессионально работает на укрепление российского традиционного государства, от России перестали ждать позитива. В механизме отношений России и Запада сломался «блок питания», который называется доверием.

Сам давосский выход Путина говорил многое о настроениях внутри российской власти. То, что Путин приехал на Давос, куда он отказывался ездить во времена, когда был единственным правителем России, и то, что он пытался там предстать перед Западом как либерал и реформатор, свидетельствовало, что Москва возвращалась к диалогу с Западом. Это подтвердила и первая реакция российской власти на Барака Обаму. Оба члена российского правящего тандема выразили надежды на сотрудничество с новым американским президентом. Видимо, после демонстрации мускулов российская власть, несмотря на показную самоуверенность, начала ощущать, что в своем противостоянии с Западом зашла слишком далеко и нужно сдавать назад. Эти ощущения были и прямым следствием все более явной растерянности, с которой правящий тандем пытался справиться с кризисом внутри страны. В такой момент ссориться с Западом и дальше Москва опасалась.

Стремление российских лидеров начать восстанавливать мосты с Западом (и в первую очередь с США) подтвердило участие России в очередном саммите «Большой Двадцатки» — мирового форума, собравшегося в Лондоне в апреле 2009 г. обсудить пути выхода из глобального финансового кризиса. На саммите российский президент Медведев продолжил линию, обозначенную Путиным в Давосе. Он продемонстрировал готовность к конструктивному сотрудничеству с ведущими державами. В ходе саммита произошла и первая встреча Дмитрия Медведева с новым американским лидером. В своей статье, опубликованной в «Вашингтон пост» накануне встречи (публиковать свои статьи в западной прессе стало уже традицией для российских лидеров), Дмитрий Медведев подтвердил стремление нормализовать отношения с Америкой, подчеркнув: «Необходимость возобновить наше сотрудничество диктуется и историей наших отношений, которая включает ряд эмоциональных моментов — дипломатическую поддержку, которую оказала Россия США в критические моменты американского развития, нашу совместную борьбу с фашизмом и эпоху разрядки»²⁰⁵. Такое заявление из уст российского лидера было трудно представить еще полгода назад. Казалось, что политическая погода начала меняться в сторону потепления. Но как будто для того, чтобы понизить градус ожиданий, российский президент счел нужным в своей статье повторить и привычные для Кремля клише. Так, он возложил всю вину за ухудше-

205 Medvedev D. Building Russian — U.S. Bonds // Washington Post, March 31, 2009.

ние российско-американских отношений исключительно на Вашингтон, указав в качестве причин этого ухудшения решение Вашингтона установить ПРО в Восточной Европе, его стремление к вовлечению в НАТО Украины и Грузии и отказ от ратификации ДОВСЕ. Именно эти факторы, по мнению Медведева, «подорвали российские интересы». Очевидно, президент не был знаком с мнением российских экспертов, в том числе и военных аналитиков, которые открыто признавали, что ни ПРО, ни НАТО, ни ДОВСЕ не угрожали российской безопасности, а следовательно, не могли подрывать российские интересы. А если так, то немедленно возникал вопрос: а каковы были реальные причины кризиса в отношениях между Россией и Америкой? Впрочем, я говорю о невозможном: как мог Медведев даже допустить мысль об ответственности за этот кризис российской правящей команды, если эта команда во главе с национальным лидером, при котором отношения России и США зашли в тупик, оставалась на сцене?

Дмитрий Медведев подтвердил и стремление Кремля восстановить сферы «особой ответственности» России и США в мировых делах, а также сделать трехстороннее сотрудничество ЕС, России и США «основой» мировой политики. Короче, новый российский лидер в общих чертах повторил ключевые идеи путинской внешнеполитической доктрины. И в самом определении причин похолодания в российско-американских отношениях, и в стремлении Кремля обосновать свое право на участие в управлении миром в составе «тройки» уже содержался зародыш нового взаимного непонимания с Америкой. Вряд ли американцы были готовы взять на себя всю вину за то, что Россия и США оказались в состоянии политического противостояния. А коль скоро российская правящая команда не была готова к «разбору полетов», то сохранялись причины, которые затрудняли либо даже делали невозможным переход к новой главе в отношениях России с Америкой. Кроме того, не было признаков того, что Америке импонировала идея создать «мировую тройку» с участием России. Американцы и европейцы могли скорее согласиться на повышение международного статуса Китая, сумевшего не только стать экономическим гигантом, но и взявшего курс на дружеское отношение к Западу.

Было неясно, размышлял ли кто в Кремле и российском Белом доме об этих подводных камнях и о том, насколько Америка была готова к принятию путинской доктрины в более мягком, медведевском изложении, и о том, что нужно было предпринять, если Вашингтон проявит неуступчивость. Пока же Дмитрий Медведев после саммита с Обамой демонстрировал благодушие и удовлетворение, причем, так же как и американская сторона. Видимо, российские лидеры решили сделать акцент на конструктив. «Мы договорились о том, что постараемся перезапустить наши отношения, открыть новую страницу в этих отношениях», — подчеркнул Дмитрий Медведев 1 апреля 2009 г. в своем заявлении для прессы по итогам встречи с американским президентом. Российский лидер даже особо отметил, что он смотрит «на будущее наших отношений с оптимизмом». Телевизионные репортажи показывали, что Медведев в обществе Обамы и остальных

мировых лидеров держался уверенно и спокойно, но главное — от него исходили приветливость и даже радушие. Он постоянно и приветливо улыбался, когда попадал в фотообъективы, и сам этот факт создавал новый, более человечный и более открытый образ кремлевской власти. Медведеву явно импонировала сама атмосфера мирового элитного клуба, и было видно, что ему приятно общество его партнеров. У него не чувствовалось путинской скованности, настороженности и готовности в любой момент дать сдачу либо съязвить.

Медведев встретил особую доброжелательность западной элиты, которая пыталась увидеть в нем не спарринг-партнера Владимира Путина, а путинскую альтернативу, т.е. лидера, который мог бы гарантировать предсказуемое сотрудничество России с Западом. Недаром один из западных политиков обронил в лондонских кулуарах саммита: «Мы сделаем все, чтобы поддержать Медведева, и мы будем иметь дело только с ним». Это была надежда на то, что поддержка нового российского президента элитным международным клубом сможет повысить его влияние внутри страны. Те, кто на это надеялся, не понимали, что западная поддержка могла, напротив, осложнить положение вызывающего симпатии Запада лидера в кремлевских коридорах. Непонятно было также, на чем западные лидеры основывали свою уверенность в том, что Медведев был либо мог стать внешнеполитической альтернативой Путину. Видимо, усталость и раздражение от путинской России в западных столицах были столь велики, что западные политические круги искали в Медведеве любых признаков того, что тот мог завершить «холодный мир» России с Западом и предотвратить его повторение.

Новая установка — перестать рычать на Запад — заставила менять свою риторику даже профессиональных российских антизападников. Некоторые из них (признаю, что далеко не все) произвели смену пластинки быстро и виртуозно. Так, Дмитрий Рагозин, назначенный еще президентом Путиным на роль представителя России при НАТО и известный своей способностью, как сказал один из натовских представителей, «провоцировать у западных партнеров нервные судороги», вдруг заговорил голубем. «НАТО нужно нам и мы нужны НАТО», — провозгласил Рагозин. «Мы полностью привержены сотрудничеству с Западом по общим угрозам и вызовам», — убеждал он недоверчивую публику в статьях, которые рассылал веером по западным изданиям²⁰⁶. Рагозин в роли западника и атлантиста — это было вдвойне остроумно. Но натовские круги юмора не понимали и в самом сохранении Рагозина на посту российского представителя при НАТО усматривали знак неизбежного провала очередного потепления.

И действительно, те, кто видел существование постоянного двоеголосия в российской внешней политике, не могли не заметить, что и в новых миролюбивых заявлениях российских политиков твердо звучала прежняя нота: «Мы хотим повышения статуса и признания наших правил игры». В российских требованиях, правда, были и нюансы. Одни российские политики требовали от Запада равно-

206 Guardian. March 30, 2009.

правия, другие — признания права на особую ответственность России за мир, что не очень сочеталось одно с другим. Объяснить, в чем конкретно должны были состоять гарантии российского «равноправия» и в чем состояло «неравенство», никто толком из российских политиков не мог. А вот в чем заключалась претензия на особую ответственность России, было ясно. Речь шла все о тех же сферах «привилегированных интересов». Правда, теперь российские политики, понимая, какую реакцию вызывает это требование, проявили изобретательность и начали говорить о «взаимных привилегированных интересах». Собственно, первым такую трактовку ввел сам Медведев в ходе своего выступления в вашингтонском Совете по внешней политике. Продолжил эту линию Сергей Лавров, который в интервью «Файнэншл таймс» пояснял, что «страны, с которыми мы имеем привилегированные интересы, имеют привилегированные интересы в отношении нас»²⁰⁷. Это, видимо, должно было означать, что, скажем, Украина не могла без одобрения России присоединиться к НАТО или ЕС. Но Украина могла потребовать от Москвы выхода из Шанхайской организации сотрудничества. Правда, было непонятно, что произошло бы, если бы украинцы действительно начали предъявлять к России такого рода требования... Словом, все свидетельствовало о том, что в своей формуле «партнер-противник» российская элита теперь делала акцент на первую часть, при этом не забывая о второй.

Фактор Обамы и идея «перезагрузки»

Что же касается американского президента Барака Обамы, то он еще до своего вступления в должность заявил о намерении «перезагрузить» отношения с Россией. Так, отвечая на вопросы прессы в декабре 2008 г., Обама заявил: «Я думаю, для нас важно будет перезагрузить американо-российские отношения. Россия — это страна, которая достигла немалого прогресса за последние несколько лет. Очевидно, им помогли высокие цены на нефть. Но когда это касается Грузии и их (Москвы. — Л. Ш.) угроз в отношении соседних стран, я думаю, что они нарушали международные нормы. Мы хотим сотрудничать с ними, где можем. И есть целый ряд областей, например нераспространение оружия массового поражения и терроризм, где мы можем сотрудничать с ними. Но мы должны им послать четкий месседж о том, что они должны перестать угрожать своим соседям»²⁰⁸. Обама явно размышлял о формировании собственного подхода к России. Нельзя сказать, что Москва сделала для него этот процесс легким. Я имею в виду заявление Дмитрия Медведева в решающий для Обамы день выборов 5 ноября 2008 г., в котором российский президент обещал установить в Калининградской области ракеты и нацелить их на Европу. Смысл и сверхзадачу такого заявления и почему оно было сделано в тот момент, когда оно было сделано, понять трудно. Ошибка советников? Отрывка стратегии реванша? Попытка подставить Медведева и заставить его работать в прежней антиамериканской логике? Непонятно...

Сам же Обама в отношении России избрал другой путь, что только подтверждает иную философию лидерства. Обама с самого начала продемонстрировал стремление снять раздражители в отношениях с Кремлем. Правда, Вашингтон явно не был готов иметь дело с комплексами и обидами российской элиты. Напряженность в отношениях с Россией мешала Вашингтону разбираться с его новыми приоритетами. Следовательно, в понимании новой американской администрации нужно было урегулировать проблемы с Москвой. Отныне находка обамовских спичрайтеров — слово «перезагрузка» — станет основным лейтмотивом в стремлении Вашингтона по-новому определить отношения Америки и России.

208 www.cnnnews.com. December 9, 2008.

Мы вскоре увидим, насколько находка обамовских спичрайтеров была удачной. Правда, не могу вскользь не заметить, что «перезагрузка» с самого начала вызвала ироническую реакцию как в западной, так и в российской журналистской и экспертной среде. И действительно, с чего это «перезагрузка» компьютера должна была принести что-то новое, если его программа оставалась прежней?

На очередной конференции по безопасности в Мюнхене в феврале 2009 г., которую сам Путин в 2007 г. использовал как трибуну для атаки на США, выступил новый американский вице-президент Джо Байден, который повторил обамовский рефрен: «Пришло время перезагрузить наши отношения в самых разных сферах, и мы должны работать вместе с Россией». Правда, Байден упомянул и приверженность США ценностному подходу, отметив: «Америка собирается защищать свою безопасность и свои ценности, и именно в этом мы видим гарантию нашей безопасности». Тот же Байден пытался втолковать Москве, что США не приемлют никаких возвратов к сферам влияния. «Мы не соглашаемся с Россией во всем, — предупреждал Байден. — Мы не признаем права какой бы то ни было нации иметь сферы влияния. Мы продолжаем считать, что суверенные государства имеют право делать свои решения и выбирать своих союзников»²⁰⁹. Но эти слова многими, особенно в России, были восприняты как ритуал, на который можно не обращать внимания. Все внимание было отдано идее «перезагрузки», которая была воспринята в Москве с энтузиазмом. Средством «перезагрузить», казалось, непоправимо испорченные отношения двух стран должны были в первую очередь стать переговоры по вопросам ядерной безопасности, а конкретно — диалог о судьбе СНВ-1, срок действия которого истекал в 2009 г.

В феврале — марте 2009 г. в обеих столицах появились слухи и о возможности заключения между Россией и США «большой сделки», о которой я уже упоминала, в рамках которой Вашингтон отказывался бы от установки элементов ПРО в Польше и Чехии, а Россия соглашалась бы на сотрудничество с Америкой в решении иранской проблемы. Впрочем, муссировалась и возможность более широкого обмена уступками. И в Москве, и в Вашингтоне было немало сторонников подобного рода торга, который не получился на предыдущем этапе — при Путине и Буше-младшем. Наконец, они получили импульс для импровизаций на любимую тему.

Выступления американских официальных представителей по вопросам отношений с Россией, в которых акцентировалась тема общих интересов и сотрудничества в сфере безопасности, подтверждали, что Вашингтон спешил смягчить отношения с Россией. Реалисты по обе стороны океана увидели повод для торжества. Внешне все говорило о том, что в отношениях между двумя странами начинается новый период *Realpolitik*. Представители новой американской администрации, и среди них еще недавние сторонники продвижения демократии, явно пытались избегать упоминания вопроса о ценностях и намеков на несовершенство российской демократии и вообще всего, что могло рассердить Москву.

209 <http://www.worldsecuritynetwork.net>. February 7, 2009.

Трудно было избавиться от ощущения некоего deja vu — именно так начинались отношения Путина и Буша-младшего, которые завершились тем, что обе страны начали считать друг друга противниками. Сам этот факт не мог не породить сомнения в том, что на этот раз все завершится по-другому. Тем более что, начав «перезагрузку» своих отношений, обе стороны преследовали разные цели и по-разному понимали сам процесс «перезагрузки». Для Вашингтона Россия продолжала оставаться инструментом в решении проблем, связанных в первую очередь с Ираном и Афганистаном. Прав был Федор Лукьянов, писавший: «...Наша страна не рассматривается новой американской администрацией не только как приоритетное, но даже как полноценное и самостоятельное направление внешней политики... Российский вектор имеет инструментальный характер...»²¹⁰. Этот факт подтверждал и Томас Грэм, который терпеливо объяснял российской аудитории, что у нее не должно быть иллюзий относительно того места, которое Россия занимает в повестке дня новой американской администрации. «Для администрации улучшение отношений с Россией не является самоцелью. Эти отношения — всего лишь средство, которое должно облегчить США осуществление их приоритетов, в первую очередь в отношении Афганистана, Пакистана, Ирана и Ближнего Востока», — повторял Грэм ²¹¹.

Для российской элиты, напротив, Америка оставалась приоритетом, который во многом определяет ее видение мира и место России в этом мире. Кремль и его команда продолжали смотреть на мир через призму отношений с Америкой. Так что сохраняющаяся асимметрия не только ресурсов, но и восприятия реальности и стратегических установок, не говоря уже о ценностной несовместимости, изначально закладывала неизбежность взаимного разочарования Москвы и Вашингтона. Кроме того, не было оснований полагать, что возобновление их переговоров по стратегическим ядерным вооружениям могло стать основой для сближения обеих стран. Эти переговоры могли иметь и противоположный результат — закрепить отношения России и США в статусе чуждых друг другу государств.

Тем временем Вашингтон, понимая амбиции и обидчивость Москвы, предлагал диалог, который мог для него решить две задачи: и удовлетворить самолюбие Кремля, и попытаться добиться от Кремля отказа от парадигмы противостояния. Насколько эти задачи были достижимы, мы вскоре увидим. Замечу, однако, что Иран и Афганистан были не только американской проблемой. Они были и российской проблемой. Москва могла использовать свое сотрудничество с США в интересах создания вокруг себя более безопасного окружения. Но Москва могла и продолжить старую игру, подчиняя интересы своей безопасности интересам державничества. В этом случае новая стратегия Вашингтона была обречена на повторение прежнего цикла.

Что же касается «большой сделки» между Вашингтоном и Москвой относительно обмена уступками, то даже если бы обе стороны и пошли на нее, вряд

210 Лукьянов Ф. Границы топга, <http://www.gazeta.ru>. 11 февраля 2009 г.

211 Graham T. U.S. — Russian Relations: The Challenge of Starting Over, www.expert.ru. March 9, 2009.

ли такая сделка была бы успешной. Я уже упоминала выше обстоятельства, которые ограничивают возможность успешных разменов между Россией и Западом. Приведу и пару дополнительных факторов, которые сужали вероятность результативности торга между Москвой и Вашингтоном. Для успешности любой сделки нужно, чтобы обе стороны могли гарантировать выполнение своих обязательств. Между тем не могло быть уверенности в том, что Москва, с ее ориентацией на поддержание неопределенности, способна выполнять свои обязательства. О хронической необязательности Москвы говорил уже имеющийся опыт партнерства России с западными институтами, в частности с «Восьмеркой» и Советом Европы. Но еще важнее был антиамериканизм российской элиты, являющийся способом ее самоутверждения.

Существовал еще один аспект, который необходимо было иметь в виду. Я имею в виду все тот же «фактор Обамы». Новый американский лидер пришел в Вашингтон с моральными установками и стремлением очистить политику от цинизма. Переход же к торгашеству в отношениях с Россией означал бы отказ от тех идей, с которыми он шел во власть. Конечно, Обаме все равно рано или поздно пришлось бы микшировать свой идеализм. Но вряд ли он пошел бы на сделки, не будучи уверенным, что получит взамен что-то существенное.

Андрей Илларионов с присущей ему четкостью так выразил те сомнения и даже скепсис, которые возникли у либерально настроенных наблюдателей, когда они смотрели на то, как в начале 2009 г. разворачивался новый этап в отношениях между Россией и США: «Начало президентства Обамы удивительным образом напоминает начало двух предыдущих администраций (Клинтона и Буша-младшего. — *Л. Ш.*). Мы можем увидеть аналогичное желание улучшить двусторонние отношения, те же самые позитивные заявления, те же самые многообещающие жесты и визиты. Но так как политические режимы в двух странах не изменились, можно предположить и повторение все того же цикла в их отношениях: сначала немалые ожидания — потом глубокое разочарование — и, наконец, серьезный провал». Продолжу цитирование Илларионова: «Предложения “перезагрузить” компьютер в американо-российских отношениях и “начать отношения с чистого листа” были встречены с трудно скрываемой радостью и удовлетворением со стороны российских чекистов. Для них такие предложения означали достижение многих целей, о которых они мечтали. “Мюнхенское заявление” (Обамы. — *Л. Ш.*) было ими интерпретировано как поддержка... восстановления их влияния на постсоветском пространстве... А поведение американской администрации может быть определено как отступление. Это даже не политика западного попустительства, известная со времен Мюнхена 1938 г. Это политика сдачи позиций. Это сдача позиции режиму чекистов и мафиози, которые управляют современной Россией»²¹². Такого же мнения был Андрей Пионтковский, в феврале 2009 г. заметивший: «Ближайшие два-три месяца станут еще

212 Testimony of Andrei Illarionov before the House Committee on Foreign Affairs, February 25, 2009.

одним кратким счастливым периодом в российско-американских отношениях... Но счастье их будет недолгим».

Для такого скепсиса были основания. Дело было не в том, что люди Обама, предложившие Кремлю начать с военно-политического диалога, выбрали не ту проблему для сотрудничества. Они вполне могли, как их призывали некоторые эксперты, выбрать в качестве объекта сотрудничества экономику. Но и в этом случае не могло быть никаких гарантий успеха. Как можно было надеяться на плодотворное экономическое сотрудничество при сохранении в России практики директивного вмешательства в экономику со стороны государства и лично премьера, который сумел еще до кризиса летом 2008 г. своими указаниями бизнесу обрушить российский рынок! Дело было не в степени проработанности стратегии новых отношений с обеих сторон. Дело было даже не во внешней политике. Дело было в системных корнях внешней политики обеих стран, т. е. способе, посредством которого Америка и Россия себя упорядочивали. Если Обама собирался предлагать Москве сотрудничество на основе лишь общих интересов, отбрасывая вопрос стандартов, он должен был быть готов к тому, что так же, как и Буш-младший, он встретит разное понимание интересов, которые он считал общими. И никакое повышение статуса самих отношений американского Белого дома с Кремлем и даже придание им исключительного значения не могли изменить этого факта.

Еще одна ловушка заключалась в том, что если бы новая американская администрация начала обращать внимание на ценности, то в этом случае успех ее диалога с Москвой, во всяком случае в ближайшей перспективе, был бы еще более сомнителен. Судя по всему, Вашингтон осознал суть этой ловушки и сделал ставку на технократический подход, означавший следующее: «Мы не собираемся вас раздражать нравами. Давайте будем говорить только о тех вопросах, где наши интересы наиболее соприкасаются». Что же, такой подход мог вполне снять напряженность. Но надежды на то, что он создавал гарантии успешного сотрудничества с Россией даже по ограниченному кругу вопросов, не имели оснований. Нельзя было построить такое сотрудничество с элитой, которая привыкла к игре «с нулевой суммой». Новой администрации в Вашингтоне еще предстояло убедиться в том, что отношения с Россией нельзя изменить, если не пытаться влиять на их «корневую систему», т. е. принципы, на которых она строится, если не создавать внешние механизмы, которые бы стимулировали усвоение Россией стандартов, облегчающих ее модернизацию, а не закрепление отжившего и гниющего. Этот процесс, однако, требовал длительных усилий и мог дать результат в неопределенном будущем. А политические лидеры обычно думали о сиюминутном, которому они подчиняли будущее.

Тем временем и в Вашингтоне появились критики наметившегося крена в сторону реализма в отношении к России. «“Большая сделка” с Россией порождает ряд вопросов, — размышлял Дэвид Крамер: — какую именно цену мы заплатим за сотрудничество России по Ирану? Кто собирается сказать украинцам и грузинам, что сотрудничество с Россией для нас более важно, чем отношения с ними?

Неужели кто-то действительно верит, что тот факт, что мы молчим относительно подавления свобод в России, удержит ее в рамках сотрудничества? По мере ухудшения экономической ситуации в России ее власти, скорее всего, лишь будут поднимать цену своего сотрудничества с нами»²¹³. Влиятельная «Нью-Йорк Таймс», выражая либеральное общественное мнение Америки, предупреждала: «Мы не знаем, найдет ли Обама баланс между сотрудничеством с Кремлем и отказом от попустительства в отношении попыток Кремля давить соседей... Но только этот баланс может стать основой для серьезного партнерства с Россией»²¹⁴.

В свою очередь Струоб Тэлботт, бывшая «правая рука» Билла Клинтона по России и все еще близкий к «кружку» Клинтон, опубликовал статью под названием «Российская “перезагрузка”, основанная на включении России». В ней он писал: «Россия... может двигаться в двух направлениях: либо она станет более воинственной и репрессивной страной, либо она признает тот факт, что успех государства и его безопасность прямо пропорциональны его способности осознавать законы глобальной взаимозависимости. США и Европа должны помочь России двигаться во втором направлении, что потребует ее внутренней эволюции. Это будет нелегко, если учесть, что россияне устали от зарубежных лекций. Но лидеры демократических государств, которые строятся на верховенстве закона, должны следовать принципам демократии, когда они говорят с Россией». Тэлботт призвал новую администрацию при «перезагрузке» отношений с Россией не забывать о тех принципах, на основе которых функционирует сама Америка. Он предложил искать пути широкого вовлечения России в западные институты и через них пытаться влиять на внутренние процессы в стране. Тэлботт говорил: «Западные лидеры должны попытаться вовлечь Россию в многосторонние соглашения и структуры и именно таким образом, чтобы Россия адаптировалась к их нормам, если она хочет быть одним из ведущих игроков в рамках мирового порядка, основанного на консенсусе и верховенстве закона». Тэлботт также призвал «поддержать конструктивные силы в России, которые хотят, чтобы их нация была интегрирована в глобальный мир»²¹⁵. До сих пор Запад, не имея ни сил, ни энергии на перевоспитание российской элиты, вовлекал Россию в свои организации и институты, фактически не требуя от России следовать своим принципам. Тэлботт предложил новой команде в Белом доме подумать о том, как вовлекать Россию в западные структуры, при этом стимулируя ее адаптацию к новым правилам игры. Признаем, что такая установка требовала не только повышения значимости России среди приоритетов Белого дома, привлечения для разработки этой политики лучших интеллектуальных ресурсов, но и формирования коллективной стратегии Запада в отношении России.

А тем временем начали высказываться другие представители американского либерального фланга, озабоченные обозначившимся тяготением новой

213 Kramer D. No «Grand Bargain» // The Washington Post. March 6, 2009.

214 New York Times. February 12, 2009.

215 Talbott S. A Russian 'Rest Button' Based on Inclusion // Financial Times. February 23, 2009.

администрации США к традиционному реализму. Томас Карозерс, отмечая, что Хиллари Клинтон в своих первых заявлениях исключила слово «демократия» из приоритетов американской внешней политики, заявлял: «Президент Обама и его команда из Госдепартамента не должны следовать курсом Realpolitik... Несмотря на проблемы последних лет, США должны оставаться силой, которая бы поддерживала развитие демократии»²¹⁶. Бывший представитель клинтоновской администрации Стивен Пайфер в своих предложениях Обаме относительно России высказывался в том же ключе: «...Американский президент не может игнорировать серьезные проблемы с демократией в России и должен будет помочь российскому обществу расширить пространство для определения более демократического курса. Президент обязан выражать свое беспокойство по этому поводу в частных беседах с российскими лидерами и даже публично. Он должен это делать с тактом, но он должен это делать, даже если результаты такой политики могут и не принести ожидаемого результата»²¹⁷.

За процессом оформления американской позиции в отношении России и бывшего советского пространства внимательно следила Европа, для которой Вашингтон остается важной точкой отсчета при формировании ее собственного внешнеполитического курса. Если европейские реалисты весной 2009 г. вздохнули с облегчением, то сторонники ценностного подхода к России не могли скрыть своей обеспокоенности тем, в какую сторону поворачивал Вашингтон. Наибольшую озабоченность начали проявлять «новоевропейцы». Министр иностранных дел Литвы Выгаудас Усачкас, выступая в Вашингтоне 10 марта 2009 г., решился прямо высказать опасения, которые в Восточной Европе разделяли многие. Вот что он говорил американской аудитории: «Вице-президент Байден недавно призвал к перезагрузке отношений Запада с Россией. Мы поддерживаем этот призыв к диалогу, так как без диалога не может быть ни разрешения противоречий в наших отношениях с Россией, ни движения вперед. Но диалог должен быть инструментом стратегии, а не компенсацией ее отсутствия. Мы должны четко понимать свои интересы и следовать этим интересам. Мы готовы сотрудничать с Россией. Но при этом мы ожидаем от России готовности к такому же сотрудничеству»²¹⁸. Представитель литовского правительства, известного своей критической позицией в отношении Москвы, призывал Вашингтон к формированию «общей политики сотрудничества с Россией и влияния на Россию», которая бы одновременно облегчала вовлечение в западную орбиту новых независимых государств, в первую очередь Украины, Молдовы, Беларуси и Грузии. Правда, он предлагал размышлять и о возможности присоединения «демократической России» к НАТО, таким образом увязывая интеграцию России в Запад с ее демократической трансформацией.

216 Carothers T. Democracy Promotion under Obama: Finding a Way Forward. Carnegie Policy Brief, 77, February, 2009.

217 Pifer S. Reversing the Decline: An Agenda for U.S. — Russian Relations in 2009. Foreign policy at Brookings, 2009.

218 Usackas V. The West, Russia, and Eastern Europe: New Challenges, New Opportunities. John Hopkins University, March 10, 2009, Washington.

Однако трудно было избежать ощущения, что весной 2009 г. в американском экспертном и политическом сообществе возобладали иные настроения. Их выразил бывший сенатор Билл Брэдли, много сил отдавший попыткам сблизить Америку и Россию. Брэдли с сожалением констатировал: «Россия всегда будет идти своим путем. Нам кажется необъяснимым, почему россияне без малейшего протеста отдали свои политические свободы... Поражает, с какой скоростью авторитаризм снова завоевал в России свои позиции... И все равно есть важные задачи, которые мы можем решать вместе»²¹⁹. Словом, Россию не изменить и вряд ли стоит пытаться на нее влиять и надеяться, что Россия станет частью западной цивилизации. Но нужно сотрудничать с Россией там, где у России и Запада есть общие интересы. В таком случае и Вашингтону, и Москве нужно будет вначале понять, насколько «общим» является то, что они считают общим.

Что такое смотреть на Россию «правильно»

В Москву зачастили из Вашингтона бригады политиков и экспертов со своими предложениями по улучшению отношений. Пожалуй, давно Москва не видела такого количества известных лиц, правда, уже принадлежащих прошлому. Но в Америке, в отличие от России, бывшие политики продолжают активно участвовать в политической жизни, и многие из них возвращаются на политический ринг. В начале марта 2009 г. в Москве высадился десант под руководством двух бывших, но все еще влиятельных сенаторов Гэри Харта и Чака Хейгла. Сама же инициатива этого визита явно исходила от Центра Никсона, республиканского исследовательского института, который при всех американских президентах имел доверительные контакты с российской властью. Американская команда побывала в Кремле и вернулась в Вашингтон со своими рекомендациями, которые были оформлены в виде доклада под обязывающим и весьма самонадеянным названием: «Правильное направление политики США в отношении России». Авторы доклада исходили из того, что предыдущие американские администрации не понимали Россию, и предлагали свой подход к России. Он заключался в призывах понимать российские интересы «в том виде, в каком определяют их для себя сами русские». Признаюсь, что лично у меня такая постановка цели с самого начала вызвала скептическую реакцию. Ведь все зависит от того, с какими русскими общалась американская команда. А она общалась, судя по всему, с кремлевскими партнерами, и потому можно было предвидеть, какое понимание интересов России могли усвоить американцы. Забегая вперед, скажу, что мои опасения относительно того, что новые архитекторы американо-российских отношений восприняли в качестве интересов России, оправдались.

Давайте посмотрим, что предлагала американская команда в качестве «правильной политики» в отношении России. Несмотря на обещание новых поворотов, в сущности, ее предложения мало чем отличались от множества других инициатив, которые уже обсуждались в США. Причем многие из их рекомендаций выдвигались уже не раз и при президенте Буше-младшем. Речь шла о предложении широкого сотрудничества Америки и России, начиная с совместной борьбы с международным терроризмом и кончая разработкой нового СНВ. Авторы предла-

гали снять раздражители в отношениях с Москвой, в первую очередь — отказаться от планов развертывания ПРО в Восточной Европе и приема в НАТО Украины и Грузии. Но это не все. Самое главное было в другом. Авторы в своем докладе, предназначенном для президента Обамы, фактически советовали ему поддержать специфическую форму «демократии», возникшую в России, и претензии Кремля на собственные сферы интересов в постсоветском пространстве. Вот что говорилось в докладе: «США обязаны обращать внимание (!) на то, как российские лидеры осуществляют свои обязательства в сфере развития демократии и защиты гражданских прав, при этом уважая российский суверенитет, историю и традиции России и признавая за российским обществом право развиваться по собственному пути. Мы должны гарантировать, чтобы США в отношении России придерживались таких же норм и стандартов, каких они придерживаются в отношении других правительств». Этим заявлением авторы повторяли лозунги кремлевских пропагандистов и сторонников «суверенной демократии». Если бы американские коллеги действительно понимали, что «следование российской истории и традиции» в отношении к демократии и правам человека означает легитимацию персоналистской власти и доминирования традиционного государства, то возможно, что некоторые из них пересмотрели бы свои рекомендации. Что же касается призыва, обращенного к Обаме, следовать в отношении России тем же стандартам, какие Америка использовала в отношении «других стран», то неизбежно возникал вопрос: какие конкретно страны имелись в виду — Китай, Пакистан, Саудовская Аравия? Если авторы предлагали относиться к России как к Китаю, то на каком основании Россия оставалась в «Восьмерке» — клубе либеральных демократий? И не являлся ли такой подход откровенным признанием того факта, что уважаемые американские гости не рассматривали Россию в качестве страны, способной осуществлять реальные демократические принципы?

Инициаторы «правильной политики» попытались оправдать свой подход тем, что «способность Америки помочь Москве развивать полноценные демократические институты существенно ограничена и подозрительным правительством, и разочарованным и скептическим обществом». Это заявление говорит о том, что авторы все же осознавали, какой политический режим сформировался в России. Кстати, они признали это сами, комментируя свой доклад. Так, один из авторов доклада, руководитель Центра Никсона Дмитрий Саймс, следующим образом отозвался о ситуации в России: «Мы не можем сказать ничего позитивного о том, что происходит в России. И все потому, что многие вещи, которые мы увидели в России, как бы это сказать, по крайней мере для меня плохо пахнут... Совершенно очевидно, что сегодняшняя Россия не является демократией в нашем понимании»²²⁰. Но в таком случае, какие у американских коллег были основания надеяться, что им удастся успешное сотрудничество с российской стороной, которую они таким образом характеризовали? И как можно было верить, что, идя на

220 www.cfr.org, April 8, 2009.

сделку с российской властью, они смогут преодолеть генетическую подозрительность кремлевской элиты в отношении Америки?

А вот и еще одно потрясающее предложение инициаторов «правильной политики» в отношении России, которое должно было стать приятным сюрпризом для российских традиционалистов: «...Россия имеет легитимные интересы в регионе (ближайшем зарубежье. — Л. Ш.). США должны установить межправительственный диалог (с Россией. — Л. Ш.) по вопросам российского ближнего зарубежья для разработки мер по укреплению доверия»²²¹. Уточню: речь идет о двустороннем американо-российском диалоге о судьбах новых независимых государств и, видимо, формах влияния Америки и России в бывшем советском пространстве. Могут себе представить, как отреагировали в столицах новых независимых государств, услышав, что они могут стать предметом двусторонних переговоров Америки и России о сферах влияния! Оказывается, дух пакта «Молотова-Риббентропа» и «доктрины Брежнева» витает не только в кремлевских коридорах...

Комиссия Харта-Хейгла была не последним американским десантом в Москве. Вслед за нею прибыла еще одна группа тяжеловесов в звездном составе, где были бывшие госсекретари Генри Киссинджер и Джордж Шульц, экс-министр обороны Уильям Пери, экс-министр финансов Ричард Рубин, бывший сенатор Сэм Нанн. Почти в то же время в Москве приземлился и еще один американский госсекретарь Джеймс Бейкер. Они также встретились с российскими лидерами и, видимо, также продемонстрировали свою поддержку «реалистической линии» в отношении России. Стоит ли говорить о том, что эта линия должна была вызвать самый положительный отклик в кремлевских кругах.

Коль скоро курс на традиционный реализм нашел поддержку среди влиятельных вашингтонских кругов, я предлагаю повнимательнее взглянуть на аргументы реалистов. Для этого приглашаю читателя поразмышлять над идеями, представленными в докладе одного из самых тонких западных знатоков России, отвечавшего за осуществление американской политики в отношении России в администрации Буша, — Томаса Грэма. Так вот, в докладе под названием «Поднявшаяся Россия и цели США» Грэм доказывает, что «привязывать нашу политику к российскому внутреннему развитию, которое мы не можем проконтролировать, не имеет смысла». Тем более что «Россия слишком велика, российское общество слишком сложно и наше понимание России слишком ограничено»²²². На чем же Америка должна основывать свою политику по отношению к России? «Американо-российское сотрудничество... должно строиться на общих интересах и общих угрозах», — поясняет Грэм. Каковы же в таком случае российские интересы в понимании реалистов, и насколько они совместимы с интересами Америки? Томас Грэм определяет национальные интересы России следующим образом:

221 The Right Direction for U.S. Policy toward Russia, A report from the Commission on U.S. Policy toward Russia, March 2009, Washington, DC.

222 Graham T. Resurgent Russia and U.S. Purposes, A Century Foundation Report, 2009, www.tcf.org

«Быть великой державой и восприниматься как великая держава»; «Восстановление влияния на постсоветском пространстве для России является ведущим приоритетом»; и наконец: «Москва... рассматривает американские амбиции как прямой вызов... Приоритетом для России является сдерживание США». А вот здесь прошу внимания! Сказав все это, автор тем не менее делает вывод: «Ничто в российском понимании своих интересов не исключает тесного сотрудничества с США по самому широкому кругу вопросов, критических для американской безопасности и процветания» (!). Дальше автор предлагает целую программу сотрудничества Америки и России.

Такая логика не может не привести в замешательство. Если, как полагает автор, национальным интересом России является «сдерживание США», то какие вообще могут быть общие интересы между ними? Ведь любой «общий» интерес неизбежно будет преломляться через призму национального интереса! А на каких «общих угрозах» должно основываться американо-российское сотрудничество, если основные угрозы в изложении российской власти — НАТО и его расширение, американское влияние в постсоветском пространстве, ПРО и ДОВСЕ — вряд воспринимаются как угрозы в Вашингтоне. Словом, сама возможность нового сотрудничества Америки и России на основе реализма вызывает большие сомнения. Еще более убедительным доказательством неубедительности реализма является то, что при Буше политика Америки в отношении России строилась как раз на этом самом реализме, а ее конкретным осуществлением занимался, кстати, автор обсуждаемого доклада. Чем завершились отношения России и Америки при Буше, мы помним — тем, что обе стороны стали смотреть друг на друга как на противников. Это ли не подтверждение того, что Вашингтону нужно думать о поиске новой концепции отношения к России? И как бы ни хотелось американским реалистам вывести внутреннее развитие России и стандарты, на которых строится российское государство, «за скобки», эти факторы будут во многом определять российско-американские отношения.

Впрочем, Грэм согласен, что проблему ценностей нужно как-то иметь в виду. Но как? Оказывается, через обсуждение таких проблем, как миграция, которое бы помогло избежать «конфронтационности» в дискуссиях Вашингтона с российской стороной. Но тогда российская сторона вообще не поймет, что дело идет о ценностях! Наконец, автор предлагает «чему-либо научиться из российского опыта, чему-либо такому, что бы стимулировало более активное российское участие». Было бы хорошо, если бы американские реалисты поделились с нами, что полезного для себя они нашли в российской политической практике.

Читая этот доклад, да и другие предложения американских реалистов, трудно избежать впечатления, что слышишь голос российских традиционалистов. Вот только послушайте, что Томас Грэм говорит об Украине: «Украина занимает особое место в российском мышлении: она является колыбелью русской цивилизации и естественным элементом национальной идентичности России, как великой державы...» (!). Может показаться, что читаешь Вячеслава Никонова.

А дальше Грэм предлагает американской аудитории идею «финляндизации» Украины, популярную среди некоторых российских международных. Напомню, что концепция «финляндизации» родилась в эпоху противостояния двух враждебных военных блоков — НАТО и Варшавского Договора. Неужели автор согласен с тем, что мы вернулись в те времена? Но если это так и НАТО вновь противостоит ОДКБ либо ШОС, то о каком «новом сотрудничестве» Америки и России вообще может идти речь?

Я вынуждена остановиться на размышлениях Томаса Грэма, которого я знаю и уважаю, по той причине, что он лучше других сформулировал аргументы «реалистской» школы относительно России. Но даже одного взгляда на эти аргументы достаточно, чтобы начать задавать вопросы. И чем больше углубляешься в эти аргументы, тем больше появляется вопросов об их состоятельности. Как это ни парадоксально, но американский реализм в отношении России оказывается самым явным идеалистическим подходом, коль скоро даже его адепты заставляют сомневаться в возможности его применения. Но Бог с ним, с этим реализмом. Не наша забота думать об успешности американской внешней политики. Нас должно больше волновать другое. Дело в том, что американские реалисты исходят из того, что Россия не изменилась и не изменится, и их стратегия, сознательно или нет (не столь уж и важно), ориентирована на поддержку российской персоналистской власти. Недаром у них столь теплые отношения с ее представителями. Такая позиция позволяет зачислить американских реалистов в лагерь охранителей российской системы. Конечно, есть немало иронии в том, что американские реалисты создают внешнеполитический фон для самосохранения системы, которая существует за счет эксплуатации антиамериканизма.

Вернемся, однако, к российской сцене. Начавшийся диалог между Москвой и Вашингтоном привел российский политический класс в растерянность. Правда, профессиональные российские антизападники, для которых переход от борьбы с Америкой к диалогу с ней был лишь сменой способа сдерживания их вечного противника, не могли успокоиться, начав призывать Кремль не доверять американцам и требовать от них предоплаты за готовность Москвы к диалогу. Впрочем, и для всей российской элиты вдруг перейти от жесткого антиамериканизма к сотрудничеству с США было делом нелегким. Ей нужно было объяснение и оправдание столь резкой перемены курса. Объяснить эту перемену можно было либо ослаблением Кремля и его отступлением перед Америкой, либо слабостью Вашингтона. Первый вариант объяснения был для российского правящего класса невозможен. Следовательно, оставался второй. Но в таком случае того, что предлагал Вашингтон в качестве основы для нового компромисса с Москвой, российской власти было явно мало. Вашингтону еще предстояло убедиться в том, что Кремль мог пойти на новый диалог с Америкой только в случае, если этот диалог способствовал осуществлению его системных интересов, а не являлся лишь инструментом реализации стратегических целей США. Но все дело было в том, что системные интересы выживания российского государства противоречили стра-

тегическим целям США! Эта асимметрия подходов еще даст о себе знать и, возможно, уже скоро.

Тем временем наблюдатели начали задавать вопросы относительно того, что двигало американскими командами, которые весной 2009 г. зачастили в Москву. Наибольшие вопросы вызвали побудительные мотивы американских реалистов. Вот что писал Дмитрий Сидоров, руководитель бюро газеты «Коммерсант» в Вашингтоне, рискнув сказать вслух то, что думали многие в Москве и Вашингтоне, но не хотели по тем или иным причинам озвучивать: «Киссинджер и Бейкер, оба бывшие госсекретари, возглавляли команды американских политиков, которые посетили Москву в целях подготовки двустороннего саммита в апреле. Оба осуществляли активную челночную дипломатию еще во время администрации Буша... Мы также знаем, что консалтинговая компания «Киссинджер энд Ассошиэйтес», по мнению многих, давала рекомендации Кремлю... Джим Бейкер также имеет самые широкие контакты в России, являясь партнером юридической фирмы «Бейкер Боттс», заключившей контракты с близкими Кремлю Газпромом и Роснефтью». Упомянув об этих интересных взаимосвязях, Сидоров далее отмечал: «Никто даже не заикнулся о том, что в отношениях компаний Киссинджера и Бейкера с российской стороной есть нечто предосудительное. Хотя должны же были у кого-то возникнуть вопросы: почему люди, которые представляют эти компании и которые получают вознаграждение за свои услуги, осуществляют переговоры от имени американского правительства? Неужели они являются лучшими кандидатами для этой работы?... Со своей стороны, российские лидеры явно должны быть заинтересованы в том, чтобы российские компании, близкие к Кремлю, содержали американские фирмы, в которых работают бывшие высокопоставленные американские дипломаты, которые сегодня проводят с Кремлем переговоры»²²³.

Эта история позволяла делать вывод о том, что американская сторона вряд ли имела основания претендовать на право говорить о принципах и морали своим российским партнерам. В любом случае вовлеченность ведущих американских реалистов, которые стали налаживать новый диалог с Россией, в коммерческие отношения с близкими Кремлю компаниями, заставляла предполагать, что они были заинтересованы в такой модели отношений, которая бы сохраняла их эксклюзивные контакты с Кремлем. Разумеется, они были заинтересованы и в том, чтобы в Кремле сидели те же люди, которых американские реалисты знали и с которыми у них было хорошее взаимопонимание. Таким образом, получалось, что Realpolitik в их исполнении оказывалась средством поддержки не только их собственных коммерческих интересов, но и их российских партнеров. Короче, осознанно либо неосознанно американские реалисты оказывались в роли охранителей российской системы, в рамках которой они столь успешно и давно осуществляли свои интересы.

223 Sidorov D. Why the Rush to Engage Russia? www. Forbes.com, March 31, 2009.

Хотя давайте прислушаемся к довольно едкому замечанию одного из наблюдателей политической жизни внутри вашингтонской «окружной дороги». Вот как он комментировал попытки определенных кругов в американской столице предложить новому американскому лидеру свою повестку американо-российских отношений и таким образом гарантировать свое влияние на эти отношения: «Естественно, что связанные с российскими корпорациями американские лоббисты засуетились и попытались навязать Обаме свою линию, предложив себя в советчики. Они уже сумели убедить Кремль в том, что являются прямым каналом связи с американским Белым домом. Теперь им предстояло убедить Обаму, что они являются лучшим каналом связи с Кремлем. Но зачем Обаме этот dead wood (призраки прошлого)? Новая администрация будет формировать свой курс в отношении России, будет налаживать собственные контакты с Кремлем и формировать свои каналы общения». Что же, посмотрим, насколько эти наблюдения были верны.

Состоявшийся в апреле 2009 г. первый саммит Медведева и Обамы подтвердил то, что прогнозировали многие. Оба лидера провозгласили новую политическую разрядку. «Мы подтверждаем, что эпоха, когда наши страны относились друг к другу как к врагам, закончилась, — говорилось в совместном заявлении Медведева и Обамы. — Признавая наличие общих интересов, мы сегодня формируем важную повестку для России и США, которую мы будем развивать в последующие месяцы и годы». Инструментом новой разрядки должны были стать переговоры по стратегическим наступательным вооружениям. Неожиданностей не произошло. Вместе с тем стало очевидно, что Обама все же не стал следовать советам вашингтонских реалистов принять все российские требования и пойти на уступки Кремлю, в частности по ПРО в Восточной Европе и по вопросу сфер влияния. В заявлении обоих лидеров по итогам их первого саммита недвусмысленно говорилось о сохранении различий в позициях по этим вопросам. Но в целом заявление Медведева и Обамы свидетельствовало, что американский лидер предпочел — пока — следовать в фарватере мягкого реализма, не заостряя в своем разговоре с российским президентом вопроса о ценностях и нормах. Этот факт нашел свое отражение в весьма туманном упоминании в их совместном заявлении о «верховенстве закона и уважении к фундаментальным свободам и гражданским правам и терпимости к различным взглядам», которыми обе стороны обещали руководствоваться в своих отношениях. Но мягкий реализм Обамы вовсе не означал, что он собирался опираться на реалистов, связанных с прошлой эпохой. Зачем ему брать в свою лодку тех, кто был частью наследия Буша-младшего?

Кое-кто в Америке встретил итоги саммита и начало «перезагрузки» с энтузиазмом, как новую страницу в российско-американских отношениях. Но в целом преобладала скорее сдержанная оценка. «Обама должен дать понять Кремлю, — писала тогда «Вашингтон Пост», — что сотрудничество с ним не означает одобрения российского авторитаризма либо неоимпериализма и, пока эти тенденции сохраняются в российской политике, российской стороне было бы наивно

надеяться на глобальное партнерство с США»²²⁴. Один из самых влиятельных и уважаемых в Вашингтоне людей — сенатор Ричард Лугар, давно занимающийся американско-российскими отношениями, выступая на слушаниях в Конгрессе США по вопросу перспектив этих отношений на новом этапе, был более чем сдержан и даже пессимистичен. «Хотя экономические условия и общие интересы и могут создавать для наших отношений определенные возможности, мы должны быть реалистами при оценке перспектив американско-российского сотрудничества, — предупреждал Лугар. — Вести переговоры с Россией будет гораздо сложнее и труднее, чем провозглашать начало нового диалога... Мы скорее должны признать, что американско-российские отношения будут сохранять напряженность еще неопределенное время»²²⁵. Примечательно, что в данном случае Лугар использовал определение «реалисты» в другом смысле, чем это определение обычно употреблялось в Америке. Под «реализмом» Лугар имел в виду необходимость не переоценивать общность интересов США и России.

Стивен Сестанович в свою очередь пытался остудить появившийся было оптимизм в некоторых американских кругах по поводу сотрудничества с Россией. «Нужно сказать с самого начала, — предупреждал он, — ни в компьютерных делах, ни в дипломатии нажатие кнопки “перезагрузка” не является гарантией улучшения процесса»²²⁶. Ариэль Коэн из американского фонда «Наследие» был, пожалуй, наиболее резок в своей оценке перспектив американско-российских отношений. «Россия является и будет оставаться одним из наиболее существенных вызовов, с которым столкнется администрация Обамы... — говорил Коэн. — С точки зрения Кремля и в результате дефицита демократии в России легитимность и популярность нынешнего режима в России нуждаются в конфронтации с Западом и особенно с Соединенными Штатами»²²⁷. Мы уже вскоре увидим, кто был прав в оценке перспектив нового диалога Америки и России — те, кто считал, что переговоров по СНВ достаточно для того, чтобы изменить температуру их отношений, либо те, кто предполагал, что для этого нужен более сложный и длительный процесс.

Администрация Обамы весной 2009 г. только начинала осмысление международных проблем, в том числе и своих отношений с Россией. Вряд ли президент, который должен вытягивать свою страну из экономической катастрофы, был готов к великим свершениям на поле внешней политики. В той ситуации, в которой Обама пришел к власти, учитывая объем стоявших перед ним внутренних вызовов, от него, скорее всего, можно было ожидать прагматического курса, ориентированного на ограничение глобальных обязательств Америки. Но в то же время Обама не мог не понимать, что решение внутренних проблем Америки

224 Washington Post, April 2, 2009.

225 Senate Foreign Relations Committee, March 19, 2009, Hearings for Engagement with Russia, www.cdi.org March 20, 2009.

226 Senate Relations Committee, March 19, 2009. Ibid.

227 Ibid.

требовало нового взгляда и на современную модель капитализма, и на американское лидерство, и на то, как упорядочена мировая система, и на трансформацию «застрявших» в переходе государств. Было неясно, готов ли он к такому инновационному прорыву, требующему и огромного мужества, и стратегического видения. Сторонники ценностного подхода к внешней политике сомневались, что у Обамы хватит времени и энергии на новую формулу внешней политики, в которой бы прагматизм увязывался с ценностями и стандартами. Так, Карозерс констатировал: «Администрация Обамы скорее всего будет осуществлять некий синтез реализма и умеренного вильсонианства, очень похожий на тот, который осуществляли его предшественники. Обама будет осознавать необходимость демократических импульсов, но будет подчинять их экономическим интересам и интересам безопасности»²²⁸.

А пока, весной 2009 г., команда Обамы пыталась снять напряженность в отношениях с Россией, чтобы сконцентрироваться на том, что было для Америки важнее. Это была ставка на конкретные решения. Размышления о новой модели отношений откладывались на будущее. Когда я писала эти строки, было неясно, готова ли новая команда в Вашингтоне к новому концептуальному подходу к России, который требовал длительных усилий, нацеленных на достижение результата в отдаленной перспективе, возможно уже за пределами президентского срока Обамы. Хотя кто из лидеров готов работать на будущее, если у него нет уверенности, что эта работа принесет ему дивиденды в период его правления?!

Это общая аксиома, которая нашла подтверждение в деятельности многих лидеров. Но Барак Обама уже продемонстрировал необычные, во всяком случае для американского лидера, качества: он умел слушать, он умел наблюдать, он пытался находить взаимопонимание со своими партнерами, он быстро учился. Но самое главное — он делал ставку не только на элиты и власть, он стремился к диалогу с мировым гражданским обществом. Такой подход к политике мог привести Обаму и к новой стратегии, в том числе и в отношении России, либо, по крайней мере, к пониманию ее необходимости. Не забудем упомянуть, что по российским делам у него есть неофициальный и официальный советники, которые готовы помочь ему понять российскую политическую полифонию. Это Збигнев Бжезинский и Майкл Макфол, которые в политическом дискурсе Америки представляют альтернативу традиционному реализму.

Ну, а теперь давайте взглянем, что же в этот период происходило с отношением к России в Европе, которая с таким напряжением наблюдала за «перезагрузкой» отношений Америки и России. Один из самых понимающих германских наблюдателей, исследующих отношения Европы и России, Генрих Фогель, подтвердил то, что отмечали и некоторые другие наблюдатели: европейцы от разговоров начали переходить к делу и искать пути ослабления энергетической зависимости от России, так долго определявшей их политику в отношении Москвы. Новая энергетическая политика Брюсселя неизбежно должна была означать и новый взгляд на Россию. «До настоящего момента ЕС так и не смог сформулировать эффектив-

ную и консолидированную энергетическую стратегию, и не только из-за позиции таких стран, как Германия и Италия, но и из-за сопротивления своих энергетических компаний, которые имеют давние двусторонние отношения с Газпромом, — писал Фогель. — Но сейчас ситуация изменилась и ЕС приступил к работе над альтернативами этой неприемлемой ситуации»²²⁹. Именно так европейцы начали готовить свою «перезагрузку» отношений с Россией.

Новые настроения внутри ЕС отмечал и Аркадий Мошес, который считал, что глобальный финансовый кризис разрушил прежнюю парадигму отношений Европы с Россией. Эта парадигма основывалась на вере европейцев в возможность строить свои отношения с Россией на «приоритете прагматических интересов по отношению к пресловутым демократическим ценностям» и стремлении европейского бизнеса заработать в России. «С приходом кризиса слово “энергетика” больше не является магическим, — доказывал Мошес. — По мере падения спроса (в Европе. — Л. Ш.) на энергоносители паника по поводу зависимости Европы от российских поставок постепенно исчезает и ей на смену приходит понимание взаимозависимости России и Европы... В этих условиях вероятность изменения западной политики в отношении России возрастает. “Прагматических интересов” становится меньше, и потому накопившиеся противоречия легко могут выйти на первый план. А потенциальное возвращение России на международный рынок замствований или даже простой перечень российских корпоративных долгов напомнят Западу об имеющихся у него инструментах влияния на Россию»²³⁰. Появились признаки того, что европейские политические круги сделали для себя вывод: «Россия больше нуждается в ЕС, чем ЕС в России». Этот вывод означал постепенный переход Европы, по крайней мере, к формированию нового мышления в отношении России. А российская элита все еще продолжала жить и мыслить по инерции, не осознавая, какие перемены на международной сцене вызвал глобальный финансовый кризис и как эти перемены отразятся на отношении Европы к самой России. Наступали новые времена, к которым российский политический класс, судя по всему, не был готов.

229 Vogel H. Russia-EU — A Dangerous Relationship? Lecture at the European Union Center of Excellence, University of Miami, March 2, 2009.

230 Мошес А. Диверсификация России, www.Gazeta.ru. 11 марта 2009 г.

Проблема власти — как сохранить власть

Российская элита продолжала жить и действовать в своем привычном духе. Обрадовавшись инициативам Обамы и с воодушевлением поддержав идею переговоров по стратегическим вооружениям (видимо, мечтая сделать их процессом, продолжающимся в бесконечность), Москва продолжала устраивать Америке мелкие пакости. Случай с решением о закрытии американской военной базы в Манасе в феврале 2009 г. был тому примером. Конечно, американскую базу решили закрыть власти Кыргызстана, на территории которого она находилась. Но президент Кыргызстана объявил об этом решении именно в Москве и после того, как Москва пообещала ему помощь в размере около 2 млрд долл. Не нужно было сложных калькуляций для того, чтобы выяснить причинно-следственную связь между этими событиями. Александр Гольц так комментировал это «дружеское» начало нового этапа российско-американских отношений: «Москва наконец добилась закрытия американской военной базы в международном аэропорту Бишкека “Манас”. Начало тому было положено еще в 2005 г., когда Путин предложил принять заявление на заседании ОДКБ, требующее закрытия базы». Что это означает в реальности? — задавал вопрос Гольц и отвечал: «Это означает, что снабжение группировки войск США и НАТО в Афганистане ухудшится. Им, соответственно, будет труднее воевать с талибами»²³¹. Следовательно, России будет сложнее обеспечивать безопасность своих южных границ. Российская правящая команда и не скрывала, что для нее гораздо важнее было насолить американцам и вытолкнуть их из российской сферы влияния, чем думать о том, как решать проблемы со своей безопасностью, которые в результате могут возникнуть. Поражение Америки для российской элиты было важнее поражения талибов.

Дело не ограничилось угрозами закрыть американскую базу в Манасе²³². Антиамериканская риторика на официальных каналах российского телевидения продолжалась и тогда, когда в обеих столицах начали «перезагружать» свои от-

231 Гольц А. Державой по безопасности // New Times. 9 февраля 2009 г. С. 45.

232 Вскоре кыргызские власти заявили Вашингтону о своей готовности рассмотреть вопрос о новом договоре аренды территории базы, и уже было непонятно, явилось ли это предложение изменением позиции Москвы либо проявлением торгашеских намерений самого Бишкека.

ношения. Члены упоминавшейся американской делегации, прибывшей в Москву в марте 2009 г., в частности сенатор Гэри Харт, были явно в шоке от нападок и обвинений в адрес США, которые они услышали от российских партнеров по дискуссии на первом канале российского телевидения. В программе Максима Шевченко камера показала побавшего сенатора Харта, который в отчаянии пытался возражать мощному хору своих оппонентов, дружно доказывавших враждебные намерения Америки. Возможно, в тот момент Харт понял, что подписанные им рекомендации Обаме нуждаются в корректировке...

В конце марта, в момент, когда в Москву одна за другой прибывали из Вашингтона команды, которые должны были наладить отношения с Россией, авиация российского Тихоокеанского флота начала «неожиданные налеты» на группу американских кораблей, пролетая в 150 метрах от авианосца «Стэннис» и флагманского корабля «Блу Ридж». Американцам даже пришлось поднимать свои истребители и сопровождать российские самолеты, пока те не покинули сферу действия американского флота. А высокопоставленные представители российского министерства обороны, пытаясь успокоить публику, заверяли ее, что такие случаи вовсе не являются «экстраординарными» (!)²³³.

В то время как российский президент Медведев готовился к первому саммиту с Обамой в апреле в Лондоне и рассуждал о позитивных тенденциях в отношениях с Америкой, российские эксперты-державники принялись спорить о том, каких уступок Россия должна потребовать от Америки в ответ на готовность сесть за переговорный стол. Если американцы надеялись, что, предложив Кремлю сотрудничество, они встретят желание сотрудничать безо всяких условий, то они, видимо, плохо представляли, с кем имеют дело.

Америка не была единственной мишенью для самоутверждения российской элиты. Так, премьер Владимир Путин с удовольствием продолжал совершенствовать свои бойцовские качества каждый раз, когда имел возможность пересячь с европейскими лидерами, которые стали для него удобной мишенью для поддержания формы. В январе 2009 г. на встрече с руководством ЕС Путин, только услышав от невесты откуда набравшегося смелости председателя Еврокомиссии Жозе Мануэлл Баррозу нечто, похожее на упреки в адрес Москвы, выдал ему по полной программе и по поводу русскоязычного меньшинства в Прибалтике, и по поводу «нарушения прав мигрантов в Европе». С особым удовольствием Путин напомнил Баррозу и остальным членам Еврокомиссии, которые слушали его, прикусив язык и опустив глаза: «Мы знаем о ситуации в некоторых тюремных системах отдельных европейских государств». А когда Баррозу все же попытался что-то несмело возразить, видимо, чтобы не выглядеть полностью раздавленным, Путин бросил: «Будем продолжать дискуссию или закончим?» Команда из Брюсселя предпочла дискуссию закончить и с позором покинула ринг. Риторика Путина была совсем не похожа на его выступление в Давосе. В Москве он был в

233 Коммерсант, 21 марта 2009.

своей стихии, и не было никаких признаков того, что российская власть готовится к дружеским отношениям с Западом. Правда, спектакль с унижением западных лидеров был предназначен для внутреннего употребления, т.е. для российского зрителя. Вряд ли Путин на новом этапе мог себе позволить аналогичный стиль на зарубежных «гастролях». Если только этого не требовали чрезвычайные обстоятельства спасения власти и режима.

Российскому политическому классу, вернее его части, пришлось несколько умерить свою воинственность. Но ни сомнительные результаты российского «вставания с колен», ни экономический кризис, ни появление «фактора Обамы», ни начавшийся диалог с Вашингтоном не поколебали его восприятия Запада, мира в целом и роли России в этом мире. Я опять обращаюсь к высказываниям российского министра иностранных дел Сергея Лаврова, которые позволяют получить представление о настроениях в российских официальных кругах. Давайте послушаем, что говорил Лавров в самом начале 2009 г.: «Безвозвратно в прошлом осталась иллюзия однополярного мира». Ну, это понятно — как откажешься от основополагающего тезиса российской внешнеполитической доктрины. А вот здесь прошу внимания: «Готовы (имеется в виду готовность Москвы. — Л. Ш) к всестороннему развитию связей в направлении формирования стратегического партнерства Россия—Евросоюз». Сергей Викторович, нужно все-таки сменить спичрайтеров — больно уж косноязычны. «Своего рода момент истины наступил в отношениях с НАТО, однозначно вставшей на сторону агрессора» (речь идет о Грузии). Но ведь, позвольте, НАТО и ЕС — это практически одни и те же страны. Как можно их одновременно воспринимать как партнеров и как пособников агрессора против России? Возможно, министр имеет в виду партнерство с ЕС только потому, что ЕС не включает Америку. Тогда это означает по меньшей мере неодобрительное отношение российской власти к США. Но как в таком случае быть с «перезагрузкой» российско-американских отношений?

А вот еще занимательное заявление: «Убеждены, что ставить страны СНГ перед искусственным выбором — либо вы с нами, либо против нас, превращать их в заложников чьих-то геополитических проектов — недопустимо. Намерены добиваться, чтобы законные интересы наших партнеров уважались, чтобы к ним относились как к равноправным членам международного сообщества». Интересно, относится ли это высказывание к Грузии и Украине? А может быть, это скрытая критика путинско-медведевской идеи «привилегированных интересов», превращающей соседние государства в «заложников геополитических проектов» России?

Обратите внимание и на следующий пассаж: «Россия была и остается неотъемлемой частью европейской цивилизации (правда, в предыдущих выступлениях министр порой в этом сомневался. — Л. Ш.). Между нами и другими европейскими государствами выстраиваются отношения взаимозависимости и взаимовлияния. Что-то мы отдаем, что-то получаем взамен. И сейчас, когда Европа становится все более многонациональной и многоконфессиональной, мы могли бы помочь партнерам в выработке навыков цивилизационной совместимо-

сти, невозможной без укоренения толерантности»²³⁴. Хорошо бы, конечно, подискутировать с европейцами о том, что они могут у нас позаимствовать в плане «толерантности» и «цивилизационной совместимости» — может быть, отношение к гражданским правам, к свободе СМИ, к другим конфессиям, а может быть, российское отношение к «лицам кавказской национальности»? Неважно, верят ли наши официальные лица в то, что они говорят. Неважно даже то, что они не обращают внимания на нелогичность того, что они говорят. Важнее то, что жонглирование фразами скрывает отсутствие у власти позиционирования (которое, кстати, было у советской элиты).

Пытаясь чем-то заполнить стратегическую пустоту, российская правящая команда обратилась к диалектике, которая в кремлевском исполнении выглядит следующим образом: сегодня российские власти говорят то, что отрицали вчера, а завтра они могут опровергнуть сегодняшние заявления. В апреле 2009 г. Сергей Лавров буквально потряс российскую политическую аудиторию и своих коллег-международников, особенно бдительно стоящих на защите российской державности и «особого пути» России, заявив о том, что Россия является «частью евроатлантического сообщества» и призвав к эре «консенсусной политики». Пожалуй, самым тяжелым, даже предательским ударом для традиционалистов была трактовка российским министром иностранных дел тезиса о российских «сферах привилегированных интересов». Лавров вдруг заявил: «Мы хотим, чтобы Центральная Азия не рассматривалась как чья-либо сфера влияния. Мы понимаем интересы Евросоюза и США в этом регионе — энергоресурсы, маршруты транзита. Главное, чтобы при этом уважались интересы стран Центральной Азии и их не ставили перед выбором: с Россией они или с Западом... Мы за сотрудничество с США в СНГ»²³⁵. Еще недавно Лавров доказывал, что эпоха западной цивилизации завершена, и боролся с западными попытками взять новые независимые государства в «заложники». И вот теперь такой разворот! Правда, эти революционные заявления были сделаны на закрытом совещании Совета по внешней и оборонной политике (СВОП). Но ведь министр разрешил их процитировать. Следовательно, сама смена риторики была согласована с высшим руководством страны либо с частью этого руководства. Во всяком случае, то, что говорил Лавров, совпадало с тем, что в тот же период начал говорить и президент Медведев. Казалось бы, это доказывало, что наступали новые времена. Не будем, однако, спешить с окончательными выводами о том, что означали эти заявления и какую цель они преследовали. По крайней мере, пока они вполне укладывались в рамки поиска российской властью новых форм выживания все той же системы.

А тем временем для России начинался новый этап ее развития. Я писала эти строки в конце 2009 г., и тогда уже не было сомнений в том, насколько болез-

²³⁴ <http://www.mid.ru>, 28 января 2009 г.
²³⁵ Гольц А. Разведпризнак-2, www.ej.ru; Дубнов А. От импотенции к конвергенции // Время новостей, 15 апреля 2009.

ненным и мучительным будет ближайшее российское будущее. Полоса «тучных лет» и путинской стабильности, которая держалась на нефтяной цене и памяти ельцинского хаоса, завершилась. Даже если России и повезет и ей удастся избежать экономического обвала и массовых социальных протестов, она неизбежно столкнется с тем, что ее модель «petrostate» — бензинового государства — будет препятствовать экономическому возрождению. Экстенсивная сырьевая экономика продемонстрировала свои пределы. Для того чтобы найти стимулы для экономического роста, на сей раз уже на постиндустриальной основе, нужно было решаться на экономическую модернизацию. Она, в свою очередь, требовала реформы коррумпированного государства, природу которого хорошо понимают оба российских лидера, много и откровенно говоривших о разъедающей государство коррупции.

Но все дело в том, что реформа государства и системы предполагает решение проблемы «триады», т. е. возвращение к принципу конкуренции как в экономике, так и в политике; отказ от сращивания власти и собственности; осуществление принципа верховенства закона. На практике это означает переход к политической борьбе и неизбежный конец правящего режима с его установкой на гарантированную преемственность и контроль над собственностью. Успех решения проблемы «триады» невозможен и без пересмотра внешнеполитической доктрины Путина — Медведева, которая обосновывает противостояние с Западом и одновременно сделки с Западом во имя осуществления интересов российского правящего класса. Сможет ли российская элита либо ее часть пойти на столь радикальную трансформацию? Для этого нужно осознание полной исчерпанности нынешней модели российского развития, в том числе державничества, милитаризма и имперскости, которые эту модель обосновывают. Понимание исчерпанности обычно приходит вместе с кризисом. В российской истории не было примеров «превентивного» реформирования, когда бы элита была готова к предотвращению кризиса.

Между тем летом 2009 г. российское политическое и экспертное сообщество занялось муссированием вопроса: сможет ли на сей раз кризис стать толчком к реформам? Суть реформ, однако, в этом сообществе понималась по-разному. Одни в реформах (причем обязательно «сверху») видели способ придания системе более цивилизованного вида. Другие смотрели на реформу как на перестройку системных принципов. Последние были в меньшинстве, и вовсе не они мелькали на центральных каналах телевидения.

Пока эксперты думали и спорили, правящая команда пыталась удержать статус-кво. Именно такова была основная цель антикризисных мер, к осуществлению которых приступил правящий тандем. Что же касается политического класса, то он в начале 2009 г. наконец начал понимать, в какую яму попала Россия. Постепенно происходило осознание того, что из этой ямы не выбраться, сохраняя прежнюю конфигурацию власти во главе с национальным лидером. Углубление кризиса рано или поздно должно было заставить политический класс признать, что во имя своего спасения нужно пожертвовать и национальным лидером, и наи-

более откровенными символами путинизма. «Путин уйдет. Путин должен уйти!» — как мантру повторяли наблюдатели, усматривавшие в премьерере Путине истоки всех бед. Между тем Путин мог и не согласиться добровольно покинуть штурвал. А кто мог его вытолкнуть из власти, если политическая сцена была им же тщательно зачищена? И мог ли его уход означать переход к иной организации общества? Как бы то ни было, процесс обновления в российских дискуссиях все еще рассматривался как смена лиц «наверху» (а не принципов).

А что с собой нес Дмитрий Медведев? Возвышение президента и возвращение к нему властных полномочий (а следовательно, конец эпохи Путина) многими воспринимались как слом авторитарной «вертикали», которая отождествлялась именно с премьером. Российские наблюдатели забыли отечественную историю, которая свидетельствовала, что единовластие может воспроизводиться в виде разных политических режимов и ассоциироваться с разными по типу политическими лидерами — от Сталина до Черненко. Так что полноценное лидерство Медведева вполне могло спасти персоналистскую систему за счет создания иллюзии перемен и формирования внешне более либерального единовластия.

Сам же Медведев в 2009 г. пока старался не выходить за пределы своей роли лояльного путинского партнера и пытался избегать определения самостоятельной линии. Он скрупулезно уравнивал свои либеральные высказывания немедленным шагом в противоположном направлении, грамотно следуя уже опробованной его предшественником модели властвования: шаг вперед — два назад. Медведев мог запросто сказать об оппозиции: «...Они все, что хотят орать, они все орут в разных местах. Выходят на улицы и кричат о том, что президента и правительство нужно отправить в отставку». В этих словах и в том, как он их произносил, чувствовалась искренность. Видно, он говорил то, что думал. Вот таким, оказывается, было отношение российского президента к одному из институтов демократии — к оппозиции. А вот и еще одно его высказывание: «Если говорить о том, как лучше проходить кризис, я вообще не уверен, что прохождение кризиса в какой-то степени связано с уровнем развития демократии... В ряде случаев государство вынуждено было закручивать гайки для того, чтобы преодолеть кризис»²³⁶. В этих словах не было ничего, что свидетельствовало бы о том, что российский президент верил, что выход из кризиса требовал либерализации России. Тем более, что отстроенная его преемниками система пока выдерживала напор кризиса. Власть сохраняла контроль за ситуацией. А поэтому зачем было Медведеву становиться реформатором-камикадзе и рисковать сломать себе шею?

Правда, весной 2009 г. президент начал делать жесты, которые зародили у российских либералов и западников новые надежды. Медведев неожиданно дал интервью оппозиционной «Новой газете», и его показали беседующим за чашкой чая с главным редактором «Новой» Дмитрием Муратовым. Затем он встретился с правозащитниками из совета под руководством Эллы Памфиловой. Президент их

236 www.kremlin.ru, 19 апреля 2009 г.

терпеливо и благожелательно выслушал. Он быстро согласился с идеей открыть в России свой Гайд-парк для инакомыслящих. «Нужно поговорить с московскими властями, пусть создадут Гайд-парк, те же самые деревья посадят и так далее», — отвечал он Людмиле Алексеевой, ветерану российского правозащитного движения²³⁷. Президент обещал даже инициировать пересмотр драконовского закона о неправительственных организациях, перекрывшего кислород гражданскому обществу. Для многих символичным было даже не то, что говорил президент, а сам факт этих событий. Ведь Медведев делал то, на что никогда не согласился бы Путин.

Политическое сообщество принялось гадать, что все это могло означать. Противоречия внутри правящего тандема? Демонстрация личной фронды? Становление Медведева как реального президента? Шаг к демократизации? Новый вектор развития? Некоторые оппозиционно настроенные наблюдатели были уверены, что встреча Медведева с правозащитниками и то, как последние себя вели на встрече с президентом, означало одно: их добровольное согласие на роль помощников власти. «Встреча... показала российскому обществу, что даже родовые враги авторитарной власти — правозащитники — очень даже успешно встраиваются в вертикаль власти», — сетовал Александр Подрабинек²³⁸. Другие наблюдатели, напротив, были уверены в том, что Медведев начал поворот к либерализму. Так, Игорь Бунин с энтузиазмом говорил о том, что он считал новой атмосферой: «Возрождение идеологических дискуссий дает новый шанс российскому либерализму, который, оказывается, востребован в кризисной ситуации. Сам факт снятия неформальных “табу” с широкого обсуждения тем (от коррекции политической системы до возможности проведения круглого стола с участием оппозиции) является признаком политической либерализации»²³⁹. И, казалось бы, те, кто надеялся, что сама власть начнет процесс расширения политических свобод, были правы. Во всяком случае, президент Медведев начал акцентировать и повторять либеральные вещи. Он говорил: «Наш государственный аппарат поражен коррупцией». Он говорил: «Основная проблема заключается именно в мотивации, которая посылается от центральной власти». Медведева начали сравнивать с Горбачевым, а его жесты — с горбачевской перестройкой. Правда, дальше медведевских слов дело не шло. «Подождите, не спешите, власть готовится к переменам», — успокаивали нетерпеливых сторонники постепенных реформ «сверху».

Однако перемены ограничивались тем, что к разговору о них допускались испытанные бойцы пропагандистского фронта, т.е. те, кто вчера доказывал необходимость жесткой «вертикали» власти. Российское телевидение оставалось важнейшим политическим ресурсом власти. «Идеологические дискуссии» сводились к спору представителей «Единой России» с представителями «Справедливой России», либо сторонников официальной линии с назначенными Кремлем либе-

237 www.kremlin.ru, 19 апреля 2009 г.

238 www.ej.ru, 12 апреля 2009 г.

239 Бунин И. Современная Россия: возвращение политики, www.politcom.ru, 9 апреля 2009 г.

ралами. Не было даже намека на то, что власти позволят проявиться альтернативе даже на локальном уровне, о чем свидетельствовали выборы мэра Сочи, на которых против Бориса Немцова был запущен тяжелый государственный каток.

В свое время Горбачев, провозгласив гласность, тем самым отмежевался от старой системы и пошел на ее реформирование, правда, по-видимому, не осознавая всех его последствий. Предоставив возможность публике спорить о его реформаторских устремлениях, Медведев, напротив, не уставал повторять, что время для политических реформ не пришло. В апреле 2009 г. после ряда жестов в адрес либеральных сил, Медведев заявил: «...Мы не должны сейчас... говорить о том, что... пора заняться какими-то политическими преобразованиями. Наоборот, я считаю, что в период кризиса, полноценного финансового кризиса, мы скорее должны заниматься главными задачами, а именно преодолением последствий этого кризиса, то есть решением насущных экономических проблем — от макроэкономических до вполне конкретных, скажем, проблем жилищных»²⁴⁰. Так что президент никак не связывал кризис с состоянием российской системы и был уверен, что преодолеть кризис можно и нужно, не затрагивая основ этой системы. Короче, Медведев оставался в рамках преемственности. В этом было сущностное различие между ним и Горбачевым, который в свое время рискнул пойти на разрыв с преемственностью. Медведев остался в рамках преемственности, что подтвердила в сентябре 2009 г. его статья «Россия вперед!», в которой критика реальности сопровождалась призывом не спешить с переменами.

Осень 2009 г. и переход российской власти к новой стилистике правления позволяют сделать ряд выводов относительно способа ее существования в условиях кризиса. Поведение Кремля свидетельствовало о том, что правящая команда и сам тандем осознавали, что сохранить контроль за обществом и одновременно найти выход из экономического кризиса, оставаясь в путинской парадигме жесткого ручного управления с репрессивным уклоном, скорее всего, невозможно. Значит, нужно искать пути выживания через «очеловечивание» власти, но опять-таки до определенных пределов, чтобы не подорвать свою монополию на эту власть. Режим правящего тандема давал шанс попытаться оформить новый консенсус, используя формальное раздвоение власти и разный тип двух лидеров: Путин по-прежнему мог замыкать на себя традиционалистскую часть общества, а Медведев — заниматься очеловечиванием системы, ориентируясь на современно мыслящие слои. Именно Медведев должен был взять на себя и восстановление разрушенных мостов с Западом, ибо продолжать конфронтацию с западными государствами, когда обрушивалась российская экономика, зависящая от Запада, было самоубийством. Речь шла о новой стратегии воспроизводства системы в кризисных условиях. Соглашусь в данном случае со скепсисом Леонида Радзиховского, который тогда писал: «...Не ждите даже существенного расширения щелки свободы в фундаменте Вертикали»²⁴¹.

240 www.NTV.ru, 19 апреля 2009 г.

241 www.ej.ru, 20 апреля 2009 г.

Действительно, такое расширение «щелки» в планы кремлевских правителей явно не входило. Нынешняя российская власть, видимо, прекрасно помнила, что произошло в СССР после того, как Горбачев только приоткрыл форточку, и вряд ли была готова повторить то же самое.

А теперь поразмышляем, к чему может привести эксперимент, который власть начала весной 2009 г., если, конечно, он будет продолжен. Судя по всему, новая стратегия Кремля означает не расширение свободы для общества и своих оппонентов, а вовлечение общества и оппонентов в осуществление планов власти. Иными словами, власть начала пытаться встроить инакомыслие в системные рамки. Кстати, ее усилия на первых порах оказались успешны. Так, возродившиеся надежды на либерализм Медведева в среде либеральной интеллигенции свидетельствуют о ее готовности вновь, как и в предшествующие годы, позволить власти использовать себя для легитимации традиционного государства.

Целью Кремля, однако, не является диалог с разрозненным и деморализованным либеральным меньшинством. У правящей элиты более серьезная задача. По существу, мы видим стремление «верхов» переформатировать распадающийся путинский консенсус предыдущих лет в новый консенсус, который бы поддерживался за счет двойного лидерства, внешне ориентированного на разные векторы — статус-кво и обновление, которое на деле оказывается лишь иным способом поддержания того же статус-кво. В этом контексте президент Медведев предстает в виде антитезиса Горбачеву. Мы наблюдаем довольно остроумное решение проблемы выживания, правда, требующее высочайшего мастерства исполнения. Однако даже в случае успеха стратегия «игры на двух фортепьяно» может означать для власти кратковременную передышку за счет замораживания проблем и откладывания их решения на будущее.

В этом контексте возникает вопрос: а могут ли жесты в стиле «оттепели» в какой-то момент все же привести к реальной демократизации помимо желания правящей команды? Очень сомнительно. Либеральная стилистика власти и даже возможная смена политического режима, т. е. способа осуществления власти и ее персонального воплощения, скорее всего, облегчат воспроизводство единовластия. Дозированные жесты по некоторому ослаблению авторитарного «корсета» (допуск оппонентов в Думу, расширение управляемого плюрализма и т. д.) не отменяют основных принципов персоналистской системы. Более того, контролируемая и вводимая сверху «оттепель» имеет все шансы привести к обратному — к дискредитации либеральной демократии, коль скоро в глазах общества она используется для поддержания все той же игры и тех же игроков на политическом поле. Короче, либерализация может иметь такой же эффект, который она имела в период ельцинского правления, вызвав отторжение демократических механизмов в массовом сознании. Правда, при чрезмерном использовании либеральной «виагры», которую система не сумеет переварить, может начаться замешательство, затем раскол внутри политического класса, привыкшего жить по четким установкам, а в конце концов и расстройство государственных механизмов.

Но этот разлад, скорее всего, завершится стагнацией и загниванием системы, а не системным реформированием. Что же необходимо для системной перестройки? Несколько условий: существование консолидированных антисистемных сил и их союз с прагматиками, ощущающими исчерпанность нынешней модели развития; формирование национального единства на основе идеи обновления страны; решительная перестройка системы на основе политической конкуренции и верховенства закона. Причем, как показывает пример Украины, простой демократизации недостаточно — необходимо ее правовое и законодательное закрепление. В противном случае возникает хаос и происходит дискредитация демократических механизмов.

Между тем относительное спокойствие в течение 2009 г. было обманчивым, и никто не знал, в каком направлении двинется завтра общество и как оно будет выражать свое недовольство по поводу внезапно оборвавшихся надежд. Было очевидно, что экономический кризис, в который продолжала погружаться Россия, рано или поздно перерастет в кризис социально-политический. И угроза социальных потрясений заставит политический класс искать новые формы самосохранения, в том числе и через перестановки внутри самой власти, смену ее эшелонов и, в конечном счете, смену лиц, которые его олицетворяли. Но в тот момент, когда я завершала эти записки, правящая команда все еще пыталась выжать все, что возможно, из существующего политического режима, прибегая к заученным и уже опробованным приемам. Лидеры говорили обществу: «Мы решим ваши проблемы. Не волнуйтесь и положитесь на нас!» Власть пыталась вовлечь в свою орбиту и кооптировать различные политические силы и дискредитировать любые альтернативы. Одновременно власть укрепляла репрессивные механизмы и использовала тактику устрашения в отношении представителей маргинальной оппозиции и локальных проявлений социального протеста, с тем чтобы предотвратить его расползание. Это было откладывание момента истины. Стабильность, которая удерживается на задабривании и устрашении, всегда ненадежна. Кроме того, сама система, которая не содержит ни механизмов предотвращения конфликтов, ни механизмов их разрешения, политизирует протест и выталкивает его на улицу.

Можно ли обновить Россию, оставив все, как есть

Таков был российский политический пейзаж осенью 2009 г. Во всяком случае, я его так воспринимала. Поговорим теперь о наиболее вероятных тенденциях российского развития на ближайшую перспективу, которые, скорее всего, будут актуальны и после публикации этой книги. При отсутствии реальной политической конкуренции и независимой судебной системы, которая бы могла гарантировать эту конкуренцию, нет оснований говорить о возможности радикальных перемен и в конкретной политике власти, и в способах ее самосохранения даже в случае смены политического режима и высших лиц наверху. Внешняя политика для российской элиты, несомненно, останется важнейшим фактором общественной и элитной консолидации. Логика самовоспроизводства правящей команды в любом ее составе (повторяю: если система не будет реформирована) заставит ее продолжать тактику одновременного сотрудничества с Западом и противостояния ему. Тем более что эта тактика оказалась столь успешной в отношениях с западными политическими кругами. Российские лидеры отнюдь не политические самоубийцы, и им вряд ли комфортно слишком долго находиться в состоянии политического холода. Тем более когда этот холод препятствует осуществлению интересов элиты, выживающей за счет привязки к Западу. Но и полностью отказаться от подозрительности в отношении западного общества элита тоже не может, ибо это означало бы смену самой парадигмы ее властвования.

Между тем экономический кризис, в который свалилась Россия, сужает поле для маневра российской политической системы, которая генетически враждебна западной цивилизации. Эта система может только усиливать свой рефлекс отталкивания от западного сообщества и отторжения его принципов. Ведь сближение с Западом объективно ведет к разгерметизации российского единовластия, что для него может оказаться губительным. Сотрудничая с западным сообществом и принимая правила игры западных институтов, российский режим вынужден открываться, отказываться от репрессивности, допускать соревновательность и плюрализм, вести себя в соответствии с законом. Все это запускает совершенно иной механизм политики, при котором не может быть гарантии монополии на власть и полного контроля над собственностью. Любой политический плюрализм

и соревновательность означают «конец истории» в российском развитии, т.е. конец эпохи персоналистской системы, выживавшей последние восемнадцать лет за счет имитаций, смены декораций и манипуляций.

Нельзя исключать, что наиболее консервативная часть правящей команды попытается сохранить систему и свои позиции в ней за счет обращения к антизападничеству и «железной руке». Это естественный вариант выживания единовластия в условиях кризиса и при слабой потребности самого общества в либеральной альтернативе. Правда, такой сценарий вряд ли будет поддержан компрадорской, ориентированной на компромиссы и диалог с миром частью политического класса. Но сможет ли она сплотиться для того, чтобы предотвратить новый, на сей раз более откровенный авторитаризм? Речь идет о возможном столкновении не идеологий и даже не политических ориентаций, а разных способов выживания одного и того же класса рантье, отдельные сегменты которого по-разному структурируют свои интересы и по-разному видят роль Запада в своем выживании. Победа компрадорской части российского класса рантье не обязательно приведет к смене персоналистской системы, а, скорее всего, лишь ограничится сменой политического режима и сохранением прежних системообразующих принципов. Напомню, что до сих пор при резких поворотах и даже при последнем обвале государства, казалось бы, антисистемные революции в России приводили к сохранению системных сил, которые затем отстраивали самодержавие, пусть и в новой оболочке, а в последний раз даже под либеральными знаменами.

Хотя признаю, что вариант открытого конфликта элит, позиционирующих себя по-разному относительно Запада, все же содержит в себе слабую надежду на антисистемный выход, т.е. надежду на реформу традиционного государства. Да и в целом, открытый конфликт со всеми отрицательными и драматическими обстоятельствами всегда заключает в себе шанс на новый вектор, на очищение политической жизни и выход новых политических сил. И, кстати, само существование правящего тандема может стать стимулом либо толчком к зарождению различий среди элиты даже вопреки желанию членов самого тандема. Однако повторю: для того, чтобы конфликт привел к появлению шанса на модернизацию, нужно еще немало благоприятных обстоятельств, в первую очередь существование в обществе влиятельной, конструктивной и ответственной оппозиции и общественного запроса на альтернативу.

При сохранении нынешних тенденций более вероятен другой, более вязкий сценарий развития — продолжение «качелей», т.е. сохранение режима, не готового к массовым репрессивным мерам, но и неспособного на самообновление через раскол элиты. Результатом этого «болота» станет постепенное и длительное загнивание системы, которая не может ни защитить себя, ни реорганизовать, пока дело не дойдет до распада ткани общества и не поставит под вопрос сохранение Российской Федерации в ее нынешнем географическом формате.

Пока что стремление российской власти выйти из кризиса через сохранение статус-кво подталкивает страну к одному из этих вариантов. Причем антикри-

зисные меры, если к ним добавить удачу, вполне могут помочь правящей команде удержать равновесие и даже создать впечатление успеха. Но дальше-то что, если сама система уничтожает возможность конкурентного и свободного развития, без которого не может существовать процветающее либо хотя бы относительно благополучное общество? Прав Егор Гайдар, говоривший: «Из кризиса можно выйти и без пересмотра политической системы... А вот создать предпосылки устойчивого экономического роста на следующие 20 лет — невозможно. Есть мировой опыт последних двух веков. Он показывает, что если есть надежно гарантированные права частной собственности, свободные рынки, легальная система, которой вы доверяете, — тогда вы динамично развиваетесь. А если этого нет, то неизбежно возникают проблемы»²⁴².

Российская элита, однако, думает о своем и продолжает двигаться в старом направлении. Это становится очевидным, когда наблюдаешь за тем, как по-разному реагируют на кризис Россия и остальной мир. Основные мировые игроки, включая Китай и Индию, стремятся использовать глобальный кризис как толчок к обновлению и прорыву к новой модели развития. В восприятии кризиса как шанса лидирует Америка. Здесь Барак Обама выдвинул захватывающую дух стратегию «переформатирования» американской нации за счет кардинальной реформы образования, укрепления здоровья нации, поиска альтернативных источников энергии, которые бы облегчали решение экологических проблем, и возвращения к принципам социальной справедливости. Если и другие общества последуют по этому же пути, мировая цивилизация начнет новый отсчет истории. Напротив, российская власть пытается сделать кризис обоснованием для цементирования того, что было, т.е. сохранения системы и механизмов, которые стали причиной превращения глобального кризиса во внутривнутриполитический кризис. Если движение мировых игроков и России в разных направлениях сохранится, то нынешнее экономическое, технологическое и цивилизационное отставание России от передовых мировых держав усилится многократно. Мировое сообщество умчится вперед, оставив Россию на глухом полуостанке мечтать об участии в «коллективном управлении» миром и своих сферах «привилегированных интересов» и безуспешно требовать к себе внимания и уважения.

Пока неясно, когда начнется и начнется ли вообще в обозримой перспективе консолидация в России общества и части политической элиты на основе представлений о необходимости системной реформы государства. Но в любом случае такая реформа потребует изменения внешнеполитической парадигмы. Одно невозможно без второго, и, скорее всего, второе будет следствием первого. Однако реформаторский консенсус возможен только тогда, когда исчерпанность нынешней модели российского развития будет очевидна и самой элите и когда эта элита осознает, что продолжение данной модели губительно для нее самой.

Значит ли все это, что Запад не может рассчитывать на сотрудничество с Россией, пока Россия себя не трансформировала? Почему же: их сотрудничество

242 Новая газета, 27 февраля 2009.

по тем или иным вопросам вполне возможно, так же как такое сотрудничество было возможно и с Советским Союзом. Но обеспечение конструктивности и предсказуемости сотрудничества и даже партнерства с Россией требует формирования совершенно иной его модели, которая была бы рассчитана на длительную перспективу и создавала бы внешние побудительные факторы для трансформации России. Без такой сверхзадачи отношения Запада и России будут продолжением нынешней парадигмы, которая облегчает выживание в России враждебной и Западу, и российскому обществу системы, научившейся легитимировать себя через диалог с Западом.

Чего хочет либеральная Россия?

Прочитав название этой главы, читатель пожмет плечами: «Как можно говорить о том, чего нет? И как то, чего нет, может еще чего-то хотеть?!» Не соглашусь — в России существует сообщество людей, которые придерживаются либерально-демократических взглядов, пусть пока еще аморфное и пассивное. Это сообщество уже определилось со своим отношением как к политической системе, так и к той форме капитализма, которые возникли в России. В этой среде есть понимание ущербности оформившейся в России организации общества и власти. Есть и понимание общего направления ее реформирования. Впрочем, даже немалая часть правящего класса осознает необходимость перемен, пусть пока только на экономическом поле.

Однако до сих пор в стране отсутствует внятная либерально-демократическая позиция по внешнеполитическому «пакету». Речь идет в первую очередь о понимании национально-государственных интересов России, ее роли на мировой сцене, отношений России с Западом и своими соседями. Одиночные голоса либеральных публицистов и аналитиков тонут в мощном хоре националистов, изоляционистов и империалистов, которые доминируют в экспертных и политических кругах. Даже люди, либерально настроенные в отношении внутренних проблем России, оказываются традиционалистами, когда речь заходит о НАТО, Косово, Балтийских государствах, Украине, Грузии и, конечно, Америке — этом главном аллергене для российского политического класса. Сам тот факт, что поддержка кремлевского взгляда на мир рассматривается властью как критерий патриотичности, оказывается действенным фактором, определяющим в российском обществе внешнеполитическую позицию. Ну кому хочется быть заподозренным в продажности, «шакальстве» и принадлежности к «пятой колонне»? В итоге получается, что немалая часть либерально-демократического спектра, поддерживая официальный внешнеполитический курс, становится элементом поддержки традиционного государства. Впрочем, российские либералы не имеют четкого представления ни о роли Запада в российской трансформации, ни об интересах Запада в отношении России. Между тем без ценностной концептуализации внешнеполитического «пакета» невозможно осмысление либерально-демократического век-

тора развития России, в котором нуждаются не только либералы, но и прагматики внутри правящего класса, уже заговорившие о цене, которую России приходится платить за ее внешнюю политику.

Пока Россия представляет собой политическое «болото», в котором очень трудно вычлениить реальные национальные интересы и структурировать их. Российская элита этого делать не собирается и продолжает предлагать собственные интересы в качестве общенациональных. Общество же не всегда осознает свои общенациональные интересы. Но даже если оно их интуитивно осознает, у него нет представителей, которые бы публично артикулировали эти интересы. Самому обществу сложно увязать свои конкретные интересы с внешней политикой, которая бы соответствовала этим интересам и была инструментом их осуществления на мировой сцене. Возникла ситуация, когда в сфере внешней политики, где Россию представляет традиционное государство, нашли прибежище самые архаичные и допотопные взгляды и настроения. К сожалению, даже в период демократизации 90-х гг. либерально и демократически настроенные представители российской власти так и не смогли либо не решились отказаться от имперскости и державности. Сегодня внешняя политика и ее пропагандистская интерпретация оказались самым эффективным инструментом поддержания персоналистской системы. Увы, в этом процессе поддержки системы участвуют и вполне уважаемые эксперты и политики, которые не видят взаимосвязи между внешней политикой и ее внутренними причинами и не задумываются о том, в какой роли они выступают.

Будущая российская трансформация невозможна без осмысления ценностного измерения российской внешней политики. Это осмысление будет нелегким процессом. Но его когда-то нужно начать. Разумеется, одной из первых задач становится определение ценностного подхода к отношениям России и Запада и роли этих отношений в трансформации российского общества. На данном этапе вряд ли есть основания для выдвигания либеральной внешнеполитической альтернативы, которая была бы структурирована как альтернатива официальной внешнеполитической стратегии российской власти. Во-первых, пока никому ее предлагать, а во-вторых, инструментальная, технологическая альтернатива невозможна, пока не произошло интеллектуальное осмысление внешней политики как фактора решения внутривнутриполитических проблем. Нам еще предстоит выйти из слепого следования государственно-бюрократическому патриотизму и преодолеть представление о единстве власти, государства и народа. Это представление является мощным барьером, блокирующим все попытки самостоятельного и критического взгляда на внешнюю политику.

Для формирования либерального взгляда на роль России в мире, я полагаю, необходимо начать размышлять по четырем проблемным блокам.

Во-первых, нужно разделить интересы элиты и интересы России и рассматривать внешнюю политику и ее конкретные решения с точки зрения того, насколько они обеспечивают условия для модернизации и трансформации России, а

не для сохранения статус-кво, т.е. продления жизни традиционной системы. Российские реалисты полагают, что если говорить об интересах, то можно проигнорировать ценности, стандарты и идеологию. Но «интересов вообще», абстрактных интересов не существует. Все интересы, которые проецируются на внешнюю политику, в конечном итоге отражают способ осуществления власти. Попытка вычленировать интересы без ценностей либо доказывать их «внеидеологический» характер является лукавым способом легитимизировать и продвигать интересы правящего слоя, не имеющие ничего общего с интересами общенациональными.

Если смотреть на российскую внешнюю политику с точки зрения ценностно-го измерения, а именно размышлять, в какой степени она облегчает развитие России как демократического, процветающего общества, то окажется, что российские внешнеполитические «успехи» только затрудняют либо даже делают невозможными и российскую модернизацию, и обеспечение безопасности России. Придется, видимо, пересматривать многие, если не все, «достижения» российской дипломатии последних лет и основные внешнеполитические аксиомы, которые определяют поведение России на мировой сцене. Либералам предстоит осмыслить с точки зрения потребностей модернизации России те проблемы, которые, в первую очередь благодаря российской власти, вызывают противоречия России с Западом: Косово, Ирак, расширение НАТО, американскую ПРО, отношения с государствами Балтии, а также с Грузией и Украиной и т.д. Либералам предстоит размышлять и о том, в какой степени диалог России и США по стратегическим наступательным вооружениям и военно-политический диалог в целом содействует российской трансформации, а в какой — облегчает выживание российской системы.

Если использовать ценностный подход, то окажется, что внешне успешная «трубная дипломатия» российской власти на деле оказывается весьма сомнительной. Неизбежно возникают вопросы: а есть ли чем заполнить «трубу»; насколько агрессивность «трубы» ведет к единению Европы против России; как и кем используются полученные от «трубы» дивиденды. Наконец, самое важное — способствует ли «политика трубы» реформированию России?

В рамках ценностного подхода последовательная борьба России с НАТО видится как осознанные попытки элиты, направленные на то, чтобы осложнить отношения с более передовой западной цивилизацией, которые ведут к формированию вокруг России «пояса» из недружелюбных по отношению к России государств. Российская элита получает возможность постоянно упражняться в отражении врага. Но способствует ли такая политика развитию российского общества и росту уважения и доверия к России в окружающем мире? Конечно, нет.

С либеральной позиции американская авантюра в Ираке останется авантюрой. Но ее влияние на миропорядок, несомненно, не так существенно, как это влияние до сих пор представляют Кремль и многочисленные российские эксперты. Придется заново осмыслить и весь список остальных угроз, которыми нас пугает российская власть (речь, в частности, идет о ПРО в Восточной Европе, разногласиях по поводу ДОВСЕ, расширении западного влияния на постсоветском

пространстве и т. д.), и решить, являются ли они таковыми для общества либо только для представителей власти (и то, возможно, не всех) и каковы реальные угрозы, с которыми столкнулась Россия.

России рано или поздно придется размышлять над тем, почему даже в момент своего недавнего, казалось бы, возвышения, о котором в упоении твердили российские пропагандисты, она вдруг очутилась в неприкаянном одиночестве. Видимо, неожиданно для самой власти, но в результате именно ее усилий Россия потеряла возможность претендовать на роль полюса притяжения даже для своих союзников, которые давно уже начали посматривать на сторону. Углубление в России кризисных тенденций только активизирует попытки соседних государств-клиентов найти новые, более притягательные либо более удобные полюса притяжения, не отказываясь при этом «дойти» Россию. А если у полюса убегает «орбита», то он перестает быть полюсом...

Во-вторых, миссия либералов, думаю, заключается в том, чтобы доказывать, что нельзя модернизировать Россию без адаптации к западным стандартам, что оказывается невозможным без включения России в евро-атлантическое пространство. Установка на превращение России в спойлера либо в «самостоятельный центр силы» выгодна элите, которая уже интегрировалась в Запад в личном качестве. Теперь она предпринимает невероятные усилия для того, чтобы доказать и российскому обществу, и Западу, что интеграция России в западное сообщество по разным причинам невозможна. Миссией либералов должна стать выработка аргументов в пользу вхождения России в западную цивилизацию. При этом придется доказывать, что предыдущие интеграционные инициативы были имитацией, которая только облегчила российской элите приспособление западных механизмов для осуществления своих потребностей. Конечно, можно тешить свое самолюбие и искать пути альянса России и Запада, в который Россия внесла бы свой «цивилизационный вклад». Но в таком случае нужно четко определить, что Россия может предложить Западу, кроме сырья, комплексов своей элиты и своих многочисленных проблем?

Пример России лишь подтверждает, что без включения посттоталитарной страны в том или ином качестве в западную цивилизацию и принятия ее правил игры постиндустриальная модернизация такой страны невозможна. Короче, инновации в российском обществе невозможны без его вестернизации. Прав Евгений Ясин, который не устает повторять: «В инновационное общество входят только те, кто создает европейские институты». А создание европейских институтов — это и принятие европейских ценностей. В свою очередь, вестернизация немыслима ни в условиях отчуждения, а тем более противостояния с западной цивилизацией, ни в ситуации, когда правящая элита пытается сохранить традиционалистское государство за счет внешнеполитического торга с Западом.

Придется доказывать и Западу, что современная и успешная, а потому и не представляющая угрозы Западу Россия невозможна в роли «кошки, которая ходит сама по себе». Западному сообществу пора задуматься о более эффективных пу-

тях интеграции России, и, возможно, эта задача станет его миссией в XXI веке.

Либералам придется разговаривать с российским обществом и объяснять ему, что вступить в западный клуб, не купив билета и не приняв его правила игры, нельзя. Не готовы покупать билет? Не нравится принимать чужие правила? Гордыня не позволяет? В таком случае, россияне должны понять, что станет для России альтернативой, и решить, насколько они готовы сделать ее своей судьбой.

Запад не готов к интеграции России? Да, не готов. Кто же захочет получить такую головную боль! Значит, нужно говорить и Западу о том, чем станет Россия, оставшись в «серой зоне», и что это будет означать для Запада. Первым шагом для России в ее движении к Западу может стать ее членство в НАТО, которое при всех его проблемах доказало, что может справиться с ролью начальной школы, прививающей правовые стандарты. Причем членство в НАТО поможет России решить проблему обеспечения своей безопасности в период, когда начинают накапливаться вызовы, справиться с которыми в одиночку Россия не способна.

Нужно рассматривать интеграцию в Запад российских соседей как мост к либеральной цивилизации, который должен облегчить движение в этом направлении и России. Кстати, отношение к интеграции в Запад Украины и Грузии может стать критерием принадлежности к либерально-демократическому флангу. Все те, кто доказывает, что вступление Украины в НАТО вызовет раскол этой страны и угрозу ее столкновения с Россией, играют на стороне традиционалистов. В интересах либеральной и реформаторской России движение Украины, Грузии, Молдовы, Беларуси и других новых независимых государств «в Европу». Их вхождение в западную цивилизацию создает более благоприятные внешние условия для модернизации России. Вот о чем нужно разговаривать с российским обществом, вот в чем его нужно убеждать.

Сегодня это неблагодарная задача — доказывать, что враги, на которых указывает власть, вовсе не враги и что враги российского общества — совсем в другом месте. Но эту неблагодарную работу кому-то придется начинать делать.

В-третьих, нужно объяснять российскому обществу, кому выгодна демонизация западных структур и в первую очередь НАТО. Для российского политического класса продвижение НАТО к границам России несет подрыв устоев, которые он пытается защищать. Сегодня НАТО в большей степени является «демократизатором», чем военным союзом. Российская власть это прекрасно понимает, и потому она стремится сделать все, чтобы остановить продвижение НАТО на восток. Зачем ей демократии по соседству!

В-четвертых, российские либералы не должны испытывать неловкость в критике Запада, особенно в тех случаях, когда Запад во имя своих текущих и эгоистических интересов готов проводить политику попустительства в отношении российского класса рантье, тем самым способствуя деградации России. Либералы должны видеть опасность упрощенческого отношения Запада к России. Я имею в виду как попытки западных лидеров «продвигать демократию» таким способом, который может осложнить жизнь демократам в России, так и их политику

«реализма», означающую отказ от цивилизационных критериев в отношениях с российской элитой и стремление осуществить свои корпоративные интересы за счет сделок с российскими традиционалистами.

Что российские либералы могут сказать Западу? Они могут прежде всего сказать: «Следуйте, господа, своим принципам, и это будет самая весомая поддержка демократических процессов в России. Если вы не можете повлиять на поведение российской элиты, которая стала частью западного сообщества, то хотя бы избегайте активной поддержки российской системы и постоянного отступления перед ней из страха ее возмездия».

Россия сама должна начать новую попытку реформировать себя. Но эта попытка будет успешной только в том случае, если западное сообщество подставит России плечо. Если Запад окажется к этому неготов — что же, это будет доказательством того, что западная цивилизация не только потеряла чувство миссии, которое ей когда-то было присуще, но и не готова адекватно оценивать глобальные вызовы. А именно таким вызовом является недореформированная Россия, дрейфующая в одиночестве в неизвестном направлении.

Summary

“Russia and the West” is one of the most popular subjects in Russian academic literature and political journals, but it is usually analyzed using the logic, tools and concepts of international relations and geopolitics. This approach leaves much unexplained, however. It does not provide an understanding of the dramatic deterioration of relations between Russia and the West in the last two-three years. It does not explain the internal reasons for Russia’s foreign policy behavior and why the Russian elite often seems to act against all common sense. Why, for example, did Russia pursue a course towards aggravating relations with Ukraine so persistently that Europe started looking for alternative energy sources? What problems did Russia solve by going into war with Georgia and recognizing the independence of South Ossetia and Abkhazia? Why portray NATO as an enemy if the people in the Kremlin themselves realize that NATO in no way threatens Russia’s security? Why does the Russian elite continue to view the West as an adversary and not even try to turn it into a contributing factor to Russia’s modernization? There are plenty more such questions. If we try to answer them by analyzing the internal political sources of Russia’s foreign policy, a lot becomes clearer. If we do not reveal the deep-rooted systemic reasons for the recent “cold peace” between Russia and the West, there is no guarantee that the warming of relations now underway will have any prospects for the future.

О Фонде Карнеги

Фонд Карнеги за Международный Мир является неправительственной, внепартийной, некоммерческой организацией со штаб-квартирой в Вашингтоне (США). Фонд был основан в 1910 г. известным предпринимателем и общественным деятелем Эндрю Карнеги для проведения независимых исследований в области международных отношений. Фонд не занимается предоставлением грантов (стипендий) или иных видов финансирования. Деятельность Фонда Карнеги заключается в выполнении намеченных его специалистами программ исследований, организации дискуссий, подготовке и выпуске тематических изданий, информировании широкой общественности по различным вопросам внешней политики и международных отношений.

Сотрудниками Фонда Карнеги за Международный Мир являются эксперты мирового уровня, которые используют свой богатый опыт в различных областях, накопленный ими за годы работы в государственных учреждениях, средствах массовой информации, университетах и научно-исследовательских институтах, международных организациях. Фонд не представляет точку зрения какого-либо правительства, не стоит на какой-либо идеологической или политической платформе, и его сотрудники имеют самые различные позиции и взгляды.

Решение создать Московский Центр Карнеги было принято весной 1992 г. с целью реализации широких перспектив сотрудничества, которые открылись перед научными и общественными кругами США, России и новых независимых государств после окончания периода «холодной войны». С 1994 г. в рамках программы по России и Евразии, реализуемой одновременно в Вашингтоне и Москве, Центр Карнеги осуществляет широкий спектр общественно-политических и социально-экономических исследований, организует открытые дискуссии, ведет издательскую деятельность.

Основу деятельности Московского Центра Карнеги составляют публикации и циклы семинаров по внутренней и внешней политике России, по проблемам нераспространения ядерных и обычных вооружений, российско-американских отношений, безопасности, гражданского общества, а также политических и экономических преобразований на постсоветском пространстве.

CARNEGIE ENDOWMENT FOR INTERNATIONAL PEACE

1779 Massachusetts Ave., NW, Washington, DC 20036, USA

Tel.: +1 (202) 483-7600; Fax: +1 (202) 483-1840

E-mail: info@carnegieendowment.org

<http://www.carnegieendowment.org>

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Россия, 125009, Москва, Тверская ул., 16/2

Тел.: +7 (495) 935-8904; Факс: +7 (495) 935-8906

E-mail: info@carnegie.ru

<http://www.carnegie.ru>

Лилия Шевцова

Одинокaя держава

Почему Россия не стала Западом *и* почему России трудно с Западом

Редактор Е.А. Савина
Технический редактор М.М. Ветрова
Выпускающий редактор И.В. Киселева

Подписано к печати
Формат 70x108/12
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 22,5
Тираж 4000 экз.

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, Москва, Профсоюзная ул., д. 82
Тел. 334-81-87 (дирекция)
Тел./факс: 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6
Заказ №